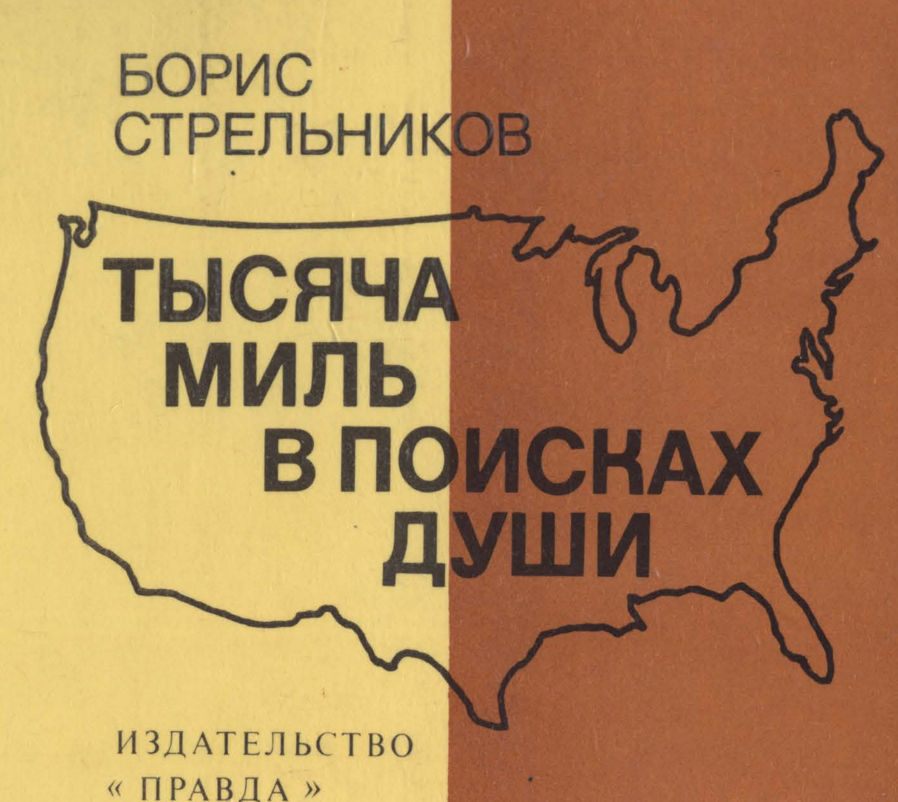
БОРИС
СТРЕЛЬНИКОВ



ТЫСЯЧА МИЛЬ В ПОИСКАХ ДУШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПРАВДА »

БОРИС СТРЕЛЬНИКОВ
ТЫСЯЧА МИЛЬ В ПОИСКАХ ДУШИ

MOSCOW
SPEED
LIMIT
35

БОРИС СТРЕЛЬНИКОВ

ТЫСЯЧА МИЛЬ В ПОИСКАХ ДУШИ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1979.

Ответственный редактор
Б. М. Орехов

Стрельников Б. Г.

С 83 Тысяча миль в поисках души. М.: Правда, 1979.— 400 с.

ИСБН

Книга очеркиста-международника Б. Г. Стрельникова «Тысяча миль в поисках души» — итог его многолетней работы в Соединенных Штатах Америки в качестве корреспондента «Правды». Он был свидетелем многих происходящих в этой стране сложных социальных процессов и трагических событий, потрясших Америку.

Б. Г. Стрельников наблюдал жизнь и быт простых людей — рабочих, фермеров, студентов. Вместе с автором читатель как бы совершает путешествие по многим городам США, знакомится с людьми этой страны.

С $\frac{11101-236}{080(02)-79}$ 79 0804000000

КОМАНДИРОВКА, ДЛИВШАЯСЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Весной 1975 года собственный корреспондент «Правды» в Соединенных Штатах Америки Борис Стрельников пересек Атлантический океан, возвращаясь на Родину из командировки, которая длилась в общей сложности пятнадцать лет.

Сейчас, дорогие читатели, вам предстоит новая встреча с Борисом Стрельниковым. Встреча долгая, интересная, волнующая: мы с вами только что взяли в руки его книгу, которая называется «Тысяча миль в поисках души». Эта книга — результат его корреспондентской работы в США. И можно смело сказать, что писалась она тоже пятнадцать лет: с того дня, когда, только что прилетев в Нью-Йорк, молодой журналист сел за свой первый репортаж из Америки.

Книга Стрельникова, хронологически вобравшая в себя значительный отрезок жизни американского общества, строго документальна, и в этом ее сила. В ней приводятся подлинные факты и оставлены настоящие фамилии действующих лиц. Иначе нельзя представить время, в которое писались эти очерки. В ней немало и цифр: без них, оказывается, не может обойтись не только статистик, но и публицист. Но пусть читатель не удивляется, узнав из книги, что бензин в Америке стоит не так уж дорого, а рабочий-строитель получает не так уж мало. Жизнь быстротечна, за нею не могут угнаться даже вращающиеся со

страшной скоростью ротационные машины. Вот и сейчас, пока готовилась и печаталась эта книга, опять поднялись цены на бензин, на продовольствие, на жилье, увеличился военный бюджет, а заработки многих трудящихся упали до критической черты.

Когда читаешь книгу Бориса Стрельникова, перед глазами встает вся огромная страна, от океана до океана. Как умный, добрый и проницательный собеседник, автор приглашает читателей проехать вместе с ним по всем американским штатам — от знойного Техаса и до покрытой арктическими льдами Аляски, от Нью-Йорка на востоке до Лос-Анджелеса на крайнем западе. Вместе с ним мы посещаем десятки американских городов, заглядываем в индейские резервации и в негритянский Гарлем, беседуем с миллионерами — владельцами шахт, заводов, яхт и разговариваем с безработным на Бауэри, у которого в кармане вот уже давно нет ни цента. Автор вводит нас в круг революционно настроенных рабочих, радикальных интеллигентов, поэтов, писателей, инженеров...

У Бориса Стрельникова острый взгляд, большой внутренний такт советского человека и широкое сердце, открытое для понимания людей, живущих в ином обществе, в ином мире. Как бы поворачивая колесо времени назад, он ведет нас по ступенькам истории великого народа. На страницах книги мы встречаемся с замечательными синами Америки: Авраамом Линкольном, Марком Твеном, Фенимором Купером, с борцами за равноправие негров, с героями минувшей мировой войны — нашими боевыми союзниками...

Я получил от редакции задание: сказать несколько слов об авторе этой книги. Поначалу задание показалось мне не особенно сложным. Но вот я положил перед собою стопку чистой бумаги и надолго задумался: с чего же начинать? Интересно, подумал я, насколько журналист должен быть знаком со своим героем, прежде чем обретет моральное право сказать самому себе: «Материал собран, теперь могу писать!»

Помню, давным-давно, еще в «Комсомольской правде», молодой способный очеркист подготовил серию писем о девяти ребятах из передовой комсомольско-молодежной бригады. На летучке очеркиста хвалили. Дежурный критик сказал: «Он очень тщательно собирал материал. Поставил в комнате рабочего общежития десятую койку, с ребятами спал, утром уходил с ними в цех, вечером шел на танцы, в кино. И так всю неделю».

Семь дней, проведенных с героями,— тогда этот срок казался нам достаточно большим.

Я прожил со Стрельниковым в общежитии четыре года — наши кровати стояли голова к голове. Занимался в одной учебной студенческой группе. Потом мы вместе ездили на работу в «Комсомолку» — наши кабинеты располагались дверь в дверь. Спустя много лет вдвоем в автомобиле мы пересекли Соединенные Штаты из конца в конец, от Атлантического океана до Тихого и обратно. Уже возвратясь из Америки и взяв отпуск, мы побывали на моей родине, в Бухаре, а потом в далекой сибирской деревне Малая Ничка отыскали большой рубленый дом, где родились его отец и дед, где прошло детство Бориса...

Несведущему это может показаться парадоксом, но чем больше знаешь человека, тем труднее о нем писать. Легче всего написать, пожалуй, о герое, к которому приехал на день-два. Посмотришь его на рабочем месте, а если удастся, то и дома, в кругу семьи, узнаешь несколько интересных случаев из жизни. Ну, а потом мостиком фантазии соединишь их в один сложившийся сюжет, упомянешь о производственных показателях, опишешь, как выглядит собеседник внешне. А если знаешь человека долгие годы? Какой портрет рисовать? Восемнадцатилетнего парнишки, вчерашнего десятиклассника, в шлемофоне танкиста? Или слушателя Центральной комсомольской школы, сидевшего на лекции в синем спортивном костюме, который составлял весь его гардероб? Или представительного, уже начавшего седеть мужчину, который берет в здании ООН интервью у глав государств, прибывших на сессию Генеральной Ассамблеи?..

С чего же все-таки начать? Я думаю, лучше всего с того дня, когда начался его путь в Америку. Хорошо помню тот августовский вечер, когда я встретил Стрельникова в редакционном коридоре «Комсомолки», растерянного, ошарашенного.

— Вот иду из «Правды». Был у заместителя главного редактора Юрия Жукова,— сообщил он мне под большим секретом.— Предлагают ехать на постоянную работу в Нью-Йорк...

— И ты, конечно, согласился?

— Нет, пока окончательного ответа не дал. Надо хорошенько подумать.

Подумать было над чем и Борису Стрельникову и редакции «Правды». К тому времени Борис проработал в «Комсомолке»

семь лет. Сначала заместителем заведующего иностранным отделом, потом — ответственным секретарем редакции. Затем он снова вернулся в свой отдел, на этот раз в должности члена редколлегии. И хотя он не имел специального образования, успел показать себя способным международником. Писал очень острые международные заметки, весьма интересно освещал фестивали молодежи и студентов в Берлине и Бухаресте, ездил в составе комсомольской делегации в Париж, прошел партизанскими тропами по джунглям борющегося Вьетнама и выпустил отдельной книжкой свой путевой дневник.

Достаточно ли этого для начала самостоятельной работы в качестве полномочного представителя «Правды»? Конечно, было немалым риском доверить молодому журналисту один из самых важных форпостов за границей — нью-йоркский корпункт. Но Юрий Жуков и тогдашние руководители американского отдела Даниил Краминов и Евгений Литошко журналистским чутьем угадали, что из Стрельникова должен получиться хороший журналист-международник. Ну, конечно, не сразу.

— Многого с тебя спрашивать пока не будем,— сказали ему в «Правде».— Учи язык, присматривайся, записывай, запоминай...

Через три месяца мы провожали Стрельникова в Нью-Йорк. Он улетал задумчивым, озабоченным:

— Не знаю, смогу ли оправдать доверие «Правды»? Как там пойдет дело? Получится ли?..

Первый год, надо сказать, получалось не очень. В газете шли лишь заметки да короткие отчеты о работе ООН.

И только где-то на втором или даже на третьем году корреспондентской работы Бориса Стрельникова в «Правде» стали появляться такие очерки, как «Ищите меня в Миссисипи», «Карандашный набросок Нью-Йорка», «Бродвейские вечера». Они сразу обратили на себя внимание живостью изложения, тонкими наблюдениями, суровой правдой жизни.

Конечно, можно было, как это делали его предшественники, посылать в Москву солидные корреспонденции, густо пересыпанные фактами и цифрами, взятыми из официальных отчетов, из вынужденных признаний буржуазных газет: цифры убеждают и впечатляют. Но ведь о том же бедственном положении негров в Гарлеме можно рассказать и по-другому. Наверное, даже лучше пойти не в библиотеку советского представительства, а к станции метро и доехать до 125-й улицы. А затем написать о том, что увидел своими глазами:

«Прямо на тротуаре прислоненные к стене дома четыре больших детских портрета в траурных рамках. Это девочки, убитые в Бирмингеме. Слепой негр в выцветшей форме американского солдата играет на скрипке что-то печальное. На груди слепого два ряда орденских планок. Старая негритянка, закрыв лицо руками, стоит на коленях перед портретами. Она раскачивается из стороны в сторону, и ее плечи содрогаются от рыданий.

...Кто-то трогает меня за плечо. Обернувшись, я вижу трех белых полицейских.

— Что-нибудь потерял здесь, приятель? — насмешливо спрашивает один из них.— Ах, просто гуляешь? Ничего себе, выбрал место для прогулки! Когда стемнеет, я не дам ломаного гроша за твою жизнь...»

Адреса очерков показывали, что Стрельников много ездит: Техас и Северная Дакота, Аляска и Новый Орлеан, Голливуд и Сиэтл, Скалистые горы и знакомые еще по школьным учебникам Великие озера... В его очерках слышался скрежет зуборезных станков на прокопченных заводах Чикаго и тоскливые песни негров-издольщиков Юга, свист ковбойского лассо и протяжные гудки пароходов, плывущих по Миссисипи. Стрельников работал всегда и везде. Он находил своих собеседников в офисах крупнейших монополистических концернов и на бирже безработных, у большого конвейера автомобильного Детройта, в индейской резервации, в вагоне «сабвея», у бензоколонки... И с каждым днем ему все больше открывалась Америка, великая страна, где совсем рядом соседствуют труд и капитал, богатство и нищета, величие и позор...

Нет, Стрельников не смеялся, не иронизировал над неизлечимыми социальными язвами американского общества. Ведь бедствия, которые они порождают, обходят владельцев банков, особняков и яхт, они стучатся в жилища бедняков. Советский корреспондент глубоко сочувствует горю старого шахтера, с которым случай свел его в ночном поезде. Он понимает его, хотя, конечно, и не оправдывает. Он разделяет горе солдата-негра Джонсона, жизнь которому сломала вьетнамская война.

Ясно, что корреспондент «Правды», коммунист, не мог быть просто сторонним наблюдателем, холодным хроникером, бесстрастным фиксатором событий. Стрельников и не думал скрывать своих симпатий. Он на стороне тех, кто борется за человеческие права, кто требует вернуть домой американских солдат, топчущих чужую землю, кто никак не хочет смириться

с тем, что родина Авраама Линкольна выступает в позорной роли мирового жандарма...

Материалы книги гневно обличают тех, кто противостоял этим честным, мужественным людям. Стрельников пробирался в самое логово бёрчистов, на сборище ку-клукс-клана, когда на холме горел крест и фигуры в белых капюшонах с прорезями для глаз вопили проклятия коммунистам, неграм, католикам. Это было опасно. Уж если мракобесы стреляют в своих президентов, то что им стоило ухлопать какого-то иностранного журналиста, к тому же еще и большевика!

Но дело есть дело, а долг есть долг.

Советский человек за границей... Не в милой русскому сердцу Болгарии, а в крупнейшей стране капиталистического мира, цитадели империализма. И здесь надо жить, работать, передавать ежедневно материалы в Москву с другого конца земли...

— Ну, как вы там, в Америке? — каждый раз спрашивали Стрельникова друзья, когда он приезжал в отпуск. Он даже написал книгу, пытаясь ответить на все вопросы, которую так и назвал: «Как вы там, в Америке?» Но вопросы не прекращались.

Я тоже спрашивал, хотя читал все его газетные публикации и книги. Спрашивал, пока не побывал в Америке и не увидел все своими глазами.

В Вашингтон я прилетел прямым рейсом из Москвы. Борис встретил меня в аэропорту и привез к большому дому в зеленом пригороде американской столицы, где он жил со своей семьей.

В кабинете над письменным столом я заметил плакатик, приколотый булавкой к стене: «Джентльмены! Очень прошу Вас не бросать окурки и спички на пол, не мять глаженое белье в шкафу и по возможности не рыться в игрушках детей. Лед, виски и содовая вода, как всегда, к Вашим услугам в холодильнике».

— Странно, однако, ты встречаешь гостей, — сконфузился я. — Почему ты считаешь, что я полезу к тебе в шкаф?

Стрельников засмеялся:

— К тебе это не относится. Тут в наше отсутствие приходят ребята из ФБР. Вот я и написал им, чтоб не слишком безобразничали.

Тем временем я с интересом разглядывал кабинет. Два книжных шкафа, набитых в основном справочной литературой. Вдоль стены на стеллажах пухлые папки досье, которые помогала ему вести жена Юлия Валентиновна. На тумбочке вполголоса верещал портативный телевизор.

— Он всегда у меня включен,— сказал Борис.— Важные новости могут передать в любое время суток.

Под столом я увидел пишущую машинку в футляре, которой, как потом убедился, он пользуется крайне редко: за годы походной жизни привык писать от руки, а в корпункте перепечатывать материал не хватает времени, так и приходится передавать с листа. Зато Стрельников никогда не расставался в поездке с карманным магнитофоном, записывал слова собеседников, любил на сон грядущий наговорить впечатления прожитого дня. На шее у него постоянно болтался фотоаппарат.

Стрельников отлично водит машину. Мы проехали с ним по Америке шестнадцать тысяч километров без всяких дорожных неприятностей. Я, конечно, заметил, что он отличается завидной работоспособностью. Весь день просидеть за рулем, потом с ходу писать очередной путевой репортаж и тут же охрипшим от усталости голосом, пугающим соседей по мотелю, передавать его в Москву — это ведь не каждый сможет. Впрочем, мне показалось, что в поездке Стрельников даже отдыхал, в Вашингтоне ему доставалось больше: нужно прочесть ворох газет, принять людей, ответить на письма, посетить пресс-конференции, выполнить всякие редакционные поручения. И так каждый день.

Однако и ночью не бывало покоя. Когда Стрельников работал, Москва спала. А когда Стрельников ложился спать, Москва принималась работать. Звонили из учреждений и издательств, из редакций журналов и газет. Просили написать очерк, проконсультировать рукопись, разыскать какую-то книгу, дать справку, проверить спорный факт, с кем-то встретиться, кого-то встретить, заказать гостиницу...

— Вы уж нас извините за этот звонок. Мы как-то не подумали, что в Вашингтоне ночь. У нас самый разгар работы...

В эту книгу Борис Стрельников включил очерки «От Великих озер до Миссисипи», «Посвящается Марку Твену» и «Индейцы», которые родились после того, как мы вдвоем проехали по маршруту авторов «Одноэтажной Америки» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Мы долго готовились к этому путешествию. Как я говорил, нас связывает давняя дружба: мы вместе учи-

лись, вместе пришли в «Комсомолку», теперь работаем в «Правде». Но за все эти годы нам не приходилось писать вместе. Мы работаем совсем в разных жанрах: один из нас очеркист-международник, другой — фельетонист. Получится ли прок от такого творческого союза, как будет выглядеть наша объединенная строка?

Предвидели мы и еще одну трудность. Обычно, когда писатели пишут вместе, они и выступают как одно лицо: вместе радуются, удивляются, негодуют, у них единое восприятие факта и явления, стоящего за ним. Мы понимали, что единого восприятия материала у нас не может быть. Вопросы, которые будут возникать у первого, покажутся наивными второму. Зато впервые вступивший на американскую землю будет воспринимать отдельные факты острее, чем старожил, которому они уже примелькались.

Что же тут делать? Как писать: «мы» или «я и он»? В конце концов было решено писать о вещах так, как они будут восприниматься каждым из соавторов, а для удобства повествования новичка именовать Москвичом, а старожила — Вашингтонцем. Вот почему в этих очерках фигурируют два действующих лица — Вашингтонец и Москвич.

...Свое автомобильное путешествие мы заканчивали в Нью-Йорке. Позади остались пляжи Лос-Анджелеса, знойные пустыни Аризоны, кукурузные поля Среднего Запада, хвойные леса Южной Каролины, нефтяные вышки Техаса. Позади остались сотни встреч с самыми разными людьми. А здесь, в Нью-Йорке, делать было уже нечего. Тут наши дороги расходились: Борис возвращался в Вашингтон, а я должен был улетать в Москву. Оставалось написать письма друзьям, купить сувениры и упаковать чемодан.

На все это ушло не так уж много времени. После ужина в отеле Борис предложил проехать на Западную сторону.

— Хочется побывать в знакомых местах,— сказал он раздумчиво.

Где-то на семидесятых улицах у старого двенадцатиэтажного дома Борис остановил машину.

— Вот тут мы и прожили много лет. Давай поставим машину в гараж, а сами немного погуляем.

У автомобиля возник служитель-негр, открыл дверцу и вдруг, узнав Бориса, принялся дружески хлопать его по спине:

— О, Бòрис! Где же ты пропадал? Мы тут, признаться, думали, что тебя упрятали в тюрьму. Ведь ты же из красных, не так ли?

— Нет, со мной ничего не случилось. Вот уже семь лет, как я работаю в Вашингтоне. Мы с тобой еще потолкуем, Джордж. Ты еще не сменишься, когда мы придем за машиной?

Постояли. Повздыхали. Закурили...

— Ну, а как остальные жильцы? — поинтересовался Борис.

— Все на месте. И парикмахер Майкл, что вас брил, и механик Пэт, который чинит холодильники. Живут, стареют. У каждого свои дела. А вон еще ваш старый знакомый.— Джордж показал на перекресток, где выкатил свою тележку продавец сладостей.

— Добрый вечер, мистер Калитовский! — приветствовал торговца Стрельников, подходя к тележке.

Продавец прищурил свои подслеповатые глаза:

— А, мистер...

— Стрельников,— подсказал Борис.

— Да, да, Стрельников,— обрадовался продавец сладостей.— Но, знаете, так вас и забыть можно. Ваши детки что-то давно не прибегают ко мне за шоколадом.

— Мы давно переехали в Вашингтон. И дети уже выросли...

— Жаль, что дети растут,— не то в шутку, не то всерьез сказал Калитовский.— С них я имел хороший доход.

— Ну, угостите нас своими конфетками,— сказал Борис, протягивая мелочь.

Я шел рядом и думал, что этот район среднего Манхэттена, для меня кусок чужого и незнакомого города, стал для него чем-то своим, привычным и близким. Что и грустные старички на скамейках, и толстый полицейский, разгоняющий у светофора неповоротливое автомобильное стадо, и негр Джордж, и торговец сладостями со славянской фамилией Калитовский — это живые люди, среди которых он жил и с которыми по-человечески подружился, а не просто персонажи его очерков. Я еще думал о том, что Стрельников так хорошо может писать о них, потому что он сам жил их тревогами и заботами. Ведь если под окнами старого серого дома в Нью-Йорке стреляют гангстеры, если молоко в «супермаркете» стоит сегодня уже дороже, чем вчера, если в Сентрал-парке подростки, одурманенные марихуаной, задушили школьницу, шедшую с уроков, то это тревожит не только механика Пэта, парикмахера Майкла и

продавца сладостей Калитовского. Это самым прямым образом касается и семьи советского гражданина Стрельникова.

Более пятнадцати лет прожил в Америке Борис Стрельников, около половины своей сознательной жизни. Нет, эта страна не была для него просто очередным местом прохождения службы. Он приехал сюда молодым, начинающим журналистом, а здесь, в Америке, стал одним из крупнейших советских очеркистов-международников. Его перо партийного журналиста служит делу Коммунистической партии, последовательно и неуклонно претворяющей в жизнь нашу миролюбивую ленинскую внешнюю политику. Б. Стрельников — член Союза писателей СССР. Его работа отмечена орденом Ленина и премией имени Воровского.

Очерки Бориса Стрельникова проникнуты глубокими симпатиями и уважением к американскому народу, к его истории, культуре, традициям, к его трудовому и научному гению, взметнувшему ввысь небоскребы, создавшему могучую индустрию, давшему миру выдающихся ученых, инженеров, поэтов... Это всегда чувствовали советские люди, это видели сами американцы. Не случайно американские газеты перепечатывали такие корреспонденции Бориса Стрельникова, как «На мосту через Эльбу», «У них советские ордена», «На родине Линкольна», «Вдали от небоскребов» и др. Перепечатывали, потому что они были написаны человеком объективным, честным, хорошо разбирающимся в сложных проблемах американской жизни, человеком, владеющим большим журналистским мастерством.

Стрельников всегда хотел понять самые сокровенные помыслы, чаяния, надежды американцев, узнать, что они думают о войне и мире, какими хотят видеть советско-американские отношения.

«Похоже, что «холодная война» сдается в архив»,— сказал ему рабочий-строитель из Чикаго Джон Першинг.

«Народ хочет добрых отношений с Россией,— заявил ему старый безработный, с которым он разговаривал у моста Голден Гейт в Сан-Франциско.— А желание народа нельзя игнорировать вечно».

Борис Стрельников постоянно искал и находил материалы, факты, документы прошлого и настоящего, которые сближали наши народы, подчеркивали общность интересов и стремлений, вели к взаимопониманию и дружбе. Он был первым советским корреспондентом, рассказавшим о подвиге четырех советских солдат Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Ивана Федотова и Анатолия Крючковского, которые в течение 49 дней

боролись с штормовым океаном и победили. Их мужеством, их верной солдатской дружбой восторгалась Америка.

В марте семьдесят четвертого года Стрельников полетел в Лос-Анджелес специально для того, чтобы увидеться с известным нейрохирургом Уильямом Робертсоном. Видный врач принял журналиста дома. Он предполагал, что корреспондент заинтересовался его научной работой, теми сложными операциями, которые он проводил в клинике. Но Стрельников сказал нейрохирургу:

— Я хочу рассказать читателям нашей газеты об офицере разведки из 1-го батальона 273-го полка 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии.

— Как вы меня нашли? — изумился Робертсон.— Кто вам обо мне рассказал? Неужели лейтенант Сильвашко? Он жив? Вы видели его? Или майор Ларионов? Капитан Петров? Сержант Андреев?

Хозяин провел гостя в свой кабинет, снял со стены рамку. Под стеклом удостоверение:

«Младший лейтенант Уильям Д. Робертсон приказом по войскам 1-го Украинского фронта № 060 от 13 мая 1945 года награждается орденом Александра Невского. Орден № 27357. Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. Конев».

А за что офицер Соединенных Штатов получил советский орден, Борис уже знал. Группа разведчиков младшего лейтенанта Робертсона на Эльбе первой вышла к расположению наших войск. Это был исторический момент, венчавший долгую, самую страшную в истории человечества войну: союзники соединились!

Вечер был отдан воспоминаниям, Робертсон рассказывал, как он пошел в разведку, как встретил бегущих эсэсовцев, спасавшихся от наступающих русских, и как он, размахивая самодельным американским флагом, поднялся на башню городского замка...

Свой очерк «На мосту через Эльбу» Стрельников закончил словами Уильяма Робертсона:

— Спроси меня сейчас всевышний: «Уильям, какой день из своей жизни ты хотел бы пережить снова?» — я бы ответил: «Тот, когда я обнял русского солдата на мосту через Эльбу».

Очерк был напечатан, но это было началом, а не концом большой работы. Целый год продолжался нелегкий журналистский поиск. Стрельников разыскивал адреса, делал запросы, обращался в официальные учреждения и к частным лицам. Но

зато к тридцатилетию Победы был написан еще один очерк: «У них советские ордена». В нем он рассказал о других участниках встречи на Эльбе, которых нашел и с которыми повидался...

В трудное и сложное время начинал Борис Стрельников работу в Соединенных Штатах. Это были годы, когда небезызвестный Джон Фостер Даллес и другие подобные ему лихорадочно раздували «холодную войну».

Прошли годы, и Борис Стрельников из американского Центра управления космическими полетами в Хьюстоне написал об историческом рукопожатии в космосе Алексея Леонова и Томаса Стаффорда...

Да, времена теперь наступили иные. Народы видят и на себе ощущают благодатные плоды титанических усилий Центрального Комитета КПСС и его Политбюро, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, направленных на обеспечение всеобщего мира и международной безопасности.

Илья ШАТУНОВСКИЙ

ИЩИТЕ МЕНЯ В МИССИСИПИ

ЮЛЯ, ВАСЯ И ПРЕЗИДЕНТ

Раннее утро. Чуть слышно скрипит дверь. Я открываю глаза. Комната залита солнцем. На пороге стоят мои дети. Они чем-то взволнованы. За их спиной бушует телевизор.

— Папа, ты не спишь? — спрашивает Юля.— Кажется, они опять убили президента.

Юля опять что-то напутала. Так часто президентов не убивают. Даже в Америке.

Удивительное явление, эта маленькая Юлька. Она идет по Бродвею со значком Ленина на груди и напевает марш армии северян: «When Iohnny comes marching home» [1].

— Shut up, you, little monster! [2]— говорит она Васе, поющему «Those lazy, hazy, crazy days of summer» [3].

Это не очень вежливо и тем более по отношению к младшему брату, но что взять с девочки, которая родилась в Америке? Ее нянькой, увы, был телевизор. Лучшей колыбельной она считала песню: «Whatever will be, will be» [4].

---

[1] «Джонни возвращается домой».
[2] Заткнись ты, маленькое чудовище!
[3] «Ленивые, жаркие, сумасшедшие дни лета».
[4] «Что будет, то будет».

В иммиграционном бюро США я получил бумаги, разрешающие еще год жить в Америке мне и моей жене.

— А Юле и Васе? — насторожился я.

— Юля и Вася родились в Америке, и им не требуется разрешения,— любезно объяснил мне чиновник.— Ваши дети являются американскими гражданами, равным образом как и советскими. Они сохранят двойное гражданство до 18 лет, когда им предстоит сделать выбор. Советую вам быть поласковее с ними к тому времени!

Мы долго беседовали с чиновником на эту тему. Выяснилось, что один из моих детей, скорее всего Вася, является потенциальным кандидатом в Белый дом, ибо закон гласит, что любой американский гражданин, родившийся на территории Соединенных Штатов, может быть избран президентом.

Эта фантастическая перспектива очень забавляет наших американских друзей. А друзей у нас много. Особенно у Юли с Васей. Когда наши дети станут взрослыми, им будут иногда сниться странные сны, какие-то туманные видения, удивительные, непонятные и волнующие. Когда-нибудь во сне к ним придет добрый, чуть-чуть пьяный старик с эмалевым кленовым листочком на зеленой фуражке. Им улыбнется молодой аптекарь в сером фартуке. Лысый продавец протянет им леденец. Какая-то веселая женщина будет качать их на качелях. Чьи-то сильные, руки, пахнущие столярным клеем и свежими стружками, подбросят их к кронам деревьев. К ним придут в гости их сверстники. «Джулия! Уася! Как живьоте?» — услышат они во сне чей-то такой знакомый и уже незнакомый голос.

Мне грустно оттого, что они забудут этих людей. Сколько печали в том, что многие из тех, кого мы любили в раннем детстве, приходят к нам лишь по ночам, как зыбкие тени, неуловимые, непостоянные...

Юля и Вася родились в одном из лучших частных госпиталей Нью-Йорка. По 900 долларов за каждого заплатило Советское государство хозяевам этого госпиталя. Нашим малышам повезло: знаменитая забастовка санитарок и чернорабочих, требовавших повышения зарплаты, долгая и упорная забастовка, сопровождавшаяся кровавыми схватками с полицией, произошла в период между рождением Юли и Васи.

Есть в Нью-Йорке госпитали похуже, погрязнее, и плата за появление на свет там пониже. Есть совсем плохие госпитали, и рождение там совсем дешевое. Можно и совсем не платить. Нужно лишь дождаться самой последней минуты, выйти на улицу и закричать: помогите! Кто-нибудь из прохожих вызовет полицейскую машину, и какой-нибудь сержант, добродушный насмешник и шутник с ирландским акцентом, наскоро протерев спиртом свои волосатые руки, примет ребенка не хуже повивальной бабки. Их специально учат этому ремеслу. Они многое должны уметь, нью-йоркские полицейские: надеть кислородную маску на сердечника, сделать укол эпилептику, вытащить палец ребенка из водопроводного крана, снять котенка с крыши небоскреба, выбить нож из рук бандита и так ловко стукнуть своей дубинкой демонстранта, чтобы свалить его с ног, но не оставить следа удара. 25 тысяч нью-йоркских полицейских поистине на знают покоя ни днем, ни ночью.

Однажды, когда я подходил к подъезду нашего дома, около меня остановилась полицейская машина. Был один из тех длинных летних вечеров, когда знаменитая нью-йоркская влажность достигла цифры «98», ртутные столбики термометров замерли у отметки «99» по Фаренгейту [1], а нервное напряжение людей, если измерять его по стобалльной системе, было возле «100». Жаркий бензиновый чад стелился по улицам. Асфальт под ногами был мягок, как пластилин. Именно такими вечерами в воспаленных мозгах ошалевших от духоты шизофреников рождается мысль забраться на крышу и обстрелять прохожих из винтовки с оптическим прицелом. Случается это не так уж редко.

По щекам полицейского, поманившего меня пальцем к своей машине, струился пот и капал ему на колени.

— Послушайте,— прохрипел полицейский,— ваша жена с детьми остается в парке до темноты. Запретите ей это.

Я знал, что полицейский прав, но мое нервное напряжение тоже подходило к отметке «100», и я ответил ему с вызовом:

— Но парк же освещен. И кроме того, там должны быть полицейские.

---

[1] 38 градусов тепла по Цельсию.

Он посмотрел на меня с сожалением. Нет, сожаление — это не то слово. Он посмотрел на меня с состраданием. Он молча прикоснулся ладонью к своему лбу — то ли хотел вытереть пот, то ли козырнуть мне, то ли показать, что с головой у меня что-то не то,— и развернул машину. Я еще раз увидел его глаза. В них мерцала мрачная решимость. «Сейчас я врежу эту опротивевшую мне машину в стену дома, выберусь из-под обломков, смачно плюну и поплетусь в ближайший бар»,— прочитал я в этих глазах.

Парк, о котором шла речь, протянулся тремя ступенями по берегу Гудзона, почти под окнами нашей квартиры. Это один из очаровательных уголков Нью-Йорка, полный относительно чистого воздуха, скрипа качелей, детского смеха, детских колясок, ленивых нянь и сплетничающих мам, старух, читающих «Ньюсуик», девчонок и прыщавых мальчишек, познающих здесь основы отношений между полами, сексуальных маньяков, следящих за женщинами из-за кустов, наркоманов, делающих себе уколы в общественной уборной...

Один укол или несколько затяжек сигареты с наркотиком — и человек переселяется в другой мир. Где-то там, за границей этого мира, остается опостылевшая жизнь с ее тревогами, надоевшей работой, семейными неурядицами, долгами, налогами и невыученными уроками. Здесь полоса отчуждения, область забвения.

Возвращение к действительности ужасно. Перегрузки немыслимые. В судорогах, в крови, в слезах и рвоте лихорадочно пульсирует единственная мысль: где достать денег для нового укола? А там еще для одного, еще и еще... Нужно от 10 до 100 долларов в день, чтобы удовлетворить ненасытную страсть организма.

Где достать денег?.. Женщина с разбитым лицом, у которой вырвали из рук сумочку с тремя долларами; избитый школьник, у которого отняли деньги на завтрак; старик с вывернутыми карманами, лежащий в луже крови; задушенный детский врач, в аптечке которого искали наркотики; взломанный багажник автомобиля; открытая отмычкой дверь в квартиру — ежедневная полицейская хроника, связанная с наркоманами в возрасте от 12 до 70 лет, которых в Нью-Йорке десятки тысяч.

Однажды я видел, как полицейские вытаскивали визжащих, кусающихся девчонок из уборной, что расположена в нашем парке между баскетбольной площадкой и уголком для малышей.

Это была очередная облава на наркоманов и торговцев наркотиками. У девчонок отобрали пачку сигарет с марихуаной, иглу и несколько ампул. В тот день в городе было изъято наркотиков на 52 миллиона долларов. Полицейский рейд был показан по телевидению, и зрители еще раз убедились в том, что наркотики можно купить в любой подворотне Нью-Йорка.

В главном полицейском управлении города я видел преступника, задержанного ночью при попытке ограбить и изнасиловать женщину. Он стоял освещенный яркими прожекторами. Голова его то и дело дергалась в конвульсиях, по бледному, как у мертвеца, лицу пробегали судороги, руки тряслись, из полуоткрытого рта текла на подбородок слюна. В зале сидели детективы с записными книжками. Тихо гудели телевизионные камеры: в каждом городском отделении полиции видели сейчас этого человека и слышали его ответы на вопросы, которые задавал ему полицейский комиссар.

— Профессия?

— Был шофером грузовика... когда-то.

— Возраст?

— Двадцать семь лет.

— Сколько лет употребляете наркотики?

— С пятнадцати лет.

— В данный момент все еще находитесь под влиянием последней дозы?

— Уже проходит, господин комиссар.

— Уведите его. Следующий!

Женщины нашего дома с дрожью входят в лифт с незнакомым мужчиной: вдруг незнакомец нажмет кнопку с надписью «подвал»! В подвале темно, гудят форсунки парового котла, здесь кричи не кричи — никто не услышит. А ведь крик, как об этом было сказано в полицейской инструкции, которую напечатали все газеты, единственное оружие женщины, подвергшейся нападению. Но и это оружие становится бессильным.

Однажды, казалось бы, ко всему привыкший Нью-Йорк содрогнулся перед преступлением на Остин-стрит.

Я был на этой улице после того, как прочитал в газетах об убийстве 28-летней стенографистки Катрин Дженовезе. Я долго ходил и стоял у подъезда дома, где жила Катрин, вглядывался в лица людей. Я хотел понять, как это все произошло. Я хотел понять людей, живущих в этом районе Нью-Йорка, но люди не хотели, чтобы я понял их, ускользали, замыкались, сердились, что я отрываю их от дел.

— Проклятая жизнь! Проклятый город! — бормотал продавец газет.— Люди перестают быть людьми!

Больше он мне ничего не сказал.

— Вы уже пятый репортер, который расспрашивает меня,—рассердилась официантка кафе.— Оставьте меня в покое!

Люди шли по улице, выходили из автомашин, стояли у красного света на перекрестках. Обыкновенные люди, куда-то спешащие или просто гуляющие, молодые и старые, мужчины и женщины, веселые и грустные.

Катрин была одной из этих людей, одна восьмимиллионная частичка живого организма Нью-Йорка.

Она приехала с работы в третьем часу ночи. Вот под этими окнами оставила свою машину и пошла к подъезду. Вот у этого столба она первый раз крикнула: «Помогите!»

Мужчина ударил ее кулаком, и она, обняв столб, опустилась на асфальт.

Она кричала: «Помогите!», а мужчина стоял и рассматривал ее. В квартирах по обе стороны улицы зажегся свет, захлопали оконные створки, в окнах показались люди. Мужчина ударил Катрин ножом.

— Эй, парень, ты с ума сошел! — крикнул кто-то сверху.

Мужчина убежал.

Катрин звала на помощь, но одно за одним гасли окна.

Он вернулся через десять минут. «Спасите!» — умоляла Катрин молчащие окна. Он шел неспеша, не обращая внимания на то, что в домах снова вспыхнул свет. Он ударил ее ножом еще раз и не торопясь ушел.

На этот раз огни в окнах продолжали гореть. Она ползла по асфальту и стонала: «Умираю! Умираю!» Тридцать восемь человек, тридцать восемь пар человеческих глаз в течение двадцати минут смотрели из окон на

ее агонию. Но никто не спустился вниз и никто не позвонил в полицию, хотя телефон был в каждой квартире.

Тридцать восемь человек видели, как он появился под их окнами в третий раз. Он искал ее по кровавому следу на асфальте. Он наткнулся на нее в подъезде, и тридцать восемь человек услышали ее предсмертный крик. Убийца, вытирая нож косынкой Катрин, ушел в темноту, и вслед ему один за другим гасли в окнах огни.

И тогда, мучимый совестью, один из тридцати восьми пробрался по крыше в соседний дом и уговорил свою родственницу, слепую старуху, позвонить в полицию. Сам он на это не решился. Боялся мести убийцы или его друзей.

Полиции потребовалось всего две минуты, чтобы прибыть на место преступления.

Я стою у подъезда, где умерла Катрин. Входят и выходят люди. Обыкновенные люди. Они знали ее в лицо. Многие называли ее Китти.

«Что мы за люди? — спрашивала газета «Нью-Йорк таймс», посвятив специальную редакционную статью происшествию на Остин-стрит.— Кто сумеет объяснить такое потрясающее равнодушие к чужой судьбе? Мы с сожалением признаемся, что не знаем ответа».

Кто убил одинокую стенографистку? Почему? Это осталось неизвестным, и никого это не интересует. Отпала, перестала существовать одна восьмимиллионная частичка Нью-Йорка. Кому какое до этого дело?

В удивительные игры играют Юля и Вася. В дядю Германа Титова и в тетю Валю Терешкову. В Майю Плисецкую и в Валерия Брумеля. В Кэролайн Кеннеди и Джона Кеннеди-младшего. В президента Джонсона и сенатора Голдуотера. Все смешалось в их детском воображении.

В Америке наши дети впервые услышали песню «До старта 14 минут», увидели советский балет, моисеевцев, спортсменов, Олега Попова. Они так и не поняли, почему заплакала мама, увидев на экране телевизора Красную площадь, и почему так смеялся отец, когда ему позвонила какая-то тетя и сказала:

— С вами говорит племянница Кропоткина. Да, да, того самого. Слушайте, я ненавижу большевиков, но,

черт меня побери, сегодня я горжусь Россией! Скажите, а Гагарин не из княжеской фамилии?

По вечерам, забравшись ко мне на колени, Юля спрашивала:

— Разве можно убивать детей?

По телевидению показывали уютное частное бомбоубежище, штабеля консервных банок на случай атомной войны и винтовку, висящую на стене. Из этой винтовки хозяин бомбоубежища грозился перестрелять соседских детей, если они в момент тревоги побегут искать у него убежища.

Имеет или не имеет он права убивать детей, посягающих на его частную собственность? Этот чудовищный бред принял размеры чуть ли не общенациональной дискуссии.

— Христос учил любить соседей, как самого себя! — говорили одни.

— Да, но Христос не говорил, что соседей нужно любить больше, чем самого себя! — возражали другие.

Частное бомбоубежище? Видимо, следует кое-что пояснить.

Помню, как Америка встречала 1957 год. Конец декабря выдался дождливым. К рождеству ждали снега, да так и не дождались. Мокрый ветер с океана свистел в узких улицах Нью-Йорка, вырывал зонтики из рук прохожих, раскачивал гигантскую рождественскую елку, установленную среди небоскребов Рокфеллер-центра. Это была прекрасная голубая ель. По заказу семьи Рокфеллеров ее разыскали где-то в лесных чащах штата Вермонт, срубили, погрузили на автоприцеп и доставили в Нью-Йорк. Елкой ходил любоваться весь город—так она была хороша. Вот здесь-то меня и застала воздушная тревога.

Тогда в Америке часто объявляли воздушные тревоги. К тому времени минуло уже более 10 лет, как окончилась вторая мировая война, но в разгаре была война «холодная», и над крышами Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско то и дело выли сирены, предупреждавшие американцев о смертельной опасности со стороны «красных». Тревоги были, разумеется, учебными, ненастоящими. Это была, так сказать, «игра» в то, как «красные» будто бы

собираются напасть на Америку. Но американские газеты, радио, телевидение и некоторые политические деятели в своих публичных выступлениях опускали слова «будто бы», и тогда «игра» становилась делом серьезным и учебная тревога — настоящей. Это была игра на нервах американцев. Игра на повышение акций монополий, составляющих военно-промышленный комплекс.

Так вот, в дождливый полдень на исходе декабря вместе с толпой ньюйоркцев, пришедших полюбоваться елкой, был застигнут воздушной тревогой и я, тогда еще совсем молодой журналист, только что начавший работу корреспондентом «Правды» в США. В набитом до отказа бомбоубежище Рокфеллер-центра всем места не хватило, и полицейские загнали нас в помещение «Чейз Манхэттен бэнк», где мы провели около часа. Скуки ради я рассматривал выставленные в зале банка макеты индивидуальных бомбоубежищ, которые в тот год усиленно рекламировались в газетах и журналах, по радио и телевидению. Бомбоубежища были на любой вкус и достаток. На одного человека и на большую семью. В подвалах коттеджа и на лужайке за гаражом. Стоимостью в две тысячи долларов и в двести тысяч. Здесь же висели плакатики, извещавшие о том, что именно этот банк предоставляет кредиты для строительства персональных бомбоубежищ. И уже в самом низу плакатика подводился философский итог всему сказанному выше: ничего не поделаешь, хочешь выжить — раскошеливайся!

Изучив образцы подземных бункеров и не зная, чем еще себя занять, я обратился к газете, которую купил за несколько минут до объявления воздушной тревоги. Это была знаменитая «Нью-Йорк таймс», рядом с заголовком которой красуется тщеславный девиз: «Все новости, достойные опубликования». Среди этих дипломированных новостей внимание мое привлекло потрясающее сообщение из Техаса: двое военнослужащих — сержант и капрал — рассказывали, как накануне ночью, возвращаясь на базу с вечеринки, они беззаботно катили на своем джипе по степной автостраде, и вдруг какой-то таинственный предмет, формой напоминающий тарелку, опустился на них с темного неба и опрокинул джип вверх колесами. Потом «тарелка» стремительно взмыла ввысь, но бдительные воины, выбравшиеся к тому времени из-под перевернутого джипа, успели заметить на ее днище

эмблему, похожую, по их словам, на серп и молот. Произошло это будто бы без одной минуты в полночь. Уже от себя газета добавляла, что в уходящем году это был уже 613-й случай, когда изо всех концов страны сообщают о каких-то таинственных летающих предметах, и что Пентагон уже израсходовал сотни тысяч долларов только на то, чтобы расследовать эти сообщения.

Покончив с «летающими тарелками», я углубился было в чтение редакционной статьи, комментирующей доктрину тогдашнего государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса о «балансировании на грани войны» и об «отбрасывании коммунизма», но в это время сирены возвестили отбой воздушной тревоги, и полицейские отворили запотевшие стеклянные двери банка.

Новый год я встречал в доме знакомого американца. Кроме меня, там было еще четыре-пять человек. Мы смотрели по телевизору очередной фильм о том, как чуть не погибла наша цивилизация в ядерном катаклизме, но какой-то герой за минуту до полуночи предотвратил катастрофу. Потом телевизионщики включили свои камеры на Таймс-сквер, где сходятся Бродвей, 42-я улица и 7-я авеню, и показали, как колышется там огромная толпа людей (десятки тысяч человек), по традиции пришедших туда встречать Новый год. Мужчины и женщины, молодые и пожилые, с остроконечными бумажными колпачками на головах, дудели в дудочки, щелкали хлопушками, размахивали флажками, грызли жареную кукурузу, отхлебывали из карманных фляжек и с нетерпением поглядывали на шпиль здания, увенчанного светящимся стеклянным шаром с цифрами «1956». Ровно за минуту до полуночи под торжествующий рев, свист и улюлюканье толпы шар начал медленно скользить вниз.

— Спускается в бомбоубежище,— пошутил наш хозяин, и эта мрачноватая шутка дала свое направление разговору в первые минуты Нового года в обычной американской квартире, где собрались самые обычные американцы плюс советский журналист. Кто-то сказал, что читал, будто от радиации может уберечь нижнее белье из алюминиевого волокна. Другой сообщил, что в первый же час войны следует побрить кошек и собак, чтобы не допустить аккумулирования радиации в их шерсти. Третий рассказал, что в аптеках появился успокаивающий пре-

парат «У-235, антиатомношоковый». И из всего этого разговора выходило, что ядерная война неминуема, неотвратима, что она может разразиться в любой день...

Война разразилась, но это была война Америки против Америки. Она не могла не разразиться. Ее приближение чувствовали многие. Особенно те, что жили в негритянских гетто.

На остановке «125-я улица» в вагоне метро остаются только негры. Я, единственный белый, еду дальше. Над нами Гарлем — негритянское гетто Нью-Йорка. Над Гарлемом неяркое весеннее солнце. Вечереет. Рабочий день окончился, и улицы полны негров. Часть мостовой отгорожена деревянным барьером: меняют трубы водопровода. Сейчас в яме играют ребятишки. Оттуда слышны их голоса.

Ребятишки играют и на тротуаре. Три девочки лет шести-семи идут гуськом, взявшись за руки, и звонко кричат:

— Фридом! Фридом! (Свобода!)

Двое мальчиков с ковбойскими игрушечными пистолетами и с жестяными шерифскими знаками на рубашонках натравливают на девочек лохматого пестрого щенка.

— Взять их! Взять! — командует мальчишка, дергая щенка за веревку.

Щенку очень весело. Он звонко лает и прыгает у ног мальчишки, не обращая на девочек никакого внимания. Щенок не понимает, во что играют дети.

Девочки продолжают маршировать по тротуару. Из подъезда дома выскакивают еще двое мальчишек в игрушечных пожарных касках. Они дико воют, подражая пожарной сирене. В руках у них палки. Мальчишки направляют палки на девочек и шипят. Это они брандспойтами разгоняют демонстрантов.

— Бах! Бах! — орут мальчишки-полицейские, размахивая пистолетами.

— Падайте! Да падайте же! Вы убиты! — кричат они девочкам.

Девочки закатывают глаза и валятся на тротуар, отмахиваясь от щенка, который радостно лижет им лица.

Седая рыхлая негритянка, поставив на землю тяжелую кошелку, трясется от беззвучного смеха.

— Глупышки! Ах, глупышки! — говорит она, вытирая ладонью слезы. Тяжело вздохнув, она идет к церкви, у входа в которую на куске фанеры изображен Христос в окружении негритянских детей. Рядом с Христосом еще одна картина. Огромная разъяренная собака, в три раза большая, чем полицейский, который держит ее за поводок, бросается на крошечную негритянскую девочку. На боку пса кто-то написал углем «собака», а на полицейском — «скотина».

Около церкви — чахлый скверик. Три скамейки образуют треугольник. Сидят старик негр, парень с обезьянкой на плече, молодые женщины. О чем-то беседуют два священника — белый и черный. Я сажусь рядом.

— Я не стал счастливее оттого, что имею право пойти в кино вместе с белыми,— продолжает парень разговор со стариком, видимо, прерванный моим появлением.— Прежде чем пойти в кино, я должен что-то иметь в желудке и в кармане, правильно? А когда я буду иметь? Тогда, когда у меня будет работа. Правильно? А работы мне не обещают. Чтобы дать тебе работы, говорят боссы, нужно отнять ее у белого. Понимаешь, что получается, отец?

— Ну вот, женился он в Европе на белой,— рассказывает молодая негритянка соседке по скамейке,—а их часть переводят в штат Джорджия. Как же он с белой женой в Джорджию поедет? Ведь там смешанные браки запрещены законом. За связь с белой женщиной негру полагается веревка...

— Они говорят белым: «Негры хотят отнять у вас работу»,— продолжает парень,— а неграм они говорят: «Белые не хотят делиться с вами работой». Это чтобы мы ненавидели друг друга. Понимаешь, что получается, старик?

Желтый прошлогодний лист срывается с дерева и падает на морду обезьянки. Она визжит и скалит зубы. Я встаю и иду дальше. Прямо на тротуаре прислоненные к стене дома четыре больших детских портрета в траурных рамках. Это девочки, убитые в Бирмингеме. Слепой негр в выцветшей форме американского солдата играет на скрипке что-то печальное. На груди слепого два ряда орденских планок.

Я сворачиваю в боковую улицу. Тяжелый запах ударяет в нос. Это запах гниющих отбросов, человеческого пота и дешевого виски. Это запах нищеты. Сперва ка-

жется, что улица пустынна, но через минуту я замечаю, что на ступеньках, на подоконниках, в дверях стоят и сидят негры. Они молча смотрят: что привело сюда белого человека?

Кто-то трогает меня за плечо. Обернувшись, я вижу трех белых полицейских.

— Что-нибудь потерял здесь, приятель? — насмешливо спрашивает один из них. — Ах, просто гуляешь? Ничего себе, выбрал место для гулянья! Когда стемнеет, я не дам и цента за твою жизнь...

Я возвращаюсь к станции метро.

У деревянного барьера на разрытой мостовой зажгли сигнальные плошки, в которых горит масло. Пламя тревожно стелется по земле. Черные круглые плошки похожи на бомбы террористов.

В сумерках слышится веселый лай щенка и крики мальчишек:

— Падайте! Падайте! Вы убиты...

Так и не поняли Юля с Васей, за что убили негритянских девочек в Бирмингеме. Они видели репортажи об этом убийстве по телевидению и были напуганы и растеряны.

На оконном стекле церкви тоже были изображены Христос и негритянские дети, играющие у его ног. Осколки бомбы выбили нижние стекла витража, на котором были нарисованы дети. Лицо и руки стеклянного Христа покрылись пороховой копотью, и он стал похож на старика негра. От сотрясения остановились часы над входом в церковь. Стрелки показывали 10 часов 22 минуты утра по бирмингемскому времени.

Бомба взорвалась в подвале, где шел урок воскресной школы для негритянских детей. Взрыв раздался вслед за торжественными словами священника: «Вам говорю: «Любите врагов ваших, как самих себя».

У одиннадцатилетней Дэнис Макнайр бомба оторвала голову. В ее широко открытых, застекленевших глазах затаилось удивление. «Любите врагов ваших...»

Стрелки часов показывали 12 часов 42 минуты по вашингтонскому времени, когда президенту Кеннеди, отдыхавшему в загородной резиденции, доложили о событиях в Бирмингеме. Двадцать три ребенка ранены, читал по-

мощник телеграмму из Алабамы. Одна из раненых, по-видимому, на всю жизнь останется слепой. Четыре девочки убиты. Один подросток застрелен полицейским. Негритянский мальчик убит белым хулиганом.

Рассказывают, что президент побледнел, выслушав доклад. Напрасно пятилетняя Кэролайн и трехлетний Джон-младший пытались привлечь к себе внимание отца. Он сидел в глубокой задумчивости, и пальцы его механически барабанили по голубой папке, в которой лежал текст предстоящего выступления президента на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В Нью-Йорке было 5 часов вечера, когда группа молодых людей — белых и негров — пришла к зданию Организации Объединенных Наций. На их рукавах были черные траурные повязки. В руках — картонные плакаты со словами: «ООН, защити негров в Бирмингеме», «Господа делегаты, колониальный террор здесь, за воротами ООН», «Пришлите войска ООН в Бирмингем».

Порывистый ветер с Ист-ривер хлопал над головами демонстрантов разноцветными флагами государств. Багряный закат отражался в окнах верхних этажей небоскреба ООН; казалось, за стеклами бушует пламя пожара.

По всей стране разносился тогда печальный колокольный звон негритянских церквей, но правящая Америка делала вид, что не слышит его. Негры Бирмингема вышли на улицы города. Среди демонстрантов были школьники. Полиция применила против них пожарные брандспойты. Тугие струи воды, способные опрокинуть автомашину, сбивали с ног, дети теряли сознание. Когда не помогли брандспойты, полиция спустила с поводков разъяренных овчарок. «Вырвите кишки этим черномазым, собачки! Повеселите меня!» — надрывался начальник бирмингемской полиции Билли Коннор, по прозванию «Бык». Но правящая Америка делала вид, что не слышит ни лая собак, ни крика детей, ни дьявольского хохота «Быка».

Заголовки газет, вышедших в понедельник, старались перекричать друг друга: «Негры доведены до отчаяния», «Президент воздерживается от посылки войск в Алабаму», «Тень Бирмингема над открывающейся завтра сессией Генеральной Ассамблеи ООН».

19 сентября президент Кеннеди прилетел в Нью-Йорк и остановился в старом, но уютном отеле «Карлайл» на

Мэдисон-авеню. Свет в его комнатах горел до поздней ночи. А на противоположном тротуаре четверо демонстрантов подняли над головами огромный плакат. Черными буквами на белом холсте было написано: «Убиты четыре девочки... Если бы одной из них была ваша дочь Кэролайн, вы тоже ограничились бы сожалением, мистер президент?»

В пятницу утром президент приехал в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. В зале его уже ждали. В 11 часов председатель Генеральной Ассамблеи объявил: «Господа делегаты, я иду встречать президента США. Прошу всех остаться на местах». Через пять минут в зал в сопровождении председателя Ассамблеи вошел президент и быстрым шагом направился к креслу с высокой спинкой, стоящему на возвышении рядом с трибуной Генеральной Ассамблеи.

Многие в зале не успели разглядеть Кеннеди, когда он шел к креслу: президента окружали охранники. Широкоплечие парни в штатском стояли в разных концах зала: в дверях, на галерее для прессы, на балконе, куда на этот раз не пустили публику. Около четырехсот полицейских и агентов безопасности в штатском сторожили в коридорах, в барах, в холлах и туалетных комнатах штаб-квартиры ООН.

Президент раскрыл голубую папку и начал речь. В зале раздался шум, когда Кеннеди сказал, что свобода существует только на Западе. Если бы в этот миг раздвинулись стены небоскреба ООН, делегаты увидели бы прямо перед собой конный отряд полицейских, галопом несущихся на толпу демонстрантов. Делегаты услышали бы крики женщин и детей. «Убийцы!» — кричали женщины. «Дайте нам свободу! — гремела толпа.— Свободу!.. Свободу!.. Свободу!»

Портреты четырех негритянских девочек колыхались над толпой. Казалось, что их удивленные взоры направлены на небоскреб ООН.

Суровы были лица делегатов стран Азии и Африки, когда они слушали президента США, который признал, что расовая дискриминация существует в Америке.

— Я знаю,— сказал Кеннеди,— что некоторые из вас, сидящих в этом зале, на себе испытали дискриминацию в нашей стране.

...Президент продолжал говорить о свободе, о демократии, о правах человека, а в это время над крышами Бирмингема, над взорванной церковью, над полицейскими броневиками, стоящими на улицах негритянского района, над шестью детскими гробами, над рыдающими женщинами плыли печальные звуки похоронного колокольного звона.

11 ноября Кеннеди неожиданно приехал на Арлингтонское военное кладбище, на то самое, где сейчас его могила. В странной задумчивости ходил он по кладбищу более часа.

— Как тихо здесь, как спокойно! — сказал он сопровождавшим его охранникам.

За три дня до посещения Арлингтонского кладбища президент принял окончательное решение поехать в Даллас. Он отправился туда, несмотря на то, что служба безопасности Белого дома просила его отменить поездку.

Атмосфера в Далласе была накалена. Техасским воротилам не нравился молодой президент, принадлежавший к северо-восточной группе миллионеров. Он был их соперником. Он был чужаком с востока, угрозой, еще не ясно какой, но угрозой. Его личное состояние, чистое произношение выходца из штатов Новой Англии, энергия и остроумие выводили техасских богачей из себя, и они не скрывали своей ненависти. Перед его прилетом в Даллас в городе были распространены 5 тысяч листовок. На них были фотоснимки президента анфас и в профиль, как это делает полиция, когда уведомляет о розыске беглого преступника. Под фотоснимками стояла подпись: «Разыскивается по обвинению в государственной измене».

А в общем-то Даллас был обыкновенным американским городом. Разве что держал рекорд по числу убийств. В те годы Техас шел впереди других штатов по преступности, а Даллас впереди всех городов Техаса.

В городе Форт Уэрт, где на пути в Даллас президент провел ночь, ему снова напомнили об опасности.

— Если кто-нибудь захочет убить президента Соединенных Штатов,— улыбаясь, сказал Кеннеди своему специальному помощнику Кеннету О'Доннеллу,— ему нетрудно будет это сделать. Все, что нужно,— это высокое здание и винтовка с оптическим прицелом...

В 11 часов 40 минут утра самолет президента с надписью на фюзеляже «Военно-воздушные силы 1» коснулся мокрой от дождя бетонной дорожки аэродрома «Поле любви» в Далласе. Пятью минутами раньше здесь приземлился самолет вице-президента Джонсона «Военно-воздушные силы 2».

Дождь кончился, и агенты охраны убрали пластиковую крышу президентского «линкольна» выпуска 1961 года, прибывшего в Даллас из Вашингтона по железной дороге. В 11 часов 50 минут президентский кортеж, состоящий из шестнадцати машин и двадцати восьми мотоциклов, покинул аэродром и направился в город.

Автомобиль президента шел третьим. За ним «кадиллак» с восемью агентами охраны. Четверо сидели в машине, четверо стояли на подножках, готовые спрыгнуть на землю в любую секунду.

Пятым был автомобиль вице-президента. За ним машина с охранниками, автомобили далласских официальных лиц, автомобиль с личным врачом президента адмиралом Беркли, специальный автомобиль связи с Белым домом, автомобили с представителями прессы, радио и телевидения.

Замыкали процессию, так же как и возглавляли ее, автомобили полиции Далласа.

Президентскую машину вел агент охраны Уильям Грир. Рядом с водителем сидел глава охраны Рой Келлерман, осуществлявший радиосвязь с машинами сопровождения.

Улицы были полны народу. По просьбе Кеннеди машина останавливалась дважды. Один раз, чтобы президент мог пожать руки, тянувшиеся к нему из толпы, второй — чтобы дать ему возможность обменяться несколькими словами с группой католических монахинь и школьников, стоявших на тротуаре. Каждый раз автомобиль президента тесным кольцом окружали агенты охраны.

Впереди показался железнодорожный мост, перекинутый через шоссе. Часы на семиэтажном здании хранилища школьных учебников показывали 12 часов 30 минут.

Жаклин Кеннеди, сидевшая слева от мужа, услышала громкий звук, показавшийся ей выхлопом из трубы мотоцикла. Она повернулась к президенту и увидела его искаженное судорогой лицо и левую руку, протянутую

к горлу. Он падал на ее колени. Она подхватила его и в ужасе закричала:

— Боже! Они убили его!

— Выбирайся отсюда! Скорее! — крикнул Келлерман водителю и по радио приказал идущим впереди машинам: — Немедленно в госпиталь! В нас попали!..

Прозвучал еще выстрел. Обернувшись, Келлерман увидел падающего на руки жены губернатора Коннэли, бледное лицо Жаклин, агента Хилла, со всех ног бегущего к машине.

Эти трагические события были подробно описаны американским писателем У. Манчестером в его книге «Смерть президента».

В машине президента царил ужас. Последняя пуля попала Джону Кеннеди в голову, поразив мозжечок. Наклонившись над мужем, Жаклин увидела, как от его затылка начал отделяться кусок черепа. Сначала крови не было. А в следующее мгновение кровь брызнула фонтаном, заливая ее, чету Коннэли, Келлермана, Грира, обивку машины. Костюм президента промок насквозь. Розы были все в крови. Все лицо полицейского, ехавшего рядом на мотоцикле, также было забрызгано кровью. Келлерману показалось, что лицо ему залепили мокрые опилки.

— Джек! Что они сделали с тобой?! — кричала Жаклин. Ее колени, руки, щеки были в крови. Красным, студенистым были обрызганы сиденья и стенки автомобиля. В панике, не сознавая, что она делает, миссис Кеннеди вскочила на ноги и упала на багажник рванувшегося лимузина. Она скатилась бы на мостовую, если бы подоспевший агент Хилл не втолкнул ее в машину.

Раньше других в автомобиле вице-президента пришел в себя агент Янгблад. Он схватил Джонсона за плечи, опрокинул его на пол и прикрыл его своим телом. Выли сирены. По улицам бежали люди. Бились в истерике женщины...

На огромной скорости машина президента въехала в ворота Парклендского госпиталя и резко остановилась. С автоматами в руках агенты ворвались в приемную, затолкали всех присутствовавших там в другую комнату и заперли их на ключ. Президента положили на носилки. Примчалась машина с фоторепортерами. Агент Хилл

снял свой пиджак и накрыл им окровавленную голову и грудь Кеннеди.

Через минуту над умирающим президентом склонились врачи. Лицо его было пепельно-серым, глаза открыты. Маленькое отверстие зияло на горле чуть ниже адамова яблока. Огромная рана была открыта с правой стороны головы.

В госпитале агенты охраны узнали, что на одной из улиц Далласа кто-то убил полицейского Типпита. Вице-президент Джонсон возвращался из госпиталя на аэродром «Поле любви» в закрытой машине. Подчинившись приказу агентов, он сидел на полу автомобиля. Вскоре на аэродром в санитарной машине был доставлен гроб с телом покойного президента.

Перед этим сотрудникам и охранникам Белого дома пришлось выдержать почти часовую перепалку с важным медицинским чиновником Далласа, который, ссылаясь на закон, требовал вскрытия трупа на месте. В помощь себе он кликнул городских полицейских и те, положив руки на кобуры пистолетов, не позволяли вынести гроб из дверей госпиталя. В конце концов дело дошло до рукопашной схватки, в которой победили лучше тренированные охранники бывшего президента.

С большим трудом агенты внесли гроб в узкую дверь самолета. За 11 минут до отлета, приняв присягу перед рыдающей судьей Сарой Хьюз, Линдон Джонсон стал тридцать шестым президентом Соединенных Штатов Америки.

В 6 часов вечера 22 ноября 1963 года президентский самолет «Военно-воздушные силы 1» приземлился на военном аэродроме под Вашингтоном, откуда 31 час назад Джон Кеннеди отправился в свою последнюю поездку по стране.

Не прошло и суток, как на глазах у миллионов американцев, припавших к телевизорам, был убит Освальд, обвиненный в покушении на президента. Выстрел, прозвучавший в коридоре тюрьмы, как бы подвел черту под кровавым итогом года.

В те дни многие американцы оглянулись назад и содрогнулись при виде крови и трупов, оставленных нацией на ее пути от первых поселенцев до сегодняшних дней. У многих впервые вырвался крик ужаса. Писатель Ричард Старнес говорил: «Наш авторитет цивилизованной

нации, конечно, ставится сейчас под сомнение во всем мире. Мы недостаточно зрелый народ. Мы посылаем умирать наших лучших молодых людей на чужеземные берега и в чужеземные джунгли; мы допускаем, чтобы наши близкие десятками тысяч гибли на наших дорогах; наше телевидение, которое превратилось в своего рода средство массового гипноза, с одинаковым усердием рекламирует мыло и насилие; мы воспитываем наших детей на жестоких играх в полицейских и воров и до самого последнего времени не разъяснили им, что убивают не всегда плохих людей.

Джон Кеннеди является примером. Он отнюдь не был, как хотели бы нас убедить в этом, домашним божеством. Это был человек со всеми его тщеславными помыслами и слабостями, но это был человек, которого наша страна не имела права столь безрассудно подвергать опасности.

Неужели низменные инстинкты мести и ненависти настолько овладели нами, что нет никакой надежды на спасение? Не ввергли ли мы самих себя в мрачную пучину насилия и отчаяния, которая поглотила столь многие древние цивилизации? Если мы действительно сделали это, то да поможет бог нашим бедным детям».

Гроб подняли и понесли к выходу. Оркестр заиграл «Салют командиру». Эта мелодия исполнялась для президента Кеннеди в последний раз. Жаклин, вспомнив, как мальчик любил играть с отцом в солдатики, сказала:

— Джон, можешь отдать честь и попрощаться с папой.

Маленькая правая ручка быстро скользнула вверх. Лицо Роберта Кеннеди, стоявшего рядом, исказилось от боли. На глаза всех присутствовавших навернулись слезы. Ни одно из впечатлений этого дня не врезалось в их память с такой силой, как этот салют маленького Джона. Г-жа Кеннеди, смотревшая прямо перед собой, не видела его. Но когда после ей показали фотографию, она была поражена. До этого мальчик отдавал честь очень комично: вместо правой он поднимал левую руку, делая при этом уморительную мину.

Но сейчас атмосфера и смысл этого дня, казалось, дошли до сознания сына президента. Он согнул руку точно по-военному. Его пальцы касались волос, левая рука бы-

ла прижата к туловищу, плечи выпрямились. Вид этого трехлетнего мальчугана в коротких штанишках с голыми ножками, при тихих звуках траурной мелодии, напоминавшей об отце, который обожал его, был невыносим.

Когда мои дети станут взрослыми, им будут сниться иногда странные сны, какие-то туманные видения, удивительные и непонятные. Чьи-то сильные руки, пахнущие столярным клеем и свежими стружками, подбросят их к кронам деревьев. «Джулия! Уася! Как живьоте?» — услышат они чей-то такой знакомый и уже незнакомый голос. Они увидят стеклянного Христа с руками и лицом, покрытыми пороховой копотью, рыдающих негритянок, конных полицейских, галопом несущихся на толпу. Они услышат печальный колокольный звон и увидят трехлетнего мальчика, который стоит рядом с женщиной в черной вуали на заплаканном прекрасном лице и отдает честь войскам, идущим за гробом его отца.

ТРЕХНОГАЯ ЛОШАДЬ

Мы хорошо подготовились к поездке. Прежде всего мы впихнули тигра в бензиновый бак нашего черного «форда». Этот полосатый зверь с мольбой смотрит на автомобилистов с вывесок всех заправочных станций «Эссо». Его круглые глаза безмолвно просят: «Ну, суньте меня в ваш бак, что вам стоит! Тридцать два цента за галлон, только и всего. Мы будем счастливы, уверяю вас. Вы, я и ваша машина».

На экране телевизора тигр более агрессивен, хотя и в меру. Скорее он добродушно шаловлив. Сперва он заигрывает с хозяином автомобиля, гладит его мохнатой лапой по щекам, сжимает его в своих объятиях. Затем он ныряет в бензобак, и оттуда доносится его могучее рычание. Рычание сотрясает машину. Она срывается с места и стремительно несется вдаль. Из бензобака упруго болтается полосатый хвост.

Управившись с тигром, мы пошли с Юлей-старшей покупать еду. Своим появлением в бакалейной лавочке мы

создали праздник для продавцов. Они встретили нас общим поклоном. Глаза их сияли. Одновременно раздался нестройный хор взволнованных голосов: «Могу ли я помочь вам, мадам? Чем могу быть полезен, мистер?»

Придирчиво выбирая продукты, мы, как могли, продлевали этот праздник, этот фестиваль улыбок и поклонов, протекавший на музыкальном фоне звона электрической пилы, разрезавшей мясо на равные ломтики, колокольчиков электрической кассы, проглотившей наши доллары, и непременных восклицаний о том, что погода становится, кажется, лучше.

Мы были щедры. Мы устроили такой же праздник продавцам винного магазина, где купили пузатую, оплетенную бутыль красного «Кьянти», и хозяйственного, где приобрели портативную жаровню, пакет древесного угля в виде брикетов и баночку какой-то горючей смеси для разведения огня.

К сожалению, праздник в хозяйственном магазине был чуть-чуть омрачен по нашей вине. Узнав, что мы собираемся в путешествие, хозяин рекомендовал нам купить палатку, тапочки, спальные мешки, фонарь, который светит на триста метров, жидкость от комаров, рыболовные крючки, зонтик, раскладушку, живых червей, упакованных в коробочки с землей, подвесной мотор для лодки и ящик для льда.

Он не отпускал нас до тех пор, пока мы не сказали ему «Спасибо, нет» — ровно одиннадцать раз. Тогда он вздохнул и развел руками, как бы снимая с себя ответственность: «Бог свидетель, я сделал все, что было в моих силах». Нам стало жалко его, и мы пошли на компромисс — купили ящик для льда.

Вечером дома выяснилось, что забыли купить какой-то порошок, который изобретен для того, чтобы делать пищу нежнее. Он так и называется — «тендерайзер», то есть «унежнитель». Меня отправляют в магазин «супер-маркет», предварительно объяснив, что баночки с волшебным порошком надо искать на том стеллаже, где стоят соль, сахар, перец, крупы, а внизу — бутылки с кока-колой.

На дворе жарища, а в «супер-маркете» искусственная прохлада, играет тихая музыка, скрытая где-то в потолке, звенят колокольчики касс, поскрипывают колесики тележек, которые толкают перед собой покупатели.

И, конечно, здесь я встречаю миссис Грин, седенькую аккуратную старушку в очках, нашу соседку. Она нарумянена и завита, в кокетливой шляпке, в жакетике со стекляшками и в юбке до колен. Миссис Грин — вдова. Где-то в городе у нее есть два участка земли, которые она сдала под платные стоянки автомашин.

Я всегда встречаю ее в «супер-маркете». Она приходит сюда, как на выставку материальных ценностей, как в музей, как в храм. Она бродит мимо стеллажей и гладит рукой разноцветные коробки, как книголюбы гладят корешки бесценных книг. Она любуется пирамидами из консервных банок, как любуются скульптурами Родена. Когда она, что-то шепча, нагибается, чтобы рассмотреть куриные потроха, разложенные в коробочках на льду, мне кажется, что она молится.

— Признайтесь, Борис, что у вас нет таких «супермаркетов»,— говорит она мне.

— Таких еще нет,— отвечаю я.— Но будут.

Я беру у нее из рук пакет с какой-то мелочью, и мы выходим на улицу.

— Если вы не спешите, выпьем по чашке кофе,— предлагает миссис Грин.

Кажется, мы опоздали на праздник. Такое впечатление, что здесь все от праздника уже устали. Нам достаются крохи. Официант за стойкой с трудом изображает на багровом потном лице жалкое подобие приветственной улыбки и тут же мгновенно стирает ее. Он все время вертится у себя за стойкой, как заведенный: одной рукой наливает сок, другой рукой переворачивает поджаривающиеся на электрической плите ломтики хлеба, третьей рукой... Впрочем, ведь у человека только две руки. Это ими он наливает нам кофе, нажимает клавиши кассы, вытирает фартуком стойку, откупоривает бутылку пепси-колы, смахивает пот с лица...

— Со сливками или черный? — хрипит он, забыв или уже не в силах изобразить улыбку.

— Джон, кажется мне, что ты все двадцать четыре часа в сутки за этой стойкой,— не то спрашивает, не то удивляется моя соседка.

— У меня ведь четверо детей, миссис Грин,— хрипит официант.— Старший, этот остолоп, на днях сломал руку Врач говорит, что починить этого болвана будет стоить

мне шестьсот долларов. Лучше бы он себе раз и навсегда шею сломал!

— Ну-с, так почему у вас сегодня нет таких «супер-маркетов»? — начинает допрос миссис Грин, забыв о Джоне и его остолопе, который сломал руку.

— О,— говорю я,— этому много причин...

— Только не примешивайте сюда политику,— перебивает миссис Грин.— Я ничего не понимаю в политике. А сейчас все занимаются политикой. Забастовки, требования, марши... Когда я была молодая, все было проще. Приезжала полиция, разгоняла дубинками забастовщиков, и все опять шло своим чередом. А сейчас рабочие осмелели, профсоюзы требуют почти невозможного.

— Они осмелели потому, что в России в 1917 году была Октябрьская революция,— говорю я.— Именно тогда во всем мире рабочие осмелели, а хозяева испугались. Вам не кажется, миссис Грин, что и американские рабочие должны быть благодарны моему народу, потому что...

Она снимает очки, смотрит на меня отчужденно.

— Я же вас просила без политики.

Нет, я не знаю, как с ней разговаривать! Ее мозг подобен электронной машине, в которую запрограммировали «супер-маркет». Ничего, кроме «супер-маркета», она не хочет признавать; все, кроме «супер-маркета», для нее абстракция. Нужен какой-то «тендерайзер», чтобы слегка размягчить ее мозги.

И неожиданно «тендерайзер» появляется. Он входит в кафе в образе юноши лет шестнадцати. По виду это студент или скорее школьник старших классов. Он подходит к стойке и почему-то нерешительно оглядывается.

— Черный или со сливками? — хрипит официант.

Одна рука достает из-под стойки чистую чашку, другая тянется к клавишам кассы.

— Нет, нет,— поспешно говорит юноша.— Мне нужна работа. То есть я хочу сказать, сэр, что я ищу работу.

Официант опускает пустую чашку на стойку и пристально смотрит на парня. Тот пальцем трет какое-то пятнышко на рукаве пиджака.

— Ты в каком классе? — тихо спрашивает официант.

— Ушел из девятого.

— Что случилось?

— Отец заболел. Нас трое, кроме него и матери.

Проклятое невидимое пятнышко на рукаве. Оно никак не стирается.

Официант наливает кофе и ставит чашку перед юношей.

— Выпей, сынок. Спрячь, спрячь свои деньги, они тебе еще пригодятся.

Наверное, сейчас он с нежностью и болью думает, о своем остолопе, сломавшем руку.

А я почему-то вспоминаю своего отца. Он работал всю жизнь, даже после того, как стал инвалидом войны первой группы: учил детей истории, географии, арифметике. У него была самая мирная профессия — сельский учитель. Но он всегда носил гимнастерку. Гимнастерки первой мировой войны. Гимнастерки гражданской войны. Это когда меня еще не было на свете. И в мирное время — гимнастерки. Впрочем, разве было у нас мирное время? Я помню, что отец часто уезжал: как командира запаса его вызывали на военные сборы. Он надевал гимнастерку, когда шли бои на КВЖД, под Мадридом, на Халхин-Голе, на линии Маннергейма. В 1942 году под Харьковом ему выжгло глаза разрывом снаряда. Он умер через два года после Победы. Он и в гробу лежал в гимнастерке, сельский учитель по профессии.

— Вы знаете, миссис Грин, сколько потеряла наша страна за последнюю войну? — спрашиваю я.— 20 миллионов мужчин, женщин и детей.

— Этого не может быть! — удивляется она.— Двадцать миллионов?!! Да-а, война — это ужасно. Мы здесь тоже переживали лишения. Ввели карточки на бензин для автомашин. Курицу не каждый день можно было купить...

Я жду, когда она допьет свой кофе со сливками, чтобы раскланяться и уйти. Слишком неравны ставки, чтобы их обсуждать. Отсутствие курицы на столе — против 20 миллионов погибших. Карточки на бензин — против трагедии ленинградцев. Единственная бомба, принесенная японским воздушным шаром и убившая шесть фермеров,— против 1700 разрушенных советских городов.

— У меня во время войны заболела кошка,— предается воспоминаниям о своих лишениях миссис Грин.— Врач

сказал, что ей каждый день нужна куриная печенка. Но где ее было взять каждый день? Вы не представляете, Борис, как я страдала, глядя на мою бедную Пуси.

Подождите, миссис Грин, я тоже что-то вспомнил. Это было зимой 1942 года под Мценском. Я был связистом в 21-й Особой подвижной группе. За спиной у меня была рация, знаменитая тогда «6 ПК». Я искал ремонтную мастерскую, которая расположилась где-то в лесу. Догорал морозный закат. Было так холодно, что месяц в быстро гаснувшем бирюзовом небе казался мне кусочком льда. Снег скрипел под моими валенками.

На опушке леса что-то чернело: не то избушка, не то стог сена. Я пошел туда по санному пути, стараясь ставить ноги в след полоза — так было легче идти. Я шел, опустив голову, шаря в карманах шинели крошки от сухарей.

Подняв голову, я обомлел. То, что я считал избушкой или стогом сена, было штабелем трупов. Это были наши солдаты, убитые накануне. Их еще не успели похоронить. Они лежали друг на друге в одних гимнастерках, без ушанок, босые. Застывшие в последнем крике рты, широко раскрытые глаза, раскинутые руки.

Один из них был похож на меня. Я как будто увидел себя убитого. Это мог быть я. Такой же юный, тоненький. Снег в кудрявых, как у меня, волосах, прозрачная ледяная корочка на лице.

Потом я вышел к какой-то сожженной деревне. Печные трубы безмолвно вздымали к небу свое горе. Неожиданно кошка метнулась от меня в кусты, и мне показалось, что стук моего сердца долетает до месяца.

Прислонившись к трубе, опустив голову, стояла лошадь. Я обрадовался ей. Здесь было трое живых: я, кошка и лошадь. Но лошадь даже не шевельнулась при моем приближении. Она стояла на трех ногах. Вместо четвертой торчал окровавленный обрубок. Голова ее почти касалась сугроба. По заиндевелой морде, оставляя бороздки от глаз до ноздрей, поблескивая при лунном свете, одна за другой катились слезы...

— Джон, чем это у вас там пахнет? — прерывает молчание миссис Грин.

— Простите, мэм,— спохватывается официант.— Пригорели ломтики хлеба.

ГАРЛЕМСКИЙ НОКТЮРН

Мы выехали рано утром. Я за рулем, рядом со мной Таня. На заднем сиденье — Димка Васильев и его папа с мамой.

В багажнике — еда в ящике со льдом, буханка хлеба в целлофановой обертке, жаровня и пакет углей, бутылка «Кьянти», «тендерайзер» и несколько банок кока-колы для Тани с Димкой. Внутри нашего черного «форда» свирепо рычит тигр.

Нам было грустно уезжать: мы оставляли дома Юлю-старшую, Юлю-маленькую, Васю и Димкину сестренку Алену.

Сквозь обиженный рев остающихся дома малышей до меня долетело последнее напутствие Юли-старшей, заклинание всех женщин, живущих в Америке, американок и неамериканок, просто всех женщин, провожающих мужчин в поездку на автомобиле, пусть самую короткую, от дома до работы или от дома до ближайшего «супермаркета». «Please, drive carefully, darling!» — говорят женщины своим любимым, когда уже сказаны все слова, даны все инструкции, высказаны все пожелания. «Please, drive carefully, darling!» — это самая краткая молитва за душу ближнего.

Десятки миллионов легковых автомобилей и грузовиков мчатся навстречу друг другу по нескончаемым дорогам Америки. Захлебываются рыком полосатые тигры в бензиновых баках. А ну, приятель, чья машина быстрее? Сейчас, сейчас я тебя обойду и погляжу на твое кислое лицо в зеркальце. Стрелка спидометра ползет вправо. Семьдесят миль в час... Восемьдесят... Девяносто... («Please, drive carefully, darling!») Как вопит искореженный, завивающийся в жгуты металл! Просто удивительно, как он вопит!..

Не все мольбы женщин долетают до всевышнего. А может быть, их так много, что на небе не успевают их регистрировать? Каждые одиннадцать секунд где-то происходит катастрофа. Каждые двенадцать минут кто-то убит.

В двух мировых войнах Америка потеряла немногим более 500 тысяч человек убитыми.

А вот другие цифры: за двадцать лет 1 081 612 американцев были убиты в автомобильных катастрофах и свыше 50 миллионов ранены и изувечены. Не случайно при

выезде с военно-воздушного испытательного полигона в штате Калифорния висит плакат: «А теперь, пилот, начинается самое опасное: ты выезжаешь на автостраду».

За один лишь 1964 год автомобиль убил почти 50 тысяч и ранил 2,5 миллиона граждан США. За один лишь год в судах США разбиралось свыше 20 миллионов дел, связанных с автомобилем.

Я прозевал съезд на дорогу № 17 и резко затормозил. Усталый пуэрториканец, изо всех сил гнавший за мной свой замызганный «шевроле» выпуска 1948 года, о чем-то спорил со своими домочадцами, неизвестно как разместившимися в машине. Кажется, их было там не менее десяти человек плюс грудной младенец (способ втискивать в обыкновенную машину от десяти до двенадцати человек является секретом негров и пуэрториканцев).

Впрочем, секрета здесь никакого нет. Если у вас семья из шести человек, да у брата жены шесть душ, а машина у вас с ним одна — что остается делать, как не сажать их всех на колени друг другу? Все хотят ехать в автомобиле. И дедушка Поль, и тетушка Марджи, и пятилетний племянник Джон. Все хотят вырваться из Гарлема на автостраду, все хотят ощутить скорость, глотнуть вольного ветра, испытать чувство причастности к роду человеческому.

В зеркальце я видел открытый рот пуэрториканца и глаза, скошенные на притихших соседей справа. Он, наверное, так бы и въехал со своим открытым ртом в царство небесное, если бы Юля-старшая, провожая нас, не вложила в «Please, drive carefully, darling!» всю свою любовь к нам.

Я успел свернуть на обочину, он тоже в самый последний момент уклонился, и его переполненная автоколымага, как воющий снаряд, пролетела в сантиметре от нас.

— Иезус Мария! Карамба! — все это вместе с воздетыми к потолку машины руками и смуглыми кулаками разных размеров, высунутыми из окон, пронеслось мимо нашего черного «форда» и скрылось за поворотом.

По мнению Димки, мог быть хороший «бенц». За пять лет жизни в Америке Димка вдоволь насмотрелся на разбитые машины, на мертвый металл, скрученный в жгуты.

— С пуэрториканцами всегда что-нибудь случается,— философски замечает Димка, демонстрируя свое знание американской действительности.

Это правда, с ними всегда что-нибудь «случается»...

— Небоскребы в Америке,
«Кадиллаки» в Америке,
Двенадцать душ в одной комнате —
в Америке...

Так поют пуэрториканцы в знаменитой «Вест-сайдской истории».

Они не сыновья, а пасынки этого огромного города, и на них он вымещает свою злобу. Ребенок, выпавший из окна; лопнувшая водопроводная труба, затопившая весь этаж; смерть от наркотиков; убийство юноши в драке; горе ребятишек, которых бросил отец,— вот ежедневные «вест-сайдские истории». Обычные истории. Ординарные.

Я помню одного пуэрториканского малыша на Бродвее.

Это было в те вечерние часы, когда Нью-Йорк ненадолго становится лиловым. Лиловое небо, лиловый воздух, лиловые улицы, лиловая вода в Гудзоне. В палитре Нью-Йорка не слишком много красок: прозрачная бирюзовая акварель на рассвете, густые серые мазки днем, и снова нежная мимолетная акварель к вечеру. Умирающий закат над остекленевшим Гудзоном способен пролить умиротворение в самые ожесточившиеся души. Неповторимы в своей печали лиловые сумерки.

У тротуара останавливается полицейская машина. Полисмены смотрят куда-то мимо меня. Они смотрят на смуглого мальчишку лет шести.

За стеклом магазина над истекающими жиром курицами нависли колбасы. Из открытых дверей пахнет чем-то жареным. Мальчишка, всунув руки в карманы коротеньких штанишек, приподнялся на цыпочки и смотрит на витрину.

— Он,— говорит один из полицейских.

— Похоже, что он,— лениво подтверждает другой.

Они выходят из машины и не спеша направляются к мальчишке.

Полицейский кладет руку на голову малыша. Тот вздрагивает от неожиданности.

— Поедем домой, Хозе? — спрашивает полицейский.

Парнишка прижимается спиной к витрине. Смуглое лицо его бледнеет. Он смотрит на полицейских, как затравленный волчонок.

— Мама плачет, Хозе,— говорит полицейский, опускаясь на корточки.

— Ноу,— шепчет парнишка,— ноу!

Он дрожит всем телом. Неожиданно он бросается в сторону, но полицейский крепко держит его за руку.

Останавливаются любопытные, спрашивают друг друга:

— Что случилось?

— Кто-нибудь говорит по-испански? — обращается к толпе полицейский.

— Я говорю,— выходит вперед парень в белой рубахе.

— Скажи ему, что отчим обещал перестать драться,— кивает полицейский на Хозе.

Парень опускается на корточки, что-то говорит малышу, гладит его по голове.

— Убежал из дому позавчера,— объясняет полицейский любопытным.

Парень в белой рубахе поднимает голову и говорит, смущенно улыбаясь:

— Он не хочет домой, он боится...

Полицейский легко поднимает мальчишку на руки и делает два шага к машине. Мальчишка дико кричит, извивается, в глазах его ужас. Полицейский, не ожидавший такого яростного сопротивления, опускает его на тротуар. Мальчишка бежит к парню в белой рубахе. Тот говорит ему что-то, прижимает к себе, смущенно и виновато поглядывает на полицейских, на обступивших его мужчин и женщин, как будто извиняется за своего маленького соотечественника.

— Придется тебе поехать с нами,— говорит полицейский парню.— Тащи его к машине.

— Но-оу! — кричит мальчишка. Его маленькие руки колотят парня по голове, царапают его лицо. Дверка автомобиля захлопывается за ними.

— Но-оу! — несется отчаянный вопль из тронувшейся машины.

Любопытные расходятся.

— Бòрис! — окликает кто-то меня. Это парикмахер Майкл.

Он стоит в белоснежном халате в дверях парикмахерской с ножницами в руках. Ветерок шевелит цыплячий пух на его висках.

— Бóрис,— говорит он, делая ударение на первом слоге.— Не пора ли тебе подстричься? Заходи, кресло свободно.

Позвякивая ножницами, он ждет, пока я сниму пиджак и сяду в кресло.

— Как ты думаешь, чего он боялся?

Майкл посвистывает у меня за спиной, пригибает мой подбородок к груди, потом отвечает:

— Если будешь думать о каждом плачущем мальчишке, станешь лысым, как я.

— А ты разве от этого облысел, Майкл?

Майкл пожимает плечами.

— Может быть, и от этого. Может быть, от другого. Может быть, от всего вместе,— бормочет он, позвякивая ножницами.

Я люблю бывать в парикмахерской у Майкла. Он уже стар. В 1914 году он видел императора России и маленького царевича, когда Николай II делал смотр войскам, стоявшим в Галиции. В 1925 году в Варшаве его чуть не затоптали уланы, когда по улице проезжал Пилсудский. Майкл работал каменщиком на строительстве в Сиднее, торговал бананами в Бангкоке, играл на скрипке в ресторане Рио-де-Жанейро. Ах, Америка, Америка! Он приехал сюда с двумя долларами в кармане.

Дайте мне ваших уставших, бедных,
Ваши толпы, жаждущие вздохнуть свободно...
Я поднимаю факел над золотой дверью!

Так написано на статуе Свободы в нью-йоркском порту.

Здесь можно было стать миллионером. Он не стал. («Бóрис, если ты назовешь мне полдюжины миллионеров родом из Галиции, я буду брить тебя бесплатно до самой смерти»). Стоило ли бродить по свету, чтобы сделаться парикмахером в Нью-Йóрке? Правда, у него теперь своя парикмахерская и сын Изя играет на скрипке. («Хуже, чем Ойстрах, конечно, но выступает по радио и по телевидению. Не слушал его, Бóрис? Обязательно послушай!»)

У него нет никого, кроме жены и сына. Все его родные лежат в земле далекой Галиции, расстрелянные нацистами.

В парикмахерской два кресла, два зеркала, две раковины, но работает Майкл один. Зачем ему два кресла?

— Ты еще молодой, Бòрис,—задумчиво говорит он.— Ты еще не знаешь, как одиноко бывает в старости. Ты вообще многого еще не знаешь, мой юный друг. Что ты, например, знаешь о пуэрториканцах?

Что я знаю о пуэрториканцах? Я вижу их каждый день. Они живут в двух кварталах от нас, между Бродвеем и Колумбус-авеню. Душными летними вечерами, когда Нью-Йорк становится лиловым, в их квартале людно и шумно. Все население на улице. Мужчины и женщины сидят на ступеньках. Ребятишки снуют между автомашинами. Открыты все окна, и в каждом по две-три головы. На улице пьют пиво из жестяных банок. На улице играют в карты, дерутся, поют. На улице шестнадцатилетние смуглые красавицы в простеньких платьицах без устали пляшут под гитару и целуют своих возлюбленных.

Пустынно и грустно в этом квартале зимой, когда пронизывающий ветер с Гудзона гонит по асфальту мокрые листы старых газет и печальные старухи пуэрториканки безмолвно смотрят сквозь оконные стекла на хлопья снега, который они никогда не видели на своем солнечном покинутом в поисках счастья острове.

...Скрип двери прерывает мои размышления.

— Хелло! — говорит вошедший.

— Еще жив, старый башмак? — вместо приветствия спрашивает парикмахер.

— Старый солдат никогда не умирает! — торжественно отвечает новый клиент дребезжащим голосом.

Это наш почтальон, старик с синими склерозными жилками на лице, всегда чуть-чуть пьяный и словоохотливый. Все жильцы нашего дома зовут его Старый солдат, и я подозреваю, что никто не знает его настоящего имени.

В зеркало я вижу, как почтальон садится и роется в карманах своей сиреневой форменной куртки в поисках трубки. Он закуривает и спрашивает:

— Ну, что нового?

— А что может быть нового? — пожимает плечами парикмахер.— Вот разве...— И он рассказывает о пуэрториканском малыше.

Старик слушает внимательно, крякает, выпускает клубы дыма и бормочет:

— Бедный малый, бедный малый! Вот послушайте, что я вам расскажу,— говорит он, усаживаясь поудоб-

нее.— Не так давно я заменял заболевшего почтальона в Испанском Гарлеме. Работал там целую неделю. Каждое утро на ступеньках старого дома, который гораздо старше, чем я, меня ждала девочка лет десяти. Сидела с гитарой на коленях, что-то бренчала и напевала. Когда, наконец, я вручил ей письмо от отца, она захлопала в ладоши и, не успел я опомниться, схватила мою руку и поцеловала.

«Ах ты, глупенькая! — сказал я.— Ты бы лучше мне что-нибудь сыграла или спела».

«Я должна сперва отнести письмо маме,— ответила девочка.— Заходите к нам, я вам сыграю».

Я зашел, извинился, конечно, перед матерью, сел, огляделся. Напрасно говорят, что пуэрториканцы неряхи. Такой чистоте, что была в комнате, позавидовала бы любая леди с Парк-авеню. Все бедненькое, старое, убогое, но все вымыто и выскоблено до блеска.

Пока мать читала письмо, девочка настроила гитару, а потом заиграла. Ну, ребята, такой игры вы не слышали никогда, за это я ручаюсь. Мать вдруг оторвалась от письма и воскликнула как-то странно:

«Дверь! Дверь!..»

Парнишка лет пяти, брат девочки, бросился к двери на кухню и захлопнул ее. Он не отошел от двери, а продолжал там стоять, держась за ручку, как будто ожидал, что кто-то будет пытаться открыть дверь из кухни. Я удивился, но скоро забыл об этом. Да, никогда я не слышал такой игры!

«Кто научил тебя?»

Девочка кивнула на мать.

«Сыграй, дочка, «Гарлемский ноктюрн»,— сказала женщина.

И тут что-то произошло. Мальчишка взвизгнул и со всех ног ринулся от двери к матери. Девочка с гитарой прыгнула на кровать. Дверь из кухни заскрипела и чуть-чуть приоткрылась. В комнате было полутемно, и мне показалось, что из щели между дверью и стеной высунулась голова кошки. Кошка протиснулась в щель и побежала к кровати, на которой кричала девочка. Когда она поравнялась со мной, я понял, что это не кошка, а крыса, огромная крыса...

— Да, это была крыса,— продолжал Старый солдат, пососав потухшую трубку.— Когда она пробегала мимо

меня, я пнул ее носком ботинка. Она шлепнулась на пол, потом встала на задние лапы, оскалилась и завизжала. Это была огромная рыжая крыса с седыми усами, с какими-то мохнатыми бровями и с длинными розовыми сосками на гладком брюхе. Наверное, у нее были детеныши. Она стояла на задних лапах и визжала, поворачивая оскаленную морду то ко мне, то к орущему на руках матери малышу, то к девочке. Заплакал маленький, которого я раньше и не заметил. Он, оказывается, спал в углу.

Размахивая своей сумкой,— рассказывал почтальон,— я загнал крысу в угол, и она исчезла где-то под ящиком у стены.

«Она всегда приходит, когда Мария начинает играть»,— сказала мать.

...Мы молчим, ножницы Майкла клацают у меня над ухом. Почтальон надевает очки и углубляется в газету, которая лежит у него на коленях.

— Ишь ты какой! — бормочет он, не отрываясь от газеты.— Его бросила любимая женщина, и поэтому он хочет воевать во Вьетнаме. Видали такого умного?!

За окном начинается дождь. Потоки воды смывают с города лиловый цвет. Улица становится серой. Шелест автомобильных шин слышнее долетает с Бродвея.

— Богу хвала! — восклицает Старый солдат.— Немного воздух будет почище. А то ведь дышать нечем. Ученые говорят, что над Нью-Йорком на огромной высоте постоянно висит пыльное облако. Так высоко, что его не видно с земли. Не читали об этом? Висит, говорят. Как же там ангелы живут?

В зеркале я вижу, что почтальона клонит в сон. Голова его опускается на грудь, газета соскальзывает с колен на пол. Что ему снится? Может быть, пушистое белоснежное облако и ангелы с золотыми трубами?

Майкл молча правит бритву, шаркает ею по ремню, задумчиво смотрит на второе, вечно пустующее кресло.

Неожиданно почтальон вздрагивает и поднимает голову.

— Честное слово,— бормочет он,— такой крысы я никогда еще не видел...

И снова закрывает глаза.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ЕСТЬ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

— Я хочу есть!

Это сказал Димка. Таня молчит. Она никогда не хочет есть. Даже доктора удивляются.

Продукты, наверное, плавают в ящике, где утром был лед. «Кьянти», наверное, нагрелось и потеряло свой вкус. Пора бы остановиться и разжечь жаровню.

Но где остановиться? Катскиллские горы растаяли в сиреневой дымке позади нас. Мы мчимся по равнине. Справа и слева дубовые рощи. Вправо и влево от автострады отходят дороги, но справа и слева указатели: «Частная собственность».

Рабочие покрывают участок дороги новым асфальтом. Какой-то движок трещит у обочины. Высунувшись из машины, кричу:

— Где здесь место для пикника?

Рабочие опираются на лопаты. Моторист выключает движок. Небольшое совещание вполголоса, потом спор о том, как лучше туда проехать. Это миль двадцать отсюда в сторону. Двадцать миль по здешним дорогам — не расстояние, но нам нельзя отклоняться от маршрута. Наш маршрут утвержден в государственном департаменте США, и любое его нарушение, даже нечаянное,— это уже чрезвычайное происшествие с возможными неприятными последствиями.

Трое парней покуривают у магазина, лихо поплевывая на тротуар.

— Эй, ребята, где здесь место для пикника?

Оказывается, на озере миль пятнадцать в сторону от нашего маршрута.

— Я тоже хочу есть,— неожиданно говорит Таня, когда мы проносимся мимо очередного объявления: «Частная собственность».

Можно, конечно, остановиться у любой харчевни, но ведь в багажнике мокнут продукты и киснет «Кьянти». Проедем немного еще.

— А поесть было бы неплохо.

Это говорит Димкина мама, провожая глазами проплывающий справа столбик с дощечкой: «Въезд воспрещен. Частная собственность».

А что, если взять и свернуть за этот столбик с дощечкой? Расположиться на полянке. Придет хозяин с дробо-

виком или его управляющий или подъедет полицейская машина. Заставят заплатить за помятую траву, за попрание закона о неприкосновенности частной собственности, за надругательство над святыней.

За тысячу миль отсюда, в штате Южная Дакота, на окраине большого города стоит кузов автобуса без колес. На крыше — труба. По-видимому, внутри кузова сложена печка. Но двадцатый век есть двадцатый век, и к навечно приземленному автобусу, превратившемуся в вигвам для семьи индейца, тянутся провода электрического освещения.

Меня привез к этому автобусу местный журналист, милейший человек, хорошо знающий жизнь индейцев. Фотографировать из машины было неудобно, и американец, круто свернув, подкатил к самому вигваму. Четверо смуглых, скуластых, босоногих и грязных парнишек, смущенно хихикая, создали в рамке видоискателя живописную группу на фоне безногого автобуса.

И вдруг в видоискателе появилась еще одна фигура. Это был хозяин вигвама. Наверное, он уже приложился к фляжке по случаю воскресного дня, что и придало ему агрессивности, но дело не в этом. Дело в том, что, по существу, он был прав со всех юридических точек зрения. Размахивая кулаками перед моим фотоаппаратом, индеец произнес страстный монолог, смысл которого сводился к тому, что мы вторглись в его частное владение, нарушили право частной собственности, растоптали договор, когда-то заключенный белыми с вождем его племени. Мы оккупировали его землю. Я бросил взгляд вокруг и в смущении осознал, что под нашей машиной лежит половина его земли. Я своими двумя ногами и сумкой с фотопринадлежностями, которую поставил у ног, занимаю шестнадцатую часть. Мой друг, присевший на траву и сложивший ноги калачиком,— шестнадцатую часть. Итого — пять восьмых. Только три восьмых оставались индейцу и его четырем чадам.

Что было делать? Я посмотрел на моего друга.

— Дай ему доллар,— спокойно посоветовал тот.

— А не мало?

— Ну что же, я дам другой.

На долларе был изображен Великий Президент. Индеец молча смотрел в глаза президенту. Потом усмехнулся. Я никогда не забуду этой усмешки. Наверное, так понимающе, презрительно и в то же время грустно улыбались

вожди племен, когда до них доходил коварный смысл договоров, заключенных с бледнолицыми братьями.

Мы влезли в машину и выехали на дорогу, освободив землю индейца, все восемь восьмых его частной собственности. Мы поехали к Гарри Дональду, детскому врачу. Его молоденькая беременная жена, красавица полукровка, развешивала на веревке белый докторский халат, только что вынутый из стиральной машины.

— Он еще не вернулся из резервации,— сказала она, одергивая платьице.

Но мой друг журналист, милейший человек, знал, где разыскивать Гарри. Он повез меня прямо к бару «Ястреб». Гарри уже вернулся из резервации и пил третий бокал «Драй мартини». Сухощавый, черноволосый, нос с горбинкой. Ворот белой рубашки расстегнут, галстук развязан, рукава закатаны выше локтя. Докторский саквояжик стоит на полу в ногах.

— Хэлло, Гарри!

— Хай, Стив!

— Познакомься: мой друг из Нью-Йорка.

— Рад вас видеть, мистер.

После третьей порции «Драй мартини» уже кружится голова. Пожалуй, нам не догнать Гарри. Бармен то и дело трясет своим никелированным снарядом 76-го калибра, в котором смешивается коктейль — этот нитроглицерин, бесшумно взрывающийся в глубине вашего мозга.

— Что нового в резервации, Гарри?

— Туберкулез у Рочестеров, чесотка у мальчишки Смита, трахома у младенца Флемминга, туберкулез у девочки Гладсона, у Питерсона туберкулез в открытой форме. Тебе достаточно или продолжать?

Язык у Гарри заплетается.

Эти Рочестеры, Смиты, Флемминги, Гладсоны, Питерсоны не только его пациенты. Они его братья по крови. Гарри — чистокровный индеец родом из штата Оклахома. Тамошним индейцам повезло. В двадцатых годах на территории их резервации геологи нашли нефть. Перестрелять индейцев было уже нельзя: двадцатый век есть двадцатый век, ничего не поделаешь. У них купили эту землю. За бесценок, как поняли индейцы позже. Но они слишком поздно это поняли.

Нищие индейцы неожиданно оказались богачами. Газеты прямо надрывались от смеха. Чего только не писали

об индейцах! Дескать, один поставил у себя в новом доме тридцать четыре телефона, по два в каждой комнате, включая ванные и уборные. Другой будто бы купил шестнадцать автомобилей и больше всего любил ездить в похоронном катафалке.

Деньги кончились так же неожиданно, как появились.

Отец Гарри, внук вождя Соколиный глаз, был мудрее других. Он не покупал ни телефонов, ни автомашин. Он ждал, когда подрастет Гарри, его средний сын (старший умер от чахотки), чтобы дать ему образование.

Гарри стал врачом и переехал в Южную Дакоту. Каждое утро на своем «форде» он отправляется в резервацию. Индейские ребятишки — его единственные пациенты (белые предпочитают белых докторов), но и их ему хватает на целый день. С индейцев он ничего не берет: за них ему платит министерство здравоохранения.

Частенько, вернувшись из резервации, Гарри оставляет машину на заправочной станции и идет в бар «Ястреб», что напротив бензоколонки. Домой из бара он отправляется на такси (лучший вариант), а то и в полицейском автомобиле. Однажды поехал на своей машине и сильно разбил ее в трех кварталах от дома.

— Смешная история,— говорит он, хлопая по колену моего друга.— Парнишка Гейбл опять удрал из школы. Директриса интерната, эта старая сука, запирала его на ночь в чулан за то, что он мочился во сне. У мальчика больной мочевой пузырь. А в чулане крысы. Он орал там целые ночи напролет, но никто не слышал, потому что чулан в подвале. А на уроках спал. Однажды так и загремел на пол в тот самый момент, когда учительница рассказывала о Декларации независимости. Ну, не смешно ли это, Стив?

— Наисмешнейшая история,— сухо отвечает мой друг, глядя куда-то в сторону.

— Обожди, дослушай до конца,— продолжает Гарри.— За ним приехали в резервацию, а найти не могут. Только что был мальчишка и как в воду канул. Знаешь, где он прятался? Он сидел под водой в ручье и дышал через тростниковую трубочку. Каково! Сейчас лежит с крупозным воспалением легких. Мечется в бреду. Никак не может вспомнить, когда была подписана Декларация независимости. Налей-ка нам еще, приятель, по бокалу.

Мой друг делает предостерегающий жест бармену.

— Вам нельзя больше, мистер Дональд,— как можно мягче говорит бармен.— Завтра с утра вам снова нужно быть там.

Там — это за городом, где начинается коричневая пустыня, морщинистая, сухая, безжизненная и печальная, как лицо старого индейца. Там — это где туберкулезные Рочестеры, Смиты, Флемминги, Гладсоны, Питерсоны — чахлые росточки на поваленном дереве, остатки народа, когда-то владевшего Америкой от Тихого океана до Атлантического. Там — это где плачет в бреду мальчишка Гейбл, никак не вспомнив, когда была подписана Декларация независимости. Там — часть ада, где все угли уже догорели.

— Ну, еще один бокал,— просит Гарри.— Последний.

Бармен, взявшийся было за никелированный снаряд, сникает под суровым взглядом моего друга.

Глаза Гарри наливаются кровью. Звенят бокалы, падающие со стойки. Мы подхватываем Гарри под руки и ведем к выходу. Бармен несет за нами докторский саквояж.

— Ума не приложу, отчего он так напивается? — говорит бармен.

— Я знал одного бармена, который разорился оттого, что много думал,— саркастически замечает мой друг.

Мы везем Гарри домой к его беременной красавице жене, которая, уже, наверное, отутюжила его докторский халат и сейчас вяжет чулочки для будущего малыша. Скоро на свет появится еще один индеец — еще один слабенький побег на поверженном дереве.

Мы везем Гарри по ночному городу. Мы проезжаем мимо автовигвама индейца, с которым поссорились днем. Все восемь восьмых его личной земли свободны, и над автобусной двустворчатой дверью горит электрическая лампочка. Двадцатый век есть двадцатый век!

НОЧЬЮ В МОТЕЛЕ

Вечером, когда машина стоит у дверей вашей комнаты, когда из багажника вытащены чемоданы и ночные пижамы сунуты под подушку, когда ребятишки до дрожи накупались в открытом бассейне, вода которого у дна подсвечена

разноцветными лампочками, когда уже позвонили в Нью-Йорк и узнали, что обе Юли, Вася и Алена здоровы, когда день кончился, а спать еще рано — что остается делать?

Можно еще раз обвести глазами комнату. Две кровати, две тумбочки, два кресла, телефон, телевизор. На стене регулятор температуры. Электрическая плитка, на которой стоит кофейник из огнеупорного стекла. Если в кофейник налить воды, плитка автоматически включится под ее тяжестью. Разлей горячий кофе по чашкам, и плитка автоматически выключится. Рядом лежат пакетики с кофе, сухим молоком и сахаром. Это сервис.

Глаза скользят по комнате. Чего же здесь не хватает? Ах да, где же библия? Вот, вот она здесь, в тумбочке. Ее читал кто-то прошлой ночью перед сном, загнул уголок странички и ногтем провел черточку на полях рядом со словами:

«И начал Иов и сказал:

— Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: «Зачался человек!»

...О! Ночь та, да будет она безлюдна, да не войдет в нее веселие!»

Отложена в сторону библия, и взгляд останавливается на телефонной книге. Она — как переключатель. Раскройте ее — и нет никакого Иова, проклявшего свой день рождения, есть маленький американский город, восемнадцать тысяч двести тридцать пять душ, включая младенцев. Брауны, Смиты, Когены, Фримены, Уайты, работающие на местных фабриках, в автомастерских, аптеках, банках, магазинах, барах, парикмахерских. «Делаем в присутствии заказчика...», «Доставляем на дом...», «Производим в рекордно короткие сроки...», «Нигде, кроме как у нас...», «Самые лучшие в Америке...», «Самые прочные в мире...», «Звоните по телефону... Звоните... Звоните... Звоните...»

Телефонная книга убила еще полчаса времени, которого сегодня вечером (о, чудо!) такой избыток, что это неожиданное богатство начинает тяготить. В углу комнаты уже светится экран телевизора. Это еще один переключатель, которого коснулась рука Тани. Легкий щелчок — и нет уже ни реально существующих Браунов, Смитов, Когенов, Фрименов и Уайтов с их заботами, печалями, радостями и страшной усталостью от вечного желания быть самыми лучшими в Америке, есть смешной марсианин, живущий инкогнито на Земле. Надоел марсианин — еще щелчок

переключателя — и вот перед вами ковбои Среднего Запада, еще не знающие телефонов и телефонных книг, еще не постигшие формулы «нигде, кроме как у нас», беглые каторжники, добродушные индейцы и благородные шерифы, стреляющие с обоих бедер из двух пистолетов сразу.

Все темнее за окном. Самое время отправиться в ближайший бар (в двух милях от мотеля на север согласно телефонной книге) и посидеть над стаканом виски с содовой водой (наперсток виски, треть стакана воды, остальное — кубики льда). В баре полумрак. Мерцает телевизор, подвешенный на цепях к потолку. Ковбой ловко накидывает лассо на шею дикой кобылицы; беглые каторжники хотят отобрать лошадей у добродушных индейцев, но уже скачет на помощь благородный шериф.

Мой сосед опустошает третий стакан. Это тоже переключатель, когда ни библия, ни телевизор не помогают забыть, что завтра с утра снова нужно что-то производить в рекордно короткий срок, снова стараться быть лучшим в Америке, иначе безжалостно затопчут другие «самые лучшие», вот так же безжалостно, как на экране топчет конем соперника благородный шериф, умеющий стрелять из двух пистолетов сразу.

Вы возвращаетесь в мотель и видите, что Таня все еще сидит у телевизора. Она вздрагивает, когда вы открываете дверь, и восклицает:

— Как страшно, папа!

На экране драка. Преступник занес нож над девушкой удивительной красоты; но уже спешит на помощь благородный полицейский, умеющий... Нет, с нас хватит! Телевизор, как и виски, хорош в меру. Вы берете транзисторный приемник и выходите на воздух.

Мотель в форме буквы «П» стоит на холме. Американская ночь разучилась быть темной даже в провинции. Внизу у шоссе горит зеленая реклама мотеля. В двух милях к северу мерцает вывеска бара. Это световое оформление ночи. Темное небо светлее на горизонте: там город. Светящиеся шарики катятся по дороге навстречу друг другу: пара светлых — передние фары, пара рубиновых — задние. Ночь отучили и от тишины. Вот прошуршали шины по асфальту, хлопнула дверка автомобиля: звуковое оформление американской ночи.

Из приемника тоненькой струйкой сочится музыка. Но вы не один здесь. Приглядитесь: вон кто-то бродит по ал-

лее, прижав к уху транзистор. Кажется, еще никто не написал исследование о том, как радио помогает американцам преодолевать одну из самых тяжких проблем — одиночество. Одиноких людей, людей, прижавших к уху транзистор,— как звезд на небе. Они в толпе на Бродвее, на пляжах, в парках, даже в кафетериях. Они остаются с транзистором наедине. Может, следовало бы написать исследование о том, как радио усугубляет одиночество?

Теперь из транзистора сыплется какой-то говорок. Послушаем. Местная радиостанция передает последние известия.

«Торговая палата сообщает, что оптовые цены на кукурузу понизились, а на свинину поднялись».

«У миссис Браун родился сын; наследник и роженица — «ол райт!». Леди и джентльмены! В этой великой стране каждую минуту рождается 8 человек, 12 тысяч в день, почти 82 тысячи в неделю, около четырех с половиной миллионов в год. Только в Нью-Йорке ежедневно в среднем женятся 270 пар».

«У мистера Смита вырезали аппендицит; он тоже «олрайт!».

«Пропала собака у миссис Уайт; нашедшему обещана награда».

«В начале учебного года из школ Нью-Йорка было отчислено 1250 беременных школьниц в возрасте от 14 до 16 лет. Леди! Не спускайте глаз с дочерей!»

«Девятнадцатилетний Рич Кук на конкурсе в штате Айдахо танцевал твист 36 часов и 3 минуты с трехминутным перерывом через каждый час и двадцатиминутным — после 5 часов. Приняв от жюри в награду транзистор, Рич свалился без памяти. Молодец, Рич!»

«Покупайте пиво «Шлитц» в магазине Олдрича! Для доставки на дом звоните по телефону...»

«Бывшая секретарша покойного президента Кеннеди рассказывает, что он догадывался о готовящемся на него покушении. Однажды президент отказался ехать в церковь без начальника его личной охраны.

— Не будут же они стрелять в церкви! — пыталась убедить президента его секретарша.

— Если они захотят расправиться со мной, они сделают это даже в церкви,— ответил президент».

«Известный обозреватель Рестон рассказывает, что незадолго до трагической гибели Кеннеди беседовал с жур-

налистами. Неожиданно, к удивлению всех, он вынул из кармана бумажку и прочитал отрывок из пьесы Шекспира:

Закат в крови. Прекрасный день, прощай!
К какой же стороне примкну? К обеим
Примкнула я. Протянута ко мне
Рука из каждой рати; их держу я,
И в ярости своей меня на части
Они готовы разорвать.— Не в силах
Молиться о твоей победе, муж! —
Молиться о твоем разгроме, дядя,
Должна я.— Не могу тебе, отец,
Желать удач.— Твоих желаний, бабка,
Не разделяю.— Кто б ни победил,
Я поплачусь; мне в проигрыше быть.

«Покупайте автомобили Форда. Звоните по телефону...»

«Леди и джентльмены! Вот несколько удивительных и забавных фактов относительно президента Линкольна и президента Кеннеди. Линкольн стал президентом в 1860 году. Кеннеди — в 1960. Имена обоих (Lincoln, Kennedy) состоят из семи букв. И тот и другой лишились сыновей. Оба были убиты в пятницу. Оба были ранены в голову в присутствии жен. Оба террориста, покушавшиеся на президентов, были убиты до суда. Имена обоих террористов, Бута (John Wilkes Booth) и Освальда (Lee Harvey Oswald), состоят из 15 букв. После смерти Линкольна президентом стал южанин Джонсон. После смерти Кеннеди президентом тоже стал южанин Джонсон. Первый родился в 1808 году. Второй — в 1908 году. Убийца Бут родился в 1839 году. Освальд — в 1939 году. Бут убил Линкольна в театре и скрылся на складе. Освальд стрелял в Кеннеди из склада и пытался укрыться в кинотеатре. Линкольн был убит в театре Форда, Кеннеди — в автомобиле «линкольн» производства Форда».

«Покупайте зубную пасту «Крэст». Аптека Смита доставляет на дом. Звоните по телефону...»

«Продолжаем выпуск последних известий, леди и джентльмены. Фирма «Трейсерс», специальностью которой является розыск пропавших лиц, заявляет, что количество мужей, бегущих от жен, непрерывно увеличивается и уже достигло рекордной цифры — 75 тысяч в год. Чаще всего бегут из дома мужья в возрасте от 44 до 51 года. На 25 беглых мужей приходится всего одна беглая жена. Леди! Не спускайте глаз — ха-ха-ха — со своего супруга!»

И снова:

«Покупайте!.. Звоните по телефону... Звоните... Звоните... Звоните...»

Таня уже спит, забыв выключить телевизор. Забавный марсианин сохранил свое инкогнито; отстрелял свою ежедневную порцию благородный шериф; каторжники пойманы и лошади возвращены добродушным индейцам; похоронена красавица, которую не успел спасти полицейский. Теперь время последних известий. Включается центральная студия в Нью-Йорке. Знаменитый Уолтер Кронкайт чеканит каждое слово: «Вьетнам...», «Бомбардировщики «Б-52»...», «Белый дом...».

Эту пленку прислал нам из джунглей Южного Вьетнама наш корреспондент Морли Сейфер».

Растерянное лицо корреспондента:

«Я бы не поверил этому, если бы я не снял все это сам вот этой кинокамерой».

Солдат подносит факел к тростниковой хижине... Солдат бьет прикладом вьетнамскую крестьянку... Солдаты в противогазах бросают гранаты с газом в тростниковые хижины... Мертвый ребенок на руках у обезумевшей матери...

Америка, Америка! Да есть ли у тебя совесть?

Есть! Вот она вспыхивает живым факелом у стен небоскреба ООН: человек сжигает себя, протестуя против войны во Вьетнаме. Совесть Америки бушует у ограды Белого дома. «Позор убийцам! — скандируют демонстранты.— Не играйте с огнем, мистер президент!»

Корабли с морской пехотой уходят в море. Из самолетов, прибывших из Сайгона, выгружают цинковые гробы, покрытые звездно-полосатыми флагами.

Наш почтальон Старый солдат однажды сказал мне:

— Никогда еще со времени прошлой войны я не видел столько испуганных женских глаз. Они почти за каждой дверью, в которую я звоню.

И снова на экране бомбардировщики «Б-52». Уолтер Кронкайт чеканит каждое слово: «Самые лучшие, самые прочные...» На борту самолетов ядерные бомбы. Посмотрите, как ловко бомбардировщики заправляются в воздухе над Испанией! Вот труба самолета-бензозаправщика вводится в горловину бензобака... Ну не чудо ли это!

«Последние известия окончены. А теперь посмотрите кинокартину. Предупреждаем: все, что вы сейчас увидите,— вымысел. В жизни так быть не может».

Перед нами Центр командования стратегической авиации в Омахе (штат Небраска). Как будто все идет нормально. Но что это? Замыкание в командном электронном устройстве. Устройство передает какие-то приказания шестерке бомбардировщиков.

Кабина самолета. Сосредоточенные лица летчиков. Перед ними на панели загораются разноцветные лампочки. Боевая тревога! «Вскрыть пакет № 1!» — приказывает электронный командир из Омахи. Рука пилота тянется к нагрудному карману. Расстегнута «молния». Вскрыт пакет. Пилот бледнеет. На листке бумаги три слова: «Удар по Москве».

В Омахе лихорадочно ищут повреждение.

Шестерка бомбардировщиков круто разворачивается и берет курс на Москву.

Докладывают президенту. Он приказывает соединить его по радио с командиром эскадрильи. Генерал, стоящий рядом, скептически покачивает головой: летчики приучены выполнять только электронные приказы и ничьи больше.

«С вами говорит президент Соединенных Штатов! — кричит в микрофон президент.— Произошла ошибка! Приказываю немедленно повернуть обратно!»

Кабина самолета. Растерянные лица летчиков. Они слышат голос президента. Первым приходит в себя командир эскадрильи. «Как эти красные здорово имитируют голос президента,— ворчит он.— Продолжать полет!»

В Омахе лихорадочно ищут повреждение.

В Пентагон привозят жену командира эскадрильи. «Боб! — рыдает она перед микрофоном.— Боб! Это я, Марджи. Боб, произошла ошибка! Заклинаю тебя нашими детьми, Боб! Поверни обратно!»

Кабина самолета. На лице командира тревога, сомнение, почти ужас. Пересиливая себя, он выключает радио. «Даже жену имитируют»,— бормочет он.

Бомбардировщики продолжают полет.

«Чего нам будет стоить ответная атака русских ракет?» — спрашивает президент советника. Тот заглядывает в папку и отвечает: «Первый удар русских унесет свыше семидесяти миллионов американских жизней». Президент потрясен.

В Омахе лихорадочно ищут повреждение.

«Выслать истребители-перехватчики и сбить все бом-

бардировщики»,— приказывает президент. Генерал, стоящий рядом, скептически покачивает головой.

Пентагон. Во всю стену — карта. Шесть крупных светящихся точек приближаются к Северному полюсу. Это бомбардировщики. Над Гренландией загораются девять маленьких светящихся точек-истребителей. Вот они нагоняют бомбардировщики. Над Северным полюсом идет воздушный бой. Гаснет одна точка покрупнее — бомбардировщик. Один сбит. Гаснут сразу три маленькие точки. Три истребителя сбиты. Остальные отстают. Пять крупных точек переваливают через Северный полюс.

Президент приказывает соединить его с советским премьер-министром. «Я хочу сообщить вам нечто важное»,— начинает президент.

«О бомбардировщиках, что идут в нашу сторону? — перебивает его советский премьер-министр.— Мы внимательно следим за ними и готовы к встрече. Но что все это значит? Что значит воздушный бой над Северным полюсом? Объясните!»

«Произошла страшная ошибка,— говорит президент,— испортилось электронное управление...»

«Почему я должен верить вам на слово? — спрашивает собеседник из Москвы.— Если на нашу землю упадет хоть одна бомба, мы ответим всем, чем располагаем!»

«Он имеет в виду новое секретное оружие»,— объясняет президенту генерал, стоящий рядом.

«Это — оружие, от которого нет спасения»,— печально добавляет советник.

Над просторами Арктики завязывается воздушный бой между советскими истребителями и американскими бомбардировщиками. На карте в Пентагоне гаснут еще две точки. Осталось три.

«Надо убедить русских в том, что это ошибка, а не начало войны,— говорит президент.— Иначе мировая катастрофа. Но как убедить их? Как?»

Три светящиеся точки уже над территорией Советского Союза. Навстречу им устремляются стрелы ракет. Сразу гаснут еще две точки.

Оставшаяся делает зигзаги, свет ее не так ярок, но она все же упорно идет на Москву.

«Господин премьер-министр,— говорит в телефонную трубку президент.— Над вашей территорией остался один

бомбардировщик; он, по-видимому, подбит, но он может прорваться к Москве. Чтобы убедить вас в том, что это не война, а ошибка, я предлагаю единственное, что я могу предложить. Если наш бомбардировщик прорвется к Москве, я в ту же минуту прикажу сбросить бомбу на Нью-Йорк...»

Президент вызывает своего старого друга, военного летчика, и приказывает ему лететь на Нью-Йорк с ядерной бомбой на борту.

Генералы в Пентагоне поднимают бунт, пытаются захватить власть в Вашингтоне, но их разоружают. Один из офицеров, участвовавший в подавлении бунта, связывается по радио с советским генеральным штабом.

«Кто у телефона?» — спрашивает офицер.

«Генерал Евский,— отвечают из Москвы.— С кем я говорю?»

Адъютант протягивает офицеру раскрытую папку досье. Офицер бросает взгляд на первую страницу и тихо спрашивает в трубку:

«Ваня? Это ты? Здравствуй!»

«Здравствуй, Джон,— отвечают из Москвы.— Я узнал тебя по голосу».

«Как твой сын, Ваня? — спрашивает офицер.— В Берлине он был совсем еще маленьким».

«Кончил институт. А как твоя дочь?»

«Вышла замуж. Я уже дед, Ваня... Сколько осталось до... Ты понимаешь меня?»

«Четыре минуты тридцать секунд»,— следует сухой ответ из Москвы.

Президент сидит, сжав голову руками. На стене его кабинета тикают часы.

Светящаяся точка на карте в Пентагоне делает зигзаги в окружении стрел-ракет.

Тикают часы...

Бомбардировщик, посланный президентом, разворачивается над небоскребами Нью-Йорка.

Тикают часы.

Улицы Нью-Йорка. Девочка прыгает через веревочку. Женщина катит коляску. Танцуют твист. В парке целуются двое...

Тикают часы...

Осталось две минуты...

Улицы Нью-Йорка. Девочка прыгает через веревочку.

Мужчина расплачивается за такси. Женщина поправляет одеяльце в коляске. В парке целуются двое. Они ничего не знают! Ничего не знают...

Тикают часы...

И...

Неожиданно...

Неожиданно телевизор гаснет. Надо же быть такому: перегорел! Или, может быть, замкнулось в нем что-то, как в электронном аппарате в Центре управления стратегической авиации? Вот тебе и «самое прочное в мире»!

Так мы и не узнали, чем кончилась эта история. Надо полагать, бомбардировщик не долетел до Москвы.

В комнате темно. Ровно дышит во сне Таня. Внизу за окном горит зеленая реклама мотеля. Светящиеся шарики катятся по дороге навстречу друг другу: пара светлых — передние фары, пара рубиновых — задние. Небо светлее на горизонте: там — город. Там сейчас ложатся спать напуганные телефильмом Брауны, Смиты, Фримены, Когены, Уайты. Почему-то становится жалко их. Жалко их город, их телефоны, их уютные домики, их детей. И еще почему-то вспоминаются слова библейского Иова, проклявшего свой день рождения и ночь своего зачатия: «О! Ночь та, да будет она безлюдна, да не войдет в нее веселье!»

Засыпая, вы слышите, как шелестят шины под вашим окном, как хлопает дверка автомобиля и смеется какая-то женщина.

— Ты дурачок,— говорит кому-то женщина.— Тебе все это приснилось.

Женщина смеется...

Все тише..

Тише...

Тишина...

А когда утром с чемоданами в руках мы вышли из комнаты, солнечные лучи хлестнули по нашим глазам, и мы зажмурились. А когда открыли глаза, то увидели, что у соседней двери стоит машина с огромными белыми буквами на багажнике «Just married!»[1]. Машина была украшена белыми лентами, испещрена шутливыми надписями, и мы, неизвестно чему улыбаясь, смотрели на нее, как на чудо.

---

[1] Только что поженились!

ЗАВЕЩАНИЕ БАРБАРЫ ХАНТЕР

Приемник в нашей машине не умолкает. Давно исчезли радиостанции Нью-Йорка. Одна за одной возникают и исчезают радиостанции маленьких городков, через которые мы проезжаем. Дикторы информируют нас о местных оптовых ценах на пшеницу и говядину, о курсе акций на бирже, о рождениях и смертях, о сломанных руках и пропавших любимых кошках, о подвиге местной бейсбольной лиги «Драконы», победившей «Крокодилов». Нам предсказывают хорошую погоду. Дин Мартин поет нам:

Каждый кого-нибудь любит,
Каждый влюбляется по-своему...

А однажды мы услышали:

«Богатый холостяк из штата Колорадо завещает все свое состояние трем пожилым дамам, за которыми он ухаживал в молодости и ни одна из которых не пожелала выйти за него замуж. «Им я обязан исключительным спокойствием прожитой жизни»,— сказано в завещании. Каково? Вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное, леди и джентльмены? Это же просто невероятно!»

Пустяки! Мы слышали и не такое!

Был серый, душный нью-йоркский вечер. Тысячи автомашин медленно катились по берегу Гудзона. Почти впритирку. Как говорят американцы, «нос к хвосту». Был конец недели, и все, кто мог, спешили вырваться из влажных, дымных ущелий гигантского города. То и дело на автостраде возникали пробки.

Где-то в районе сотых улиц я почувствовал, что впереди происходит что-то необычное. Приближаясь к определенному месту, машины начинали тревожно сигналить и в испуге шарахаться в стороны. Скрежетали тормоза.

Подъехав к этому загадочному месту, я скорее инстинктивно, чем сознательно, круто положил руль налево, едва не задев соседний «кадиллак». Если бы я не сделал этого, я наехал бы на человека, который неожиданно возник передо мной. Это от него шарахались машины, ехавшие впереди.

Вид человека был страшен. Безумные глаза. Рот разорван в крике. Он метался в стаде гудящих машин и вопил:

— Убейте меня!.. Умоляю!.. Убейте!..

Этот человек еще долго стоял перед моими глазами. Кто он? Почему он хотел умереть? В ту минуту я и не догадывался, что увидел, если можно так выразиться, финальный кадр трагедии.

Или, может быть, комедии? Называйте это как хотите. Но, прежде чем судить, послушайте, что я узнал об этом человеке.

...Да, примерно через месяц в одном из бульварных американских журналов я увидел фотоснимок: знакомая автострада на берегу Гудзона, стадо автомашин и безумные глаза самоубийцы.

Фред Хантер, молодой композитор, был женат на вдове лесопромышленника из штата Теннесси. Барбара была старше его на десять лет, больна и ревнива. Она обладала лишь одним достоинством, которое удерживало около нее Фреда,— она была богата.

У нее было что-то около миллиона долларов, оставшихся от первого мужа. Деньги лежали в банке на имя Барбары. Это было ее богатство, и распоряжалась им только она. «Подожди,— говорила она Фреду,— я скоро умру, и тогда все будет твое. Если, конечно, ты будешь хорошим мальчиком и перестанешь путаться с хористками».

Но время шло, а Барбара не умирала. Ее подозрительность, ревность и дикие скандалы, которые она ему устраивала, доводили Фреда до изнеможения. Жить стало совсем невмоготу, когда у одной из хористок родился ребенок.

Врач, лечивший Барбару, был другом семьи. Он, как и полагается другу семьи, знал и о состоянии в банке и о рождении ребенка. Каждый раз, выходя из комнаты Барбары в гостиную, где его ждал Фред, доктор довольно потирал руки и радостно объявлял: «Не волнуйтесь, мой друг, она скоро поправится. Я делаю для этого все, что в моих силах». В эту минуту Фред готов был задушить доброго доктора.

Сговорились они как-то сразу. Сидели за коктейльным столиком, слушали, как позвякивают кубики льда в стаканах с виски. Молчали долго. Потом Фред спросил: «На пять процентов согласен?», «На двадцать, и ни цента меньше»,— ответил доктор.

Через неделю Барбаре стало хуже. А еще через неделю в доме появились юрист Барбары и какие-то люди из

банка. Они долго о чем-то совещались, запершись в спальне умирающей. Фред понял, что Барбара составляет завещание.

Прошло еще несколько дней, и к постели Барбары позвали священника. Похороны были пышными. Фред плакал, его трясло, и доктор, добрый друг дома, давал ему что-то нюхать из пузырька.

У Барбары не было родственников, и поэтому на оглашении завещания присутствовали только Фред, чиновник из банка и друг семьи — доктор. Теперь трясло их обоих. Даже у представителя банка нервно подергивалось веко. Лишь юрист, монотонно читавший завещание, казался спокойным.

Барбара завещала все свое состояние Фреду, если...— Фред не поверил своим ушам — ... если Фред согласится подвергнуть себя кастрации.

Как рассказать, что было потом?! Как описать вспышку бешенства Фреда? «Нет, дайте мне другое перо!» — восклицал в таких случаях Н. В. Гоголь.

Как визжал Фред! Как он катался по ковру! Как крушил он дорогие статуэтки и вазы! Добрый доктор плакал и нюхал что-то из пузырька, чтобы не лишиться чувств.

Фред не решился на операцию. Тут бы и конец этой трагической и смешной истории, если бы не включились в нее новые действующие лица.

Я забыл упомянуть, что доктор был старым холостяком. И у него была любовница. И этой любовнице он давно проболтался о миллионе Барбары и о преступном сговоре его, доктора, с Фредом. Так что любовница доктора ждала этих двадцати процентов не меньше, чем сам доктор. Не берусь описывать ее бешенство, когда плачущий доктор сообщил ей о необычном условии завещания.

Тем не менее женщина эта пришла в себя раньше других. Первое, что она сделала,— выкрала у доктора «договор», бумажку, где рукой Фреда было написано, что, дескать, он обязался отдать двадцать процентов наследства такому-то, если последний окажет ему некую услугу. Хорошо припрятав эту бумажку, любовница пригласила доктора и Фреда в ресторан, где и объявила обалдевшим от неожиданности джентльменам, что намерена обо всем заявить в полицию, если... не получит пятидесяти процентов. «Но это значит, что я должен стать кастратом»,—

простонал потрясенный Фред. «Разумеется!» — был ответ. Именно за это он и получит свои тридцать процентов!

Уговорить ее оказалось невозможно. Над угрозами она смеялась. Дело принимало совсем паршивый оборот.

И тогда на сцене появляется еще один персонаж, брат Фреда — Уильям.

Недавно разошедшийся с женой, Уильям жил в Чикаго, работал продавцом в автомобильном салоне. Братья не виделись лет пятнадцать, хотя в детстве их трудно было разлучить даже на час. Когда-то они были очень привязаны друг к другу. Может быть, потому, что были очень похожи. Впрочем, «похожи» — это не то слово, когда говоришь о близнецах, которых то и дело путала даже родная мать.

Так вот, к Уильяму и помчался Фред, и я надеюсь, что вы уже поняли зачем.

Он предложил Уильяму половину от своих тридцати процентов. За это Уильям должен был на время стать Фредом, заменить его на операционном столе, получить наследство, расплатиться с доктором и его любовницей и лишь после всего этого вернуться в Чикаго.

Уильям выслушал брата молча. Потом неожиданным ударом в челюсть свалил его на пол. Он бил его ногами и молотил кулаками, пока не устал. Уильям выбросил избитого брата на улицу, так и не проронив ни слова.

В полном отчаянии Фред вернулся в Нью-Йорк. Он стал подумывать об убийстве любовницы доктора. Уже почти решился, когда к нему нагрянул Уильям.

Брат сказал, что согласен стать на время Фредом со всеми вытекающими из этого превращения последствиями. Но за это Уильям требовал те самые тридцать процентов, которые причитались Фреду. «Все или ничего!» — сказал Уильям. Не половину от тридцати процентов, как предлагал ему Фред в Чикаго, а все тридцать.

Дальнейшее читателю известно. Фред сошел с ума.

...Минуло несколько лет, и я забыл об этой истории.

Но вот однажды на Бродвее я увидел фильм Стэнли Крамера «Этот безумный, безумный, безумный мир». Что-то очень знакомым, уже виденным и слышанным не в кинозале, а в жизни показалось мне в этом замечательном фильме. Я вернулся домой, разыскал свою старую записную книжку и сел писать этот рассказ.

Но, перелистывая записную книжку, я наткнулся еще на одну историю. Герой ее в отличие от Фреда, доктора, любовницы доктора и Уильяма — честный человек. Однажды вечером ехал он с работы в своем стареньком автомобиле и наехал на... мешок с деньгами. Мешок был банковский, с надписями и печатями.

Гарри — так звали этого честного человека — положил мешок на сиденье рядом с собой и поехал в полицию. Там очень удивились, куда-то позвонили и выяснили, что мешок этот был потерян при перевозке денег из одного банка в другой. Не переставая удивляться, полицейские составили акт, поблагодарили Гарри и, прежде чем отпустить его с миром, позвали репортеров.

На следующее утро, развернув газеты, Америка ахнула. В мешке, оказывается, было двести пятьдесят тысяч долларов. Я, помню, сам с любопытством рассматривал снимок: мешок с деньгами в руках у полицейского, а рядом смущенный и растерянный Гарри.

Банк высоко оценил честность Гарри: выдал ему премию в пять тысяч долларов. Хозяин какого-то предприятия, расчувствовавшись, пригласил Гарри к себе на работу. Гарри был водопроводчиком по профессии, и деньги, конечно, ему были очень кстати. Старший сын кончал среднюю школу и мечтал о медицинском колледже. Дочь нуждалась в лечении.

К дому Гарри зачастил почтальон. Писали ему со всех концов Америки. Гарри был человеком замкнутым и никому не рассказывал, что там, в письмах. Он их сжигал, едва дочитав до конца.

Городок, в котором он жил, маленький. Кто бы ни ехал на машине мимо, обязательно останавливался и осведомлялся у полицейского, где живет Гарри. Хотели поглазеть на этого необыкновенного человека. Чаще всего спрашивали примерно так: «Послушайте, офицер, где живет этот... Ну, этот идиот, который возвратил четверть миллиона?»

Гарри и в самом деле был необыкновенным человеком. Все удары судьбы переносил молча. Он и сына таким воспитал. И когда застал юношу плачущим в гараже, понял, что дело действительно плохо.

Сын признался, что хочет бросить школу. Две недели он терпел насмешки товарищей, больше не может. Девушка, с которой он дружил, отвернулась от него. Ее родите-

ли сказали, что его отец спятил, а это, говорят, передается по наследству.

Однажды в слезах пришла домой дочь. В школе ее расспрашивали: правда ли, что отец нашел два мешка с деньгами, а возвратил только один? Впервые в жизни Гарри накричал на свою девочку.

Как-то под окнами у Гарри остановилось сразу несколько машин. Это очередные проезжающие решили поглазеть на чудака. Щелкали фотоаппаратами, стрекотали кинокамерами. И тут произошло то, о чем еще, наверное, сто лет будут рассказывать в маленьком городке Ривервилле.

В окне показался Гарри. В руках его было охотничье ружье. Он стрелял, пока не кончились патроны, хотя машин давно уже и след простыл. Стрелял он, как потом выяснилось, вверх, и поэтому зеваки отделались лишь испугом.

После этого в городе уже ни у кого не осталось сомнения в безумии Гарри.

Скоро Гарри уехал из родного города. Где он сейчас живет, никто не знает. Он уехал тайно, ночью, бросив дом и гараж. Он просто бежал, посадив семью в новую машину, которую купил на деньги, полученные от банка в качестве премии за честность.

Но далеко ли убежишь от этого безумного, трижды безумного мира? Даже в новой машине.

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Какие чудесные места мы проезжаем! Многие думают, что Америка — это сплошь небоскребы, трубы заводов и фабрик, асфальт. Совсем нет! Это удивительно зеленая страна с широченными реками и живописными озерами, с густыми лесами, с кукушками в чаще и с жаворонками над полями. Правда, есть много мест, где заводской дым, копоть, промышленная химия убили все деревья на десятки миль в окружности. Но здесь, в Катскиллских горах,— все оттенки зеленого, какие только существуют в природе.

Но это не девственная зелень. О нет! Здесь она поделена на ломтики и продается точно так же, как продается каждый глоток здешнего горного воздуха. Мы уже заплатили полтора доллара только за право ехать этой дорогой и любоваться зеленью. Мы еще не дышали горным озоном, для этого надо свернуть с дороги и выйти из машины, ибо много ли озона на американской автостраде? Но свернуть нельзя. «Private property!» [1] — строго предупреждают плакаты. А с частной собственностью в Америке, как известно, шутки плохи.

Уютные коттеджи, мотели, пансионаты, отели, лыжные базы, лодочные станции, рыболовные угодья, гаревые дорожки для верховой езды — все это частная собственность.

Но этот тяжелый замок — «Private property» — снабжен электронным глазом. Он открывается с приятным музыкальным звоном, как только поднесешь к нему долларовую бумажку. Чем больше бумажек, тем шире распахиваются ворота в рай. Больше бумажек — больше зелени и слаще воздух, больше рыбы в водоеме, красивее лошадь и опытнее тренер, больше улыбок на лицах официантов и сердечнее неизменное «благодарю вас» хозяина. Много, очень много долларовых бумажек надо швырнуть в электронный глаз, чтобы сердце хозяина запело навстречу тебе, как скрипка. На это не хватит денег ни у Майкла, ни у Джона, у которого сын сломал руку, и, уж конечно, ни у пуэрториканца, чуть не врезавшегося в нас у поворота на дорогу № 17.

Машины, идущие впереди, сворачивают в лес. Здесь рай подешевле — для тех, кто попроще, у кого бумажник потоньше. Пятьдесят центов с машины (хоть десять человек упакуй в нее) — и вот перед тобой грубый деревянный стол, вкопанный в землю под столетним дубом, массивная жаровня, колонка с питьевой водой, качели и горки для малышей и бетонная, похожая на бомбоубежище уборная. Есть деньги — покупай ребятишкам мороженое и кока-колу, пей пиво, ешь поджаренную тонкими лепестками картошку и кукурузные хлопья. Только не вешай пиджак на ветку дерева (вон полицейский уже предупредил одного такого распоясавшегося!) и перед отъездом не забудь собрать и бросить в мусорный бак бумажки, бутылки и

---

[1] Частная собственность!

банки. (Полицейская машина уже два раза проезжала мимо твоего стола.)

Пока ты собираешь мусор, служащий парка наклеит на багажнике твоей машины яркую бумажную ленту со словами: «Катскиллские горы».

Но мы не будем останавливаться здесь. Впереди у нас длинный путь, и мы еще не голодны. Мы едем дальше, рассуждая: «А вот у нас... А у них...»

У нас тысячи санаториев и домов отдыха, где по профсоюзным путевкам отдыхают миллионы трудящихся. Какому-нибудь Брауну с завода Форда такое и присниться не может. И горы у нас есть и озера живописные, берега лесные, и зелени хоть отбавляй. И все это не «Private property», а принадлежит всем нам.

Но, черт возьми, что-то не помню я деревянных столов и детских качелей в подмосковных лесах, автоматов, чтобы за гривенник выдавали бутылку с квасом, чтобы продавали там фотопленку и предупреждали, что пиджаки на деревья вешать нельзя — деревья-то портятся от этого, а ведь это народная собственность, не какая-то там «частная собственность».

Однажды я спросил американца: «Кто поставил эти столы и жаровни, детские качели и горки, кто создал этот лесной парк?», «Ассоциация торговцев города»,— ответил американец. Торговцев? Когда упоминают торговцев, всегда слышится слово «прибыль». Американец понял мой немой вопрос. «Видите ли, здесь простой коммерческий плюс психологический расчет,— объяснил он.— Люди часто принимают неожиданные решения. Предположите, что в воскресенье утром вы решили поехать в лес. Вам не нужно бегать по магазинам. Вы знаете, что там, в лесу, вас ждут все удобства. Там вы купите хлеб и пиво, мороженое и жевательную резинку, темные очки и пленку для фотоаппарата, воздушный шарик для малыша и пилюли от насморка. На бензоколонке в нашем городе вы заправите свою машину, купите на память открытки с видами гор, может быть, поужинаете у нас или сходите в кино. Короче говоря, вы привезете и оставите нам свои деньги. То, что мы построили в лесу, окупилось в первый же месяц и с тех пор приносит прибыль».

Здесь прибыль течет в карманы частников. У нас бы она поступала в распоряжение государства, то есть всего народа.

Так мы рассуждали. («А вот у нас... А у них...») Побольше бы нам автоматов в быту! Чтобы сунул монетку в щелочку — получай баночку молока, или бумажный стакан горячего бульона, или бутылку нарзана. Да чтобы стояли эти автоматы, как здесь, на вокзалах, в подъездах жилых домов, в коридорах учреждений, на улицах, в парках. Да чтобы они работали, а не стояли как монументы бесхозяйственности. Так рассуждали мы, пока Димкин папа не сказал:

— Только чтобы автоматы не пожирали людей. Помнишь Аппалачские горы?

Разве можно забыть Аппалачские горы!

Разве можно забыть, как стояли мы с Вандой по щиколотку в снегу и прислушивались к скрипу чьих-то шагов. Было холодно и пустынно, как на кладбище. Серые деревянные дома молча глядели на горы пустыми глазами-окнами. Ветер мел снег в распахнутые двери, раскачивал детские качели на пустыре. Ни одного человеческого следа на снегу, кроме следа нашей машины. Ни души вокруг. Ни единого человеческого дыхания, кроме нашего с Вандой.

— Кто-то идет! — шепотом говорит Ванда.— Вы верите в привидения?

Чьи-то шаги скрипят по снегу внизу у ручья. Они все ближе и ближе, но никого не видно. Но вот из тумана появляется человеческая фигура. Человек идет к нам. Он, как привидение, как призрак в этом мертвом городе.

Город Стотсбери умер несколько лет назад. Сегодня вы не найдете упоминания о нем ни в справочниках автомобильной ассоциации Америки, ни в дорожных атласах Рэнд Макнелли. Я знаю, как он умирал. О его агонии рассказал мне шофер Говард по прозвищу «Здесь что-то не так». Это он восемь лет назад вел колонну из четырех грузовиков по горным дорогам Западной Вирджинии. В грузовиках был новейший угольный комбайн — «электронный шахтер», как называют это чудо техники здешние горняки.

Плакал дождливый день. Кружились, убегали назад мокрые холмы и леса. За рулем сидел сменщик. Говард дремал, сжимая руками и коленями винтовку. Им всем выдали винтовки перед поездкой.

— Это еще зачем? — удивился тогда Говард.— Здесь что-то не так!

— Не обращайте внимания! — сказал представитель фирмы, инженер, который должен был поехать с грузовиками, чтобы установить на шахте угольный комбайн.

— Я надеюсь, что мне не придется стрелять? — спросил Говард.— Знаете, я вдоволь настрелялся на войне, больше не хочется.

— Ну, конечно, конечно! — поспешил успокоить его представитель фирмы.— Винтовки — это только для вида. Если и придется стрельнуть разок-другой, то, конечно, в воздух.

Теперь этот инженер сидел третьим в кабине, и голова Говарда то и дело падала на его плечо.

Говарду снилась Корея. Будто бы его грузовик останавливает патруль и солдат в каске говорит ему: «Я бы на твоем месте повернул обратно». Говард смотрит на солдата и силится понять, почему у того на каске горит шахтерская лампочка. «Но у меня приказ»,— говорит Говард солдату. «Беды хочешь?» — угрожающе спрашивает солдат и кладет руку на гранаты, которые висят у него на поясе.

Говард просыпается и лезет в карман за сигаретами. Отчего у него так скверно на душе? То ли от дождя, то ли от бесчисленных поворотов дороги, от которых слегка кружится голова и начинает поташнивать. Не заболел ли он? Во всяком случае, здесь что-то не так.

Прошлым вечером, когда они остановились в одном поселке перекусить, к их столу подошел сутулый длиннорукий парень.

— Вы с «электронным шахтером»? — спросил он, не поздоровавшись.— Я бы на вашем месте повернул обратно.

— Э, нет, приятель!— засмеялся Говард.— Так я ничего не заработаю. Да ты, собственно, кто такой?

Говарду не следовало задавать этого вопроса. Угольная пыль, въевшаяся в поры лица парня, его руки в черных ссадинах говорили о том, что перед ним шахтер.

— Беды хотите? — помолчав, спросил парень.

— Послушайте, молодой человек,— вдруг вскипел инженер.— Вы что, хотите остановить двадцатый век? Извольте! Попытайтесь! Мы везем в ваши шахты новую технику, прогресс, цивилизацию, если хотите, а вы...

— Ах, вот как! — перебил его парень.— Значит, вы двадцатый век? А мы, по-вашему, кто?

Он оперся своими огромными руками о стол и, наклонившись к шоферам, тихо спросил:

— А вы слышали, как в двадцатом веке плачут голодные дети?

Шоферы перестали жевать. Парень обвел их глазами и выпрямился.

— Убирайтесь к дьяволу с вашим прогрессом! — с ненавистью произнес он и направился к выходу.

Говард посмотрел ему вслед и почувствовал, как холодные мурашки пробежали у него между лопаток...

И вот теперь каждый поворот дороги приближал их к шахте, где они должны разгрузить свои машины. По-видимому, скверно было на душе не только у Говарда. Инженер, сидевший рядом, вдруг заговорил.

— Это черт знает что! — сказал инженер.— Мы всегда были нацией изобретателей, механиков, инженеров. А теперь люди ненавидят машины. Машина, изумительное детище человеческого разума, превратилась в чудовище. Что произошло? Вы можете мне ответить?

— Да, что-то здесь не так,— буркнул Говард.

Дождь не переставал. Они приехали в город, когда там зажглись фонари. Остановились у полицейского участка. Вылезая из кабины, Говард заметил, что полицейские, окружившие грузовики, держат карабины под мышкой, как будто готовы стрелять в любую минуту.

На противоположном тротуаре стояли какие-то люди, много людей — мужчины, старики, женщины, дети. Они не двигались с места. Они даже не разговаривали друг с другом, а только смотрели на грузовики. «Как на похоронах,— с горечью подумал Говард и тут же про себя по привычке добавил: — Здесь что-то не так».

...И вот восемь лет спустя мы стоим с Вандой Пенсон, корреспондентом местной газеты «Рали реджистер», на пустынной улице мертвого города Стотсбери и растерянно смотрим, как приближается к нам призрак человека. (Ибо кто, кроме призрака, может жить в мертвом городе?)

Призрак одет в синий комбинезон шахтера, на голове его шлем с шахтерской лампочкой, и все это лишь подчеркивает его нереальность. У призрака морщинистое лицо и добрые глаза. Он рад нашему приезду, и, когда протягивает руку, мы ощущаем в своих ладонях ее тепло.

Его зовут Рассел Шумейт. Гостеприимным жестом он приглашает нас войти в дом.

Ванду знобит. В доме холодно, как на улице. Деревянные половицы скрипят под нашими ногами. Они приветствуют нас, истосковавшиеся по живым людям.

Когда-то в этом доме жили люди. Вот деревянная кровать. Даже капли человеческого тепла не оставили в ней зимние ветры, гуляющие по комнате. Вот обеденный стол. Вот детская колыбель. Здесь когда-то жили люди, любили, ссорились, молились, обнимали друг друга вот в этой кровати, качали вот эту колыбель, обедали вот за этим столом. Как жалко выглядят вещи, когда рядом нет людей, человеческих голосов, человеческого дыхания! Лишенные общения с человеком, вещи умирают.

Почему-то слишком много фотографий на стенах. Слишком много шахтерских обушков, ботинок, касок, шахтерских лампочек, отбойных молотков. Не музей ли это?

— Да, это музей,— говорит старый шахтер.— Это музей. А я один из экспонатов музея.

Он родился в этом городе, ходил здесь в школу. («Вот она, на этой фотографии. А вот я рядом с Бобом»). Здесь женился. («Взгляните-ка на эту карточку. Нэнси тогда было восемнадцать лет»). Какое милое, застенчивое лицо у юной Нэнси! Какое красивое подвенечное платье! Она давно уже лежит на местном кладбище, не зная, что весь город — кладбище, что умерли ее вещи, умерли ее кровать, детская колыбель и обеденный стол, что ее Рассел стал призраком, музейным экспонатом.

Здесь он сорок лет проработал на шахте, выпивал вот в этом баре («Посмотрите на этот снимок. Обратите внимание: тогда в барах еще не было телевизоров»), играл в кегли вот в этом кегельбане («Вот на этой полочке — призы»), молился вот в этой церкви («Там еще сохранился орган. Правда, хрипит; отсырел»).

Восемь лет назад он был среди тех, кто стоял под дождем и молча смотрел на грузовики, которые остановились у полицейского участка. «Электронного шахтера» установили на соседней шахте. А через год, не выдержав конкуренции, закрылась шахта, где работал Шумейт. Триста шахтеров Стотсбери получили расчет. Городу был вынесен смертный приговор.

Триста домиков стоят в Стотсбери. В двухстах девя-

носта девяти ветер наметает сугробы снега через распахнутые двери и разбитые окна. Один за другим бежали люди из умирающего города, гонимые детским плачем и воем одичавших собак. Куда бежали? Куда ведут бесконечные дороги?

Триста шахтеров жили в городе. Остался один — 56-летний Рассел Шумейт, которому хозяин поручил караулить шахту. Каждое утро Шумейт надевает комбинезон, шлем с лампочкой, шахтерские ботинки. («Отнимите у меня это— и я умру в тот же день»).

Два года назад оставшиеся жители Стотсбери создали в доме Шумейта музей. Расчет был прост: может быть, музей заинтересует туристов. Может быть, привлеченные рекламой, сюда будут заворачивать путники, едущие по федеральной дороге № 77. Может быть, здесь, поглазев на мертвые шахтерские обушки и фотографию юной Нэнси, на ее кровать и детскую колыбель, они извлекут из багажников своих «фордов», «шевроле» и «доджей» портативные жаровни, бараньи ноги во льду, оплетенные бутылки «Кьянти». Может быть... О милостивый боже! Сколько же надо пролить слез у заметенного снегом алтаря в церкви с охрипшим органом, чтобы ты вразумил путников, мчащихся по федеральной дороге № 77? Кому захочется устраивать пикник на кладбище?

Как бы там ни было, музей существует. У обочины дороги № 77 я видел плакат: «Посетите Стотсбери, город-призрак, где есть «вчера», где на исходе «сегодня» и где никогда не будет «завтра». Посетите наш музей-памятник, который мы создали сами себе. Пройдите мимо пустых вагонеток — свидетелей «вчера», когда две тысячи мужчин и женщин жили, работали, любили, страдали и молились под этим прекрасным небом Аппалачей».

— Пример частного предпринимательства,— говорит Ванда, которую знобит все сильнее.

Я смотрю на Ванду и не могу понять, шутит она или говорит серьезно.

— Замечательный пример,— говорю я на всякий случай.— Очень убедительный!

В последний раз, прощаясь, жалобно скрипнули половицы под нашими ногами. От речки поднимается пар. Поземка метет снег в распахнутые двери домов, раскачивает детские качели на пустыре. Ветер выдувает из бывшего дома Нэнси остатки нашего дыхания, заметает на

девственно белом снегу следы нашей машины, следы шахтерских ботинок Шумейта, человека-призрака, хранителя «вчера» и неудержимо исчезающего «сегодня».

КОВБОЙ, ПОХОЖИЙ НА СПЕНСЕРА ТРЕЙСИ

В Элмире мы долго стояли у деревянной беседки, сделанной в виде капитанской рубки. Столетние каштаны бросали кружевную тень на ее окна. В этой капитанской рубке работал великий писатель Марк Твен, бывший матрос с Миссисипи по фамилии Клеменс. Здесь им были написаны «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна».

На заправочной станции нам указали дорогу к могиле Марка Твена. Он и его близкие похоронены на кладбище, которое называется Лесная поляна и находится в конце Ореховой улицы. Мы подъехали на машине почти к самой могиле.

Было тихо и сумрачно. Пахло сыростью. Где-то вполголоса посвистывал скворец. Смех Тани и Димки, погнавшихся за пестрой бабочкой, показался нам кощунственным. Но только на миг. Нет, жизнелюб Марк Твен, создавший образы озорных мальчишек Тома и Гека, не мог обидеться на Таню и Димку.

Год назад я впервые побывал на его родине в городе Ганнибал в штате Миссури. Гид провел меня и двух путешествующих американских старух по лабиринтам пещеры, где когда-то заблудились Том Сойер и Бекки. Ныне лабиринт освещен электрическими лампочками. Чтобы произвести впечатление, гид время от времени выключал свет, и тогда стареющие дамы испуганно взвизгивали.

— А в общем-то, Марк Твен был большим чудаком,— сказал гид на прощание.— Если бы вы встретили его, мои дорогие леди, вы подумали бы, что перед вами не писатель, а веселый бродяга.

— Неужели? — изумились стареющие дамы.

В подтверждение своего тезиса гид рассказал историю о том, как Твен написал обращение к ворам с просьбой не будить его, если они влезут в дом, и с подробным указанием, где они могут найти столовое серебро и кое-какую мелочь.

— Неужели? — недоверчиво поджимали губы старухи.

Гид говорил о Твене с восторгом; дамы осуждающе покачивали головами; а я думал, что Америка подарила миру немало чудаков. Историки рассказывают о чудачествах великого Линкольна и генерала Гранта, чудаками слыли Роберт Фултон, Томас Эдисон.

Простившись с Марком Твеном, мы заняли свои места в нашем черном «форде», выехали с кладбища Лесная поляна и, миновав Ореховую улицу, взяли курс на Нью-Йорк.

Нашим ребятишкам надоело путешествовать. Они требуют, чтобы я останавливал машину почти около каждой заправочной станции. У них, конечно, есть предлог, но я подозреваю, что это лишь предлог, не больше. Получив от служащего станции по ключу с тяжелыми медными бляхами, Таня и Димка мчатся сперва в уборные, а потом долго вертятся около автоматов с кока-колой, жевательной резинкой и сладостями. Их приходится силой втаскивать в машину. Они соскучились по земле, как моряки, которым надоело болтаться в океане.

Во время езды они смотрят по сторонам рассеянно. Маленькие города, которые мы проезжаем, похожи друг на друга, как близнецы. Иногда нам кажется, что мы сбились с пути и едем по кругу. Мы едем мимо одинаковых реклам, останавливаемся у одинаковых заправочных станций и, сунув в ладонь заправщику чаевые, получаем взамен стандартно одинаковые улыбки.

Лишь в одном городке однообразие было нарушено самым решительным образом: мы попали на парад старых автомобилей. Нечаянно наш юный «форд» вторгся в ряды стариков-ветеранов. По улице ползли автокареты 1904, 1911, 1929 годов рождения. Они оглушительно чихали, наполняя улицу удушливым сизым дымом. Они скрипели и дребезжали. Когда-то могучие красавцы, сейчас они были смешны, нелепы и трогательны одновременно.

Выезжая из города, мы увидели стоявший на нашем пути товарный поезд и подумали, что нам придется долго ждать у шлагбаума. Но шоссе нырнуло под железнодорожное полотно, и на лицах Тани и Димки отчетливо проступило разочарование. И тогда мы вспомнили, что в Америке уже давно нет шлагбаумов и что железные и автомобильные дороги независимы и никогда не пересекают друг друга в буквальном смысле этого слова.

Миновав поезд, мы увидели приземистое кирпичное здание, стоявшее на зеленой лужайке в тени деревьев. Ровно гудели установки по охлаждению воздуха. У стен цвели розы. Еще не доехав до здания, мы начали спорить. Димка говорил, что это колледж. Димкин папа думал, что это больница. Димкина мама считала, что это «супер-маркет».

Оказалось, что это завод фирмы «Филко», изготовляющий телевизоры. Я уже был однажды на таком предприятии. В каждом цехе стены были выкрашены в свой цвет: нежно-розовый, голубой, бирюзовый. В каждом цехе рабочие были одеты в разноцветные халаты: белые, желтые, синие. «Это не чудачество, это эксперимент,— сказал мне представитель завода.— Мы установили, что даже окраска стен и цвет спецодежды влияют на производительность труда».

Спор о производительности труда угас, и ребятишкам снова стало скучно. Их детские души, лишенные рассудочности, жаждали иных впечатлений. И вот впереди показался человек, способный подарить им то, чего им так не хватало.

Он стоял на обочине, протянув к нам большой палец правой руки — традиционный жест американских «хичхайкеров» [1]. Лет четырнадцати-пятнадцати, веснушчатый, с облупленным носом, черные волосы ежиком. Сел третьим рядом с Таней, вежливо поздоровался со всеми, после чего сообщил нам то, что было известно и без него, но что тем не менее необходимо сообщить, если хочешь, чтобы тебя считали общительным и вежливым человеком: «Прекрасный день, не так ли?»

Погода — вечная и неисчерпаемая тема для начала разговора, для закрепления знакомства. Вот в Луизиане, где он жил, в эту пору гораздо жарче. Луизиана ему больше нравится. Он жил на ферме. На самом берегу Мексиканского залива. Отец у него был ковбоем. Вот когда загорелись глаза у наших ребятишек!

Знаете ли вы, что такое родэо? Это состязания ковбоев. Нужно вскочить на молодую необъезженную лошадь и продержаться в седле по крайней мере 10 секунд. Лошадь бьет задом и становится на дыбы! Свистит и улюлюкает толпа! Грохочут выстрелы из пистолетов!

---

[1] Так в Америке называют людей, останавливающих попутные машины.

Потом, уже на тренированной лошади, нужно догнать бычка, спрыгнуть с седла, схватить бычка за рога и повалить на землю. Как весело на это смотреть, как хочется кричать во все горло!

Затем предстоит ловко заарканить скачущего во всю прыть теленка, соскочить с лошади и связать ноги теленка в пять секунд так, чтобы он и шевельнуться не мог. А толпа ревет, ликует!

Отец всегда был первым на родэо.

А потом... Потом случилось страшное. На берег Мексиканского залива обрушился ураган. Он родился где-то далеко в океане, но все окрестные радиостанции предсказывали, что он ударит по Луизиане. Хозяин приказал ковбоям отогнать стада подальше от залива. Роберт был вместе с отцом.

Когда они вернулись домой, ветер уже бушевал вовсю: ломал верхушки пальм, валил изгороди, разбрасывал тюки с прессованным сеном. В заливе поднималась вода. Они бы уехали, но их старенький «шевроле» сломался две недели назад, и у отца все не хватало времени починить его.

Роберт проснулся от воя ветра, от плача маленьких. Дом сотрясался от ударов урагана. На полу была вода. Скоро воды стало Роберту по колено. Он усадил двух ребятишек постарше в корыто и возил их по воде из комнаты в комнату, гудел и шипел, изображая пароход,— только бы они не плакали. Младшие уснули на руках у отца и матери.

Потом погас свет. Вода прибывала, и им пришлось подняться на чердак. Ветер крепчал, дом сотрясался все сильнее и сильнее. Отец боялся, что ветер может сорвать чердак, и они с Робертом стали отдирать от стены доски, чтобы освободить ветру сквозной путь. Ни огонька вокруг, кромешная тьма, вой ветра, рев воды и брызги, целые фонтаны брызг, холодные водопады, поднятые ураганом выше дома.

«Держитесь! Держитесь! — повторял отец.— Скоро все это кончится. Не может же это длиться вечно!»

Ураганы здесь бывали и раньше, но такого — никогда. Роберт помнит страшный удар, треск досок, отчаянный крик матери...

Ветер сорвал чердак. Роберт успел уцепиться за чердачное окно Всю ночь его носило по волнам. Как он не

утонул, он не может объяснить. Всю ночь ему казалось, что отец зовет их: мать, его, двух братишек и двух сестренок.

К рассвету ураган унесся дальше и вода стала спадать. По колено в воде Роберт брел по рисовому полю к тому месту, где еще недавно стоял их дом. В воде между поваленными стволами пальм, между досок и бревен лежали коровы и лошади со вздувшимися животами. Потом он услышал выстрелы. Это ковбои стреляли в змей, которых вода принесла из окрестных болот.

С отцом они встретились через три дня в больнице. «Я слышал, как ты звал меня, папа»,— сказал Роберт и заплакал. Он ничего не спрашивал у отца, и отец ничего ему не рассказывал.

Вдвоем — отец и Роберт — они покинули Луизиану и переселились вот сюда, к брату отца, который приютил их на первое время. Теперь отец работает ремонтным рабочим, а Роберт моет посуду в придорожном кафе. По вечерам отец занимается с ним арифметикой, английским, историей, географией.

А недавно у Роберта появилась сестра. Ей семь лет. Зовут ее Алиса.

— Сестра? — удивляемся мы.— Откуда?

— Отец ее удочерил,— говорит Роберт,— взял из приюта. Она индианка. Ведь мы у него все были приемыши, все пятеро. Вернее, шестеро. Мать говорила, что это называется приручением диких зверюшек, и первая дикая зверюшка, которую приручил отец, была она, мать. А потом уже мы.

Он встретился с матерью в штате Канзас, когда ей было шестнадцать лет, а ему тридцать. Она работала в мексиканском бродячем цирке. Отец влюбился в нее на первом же представлении и в тот же вечер объяснился. Мать рассказывала, что это было очень смешно: она ведь тогда не понимала по-английски ни слова. Отец продал свою ферму и нанялся в цирк конюхом. Два года он бродил с цирком по всей стране и приручал к себе мексиканку. Мать рассказывала, как он учил ее английскому языку: «Это — губы. Это — улыбка».

Потом они поселились в Луизиане: мать хотела жить поближе к Мексике. Своих детей у них не было. Мать говорила, что это, наверное, оттого, что в детстве она упала с трапеции. Вот они и брали нас одного за дру-

гим из разных приютов. Белых, негров, индейцев, мексиканцев.

— Соседи говорят про отца, что он чудак,— продолжает Роберт.— А дядя говорит, что он всегда был чуть-чуть странный.

Ну, вот я и приехал... Спасибо вам, мистер. И вам, мистер, спасибо. Счастливого пути, мэм. Будьте здоровы, ребятишки. Я побегу: пора кормить Алису. Я тут ей кое-что прихватил из кухни. Да, вы, наверное, встретите отца на дороге. Передайте ему, что у Роберта все о'кэй. Вы узнаете его: он большой, седой, похожий на актера Спенсера Трейси...

Мы проехали еще несколько миль и увидели ремонтных рабочих и среди них отца Роберта, похожего на Спенсера Трейси, бывшего ковбоя, одного из чудаков, без которых Америка лишилась бы души. У него были загорелое морщинистое лицо, большие, обнаженные по локоть руки и крупная седая голова. Я притормозил машину, и мы хором прокричали:

— У Роберта все о'кэй!

Он кивнул нам головой и помахал рукой.

— У Алисы тоже все о'кэй! — высунувшись из машины по пояс, крикнул Димка.

И в ответ мы получили самую добрую, самую искреннюю, самую человечную улыбку, которую когда-либо получали в Америке.

В последний раз мы останавливаемся у бензоколонки, и тигр в нашем бензобаке получает очередную, последнюю в этом путешествии порцию питания. Вечереет. На вершины Катскиллских гор бесшумно льются розовая и золотая краски заката. Краски языками растекаются по склонам, но до подножий их не хватает.

Ребятишки не выходят из машины. Глаза их слипаются.

— Юля и Вася, наверное, уже ложатся спать,— сонно говорит Таня.

Идущие навстречу нам машины зажгли фары. Темнеют склоны гор, остывают вершины.

Приемник в нашей машине уже берет радиостанции Нью-Йорка.

ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО СТО ФАМИЛИЙ

— Вот из этих окон они выпрыгивали. Бежали вон к тому лесу на холме. На ходу сбрасывали пиджаки и лакированные ботинки. Но в их-то годы далеко ли убежишь! Моросил дождь, бежать было скользко. Да и полицейские не зевали: устроили засады в лесу. Голубчики угодили прямо в лапы закона...

Женщина в платочке (мы даже не знаем ее имени) показывает нам одно из самых примечательных мест в Америке. Правда, частная инициатива здесь еще дремлет, здесь еще не создали музея, но кто из туристов, едущих по дороге № 17, не остановится на минутку в маленьком городишке Апалакин, чтобы не спросить:

— Эй, люди, где здесь у вас конвенция была?

Люди отлично знают, о какой конвенции идет речь. Я случайно проезжал через этот городишко дважды, оба раза останавливался и убедился, что за два доллара любой житель Апалакина (а их здесь, согласно атласу Рэнд Макнелли, ровно 353 души) с удовольствием и даже гордостью расскажет об историческом событии, покажет дом, где оно состоялось и где сидели в засаде полицейские.

Значит, дело было так. Однажды вечером к дому Джони Кармелла стали один за другим подкатывать шикарнейшие машины — «кадиллаки» самого последнего выпуска. Гостей собралось несколько десятков. Все солидные, седые, с брюшками. Днем пировали на лужайке, а вечером собрались в гостиной, задернули шторы на окнах.

И вдруг завыли сирены полицейских машин. Гости стали выпрыгивать в окна. Но в их-то годы далеко ли убежишь!

— Утром мы развернули газеты и ахнули,— рассказывает женщина в платочке.— Оказывается, в доме у Джони Кармелла был съезд гангстеров, да не простых, а самых главных. Святая Мария! Какие блестящие имена! Короли подпольного мира! Самые могущественные люди в стране после президента и вице-президента, да хранит их господь! Я имею в виду президента и вице-президента, конечно.

А потом, значит, было так. Всех задержанных привезли в Нью-Йорк и допросили: что они делали в доме Кармелла? Все, как один, отвечали: просто были в гостях. Полицейские позвонили в министерство юстиции и спросили, что делать дальше. Из министерства ответили,

что, если состава преступления нет, нужно поступить в соответствии с демократическими традициями страны: всех отпустить...

Я вспомнил, как один мой товарищ, приехав в Нью-Йорк на время, с большой неохотой выходил на улицу по вечерам. «Боюсь гангстеров»,— признался он наконец. Я, как мог, разъяснил ему, что ни один гангстер, даже самый захудалый, не покусится на его командировочные. Ему надо бояться не гангстеров, а наркоманов, мелких ворюг и хулиганов, которые среди бела дня способны свернуть прохожему шею, отнимая у него последнюю пятерку. Гангстеры— это совсем другое.

Я показал моему другу стенограммы заседаний специальной сенатской комиссии, которая обсуждала положение с гангстеризмом в стране. Этот документ подтверждает, что гангстер, грабящий банк,—это уже анахронизм, позавчерашний день, самодеятельность тех, кто не смог стать настоящим гангстером. Гангстер — это совсем другое.

Сегодняшний гангстер —это внешне респектабельный человек, владеющий рестораном или конторой по продаже недвижимого имущества, полноправный гражданин Соединенных Штатов, исправно (или не исправно!) платящий правительству налоги с прибылей от ресторана или конторы по продаже недвижимого имущества. У него на службе целый штат юристов, знающих законы назубок. У него на службе тысячи помощников, которые выполняют «черную работу»: доставляют наркотики, вербуют девушек в дома терпимости, вымогают деньги у мелких бизнесменов, убивают строптивых, расправляются с конкурентами. «Чернорабочие» знают лишь своих шефов, но не знают, кто их босс, то есть кто самый главный, хозяин. «Чернорабочих» могут поймать с поличным и посадить в тюрьму. Даже шефа можно поймать. Но как поймать с поличным босса?

Специальная сенатская комиссия установила, что «организованные преступники» —гангстеры проникли более чем в семьдесят различных отраслей американского бизнеса. Их доход равняется примерно сорока миллиардам долларов в год. Комиссия иллюстрировала это на примере одного кафе.

Сразу же после открытия кафе к его владельцу стали один за другим приходить какие-то мордастые парни. Без

обиняков они объявляли: «Мои ребята будут доставлять тебе пиво», «Мои — бумажные салфетки», «Мои — увозить мусорные чаны». За полгода у него перебывало одиннадцать парней. Каждый навязывал ему свои услуги и за это требовал плату вдвое и даже втрое выше обычной.

Владелец кафе сопротивлялся. Он прогнал незваного мусорщика и отказался от услуг непрошеного развозчика пива. Парни флегматично пожали плечами и ушли. На другой день в кафе не было ни бутылки пива: две машины с пивом, ехавшие с завода, по неизвестной причине воспламенились и сгорели в пути. Старый мусорщик, нанятый владельцем кафе, был найден в мусорном баке мертвым. Ночью кто-то выбил в кафе все стекла.

Владелец сдался. Тогда к нему пришел двенадцатый парень. Он объявил, что будет ежемесячно забирать всю выручку кафе, оставляя владельцу лишь на прожитье. Тот устроил истерику, пригрозил заявить в полицию. Парень сказал: «Заткнись! Я ухожу, черт с тобой. Гуд бай! —И, обернувшись у самой двери, добавил:— Да, кстати, я видел сейчас твоих детишек. Какие чудесные малыши! Ты за ними присматривай, не дай бог, под машину попадут или с крыши свалятся».

Владелец почувствовал, как холодный ужас сжимает ему сердце...

Почему же он не обратился в полицию? Потому что знал: полиция не спасет его от расправы. Перед его глазами был пример владельца кафе по соседству. Тот пожаловался на вымогателей в полицию, и та произвела аресты. Через день задержанные были отпущены до начала суда под залог. Началось следствие. Оно велось не больше недели и было прекращено потому, что главный свидетель — владелец кафе — однажды ночью сгорел вместе со своим заведением.

В тридцатых годах в Нью-Йорке возникла «корпорация убийц», которой руководил опытный гангстер Альберт Анастейша. Он поставлял убийц по прейскуранту любому, кто платил деньги. За убийство журналиста брал тысячу долларов, за видного бизнесмена — 5 тысяч, а за президента промышленной корпорации — до 50 тысяч.

В 1935 году Анастейша угодил на скамью подсудимых. Выдал Анастейшу его друг Крепсдон. Этот чело-

век был единственным свидетелем обвинения и мог послать Анастейшу на электрический стул. Но за день до начала суда он непонятным образом «упал» из окна двенадцатого этажа гостиницы «Полная луна», хотя двое агентов полиции день и ночь дежурили в его комнате.

В одном из многочисленных отелей Нью-Йорка, в комнате, которая освещается лишь экраном телевизора, лежит на кровати человек, которого может постигнуть судьба Крепсдона. Этого человека когда-то звали Гектором Мангуали, но с тех пор он сменил уже по крайней мере сто фамилий. Через каждые три-четыре дня он слышит условный стук в дверь. Это пришел агент ФБР, чтобы отвезти его в другой отель. В новом месте он регистрируется под новой фамилией.

По ночам он лежит на кровати, обнаженный по пояс, локти на подушке, смотрит телевизионные «шоу» и прислушивается к шагам в коридоре. Рядом с ним пепельница, полная окурков. Раз в неделю он звонит матери и разговаривает с ней по-итальянски. Иногда он подходит к окну и, осторожно отодвинув край занавески, смотрит на улицу. Он думает о матери, которая не говорит по-английски, о жене, о детях. Он спрашивает себя: достаточно ли велик Нью-Йорк, чтобы можно было в нем затеряться, исчезнуть, как иголка в стоге сена?

Нервы его сдают. Недавно он накричал на агента, который перевозит его из отеля в отель. Он ударил уборщицу, которая вошла в его комнату без стука.

Он работал шофером в гараже у Тони Наполитано. Тони сдавал в аренду автомашины вместе с водителями. В то утро Тони сказал Гектору:

— Возьми «кадиллак». Поедешь на похороны. Я поведу другой «кадиллак».

Они поехали на Вандербилт-авеню, в Бруклин, где их ждали родственники покойного. Шесть человек сели в машину к Гектору, восемь — к Тони. Одиннадцать лимузинов с провожающими и четыре с цветами двинулись по улицам Бруклина к церкви Непорочной девы Марии, где в стеклянном гробу лежал Кармелло Ломбардоззи 62-летний босс гангстерского клана, патриарх гангстерской семьи, участник исторической конвенции 1957 года в городишке Апалакин.

Ничего этого Гектор не знал. Он удивился, когда один из его пассажиров, оглянувшись, проворчал:

— Эти собаки из ФБР едут за нами.

— На похороны! — воскликнул другой.— У них нет ни совести, ни чести!

Третий, ткнув Гектора кулаком в спину, спросил:

— А ты, парень, не из их компании?

Гектор не знал и того, что двумя часами раньше на шестом этаже в доме № 201 по 69-й Восточной улице, где помещается нью-йоркская штаб-квартира ФБР, состоялось короткое совещание сотрудников криминального отделения. Начальник отделения Джон Даней приказал троим агентам наблюдать за похоронами. На пятнадцатом этаже агенты получили портфели, в которые были вмонтированы кинокамеры, и отправились к церкви.

Все произошло не так, как думал начальник. Гектор, стоявший около своего «кадиллака», увидел, как пятеро парней, его пассажиров, сбили с ног какого-то человека с портфелем. Один, сильно размахнувшись, ударил портфелем по статуе Непорочной девы Марии. Четверо били поверженного на асфальт человека ногами и рукояткой пистолета, который они выхватили у него из кармана. Потом они убежали в церковь.

— Я никогда в жизни не видел такого зверского избиения,— вспоминает Гектор.— Я хотел броситься на помощь, но меня остановил Тони. На Тони не было лица. «Не лезь не в свое дело»,— сказал мне Тони и обеими руками толкнул меня к машине.

На кладбище похоронную процессию уже ждал отряд полиции. После похорон полицейские арестовали троих сыновей Ломбардоззи и двух их приятелей. Агенты ФБР опросили всех шоферов: что они видели около церкви? Шоферы, все, как один, в том числе и Гектор, ответили, что не видели ровным счетом ничего.

Вечером Гектор услышал по радио, что избитый сотрудник ФБР лежит без сознания в госпитале и врачи опасаются за его жизнь. Пятеро хулиганов, арестованных по подозрению в нападении на «правительственного агента», освобождены до суда под крупный денежный залог.

Гектору стало стыдно и противно. Пятеро били одного! Свыше ста человек, стоявших на тротуаре, видели это избиение и молчат! Гектор пододвинул к себе телефон, набрал ноль и сказал:

— Оператор, соедините меня с полицией.

В июле состоялся суд. У обвинителя было только два

свидетеля: шофер Гектор Мангуали и агент ФБР, который, правда, не видел, как избивали его коллегу, но успел снять на пленку братьев Ломбардоззи, когда они бежали к входу в церковь.

Присяжные заседатели признали подсудимых виновными. Судья приговорил их к 18 месяцам тюрьмы, но здесь же, приняв новый денежный залог, отсрочил исполнение приговора, потому что защитники подали апелляцию.

После суда Тони позвал Гектора к себе в гараж.

— Ты идиот,— сказал Тони,— ты знаешь, кто такие Ломбардоззи?

— Мне на них наплевать! — ответил Гектор.

Тони посмотрел на него с грустью.

— А что такое «попасть в Питсбург» ты знаешь?

Гектор не знал, и Тони объяснил ему. Отжившие свой век автомашины отправляются на переплавку в Питсбург. Но прежде они попадают под гидравлический пресс. Пресс сжимает свои могучие челюсти, и машина превращается в тонкий лист металла. Если, прежде чем поставить машину под пресс, положить в ее багажник человека... Вот это на языке гангстеров и называется «попасть в Питсбург».

— Прости меня, Гек,— сказал Тони,— но я не могу больше держать тебя на работе.

Удрученный Гектор зашел в бар по соседству со своим домом. Бармен встретил его хмуро.

— Я слышал по радио, что вы были свидетелем на этом суде,— сказал бармен.— Не обижайтесь на меня, мистер Мангуали, но я не хочу, чтобы у меня в баре палили из пистолетов. Я вам буду благодарен, если вы перестанете ко мне заглядывать.

— Гектор, Гектор, что ты наделал! — сказала ему дома жена.

Только мать ему ничего не сказала. Она не понимала по-английски и не слушала радио.

Утром в квартире Гектора зазвонил телефон.

— С вами говорит юрист Фред Абрамс,— услышал Гектор в трубке,— мне нужно поговорить с вами по очень важному делу. Жду вас в полдень. Мой адрес: дом 250 на Бродвее, 26-й этаж, юридическая контора Фреда Абрамса.

Поднявшись на 26-й этаж, Гектор постучал в дверь

конторы. Секретарша провела его через две комнаты с книжными стеллажами и распахнула дверь.

Гектор отпрянул.

За столом сидели братья Ломбардоззи и незнакомый ему человек.

— Входите, входите! — весело сказал человек.— И ничего не бойтесь. Вы находитесь на территории, где хозяин — закон.

Братья Ломбардоззи с улыбкой закивали головами.

Юрист Фред Абрамс (братья Ломбардоззи ласково называли его Фреди) сразу взял быка за рога. Он спросил о здоровье детишек Гектора. Спросил, любит ли их Гектор. Он рассказал (при этом он обращался то к Гектору, то к братьям) о недавнем случае, когда какой-то негодяй сбросил семилетнюю девочку с крыши тридцатиэтажного здания. («Негодяя, конечно, не поймали. Наша полиция из рук вон плоха, мистер Мангуали, вы же это знаете»).

Потом он пододвинул Гектору стопку бумаги и начал диктовать: «Я, Гектор Мангуали, раскаявшись, заявляю, что оклеветал на суде братьев...»

Он диктовал долго. Когда Гектор поставил свою подпись, юрист пригласил его за другой стол, на котором стоял магнитофон. Сперва они репетировали. Юрист задавал Гектору вопрос и учил, как на него отвечать. Потом включал магнитофон. Гектор должен был рассказывать, как агенты ФБР угрозами заставили его стать лжесвидетелем.

Братья сидели молча, отхлебывали из запотевших стаканов виски со льдом, курили и улыбались.

— Ну вот и все,— сказал наконец юрист.— Вы, мистер Мангуали, поезжайте домой, а я отправлюсь к прокурору.

Двое суток, сказав родным, что он болен, Гектор не выходил из дома. Он ждал агентов ФБР. Они приехали ночью. Гектор рассказал им все, как было.

В ту же ночь Гектор покинул свой дом. Агенты повезли его в отель «Коммодор», но по дороге обнаружили, что за ними следует синий «олдсмобил». Оторваться от преследователей не удалось, и тогда агенты вызвали по радио полицию и попросили под каким-нибудь незначительным предлогом задержать синий «олдсмобил» хотя бы на пять — десять минут.

В комнате отеля Гектор поменялся костюмом и шляпой с одним из агентов. Оставив Гектора в отеле и вернувшись к его дому, агенты заметили, что синий «олдсмобил» стоит на противоположной стороне улицы. Агент, на котором были костюм и шляпа Гектора, вышел из машины и быстрыми шагами направился к подъезду.

Прежде чем лечь спать, агент проверил пистолет и положил его под подушку.

В ноябре состоялся новый суд. Гектор опять выступал свидетелем обвинения. Но на этот раз мнения присяжных заседателей разошлись. Показания Гектора звучали уже не так убедительно, как первый раз.

Было назначено новое судебное слушание. Потом еще одно. Так тянулось больше года.

Чем же все это кончилось?

Братья Ломбардоззи все-таки угодили на полтора года за решетку, ФБР не могло, конечно, простить им избиения своего сотрудника.

Прокурор возбудил дело об «этике» Фреда Абрамса перед ассоциацией юристов. Но за Фреди заступились такие известные фигуры, как конгрессмен Келли, члены городского совета Бим и Старк, пять членов верховного суда штата Нью-Йорк. Ассоциация сняла с Абрамса все обвинения.

А Гектор? Раз в неделю он звонит матери и разговаривает с ней по-итальянски. Мать никак не может понять, почему он не приедет повидать ее.

Иногда агент ФБР приносит ему деньги и письма от жены. Она пишет, что дети не могут понять, куда исчез их отец.

Ночью он подходит к окну и, отодвинув край занавески, смотрит на улицу. Он тревожно спрашивает себя: достаточно ли велик Нью-Йорк?

ИЩИТЕ МЕНЯ В МИССИСИПИ

Дом на западной стороне Нью-Йорка. Двенадцать этажей. Тридцать квартир. Еще одна в подвале, где гремит мусорными чанами Сидней — огромный негр, истопник и уборщик, единственный негр, постоянно живущий в нашем доме. Он молчалив, задумчив, порой угрюм. Иногда

он играет на флейте негритянские блюзы, но мало кто в доме слышит одинокую, тоскующую флейту из подвала.

Когда рыжая дама с третьего этажа выходит на улицу со своей собакой, Сидней печально и укоризненно покачивает им вслед головой. Собака приведет хозяйку назад под вечер. Собака потащит даму на поводке через дверь и, тихонько повизгивая, сядет у лифта. Собака не умеет вызывать лифт. Хозяйка тоже, потому что она пьяна. Она будет долго шарить по стенке рукой в поисках кнопки и на что-то жаловаться собаке своим вечно простуженным голосом, пока кто-нибудь не придет на помощь. Собака благодарно и сконфуженно завиляет хвостом, как бы говоря: «Не судите ее строго. У нее погиб сын в автомобильной катастрофе. Добрый шестнадцатилетний мальчик. Мой друг. С тех пор она... Сами видите...»

Мужу этой женщины, худому высокому инженеру с седым ежиком, тоже нелегко. Однажды в лифте я слышал, как он произнес по-русски:

— Ничего! — И, заметив мое удивление, пояснил уже по-английски: — Во время войны я две недели работал на сборке американских самолетов под Мурманском. Однажды сломался кран, и мы сказали русским механикам: «Придется подождать, когда привезут новый кран, без него — капут». Русские потоптались, посовещались, бросили в снег окурки и сказали: «Ничего!» Соорудили из бревен треногу, навесили цепи, и пошла работа!

Когда самолеты были собраны и настало время попробовать их в воздухе, выдалась прескверненшая погода. Американские инструкторы сказали: «В воздух нельзя. Опасно. Нужно ждать погоды». Русские летчики поглядели на небо, почесали в затылках, сказали: «Ничего»,— и полезли в самолеты. Летали, как боги! Волшебное слово это ваше русское «ничего». Когда мне бывает совсем скверно, я говорю: «Ничего!»

По утрам на ступеньках у почтовых ящиков, обхватив коленки руками, сидит маленькая, как подросток, женщина с узлом каштановых волос на затылке. Она ждет писем. Из Голливуда. От мужа. Говорят, что он актер. Иногда рядом с ней сидит девочка лет семи, дочка, очень похожая на маму. Девочка разглаживает на коленях вырезанный из журнала портрет Мерилин Монро и певуче говорит:

— Когда мы будем жить в Голливуде...

— Ни-ко-гда! Я сказала: ни-ко-гда! — прерывает ее мать. И сердито подталкивает в спину.— Иди учи уроки!

Из лифта выходит старая располневшая армянка с большими восточными глазами.

— Почтальон еще не был?— спрашивает она.—Я подожду здесь.

Она плохо говорит по-английски и еще хуже понимает. Но сегодня она начинает сама:

— Что сказали по телевизору?.. Я не поняла... Что-то о войне... Вы ничего не слышали о войне?

Ее сын служит в армии; сейчас он в Западной Германии, и она у каждого знакомого спрашивает: будет ли война?

Утром лифт все время в движении. Вот спускается вниз русский, мальчиком увезенный из России в Маньчжурию, живший в Австралии, в Аргентине, в Канаде. Сейчас он работает страховым агентом, стар, болен.

— Почты еще нет? Что за порядки в этой стране!— сердится он, хватаясь за сердце.— И опять мерзкая погода!.. Жду письма от Алисы,— успокоившись и отдышавшись, говорит он.— От дочери. Она сейчас переводчицей в молодежной туристской группе. Парни и девушки из России. Понравилась она им. Знаете, что они ей сказали. «Ты,— говорят,— не американка, ты наша, русская. И никакая ты,— говорят,— не Алиса, а наша Лиза, Лизонька...» Понимаете? Лиза...

Он снова хватается за сердце и отворачивается.

— Они сказали — ты наша? — переспрашивает армянка. Она что-то говорит по-армянски, как будто поет скороговоркой, и вытирает слезы концом черного платка.

Лифт все время в движении. Приходит длинноногая красавица, всегда веселая певичка с восьмого этажа, толкая перед собой коляску с двухлетней Джин. Неизменно учтивый профессор задерживается на секунду, чтобы снять шляпу и пожелать всем доброго утра.

Седая сухонькая женщина в роговых очках подходит к стеклянной двери на улицу, смотрит на прохожих, слушает, как дождь стучит по крышам автомобилей, стоящих у тротуара. Женщина вздыхает и мизинцем правой руки рассеянно пишет на запотевшем стекле: «Миссиси... Мисси... Мис...»

Снова опускается лифт, и из него выходит двадцатилетняя Мери с пятого этажа.

— Миссис Смит, что слышно о Джоэн? — обращается Мери к женщине у двери. Женщина вздрагивает и оборачивается.

— Спасибо, милая! — отвечает она.— Последнее письмо было из Саммервилла. Это где-то в штате Теннесси. Пишет, что, если долго не будет писем и звонков, «ищите меня в Миссисипи».

Саммервилл... Саммервилл в штате Теннесси. А ведь я там бывал, миссис Смит. Это в двадцати пяти милях от Миссисипи. Летом там может закружиться голова от чуть горьковатого запаха нагретой солнцем сосны. Небо там такое голубое, что больно глазам. И жаворонки, сменяя друг друга, вьют там свои бесконечные серебряные нитки-трели над хлопковыми плантациями.

Там на пустынной городской площади около чугунного солдата армии южан сидит древний, выживший из ума старик со слезящимися глазами. Он не вытирает слез, и они текут по его пергаментным щекам к подбородку, заросшему седой щетиной. В руках у старика какие-то сыромятные ремешки, связанные в узел. Нужно знать, за какой конец потянуть, чтобы узел развязался. Старик торгует этими самодельными игрушками-головоломками, но я не знаю, кто их покупает. От нечего делать старик сам развязывает и завязывает узелки и беззвучно смеется, обнажая темные десны без единого зуба.

Мы приехали туда в жаркий полдень, хлопнули дверками автомобиля, и этот звук захлопнувшихся дверей был единственным в сонной одури Саммервилла. Потом где-то лениво взбрехнула собака. Печально прокуковала кукушка. Шаркая по асфальту ногами, подошел улыбающийся старик с сыромятными ремешками.

— Где здесь здание суда, дедушка? — спросил Станислав Кондрашов.

Старик закивал головой и радостно засмеялся.

— Здание суда! — повторил Станислав.

Старик засмеялся еще радостнее и закивал головой еще пуще. Мы поняли, что он глух...

— Здание суда-а-а! — тоскливо надрывался Станислав, подставив ладонь к волосатому уху старца; тот трясся от

хохота, и слезы катились по морщинам-канавкам в черный провал рта.

Здание суда там монументальное, сделанное на века. Внутри прохладно и темно. Огромный волкодав спит на каменном полу. Шериф там тоже монументальный. Дверь в его кабинет была распахнута. В широкополой ковбойской шляпе, в узконосых техасских ботинках на высоких острых каблуках, с серебряной шерифской звездой на груди, он сидел под звездно-полосатым флагом, положив ноги на стол, и брился электрической бритвой.

Шериф скользнул по нашим лицам колючими, настороженными глазами и положил жужжащую бритву на стол рядом с пистолетом. Мы вежливо кивнули ему и направились к выходу, обходя на почтительном расстоянии вздрагивавшего во сне волкодава. Делать нам больше было нечего.

Шериф нас не интересовал, а Джеймса, местного журналиста, назначившего нам свидание в здании суда, там не оказалось.

Потом, изнывая от жары, мы брели по какой-то зеленой улочке, и она привела нас к лесу. Две сколоченные из досок хижины стояли под соснами. На веревке висело белье. Куры купались в пыли. Две негритянские девочки, увидев нас, бросили автомобильное колесо, которым играли, и, вспугнув кур, шмыгнули в кусты. Голопузый малыш, косолапя рахитичными ножками, побежал за ними, упал и заревел.

На ступеньках одной из хижин сидел старик негр в полинявшем комбинезоне. Он перестал набивать табаком свою трубочку и с тревогой смотрел на нас.

— Добрый день! — поздоровались мы.

— Да, сэр! — гортанно выкрикнул старик, вскакивая на ноги и рассыпая табак. Белки его круглых глаз сверкали, как перламутровые.— То есть я хотел сказать: добрый день, джентльмены!

— Жарко сегодня!

— Да, сэр! — выдохнул негр.— Вы правы, сэр. Очень жарко сегодня.

Мы пошли назад, а он все стоял, с удивлением и испугом смотрел нам вслед, зажав в кулаке холодную трубку. Три черные головки выглядывали из кустов.

Потом мы встретили нашего друга Джеймса и вернулись к машине, чтобы поехать к границе штата Мисси-

сипи. Побритый шериф стоял с волкодавом на ступеньках здания суда и, запрокинув голову, пил кока-колу прямо из горлышка.

Вот и все. Может быть, я никогда больше и не вспомнил бы об этом крошечном городе, о глухом старце на площади, о бравом шерифе с волкодавом и о негре, который рассыпал табак, если бы вы, миссис Смит, не упомянули, что Джоэн сейчас там, в Саммервилле.

Я ведь знаю, миссис Смит, зачем там Джоэн. Она солдат, и война для нее и для вас началась весной этого года. Ваша Джоэн — одна из тысячи белых студентов, отправившихся в Миссисипи, чтобы помочь неграм. Двое из них—Майкл Швернер и Эндрю Гудман—уже погибли вместе со своим другом негром Джеймсом Чейни. Их убили шериф и помощник шерифа. Их убили, чтобы испугать других. Но Джоэн все еще там, на передовой линии фронта.

Я влюблен в вашу Джоэн, миссис Смит! Это она познакомила меня с мыслями замечательного американского писателя Томаса Вульфа. «Думается мне,—говорил Вульф,— что мы, американцы, заблудились. Но я убежден, что нас найдут... Я считаю, что уклад жизни, который был создан нами в Америке и создал нас, выработанные нами общественные формы, соты, что мы построили, улей, образовавшийся из них, по своей природе обречен на самоуничтожение и посему должен быть разрушен. Но я также знаю, что Америка и ее народ бессмертны. Они не могут погибнуть и должны жить. Я думаю, что подлинное открытие Америки ждет нас еще впереди...»

Мы живем в одном доме, но я долго не догадывался, что в этой хрупкой девятнадцатилетней девушке с нежным румянцем на щеках столько мужества и самоотверженности, что их хватило бы на троих. Однажды я встретил ее у подъезда нашего дома. Помните, она ненадолго приезжала из Миссисипи? Одна ее рука была в гипсе, другая — в бинтах.

— Мы сидели у стойки кафе с негритянской девушкой,— рассказывала она.— Было уже довольно поздно. В кафе, кроме нас, сидели несколько белых. Они орали и улюлюкали, но не трогали нас. Одна дама все время

кричала мне: «Расскажи, красоточка, как ты спишь с черномазыми! Давай, давай выкладывай, не стесняйся!»

А вокруг гоготали мужчины и сопляки-мальчишки. У меня все клокотало внутри. Фреда, моя подруга, негритянка, молча погладила меня по руке, и этого было достаточно, чтобы я сдержала себя.

Потом, видимо, им наскучило гоготать, захотелось чего-нибудь поострее. Надо полагать, что они изрыгнули из себя весь запас грязи и непристойностей, который накопился в их мутных душах, и на дне этих душ осталась только ненависть, которая не давала им покоя.

Дама подошла к нам, взяла со стойки банку с горчицей и вылила ее на голову Фреды.

«Тебе нравится, детка, эта помада? — кривлялась дама.— Она так идет к твоим курчавым черным волосам. Еще подлить?»

Фреда не пошевелилась. Это окончательно вывело из себя негодяев.

«Ах, они не желают разговаривать с нами! — орал какой-то тип с лошадиным лицом.— Тогда мы поговорим иначе. Официант, принеси-ка мне, пожалуйста, чайник, да погорячее. Я хочу угостить девочек чаем».

Официант поставил перед ним алюминиевый чайник, из которого шел пар. Я заметила, как сжалась Фреда. Тип с лошадиным лицом поднял чайник и приказал нам: «А ну, уберите руки со стойки!»

Мы не пошевелились. Я почувствовала, как дрожат мои руки. Только бы он не заметил, как мне страшно, как мне хочется вскочить и убежать! Только бы он не заметил...

«Уберите руки, или я превращу их в вареные макароны!»

...Только бы он не заметил, как дрожат мои руки.

«Я ведь не шучу, девочки!»

...Как тихо в кафе! За спиной сопят мальчишки-молокососы. Наверное, и им стало страшно... А может быть, просто ждут не дождутся...Носик чайника наклоняется все ниже, ниже.

«Последний раз говорю!» — рявкает «лошадиная морда».

«Оставь их, Джо,— делает шаг вперед бледный хозяин кафе.— Оставь их, парень. Они почти дети...»

Страшная боль впивается в мою правую руку. Кипяток льется из носика чайника непрерывной струей. Дико кричит Фреда. Я успеваю увидеть, как хозяин бросается на «лошадиную морду», пытается вырвать у него чайник, кипяток хлещет им на ноги. Темень застилает мне глаза...

А вот как правая рука оказалась сломанной, не помню,— закончила свой рассказ Джоэн.— Может быть, я сломала ее, когда падала со стула. Вы ведь знаете, мистер Стрельников, какие высоченные стулья у стоек...

Замер, успокоился лифт. Женщины дождались почтальона и разошлись по квартирам, каждая со своими печалями, радостями и тревогами. Дождь стучит по крышам автомашин, оставленных у тротуара. На стеклянной двери тают, расплываются буквы: «Миссиси... Мисси... Мис...»

Туман поднимается с Гудзона, и кажется, что наш дом куда-то плывет. Обыкновенный дом на западной стороне Нью-Йорка. Двенадцать этажей. Тридцать квартир. Еще одна в подвале. Там плачет, тоскует, поет одинокая флейта Сиднея:

О старая река, добрая река!
Я пою о твоей красоте.
Слезы матерей в твоих волнах,
Старая река!..

«НЕПРИКАСАЕМЫЕ»

Однажды нашу квартиру в Нью-Йорке ограбили. Это было странное воровство. Вместе с именными часами, которые я когда-то получил в подарок от ЦК ВЛКСМ, кинокамерой и двумя пишущими машинками грабители унесли мои рукописи, записные книжки, вырезки из американских газет и письма из Калифорнии от выжившего из ума генерала в отставке, официально уведомлявшего меня в том, что он назначил сам себя правителем США «в изгнании», предварительно объявив правительство в Вашингтоне незаконным.

Ожидая прибытия полиции, я горевал о своих записных книжках, а больше всего о генеральских письмах, которые собирался использовать для фельетона в «Кроко-

диле». Размышления мои прервал телефонный звонок. В трубке что-то пищало, звенело, гудело, завывало, слышался далекий человеческий голос. Прошло несколько минут, прежде чем я понял, что по радиотелефону меня уже «записывают» репортеры местной радиостанции. Они брали у меня интервью с борта вертолета, который висел над нашим домом. Потом звонили из всех нью-йоркских газет. Телевизионная компания прислала бригаду для съемок, но я скрылся, выбравшись из дому черным ходом.

Через сутки приехали полицейские в штатском, чтобы задать мне несколько незначительных вопросов и тщательно обшарить всю квартиру. Они открывали стенные шкафы и многозначительно произносили:

— Гм! Да-а!

Они даже заглянули под кровать, на секунду повергнув меня в ужас от мысли, что я беспечно спал на той самой кровати, из-под которой они сейчас вытащат бандитов.

Не обнаружив преступников под кроватью, один из сыщиков слазил на крышу и принес оттуда дырявую соломенную шляпу.

— Узнаете? — спросил он, глядя на меня проницательными глазами.— О'кэй! Проверим!

В этот момент появилась наша соседка миссис Меер. Едва она вышла из лифта со своим сопливым оболтусом Джонни, как к ней обратился полицейский:

— Добрый день, мадам, рад вас видеть! Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вам несколько вопросов. Дело в том, что мы расследуем...

Дверь в нашу комнату была раскрыта. Один из сыщиков сыпал какой-то белый порошок на дверную ручку в поисках отпечатков пальцев. Другой в лупу рассматривал пятна на соломенной шляпе.

Миссис Меер решила, что я арестован. Вперив в меня обличающий взор, она протрубила:

— Справедливый боже! Наконец-то! Я всегда говорила, что он шпион!

Джонни в восторге засучил ногами и так смачно шмыгнул носом, что полицейский поморщился.

— Мадам! — просяще обратился он к миссис Меер.— Мадам! В данном случае мы расследуем факты. Если у вас есть что-нибудь конкретное...

Ответив на вопросы полицейского, разочарованная и еще более разгневанная миссис Меер ушла к себе, а Джонни остался торчать в коридоре. Он сморкался в бумажные салфетки и бросал их у нашей двери. Таким путем Джонни вносил свою скромную лепту в дело борьбы против мирового коммунизма.

Мы живем на одном этаже уже не первый год, и я вижу, как прогрессирует Джонни. Когда ему было девять лет, он смотрел на нас со смешанным чувством любопытства и ужаса. Мы были теми самыми «кровавыми русскими», которые, как об этом неоднократно слышал Джонни, «поклялись похоронить американцев».

Дома и в школе Джонни воспитывали патриотом голдуотеровского типа. Такой патриотизм требует действий. И Джонни действовал. Ударом ноги он опрокидывал пакеты с мусором, которые, как заведено в нашем доме, мы выставляли в коридор. При виде отбросов, рассыпанных на полу, уборщик негр Сидней только разводил руками и крякал, пока однажды не подкараулил Джонни.

К одиннадцати годам Джонни встал на путь политической борьбы. На стене около нашей двери он стал регулярно рисовать свастику, неизменно вызывая взрыв ярости Сиднея.

Сейчас Джонни пятнадцать лет. Он стал «суперпатриотом». Недавно я видел его около здания Карнеги-холл, где проходил митинг Совета американо-советской дружбы. Джонни был участником «пикета протеста». Он кричал громче всех:

— Коммунистов, евреев, негров — в газовые камеры! Голдуотер, задай им жару!

Брезгливо перешагнув через бумажные салфетки, разбросанные Джонни, полицейские ушли навсегда, унося соломенную шляпу, бережно завернутую в целлофан.

С тех пор возросла моя почта. Кто-то заботился о моем духовном просвещении. За одну неделю я получил несколько библий на русском и английском языках, долгоиграющие пластинки с записью церковных песнопений, книги «Как легко разбогатеть», «Как научиться играть в карты» и «Как обольщать девиц», пакет с порнографическими открытками и подписку на журнал «Плейбой». Мне прислали приглашение стать держателем акций, вступить в Общество трезвенников, в Лигу любителей птиц и, наконец, в Ассоциацию ценителей висконсинского сыра.

А однажды нас посетил совсем уж странный человек. Предварительно он позвонил по телефону и попросил свидания, сказав, что имеет сообщить нам нечто важное. Он был бы рад, если бы я вечерком заглянул к нему домой пропустить пару стаканчиков, поболтать и обменяться мнениями. Найти его дом легко: он расположен в том же квартале, где помещается лаборатория военно-морского флота. Ах, вас не интересует, где размещается лаборатория? Впрочем, да, да, конечно, он все понимает... У вас нет времени? Печально, очень печально...

Тогда он приехал сам. Маленький черненький человек, нос с горбинкой, на голове ежик, весь тщательно отутюженный и выбритый до синевы. Обеими руками он прижимал к животу огромный желтый портфель. Сел на диван и осторожно поставил портфель на стол.

Видите ли, он ученый, специалист по ракетным двигателям, у него своя частная лаборатория. Хотел бы переписываться с советскими учеными. Кое-что у него есть, хе-хе-хе, в этом портфельчике. Преинтереснейшие данные! Вот извольте взглянуть...

Он переставил портфель под стол, покопался там, извлек какую-то бумажку, испещренную формулами, щелкнул замками портфеля и снова водрузил его на стол.

— Я ничего не понимаю в формулах и не интересуюсь ракетными двигателями,— громко сказал я, обращаясь к портфелю.— Повторяю: я ничего не...

— Да, да! — прервал меня он.— Но, может быть, ваши друзья?

— У меня нет друзей, интересующихся ракетными двигателями,— прокричал я портфелю.— Между прочим, советские двигатели, как я читал об этом в ваших же газетах, не хуже американских. Повторяю: советские двигатели...

— Можно не повторять,— сухо проинструктировал он меня, отодвигая портфель.— Может быть, вас как журналиста интересует какая-нибудь экономическая или научная информация? Только не повторяйте ответа.

Его глаза были полны тоски.

Я сделал ему таинственный знак рукой, чтобы он нагнулся ко мне, и сказал ему на ухо:

— Бросьте эту волынку. Хотите советской водки?

Он проглотил слюну, покосился на портфель и шепотом деловито осведомился:

— «Столичная» или «Московская»?

Спустя полчаса мы топтались у лифта и восклицали:

— Очень приятно провел время!

— Мне тоже было весело, сэр!

— Вы, я вижу, неплохой парень!

— Надеюсь, вы тоже, сэр!

— До новых встреч!

— Давайте, давайте! Я уже привык!

Действительно мы уже привыкли. Уже давно мы стали замечать, что кто-то посещает нашу квартиру в те часы, когда нас не бывает дома. Дверь оставалась закрытой на ключ, но было видно, что кто-то копался в моих бумагах, в гардеробе, в ящике с детским бельем. Кто-то курил на кухне и оставил у плиты окурок сигареты. Зачем-то снимали заднюю стенку радиоприемника и, по-видимому, впопыхах ставя ее назад, привинтили только на два винта из четырех.

Как-то раз я снял трубку телефона и набрал номер отделения ТАСС в Нью-Йорке. Не успели мне ответить коллеги из ТАСС, как я услышал в трубке незнакомый голос:

— Стрельников звонит. Записывать?

Телефон подводил их не раз. Договорившись по телефону с друзьями о поездке за город, мы нарочно остались дома. В тот час, когда мы должны были катить по автостраде к океану, нашу дверь открыл своим ключом управляющий домом. Из-за его спины выглядывали трое молодых джентльменов в серых плащах, в мягких шляпах, в белоснежных рубашках с галстуками. Они будто сошли с экрана телевизора из еженедельной серии «Неприкасаемые» — самой героической серии из телевизионной жизни агентов Федерального бюро расследований.

Замешательству управляющего не было предела. Мне показалось, что, увидев нас в квартире, он хотел перекреститься. Застыв на пороге, он долго тянул «э-э-э», потом «а-а-а», пока один из джентльменов не пришел ему на помощь.

— Мы собираемся купить этот дом, сэр, и хотели бы осмотреть квартиры, — сказал он с приятной улыбкой, оттирая плечом обалдевшего управляющего.

Остальные джентльмены, включая меня, едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Так мы и ходили по комнатам, понимающе поглядывая друг на друга и похохатывая. Удовлетворившись беглым осмотром нашей

квартиры, джентльмены из телевизионной серии «Неприкасаемые» не стали беспокоить соседей, приподняли шляпы и направились к лифту. Вместе с лифтом вниз уплыли вздохи управляющего и дружное жеребячье ржание, застоявшееся в трех здоровенных глотках.

К сожалению, не все джентльмены в серых плащах наделены таким чувством юмора, как те трое парней. Корреспондент «Экономической газеты» застал у себя дома человека, который отрекомендовался монтером.

— На станции мне сказали, что у вас испортился телефон. Что вы с ним сделали? — сердито спросил незнакомец.

— Но как вы проникли в квартиру?—удивился корреспондент.

— Дверь была открыта,—сухо сообщил монтер.

— Ну, если вы уже вошли, то не почините ли вы вот этот выключатель? — попросил корреспондент.— Я вам заплачу.

— Я специалист не по выключателям,— еще суше сказал монтер и выскочил в коридор, даже забыв приподнять шляпу.

У одного из моих коллег они выпили целую бутылку виски, в связи с чем едва не возникла семейная драма, ибо супруга заподозрила мужа в тайной склонности к пьянству. После этого печального эпизода я поставил на свой письменный стол картонку со следующим воззванием, отпечатанным крупными буквами: «Джентльмены! Убедительно прошу вас не копаться в ящике с детским бельем и не бросать окурков на пол. Если это будет продолжаться, я буду вынужден пожаловаться в Федеральное бюро расследований. Лучшего качества виски всегда к вашим услугам в холодильнике».

Мы привыкли к тому, что иногда они ходят сзади нас по городу, прыгают вслед за нами в автобусы, летом лежат рядом с нами на пляже. Иногда они сидят за соседним столиком в ресторане и, со вздохом поглядывая на часы, грустно потягивают через соломинку кока-колу. Они иногда фотографируют нас во время митингов, демонстраций или когда мы берем интервью на улице, и поэтому, отправляясь на митинг или демонстрацию, мы особенно тщательно повязываем галстук и причесываемся, чтобы выглядеть на фотографиях самым элегантным и приятным образом.

Всегда опрятно одетые, в серых плащах, в белоснежных рубашках с галстуками, в мягких шляпах, они отправлялись с нами почти в каждую поездку по стране. Машины у них внешне ничем не отличаются от тысяч других, но оборудованы двусторонней радиосвязью, имеют мощные моторы и способны брать с места в карьер. Мы никогда не пытались «оторваться» от них, считая это бесцельным и опасным занятием. Чтобы отучить вас от быстрой езды, они могут ночью воткнуть в шины вашего автомобиля гвозди, и тогда вы рискуете перевернуться на скорости семьдесят миль в час, после того как ваши покрышки неожиданно, как выражаются в таких случаях американцы, пойдут ко всем чертям.

Должен сказать, что лично со мной этого не случалось. Не знаю почему — может быть, в знак благодарности за виски лучшего качества,— ко мне они всегда были очень внимательны. Если я останавливался у развилки дорог, размышляя, по какой ехать, они обгоняли меня и жестом приглашали следовать за собой, неизменно доказывая этим, что знают мой маршрут гораздо лучше меня.

Я не думаю, чтобы каждая поездка доставляла им удовольствие. Я помню холодный рассвет недалеко от канадской границы, туман, поднимающийся с озера, колючий снежок и одинокую машину у обочины дороги. Мы с Леонидом Величанским, корреспондентом ТАСС, ожидая открытия кафе, гуляли по берегу озера, а джентльмены в машине, надвинув на нос шляпы и поеживаясь от холода, читали старые газеты, курили, зевали и посматривали на нас с ненавистью.

Однажды с корреспондентом «Труда» мы долго не могли выехать на нужную нам дорогу. Была ночь, шел дождь, смешанный со снегом, спросить было не у кого. Битый час наша машина рыскала по большому и незнакомому городу, делала самые неожиданные развороты и зигзаги. Почти касаясь радиатором нашего багажника, неожиданные развороты и зигзаги повторяла машина с джентльменами в серых плащах. Наконец мы остановились и подошли к ним.

— Мы заблудились, ребята.

Они переглянулись, помолчали, потом один из них сказал:

— Только не отставайте. Нам некогда.

Впервые не они боялись отстать от нас, а мы от них.

О боже! С такой скоростью я не ездил еще никогда в жизни.

Выведя на дорогу, они пропустили нас вперед и вскоре отстали совсем. За мостом в хвост к нам пристроилась другая машина. Мы поняли, что по нашей вине смена «эскорта» произошла на час, а то и на два часа позже расписания.

Я думаю, что иногда их удивляло и раздражало наше легкомыслие. Скажем, вчера по телефону мы обещали кому-то быть к 4 часам вечера впереди 300 миль пути; уже 9 часов утра, а мы еще в постелях. В 10.00 в нашей комнате звонил телефон:

— Хэлло, Джон! Ты еще дрыхнешь?.. Не туда попал? Простите!

Мы продолжали спать.

В 10.30 кто-то дубасил кулаком в дверь и нежно ворковал:

— Хэлло, Мери! Ты еще спишь, детка? Ошибся дверью? Простите!

Мы так привыкли к ним, что, когда они отставали, исчезали, как сквозь землю проваливались, нам становилось не по себе. Именно такое беспокойное чувство испытали мы, когда прилетели в город Майами, откуда накануне ушли к кубинским берегам корабли интервентов.

Майами — знаменитый морской курорт — жил удивительной жизнью. Внешне все было так же, как и раньше: тот же изумрудного цвета океан, те же белые песчаные пляжи, те же длинноногие лохматые пальмы, под кронами которых по вечерам вспыхивают разноцветные лампочки. Как и прошлой весной, в зале роскошного отеля «Саксония» шло «сражение красоты с очарованием» — конкурс на звание самой прекрасной девушки Майами. И точно так же, как прошлой весной, сука по имени Изменница взяла приз «Большой бриллиантовой косточки» на традиционных собачьих гонках.

Как будто бы все было так, как всегда. Но не было спокойствия. По вечерам небо над городом обшаривали прожекторы. Когда они гасли, в небе слышался шум авиационных моторов. Невидимые самолеты без бортовых огней один за другим шли в сторону Кубы.

По ночам от пустынных пляжей Майами уходили в море моторные боты. Они возвращались на рассвете, оста-

вив позади себя взрывы в Гаване и пожары на плантациях сахарного тростника.

Город-курорт стал городом-диверсантом. Там расположился главный штаб кубинских контрреволюционеров. В испанском районе города открылись вербовочные пункты в армию наемников. Пентагон и Центральное разведывательное управление США готовили здесь вторжение на Кубу.

Мы, трое советских журналистов, прилетели в Майами, когда вторжение началось. В аэропорту нас встретили американские репортеры. Это было неожиданностью. Ведь никому, кроме государственного департамента, мы не говорили, что собираемся в Майами.

Один из журналистов, встретивших нас в аэропорту, спросил:

— А вы, ребята, ничего не боитесь? Вас ведь могут здесь... ну, скажем, взять в качестве заложников, избить или что-нибудь еще в этом роде. Кубинские беженцы — народ отпетый. Для них законов не существует!

— Разве им тоже известно о нашем приезде? — удивились мы.

— Если бы даже и не было известно, то они узнали бы об этом завтра утром,— ответил американский коллега.

Здесь же, в аэропорту, мы арендовали автомашину. Выбрали открытый «шевроле» ярко-красного цвета и поехали в город.

Ветер раскачивал зеленые лапы пальм, и город был наполнен их тревожным шелестом. Ветер щелкал огромными полотняными рекламами, гнал над океаном грозовые тучи, и на горизонте что-то глухо ворчало — не то гром, не то далекий гул орудий.

В городском саду рыдали женщины. В черных траурных платьях, в черных платках, они воздевали руки к небесам, бились в истерике, рвали на себе волосы. Мужчины с черными лентами на рукавах шептали молитвы и проклятия. Их собралось здесь не меньше двадцати тысяч. Это были родственники тех, кто вчера ночью уплыл из Майами к кубинским берегам.

К нам в руки попал список контрреволюционеров, взятых в плен на кубинском берегу. Он был похож на перечень знатных членов гаванского яхт-клуба. В графе «Профессия» мы читали: «Владелец магазина в Гаване»,

«Владелец ресторана в Сантьяго», «Сын известного финансиста», «Офицер армии Батисты».

Уже стемнело, когда ярко-красный «шевроле» остановился неподалеку от двухэтажного кирпичного дома на углу бульвара Бискейн и 16-й улицы. Здесь главный штаб кубинской контрреволюции. Мы решили побывать здесь до того, как выйдут газеты с информацией о нашем приезде в Майами.

На террасе около автомата с кока-колой и ящиков с пустыми бутылками о чем-то горячо спорят по-испански молодые брюнеты в спортивных рубашках навыпуск. Им явно не до нас, и мы проходим мимо них в помещение штаба.

Как жалко выглядит штаб разбитой армии! В коридоре грязно, наплевано, на полу кучи окурков, обрывки грязных бинтов, клочки плакатов. То и дело звонят телефоны. За закрытой дверью слышна брань. Нас принимают здесь за американцев. Нам говорят: «Здравствуйте!» и мы отвечаем: «Как поживаете?» Мы идем от двери к двери, и нам, советским журналистам, вежливо уступают дорогу и даже дают пояснения.

Вот распахивается дверь, и мы видим радиста, прижавшего к ушам чашечки наушников. На лице его скорбь и растерянность. Аппарат молчит. Нам говорят, что связь с высадившимися отрядами оборвалась.

И вдруг слышим:

— А, ТАСС! Ты здесь непрошеный гость!

Это американский журналист из Нью-Йорка узнал корреспондента ТАСС Владимира Богачева и кричит на весь штаб:

— Сейчас тебя будут линчевать, мой дорогой друг! Эй, где же вы, джентльмены в серых плащах? Сейчас, когда вы нужны, вас нет.

Богачев с преувеличенной радостью обнимает своего знакомого и доверительно говорит ему на ухо:

— Мой дорогой друг, не забудь, что в Москве есть американские корреспонденты, которых тоже можно...

Наш американский коллега оказался сообразительным парнем. Он гоготал, как взволнованный гусь, хлопал Богачева по плечу, но не произносил больше ни слова. Насторожившиеся было кубинцы успокоились. Они либо не расслышали слово «ТАСС», либо приняли его за фамилию.

Но когда я выходил из штаба, меня остановил какой-то верзила в полувоенной форме, с усиками над пухлыми, влажными губами:

— Покажите ваши документы!

Я уже был готов к этому и поднес к его глазам пропуск в кафе для журналистов на третьем этаже здания ООН. На пропуске не было ни моей фамилии, ни названия моей газеты. На нем вообще ничего не было, кроме больших букв «ООН».

— Пабло! — позвал кто-то.

Верзила обернулся на зов, а я поспешил к выходу, в темноту, к ярко-красному «шевроле», мотор которого, я это слышал, был уже включен.

Ночь мы решили провести в «Бродяге» — маленьком, неприметном мотеле на краю города. Хозяин, крупный курчавый старик с лохматыми бровями, обрадовался нам, как будто мы были его родственники, приехавшие наконец погостить.

— Плохи дела,— жаловался он, пока мы заполняли анкеты,— туристов нет, отели пустуют. Фронтовой город, что вы хотите! Если так дело пойдет, мы провалимся в преисподнюю вместе со всеми нашими гончими и очаровательными красотками. Войной пахнет, что вы хотите!

Взглянув на анкетки, он гаркнул по-русски:

— Га! Вы же имеете добрые российские фамилии! В Одессе не бывали?

Мы испуганно переглянулись: этого только нам не хватало!

— Нет, нет, честное слово, мы не из Одессы, мы из Нью-Йорка.

— Яшу Рубинчика в Нью-Йорке знаете? — прыгал вокруг нас старик.— В Даунтауне торгует. Не знаете? Удивляюсь с вас. А Мишу Гершля знаете? Племянник невестки моего брата Гриши. Кто же он до меня будет? Не знаете, кто он до меня будет? Забыл, как по-русски называется. Сродственник, одним словом.

Окончательно убедившись, что мы не знаем Яшу Рубинчика и никогда не слышали о Мише Гершле, старик замолчал и посмотрел на нас с подозрением.

— А я помню Одессу,— сказал он, открывая ключом нашу комнату.— На Дерибасовской торговал квасом хромой рыжий еврей. То был мой отец. В пятом году был погром, и его растоптали ногами. А меня отбил у по-

громщиков сапожник Иван. Наш сосед. Русский. А то бы меня тоже растоптали ногами. Три года я жил у дяди Ивана... как сын. Как родной сын, хоть и был я некрещеным.

Утром, когда мы проходили мимо его конторки, он ткнул пальцем в газету, лежащую перед ним, и пробурчал:

— Бачили, что пропечатано?

Двухэтажный заголовок на первой странице «Майами ньюс» («Лучшая газета под солнцем») гласил:

«Здесь трое русских.

Ищут материал для разоблачения».

Майами нежился под жарким апрельским солнцем. Солнечные зайчики скакали по стеклам белокаменных отелей, резвились в купальных бассейнах, вспыхивали на хромированных носах автомашин, убегали в бирюзовую даль океана.

Испанские и негритянские кварталы изнемогали от слишком щедрого солнца. Убогие хижины задыхались от жары, от вони и смрада мусорных свалок. Голопузые курчавые ребятишки тащили куда-то убитую крысу. Молодой негр брил слепого старика негра на ступеньках дома.

Юрий Барсуков, корреспондент «Известий», остановил наш ярко-красный «шевроле» у дома на 4-й авеню. Здесь вербовочный пункт наемников. Вчера радио объявило, что такие пункты закрыты по распоряжению правительства. Сейчас мы видим, что это ложь. Выйдя из машины, Володя Богачев фотографирует пункт и людей, входящих и выходящих из здания.

Если вербовочные пункты закрыты, то кто эти люди, бегущие за нашей машиной с веревками и палками в руках? Задыхаясь, они хрипят проклятия и, толкая друг друга, прыгают в кузов грузовичка, который устремляется за нами.

Прекрасная машина «шевроле»! Она тоже может здорово брать с места и отлично слушается руля.

— Улучшайте дороги! — кричит Богачев и приветливо машет преследователям рукой...

Искупавшись в океане, мы позвонили в «лучшую под солнцем газету», чтобы поблагодарить за рекламу.

— Вы еще живы? — обрадовались на другом конце провода.— Ради бога уезжайте. Не кладите грех на наши души. Вас убьют здесь.

Хозяин отеля встретил нас хмуро.

— Я имел звонки,— пробурчал он, кивая на телефон.— Пытали про вас.

— Что же вы ответили?

Он посмотрел на нас как-то странно. Мне показалось, что во взгляде его была обида. Он угрюмо покачал головой, презрительно сплюнул сквозь зубы и проворчал уходя:

— То-то и видно, что вы с Нью-Йорку. В Одессе таких нет.

Его помощник, веснушчатый, лопоухий парень, с удивлением наблюдавший эту сцену и ничего не понявший, сказал:

— Что-то хозяин сегодня не в духе. Трижды кого-то посылал по телефону ко всем чертям, а в четвертый раз закричал: «Могу дать их почтовый адрес. Записывайте: «Город Одесса, штат Украина, СССР, Соединенные Штаты Советской России». Какая муха его сегодня укусила?

ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Лязгая гусеницами, бульдозер идет прямо на них. Из-под жарко дышащей машины летят искры и серые крошки асфальта. Водитель бульдозера, краснолицый, морщинистый старик в синем выцветшем комбинезоне и красной кепке со сломанным козырьком, дает такой газ, что клубы голубого едкого дыма на миг заволакивают машину.

Бульдозер идет прямо на них. Они сидят на асфальте, закрыв ему путь. Я успеваю сосчитать: 14 человек.

До ревущего бульдозера остается не больше трех метров. Мне хочется курить, и я чувствую, что руки мои дрожат от волнения. «Надо запомнить их лица»,— думаю я.

Успею ли я запомнить их лица? Вот молодой плечистый негр в черных очках. Он закусил губы и закрыл глаза.

Белая женщина на коленях. Она что-то кричит, и в ее глазах страх.

Седая негритянка в разорванном на плече платье. Она раскачивается из стороны в сторону. Что-то поет, а может быть, молится.

Снова черное лицо с огромными глазами и ослепительно белыми зубами. Я не могу понять, плачет этот человек или смеется.

Тоненькая белая девушка, коротко остриженная. Она что-то говорит негритянской девочке, которая лежит рядом, спрятав лицо в колени девушки. Я вижу лишь две коротенькие черные, как уголь, косички с беленькими бантиками.

Бульдозер идет прямо на них. Вот уже гусеница раздавила плакат, лежащий у ног девочки с косичками. Я успеваю прочеть плакат: «Дайте работу моему папе!» Девочка в ужасе вскакивает и дико кричит, прижав кулачки к подбородку. Она такая крошечная перед этой стальной громадиной бульдозера! Косички ее трясутся. Кулачки ее прижаты к подбородку.

И только теперь я заметил то, что не заметил минуту назад. Цепи! Эти люди прикованы друг к другу цепью. Четырнадцать человек сковали себя цепью и загородили въезд на строительную площадку.

Бульдозер останавливается прямо около девочки, которая содрогается от крика. Старик водитель выключает мотор и, ругаясь, вылезает из кабины. Он сдергивает красную кепку, вытирает ею вспотевшее лицо и швыряет ее на сиденье. Его бледные губы трясутся.

— Пошел ты знаешь куда! — говорит он подбежавшему полицейскому офицеру.— Я рабочий человек, а не убийца.

К ним подбегает какой-то взмыленный от пота человек. Он в белой, прилипшей к спине рубашке со сбившимся набок галстуком. В руках помятый пиджак.

— Офицер! — кричит он.— Вы обязаны убрать этих людей. Я буду жаловаться!

Затем обращается к водителю бульдозера:

— Том, обожди минутку, сейчас их уберут.

Девочка уже не кричит. Она плачет навзрыд.

Старик переминается с ноги на ногу, делает неуверенный шаг в сторону девочки и говорит:

— Детка... Детка... Не надо плакать, сердечко мое... Прости меня, старого дурака!

Девочка не поднимает головы и еще теснее прижимается к девушке. Старик разводит руками, поворачивается и, ссутулившись, идет прочь от бульдозера. Потный чело-

век со сбившимся набок галстуком рысцой забегает перед ним.

— Том, подожди минутку! Сейчас их уберут,— говорит он.

Неожиданно старика охватывает ярость. Он топает ногами и кричит:

— Будьте вы прокляты! Будь она проклята, ваша работа! Будь она проклята, такая жизнь! Все вы!.. Все вы!..

Я вижу его морщинистое лицо. Оно перекошено гневом и болью. Мне кажется, что он ненавидит сейчас всех людей, а больше всего самого себя. Он плюет на асфальт и, сгорбившись еще больше, идет на толпу, запрудившую тротуар и часть улицы. Он глядит себе под ноги, и люди молча расступаются перед ним...

Воет сирена полицейской машины. Конные полицейские теснят толпу блестящими от пота крупами лошадей. Автомобиль-вагон с решетками на окнах останавливается около бульдозера.

Четырнадцать человек, сидя на тротуаре, поют:

Мы победим!
Придет день нашей свободы,
Всем сердцем верю...
Мы победим!..

Они поют, хлопая в такт песне ладонями. Звенит цепь, сковавшая их.

Поет молодой плечистый негр в черных очках. Поют белая женщина и негритянка в разорванном на плече платье.

Поет тоненькая беленькая девушка. Всхлипывая, поет девочка с косичками.

Какая это прекрасная песня! Я молча пою ее вместе с четырнадцатью на асфальте:

Всем сердцем верю...

Я пою эти слова молча, потому что мне, советскому журналисту, нельзя принимать участие в демонстрации американцев.

Мы победим!..

Я пою про себя эти слова вместе с четырнадцатью на асфальте. Нет, не с четырнадцатью! Я и не заметил, что песню подхватили сотни пикетчиков-негров, которые ходят вокруг с плакатами в руках. Поет толпа, запрудившая тротуар и часть улицы. Белый парень поет на балко-

не дома. Поют пуэрториканские девушки из окна дома напротив. Я не слышу их голосов, а только вижу, как они ритмично хлопают в ладоши.

Я ищу глазами старика, водителя бульдозера, который едва не стал убийцей. Слышит ли он песню? Наверное, не слышит. Сидит где-нибудь сейчас в баре над стаканом виски, бледный от тоски и ненависти, от стыда за самого себя.

К сидящим на асфальте направляются полицейские. В руках у них кусачки с длинными ручками, перекусывающие цепи. Сперва они расковывают девочку, потом всех остальных.

— Вы арестованы за нарушение порядка! — говорит им офицер.— Прошу вас следовать в машину.

И не лишенный галантности жест в сторону автомобиля-вагона с решетками на окнах.

Арестованные не трогаются с места. Полицейские хватают мужчин под мышки и волокут их в машину. К женщинам направляются женщины-полицейские. На головах у них форменные фуражки с кокардами. Белые блузки с короткими рукавами. Широченные плечи, мускулистые по-мужски руки. Одна из них легко поднимает девочку с косичками и куда-то уносит.

В толпе, которую сдерживает конная полиция, заметно какое-то движение. Толпа глухо ворчит, колышется, как будто пережевывает что-то и наконец выталкивает перед полицейскими десяток парней.

— Черные обезьяны! — орет один из этих парней, одетый, несмотря на жару, в кожаную курточку с молниями.— Убирайтесь в Африку!

— Пусть лучше убираются в Россию! Там их любят! — вопит другой, размахивая пряжкой ремня, который обмотан вокруг его кулака.

— Легче, легче, ребята, не мешайте нам работать,— увещевает их с лошади полицейский сержант.

— Посмотрите на эту любовницу негров! — орет парень и тычет кулаком в сторону тоненькой девушки.

Парни корчатся от смеха, гогочут, свистят, улюлюкают, исторгают самые оскорбительные, самые циничные, самые грязные слова.

Толпа гудит возмущенно. Девушка стоит бледная, прямая, тоненькая, как тростиночка. Она кажется мне необыкновенно красивой.

— Переспи с нами сначала,— кривляется перед ней парень в черной курточке.

Даже женщина-полицейский не выдерживает.

— Убирайся отсюда, молокосос! — сквозь зубы шипит она парню.

— Легче, легче, мальчики! — слышен голос сержанта на лошади.— А то и вас придется забрать.

— Не раньше чем я поцелую эту красотку,— отвечает парень и, подскочив к девушке, с размаху бьет ее пряжкой ремня по лицу.

Оттолкнув женщину-полицейского, его приятели бросаются за ним. Кто-то хватает девушку за воротник платья и разрывает его до пояса.

Сержант пускает лошадь в галоп. Мускулистая женщина-полицейский расталкивает парней.

Ревущая толпа прорывает заслон. Какой-то белый мужчина с усами хватает левой рукой парня с пряжкой за шиворот и правой изо всей силы бьет его в подбородок. Парень летит под ноги лошади.

Воет сирена. Мелькают дубинки. Полицейские заталкивают в машину парня с пряжкой, по подбородку которого течет кровь. Четверо других выкручивают руки белому мужчине с усами.

Ржущие от возбуждения лошади встают на дыбы, теснят толпу к тротуару.

Девушка стоит, прислонившись к бульдозеру. У нее кровоточит ссадина на щеке. Платье ее разорвано. Обеими руками она пытается прикрыть грудь. На ее худеньких обнаженных плечах, покрытых загаром, резко выделяются белые бретельки.

— Цыпленочек,— тихо говорит сержант на лошади другому конному сержанту, кивая в сторону девушки. Тот подмигивает в ответ, и оба расплываются в улыбках. Мне кажется, что девушка слышит их. Я вижу, как вздрагивают обрывки цепей на ее руках. Она молча плачет.

Сержанты трогают лошадей и отъезжают к гневно гудящей толпе. Женщины-полицейские берут девушку за локти и подсаживают в автомобиль с решетками.

Теперь проезд на строительную площадку открыт. Откуда-то из-за угла появляется грузовик с цементом и, объехав бульдозер, врывается в ворота. За грузовиком,

радостно подпрыгивая и размахивая пиджаком, несется человек со сбившимся галстуком. Все это происходит так быстро и неожиданно, что толпа успевает лишь ахнуть.

Теперь взоры всех — толпы, полицейских, пикетчиков, которые ходят у решетчатого забора, отделяющего строительную площадку от улицы,— устремлены к углу, откуда слышен вой второго грузовика.

Но не успевает грузовик приблизиться к воротам, как на его пути встают шесть негритянских юношей и две девушки. По их лицам катится пот.

— «Нас не сдвинуть...» — пронзительно-клокочущим, каким-то особым голосом запевает одна из девушек.

— «Всем сердцем верю...» — хрипло подхватывают юноши.

Визжат тормозные колодки грузовика. К живой стене бросается целый отряд полицейских.

Толпа снова прорывает заслон. Меня толкают со всех сторон. Я едва не падаю. Толпа несет меня то вправо, то влево. Я успеваю заметить, как двое полицейских трясут негритянского юношу и его голова бьется о металлический кузов грузовика.

Полицейские берут верх и снова загоняют толпу на тротуар. Карета «Скорой помощи» увозит раненых. Машина с решетками — арестованных.

Около моего уха стрекочет кинокамера. Телерепортер нагнулся с микрофоном к негритянскому мальчику лет десяти, за руку которого держится сестренка. Ей не больше шести лет. Видно, что она перепугана и потрясена тем, что ей пришлось здесь увидеть. Она жмется к брату и все время просит его:

— Пойдем, Джон, пойдем! Я хочу пить.

— Зачем вы пришли сюда? — спрашивает репортер.

— Пусть они примут нашего папу на работу,— хмуро отвечает мальчик и опускает голову.

Репортер легонько пальцами берет его за подбородок, старается повернуть лицом к камере и спрашивает:

— Ты знаешь, чем это может кончиться?

— Знаю! — сердито бросает малыш и снова опускает голову.

— Чем?

— Нас посадят в тюрьму,— почти шепчет мальчик.

— Скажи это громче.

— Нас посадят в тюрьму,— громко и четко говорит

мальчик, глядя прямо в объектив стрекочущей кинокамеры.

— Я не хочу в тюрьму!— хнычет сестренка.— Я хочу пить.

Негритянский священник, взобравшись на груду бревен, уговаривает толпу разойтись.

— Братья! — кричит он.— Не доводите дело до кровопролития. Успокойтесь. Возьмите себя в руки.

— Нет сил терпеть! — отвечают ему из толпы.

— Я знаю. Я знаю, что нет больше сил терпеть несправедливость,— продолжает священник.— Но посмотрите на полицию. У них оружие. У них дубинки. Они не остановятся ни перед чем, чтобы протолкнуть эти проклятые грузовики на строительную площадку. Но, братья, о том, что произошло здесь сегодня, завтра будет знать весь мир.

В другом месте толпа подняла на руки молодого негра с бородкой.

— Я спрашиваю вас: где это происходит? — кричит юноша.— В Соединенных Штатах Америки?

— Да! — выдыхает толпа.

— Я спрашиваю вас: это страна свободы?

— Нет! — гремит толпа.

— Это страна справедливости?

— Нет!

— Это страна равенства?

— Нет! Нет! Нет! — несется над улицей.

Постепенно толпа расходится. Остаются только полицейские и десяток пикетчиков, которые молча ходят вдоль забора. В их руках плакаты: «Дайте работу неграм и пуэрториканцам!», «Двадцать пять процентов рабочих мест — для цветных!»...

Сержант слезает с лошади, передает поводья полицейскому и устало хрипит:

— Ну и жарища сегодня, ребята! Пойду промочу горло.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Этот ночной «рабочий» поезд останавливался на каждой станции. Проводник-негр с грохотом отодвигал дверь и выкрикивал очередную остановку. Вздрагивая, открывала глаза девочка, спавшая на коленях у матери Из

тамбура несло ночной сыростью. «Спи, спи,—говорила мать, молодая женщина,—нам еще далеко». Четверо парней в одинаковых брезентовых куртках и в резиновых сапогах играли в карты. На скамье горкой лежали их металлические желтые каски с белыми буквами: «Бетлехэм стил».

Тускло светили лампочки под потолком. Вагон покачивался и скрипел на поворотах. За окном шевелилась густая тьма, которая бывает осенней ночью в горах. И где-то в этой темноте лежали шахтерские поселки, улицы, дома. Где-то, наверное, плакал во сне ребенок и мать успокаивала его. Наверное, где-то сонный мужчина, тяжело ступая босыми ногами, шел на кухню попить воды. Наверное, где-то парень провожал девушку. Но все это было скрыто от нас. Разделенные ночью, мы как бы жили в другом мире, существовали в другом измерении.

Был еще третий мир. О нем напоминал нам возникавший в дверях негр-проводник. Свисток локомотива спугивал темноту. Она начинала таять, расплываться, под окном бежали какие-то тени, и вот показывались перрон, станционные постройки, дежурный в черной шинели с серебристой бляхой на груди. Носильщик-негр в красной фуражке стоял, прислонившись к закрытому газетному киоску, и глядел на шахтеров, которые прошли мимо наших окон. Шахтеры казались чернее, чем негр. На головах у них были шлемы с лампочками.

В наш вагон никто не вошел, и никто из него не вышел. Поезд тронулся, уплыли в темноту тени, перрон, дежурный, носильщик и шахтеры. Мы снова были в другом мире, в ночном «рабочем» поезде, где так остро чувствуешь одиночество, потому что все здесь чужое и до твоей станции еще несколько часов пути...

Я проснулся оттого, что кто-то сел на скамейку напротив. Это был небритый старик с ввалившимся ртом и неестественно обострившимся подбородком, которые бывают у людей, потерявших зубы. Он положил под голову солдатский вещевой мешок, надвинул на глаза кепку с измятым козырьком и лег на лавку, подогнув длинные ноги и сунув руки в рукава грязной куртки. По-видимому, ему было холодно и неудобно. Не открывая глаз, он снова сел и извлек из кармана плоскую бутылку виски. Закинув голову, сделал несколько глотков. Потом открыл глаза, посмотрел на меня и протянул флягу:

— Не хотите ли? Нет? Ну, тогда дайте сигарету.

Поперхнувшись дымом, он оглушительно закашлялся. Девочка проснулась и подняла голову. Продолжая кашлять, старик помахал в ее сторону рукой и просипел: «Спи, спи, бэби». Девочка уставилась на него удивленными сонными глазами. Старик развязал мешок и достал из него розовый леденец на палочке в целлофановой обертке.

— Можно мне присесть к вам, мэм? — спросил он у женщины.

Мне не слышно было, о чем он рассказывал, кивая на девочку, которая сосала леденец. Женщина достала из сумки два сэндвича и один дала старику. Впрочем, новый попутчик был не так уж стар, как мне показалось сначала. Когда он снял перед женщиной свою кепку, в его коротко остриженных волосах я заметил совсем мало седины.

Наверное, он хотел еще закурить и поэтому снова обратился ко мне:

— Почему бы вам не присоединиться к нам, мистер? Мое виски, ваши сигареты, сэндвичи этой доброй женщины — совсем недурно получится.

Я согласился и пересел к нему. Время от времени он отхлебывал из бутылки и вытирал губы тыльной стороной ладони. Его голубые глаза под мохнатыми бровями тяжелели, наливались кровью, он то и дело прикрывал их веками. Я подумал, что передо мной типичный бродяга, опускающийся по крутой социальной лестнице все ниже и ниже до тех пор, пока опускаться будет уже некуда. Таких я видел в нью-йоркских ночлежных домах.

Он рассказывал о своей дочери. Она была единственным его ребенком, и он звал ее ангелом, хотя при рождении ее нарекли Виолой. Он был шахтером и хорошо зарабатывал. Когда Виола окончила школу в поселке и сказала, что хочет учиться «в настоящем колледже», он почувствовал гордость. Его дочь будет образованной леди! Как ни поверни, а это значит, что он чего-то добился в жизни. До сих пор девушки из шахтерского поселка не поднимались выше школы медсестер.

Единственно, что его тревожило,— это красота дочери. Красота и доброта. Виола входила в жизнь, где — он это отлично знал — нет места ангелам. Он уже подумывал, что стоит, пожалуй, самому набить кое-какие мозоли на

ее добром сердечке, пока по нему не начали колотить другие. Но как это сделать, если у тебя только одна дочь, которую ты вырастил без жены, ушедшей в могилу, когда девочке было семь лет?

Однажды весной шахтеры узнали, что хозяин купил для шахты новое оборудование Умнейшие механизмы, которым предстояло утвердить на шахте «новую эру», уже лежали в кузовах грузовиков, а грузовики, вытянувшись в длинную цепь, уже ползли по горным дорогам Западной Вирджинии.

Говорили, что «механический шахтер» заменит больше сотни человеческих рук. Это значило, что половина мужчин в поселке останется без работы. Было отчего прийти в отчаяние. Плакали женщины, и, глядя на них, ревели ребятишки. И тогда отчаяние родило в сердцах мужчин ярость. Они решили не пустить грузовики в поселок, заставить шоферов повернуть обратно.

Виола знала о решении мужчин. Отец сам рассказал ей об этом и показал пистолет, из которого по уговору с другими должен был стрелять в воздух. Она ходила за ним по пятам, плакала: «Не надо, папа, не надо! Вы ничего этим не добьетесь!» Виола и здесь оставалась ангелом. Он злился на нее, на себя, на весь свет, пытался объяснить ей, что так надо, что иначе нельзя, что он не молод и его одним из первых уволят, если установят этого проклятого «механического шахтера». «Нет, нет! — твердила Виола.— Я не хочу, чтобы ты попал в тюрьму».

На рассвете его разбудил стук в окно. У моста через ручей уже стоял первый грузовик, уткнувшись дрожащим радиатором в листву поваленного на дорогу дерева. Шофер, рыжий парень, открыв дверку кабины, яростно спорил с шахтерами. В правой руке он держал винтовку.

— Дикари вы,— кричал шофер,— дикари вы, а не люди!

— Отправляйся назад,— неслось из толпы.

— А кто мне будет платить? — не сдавался шофер.

Спрыгнув на землю, он было решительно направился к поваленному дереву, но неожиданно отпрянул назад. Брошенный из толпы камень ударил ему в грудь. Прислонившись спиной к грузовику, он щелкнул затвором винтовки, вскинул ее над головой и выстрелил в воздух. Толпа ахнула и отпрянула. И в ту же минуту камень по-

пал шоферу в лицо. Уронив винтовку, спотыкаясь, как слепой, он побежал к кабине. Толпа бросилась за ним. Шофер отчаянно крутил руль, пытаясь развернуть машину. По-видимому, кровь заливала ему глаза и он плохо видел. Ревущий грузовик, как затравленный зверь, дергался то вперед, то назад, отбрасывая цепляющихся за него людей...

— Стой! Стой! Стой! — вдруг закричали в толпе.— Человека... человека задавил!

Старик помнит, как выли сирены полицейских машин, помнит, как Виолу положили на носилки, плащом прикрыв ее раздавленные ноги. Потом кто-то о чем-то спрашивал его, но он не слышал вопросов и не видел ничего, кроме рыжего парня, который стоял с тремя полицейскими около грузовика и размазывал по скулам кровь, смешанную со слезами.

Старик сделал к нему шаг и опустил руку в карман куртки, где хранился пистолет. Но пистолета там не было.

В тюрьме он узнал, что дочери ампутировали ногу. Над ним сжалились и отпустили досрочно. Месяц назад он ехал вот в этом же самом ночном поезде и думал о встрече со своим ангелом. Он знал, что Виолу выписали из больницы. Ему и в голову не могло прийти, что он едет на ее похороны.

Последние слова старик произнес с трудом. Его трясло. В бутылке больше не было ни капли. Он потянулся к мешку, и я думал, что он достанет еще одну бутылку, но он достал пистолет.

— Спрячьте! Спрячьте сейчас же! — в ужасе закричала женщина.

Заплакала девочка. Успевшие задремать парни встрепенулись и посмотрели в нашу сторону. Старик послушно сунул пистолет в карман, и на лице его появилось подобие виноватой улыбки.

— Это тот самый? — спросил я.

Старик кивнул головой.

С шумом отодвинулась дверь тамбура, и проводник-негр гортанно выдохнул из себя название очередной остановки. Старик стал завязывать мешок.

— Мне бы найти того рыжего,— пробормотал он.

— Разве один он виноват? — жалобно спросила женщина.

— Мне все равно,— отозвался старик, направляясь к выходу.— Все равно, кто бы там ни был...

Я смотрел ему вслед, и мне показалось, что я понял смысл его последних слов. Мне показалось, что он ищет не столько рыжего парня, сколько повода пустить в ход свой пистолет, который он когда-то купил, никого не собираясь убивать, наивно поверив в то, что выстрелом в воздух можно что-то изменить, отсрочить, защитить.

Он прошел по перрону, и его поглотила темнота. Он вернулся в другое измерение, в другой мир, где лежат невидимые нам горы, шахтерские поселки, улицы, дома. Наверное, где-то там плачет во сне ребенок, где-то мужчина идет в кухню попить воды, где-то целуются. И где-то бредет одурманенный алкоголем старый и усталый человек, не расстающийся с пистолетом, из которого застрелилась его дочь и из которого сам он еще не сделал ни одного выстрела.

Женщина посмотрела на часы, поправила на девочке плед и отвернулась к окну. Мы не проронили больше ни слова. Каждый из нас был со своими думами в этом печальном ночном поезде, где так сильно чувствуешь одиночество, потому что ты далеко от дома, все здесь чужое и до твоей станции еще далеко...

В ХАЗАРДЕ СНОВА ТРЕВОЖНО

Когда мы увидели, что четырехосный крытый грузовик, огромный, как пульмановский вагон, занесло на скользком повороте и что он, заняв всю ширину дороги, неотвратимо несется под гору, прямо на нашу машину, мы прыгнули под откос. Вслед за нами с обрыва рухнула груда исковерканного металла. Как бильярдный шар, пущенный рукой опытного игрока, грузовик с силой ударил по машине, стоящей у левого края дороги, и, вильнув хвостом, обрушился на наш бедный «форд», брошенный справа.

Над темными вершинами Аппалачских гор стыла печальная вечерняя заря. Красный фонарь на крыше полицейской машины, вращаясь, бросал кровавые блики на грязный снег дороги. Молодой полицейский, сдвинув на затылок широкополую шляпу с кокардой и светя сам себе карманным фонариком, заполнял специальные анкеты. На его зеленом мундире поблескивали какие-то цепочки,

«молнии», золотые нашивки и серебристые значки «За отличную стрельбу». Искрили бенгальским светом, шипели сигнальные свечи, расставленные на повороте дороги. Ветерок загибал странички страховых полисов, разложенных мною и шофером грузовика на капоте полицейской машины.

Я был подавлен. Я представлял себе суровое лицо Алексея Николаевича Васильева, главного бухгалтера издательства «Правда», читающего мое письмо о гибели автомашины, за которую он когда-то перевел компании Форда 3 тысячи долларов.

Станислав Кондрашов и Геннадий Васильев, с которыми я отправился в эту поездку, проклинали горы, дороги, грузовики. И только болгарская журналистка Стэлла Авишай, которая тоже участвовала в этом путешествии, сохраняла присутствие духа. Она заговорщически подмигивала нам и вовсю, насколько только позволяли обстоятельства, кокетничала с молодым полицейским.

Покончив с анкетами, полицейский предложил нам свои улуги и свою машину. Он что-то сказал в микрофон, красный фонарь на крыше его автомобиля закрутился еще быстрее, и мы, резко рванув с места, помчались в неизвестность.

О, что за прелесть эти полисмены из отделения патрулирования на автострадах, выросшие на дорогах и на дорогах проводящие почти всю свою жизнь! По горной ночной трассе он вел машину одним локтем, положив на руль правую руку, и при этом то и дело оглядывался на Стэллу.

— Много катастроф на дорогах, сержант? — спрашивала Стэлла.

— Сегодня восьмая, мэм. Дороги становятся скользкими.

— Много приходится работать?

— Двенадцать часов в сутки, мэм. Но и ночью могут вызвать.

— Все катастрофы?

— Уголовные дела, мэм.

— Какие же?

— Разные, мэм,— уклончиво ответил полицейский, останавливая автомобиль у гостиницы.— Вашу машину привезут позже. Она будет стоять около тюрьмы, напротив отеля. Гуд найт, мэм! Гуд найт, джентльмены!

Гирлянды и разноцветные фонарики висели на пустынных улицах. На площади сверкала огнями гигантская рождественская елка. Дед Мороз на рекламном плакате, вздернув седую бороду, с удовольствием пил кока-колу. Другой Дед Мороз, оставив своих традиционных, запряженных в красные санки оленей, пересаживался в новенький «кадиллак». Так все было чисто, уютно, тихо и торжественно в этом ночном городке, что захотелось поверить табличке, которую мы заметили при въезде: «Кингвуд. 1266 жителей. Лучший город на всей планете».

Полицейский не мог превозмочь своего любопытства и через час пришел к нам в гости: еще бы, впервые в Кингвуде люди «оттуда», из-за «железного занавеса»! Он пришел не один, привел товарища. Они вежливо постучали в дверь, на пороге щелкнули каблуками и вскинули правые ладони к переносице.

— Если не возражаете!..

Бросив на кровать свои шляпы, они осторожно потягивали из стаканов болгарскую водку и охотно болтали о том и о сем. Перед нами сидели, в сущности, симпатичные и простодушные деревенские парни, обрадованные возможностью расстегнуть «молнии» на изрядно надоевших мундирах, развалиться в кресле и вытянуть ноги.

Беседа наша, как горная дорога, петляла и кружилась, поворачивала то в одну сторону, то в другую.

Около полуночи парни нахлобучили свои шляпы, подтянули «молнии», щелкнули каблуками, вскинули ладони к переносице и пожелали нам спокойных снов.

Мы вышли проводить их на улицу. Окна трехэтажной тюрьмы напротив нашей гостиницы были ярко освещены. В одном из окон, держась руками за решетку, стоял кто-то и глядел на разукрашенную рождественскую елку, что сияла на площади. Из дверей тюремного здания вышел человек и направился к нам.

— Вы говорите по-русски? — неожиданно услышали мы.

Человек протянул нам руку и представился:

— Уолтер.— Затем добавил: — Уолтер — это по-американски, а по-русски — Володька.

Потом он сидел в нашей комнате и, прихлебывая из чайного стакана водку, охотно рассказывал о себе. Он американец, по-русски не понимает. Какой национальности были его родители, он сейчас толком и сам не знает:

то ли русские, то ли украинцы, а может быть, поляки или литовцы. Знает он только, что дед его приехал из царской России искать в Америке счастья.

— Нашел? — спрашиваем.

— Да как вам сказать...— неопределенно тянет Уолтер-Володька, задумчиво поглаживая черные усы.— Отец тоже на шахте работал... Конечно, счастья на шахте не очень-то густо. Мечта, конечно, была...

На широких плечах Уолтера кокетливая кожаная курточка с погончиками и «молниями», синяя рубаха и черный галстук, на поясе — огромный пистолет. Он явно гордится своим костюмом. Его большая крестьянская рука то и дело расстегивает и застегивает «молнии», поглаживает пистолет.

Сын шахтера, сам фермер, он стремится всеми способами «выбиться в люди». Сейчас служит судебным исполнителем, конвоирует арестованных. Получает полтора доллара с головы и семь центов за каждую милю пути с арестантами. Хвастается, что работы много, заработки неплохие.

Несбывшаяся мечта крестьянина о богатстве, которое ждет его где-то в Америке, была, как эстафета, передана сыну, а в душе внука уже трансформировалась до чудовищных размеров. Конвоируя арестованных, Уолтер-Володька научился презирать себе подобных — шахтерскую и фермерскую бедноту. Еще с детства приобрел он уважение к людям с толстыми бумажниками и сжигающую, изнуряющую его душу привычку упиваться мечтами об «удаче», которая где-то здесь, за углом, нужно только изловчиться, оттолкнуть других и схватить ее обеими руками.

Философия его весьма незатейлива. В Америке, конечно, много голытьбы, рассуждает он, но здесь каждый может стать миллионером.

— Почему сам не стал, спрашиваете? Нерасторопен я,— вздыхает Уолтер,— несообразителен, необразован.

Вот он знает одного человека, который еще в школьной раздевалке таскал четвертаки из карманов пальто товарищей, а потом эти же четвертаки ссужал одноклассникам под проценты. Талантливый парень был! Когда подрос — что-то купил, перепродал, опять что-то купил у того, кто разорился, подождал, пока цены возрастут, и снова перепродал. Это же уметь надо!

— А нынче — ого! Ого-го! Миллионами ворочает! Вот это голова!

— А вот еще есть в наших краях мистер Рубби,— продолжает он.— Этот во всем округе первый человек. Гений! Гигант! О-о-о!

Уолтер даже застонал от восторга, закрыл глаза и схватился за усы.

Так велико было преклонение Уолтера перед миллионами великого Рубби, что он рассказывал нам о нем с такой же религиозной страстью, какой миссионеры рассказывали дикарям о всемогущем боге. Он даже встал на ноги и, показывая пальцем в потолок, воскликнул звеняще:

— Ни мэром города, ни судебным исполнителем вы не можете быть избранными без Его одобрения!

Он подбоченился и посмотрел на нас с гордостью оттого, что он, Уолтер-Володька, оказался достойным Его милости.

Мы ехали дальше на машине, которую взяли на прокатном пункте в городе Кларксберге. Горы не отпускали нас. Уже остались позади штаты Западная Вирджиния и Огайо, уже въехали мы в штат Кентукки, а горам все не было конца.

Где-то в долинах справа и слева от нас бушевали на редкость яростные в том году снежные бури. Десятиметровые сосульки, как сталактиты, висели на скалах. Вершины гор с необычными названиями — Мрачная Бабушка, Бочка Бренди, Лысый Медведь — тонули в тумане. На перевалах закладывало уши. В железной груди нашего автомобиля слышались хрипы. Казалось, машина, привыкшая к чаду городских улиц, захлебывалась холодным горным воздухом.

Мы проехали десятки одноэтажных городков, похожих друг на друга, как близнецы. Иногда мы спрашивали себя: не сбились ли мы с пути? Как будто через этот город мы уже ехали утром? Те же автозаправочные колонки. Те же гирлянды через улицу. Те же рекламные Деды Морозы в «кадиллаках».

Вот навстречу нам, окутанная облаком сизого дыма, ползет автокарета производства 1936 года. Мальчик с длинным шестом, стоящий на тротуаре, преграждает ей путь. На конце шеста желтый флаг со словами: «Стоп!

Школа!» Ребятишки со старомодными ранцами за плечами переходят дорогу. Звон церковных колоколов поднимает с чугунных плеч Неизвестного солдата стаю крикливых ворон. Сразу же за городом — дорожный знак: «Водитель, будь осторожен: здесь дорогу переходят олени!»

Боже мой, как далеко мы от огней нью-йоркского Бродвея, от праздной толпы Таймс-сквера! Здесь нет ни одного небоскреба, и большинство жителей здешних поселков никогда в жизни не видели строений выше копра угольной шахты.

Шахты стоят у самой дороги. Все вокруг них припорошено белым девственным снежком. На снегу нет и следа угольной пыли. Шахты не работают. «Шахты-призраки» — называют их здесь.

В шахтерских поселках после восьми часов вечера ни одного огонька. Ветер швыряет колючий снег в темные окна почерневших от времени деревянных домиков. Ветер гудит в колоколе старой церквушки, раскачивает плакат у входа на кладбище: «Водитель, не спеши, мы подождем!»

На четвертый день пути, перевалив шесть горных хребтов, мы оказались в Хазарде, главном городе графства Перри, штат Кентукки.

Однажды я видел фильм о Кентукки. Из фильма следовало, что жизнь в тамошних горах преисполнена романтики. Иначе и не могло быть в штате, который расположен между Севером и Югом, Востоком и Средним Западом. На экране мелькали горные склоны, цветы на лугах, красивые девушки верхом на лошадях. Горцы, с ног до головы увешанные оружием, днем и ночью гнали самогон, который там называется «лунный свет», а в перерывах предавались еще более романтическому времяпрепровождению — плевкам в длину. Некоторые умудрялись плюнуть на расстояние до восьми метров.

Фильм, сделанный по заказу торговой палаты Кентукки, убедительно доказывал, что Кентукки — самый счастливый штат среди всех Соединенных Штатов Америки. Особенно хороши были кадры, рассказывающие о районе «голубой травы». Трава там с голубизной, что уже само по себе необычно и достойно восхищения. Это самая богатая часть штата, и обитателям района «голубой травы» завидуют все остальные кентуккийцы. Разуеется, ни один кентуккийский патриот не станет завидовать жите-

лям соседнего штата Теннесси, где такая же «голубая трава» растет в еще большем изобилии.

Каждый десятый житель Кентукки — полковник. «Кентуккийский полковник» стал в Америке нарицательным именем. Дело в том, что конституция штата наделяет губернатора правом производить в полковники кого угодно. Звания присваиваются за финансовую поддержку в дни избирательной кампании, за выдающиеся деяния, возвеличивающие славу штата, а также как подарок ко дню рождения и даже посмертно.

Один из таких полковников — румяный старичок с седой бородкой клинышком то и дело поглядывал на нас с огромных рекламных плакатов на всем пути от Кларсберга до Хазарда. Он прославил свой штат рецептом приготовления жареной курицы. Мы никогда не пробовали этого блюда, и нам казалось, что полковник смотрит на нас с сожалением. Однажды мы сильно проголодались и неожиданно уловили в глазах полковника презрение. Это так подействовало, что мы затормозили у первого же ресторана и, не сговариваясь, сказали официанту дружным хором: «Курицу полковника Сэндерса». Официант понимающе улыбнулся. Реклама сделала свое дело!

Мы выбрали первую попавшуюся гостиницу, и она оказалась самой плохой в городе. Ночью с потолка на меня сыпалась штукатурка. По стенам шуршали тараканы. Кто-то вздыхал и стонал за стеной. Казалось, что в комнате холоднее, чем на улице.

У гостиницы было одно преимущество: из окна были видны главная площадь города, здания суда и городской мэрии. С утра на площади собирались мужчины. Они стояли толпами, группами, в одиночку. Они стояли целый день. Такого мы еще не видели нигде.

Маленькая пестрая собачонка, дрожа от холода, скреблась в стеклянную дверь, умоляя пустить ее в тепло. На ступеньках страховой конторы сидел старик, вытянув ногу-деревяшку. Прохожие задевали ее ногами, но старик, казалось, не замечал ничего.

В семь часов утра нас разыскал мэр города мистер Дохар. Это был низенький толстый человек с мясистым носом и пухлыми яркими губами. Он долго тряс наши руки и затем воскликнул:

— И вы живете в этой паршивой гостинице! Ведь это худшее место во всем мире!

Он схватил чемодан Станислава в одну руку, чемодан Геннадия в другую и стремительно потащил их к выходу. Он кудахтал, как курица, перебирая ступеньки лестницы своими короткими ножками. С чемоданами в руках, он, как вихрь, пересек улицу, вбежал в гостиницу, стоящую на углу, и только там отдышался.

— Здесь вам будет хорошо,— сказал он, вытирая со лба пот.

— Как у Гоголя в «Ревизоре»,— рассмеялся Геннадий.

Я не знаю, есть ли другой такой гостеприимный мэр в Соединенных Штатах. Он целое утро не отпускал нас от себя, забросив дела в мэрии и в одиннадцати универсальных магазинах, принадлежащих лично ему в разных городах штата Кентукки.

Мистер Дохар провел нас по всем четырем этажам своего магазина, познакомил с супругой, которая лично руководила продавщицами.

Шла довольно оживленная предрождественская торговля по сниженным ценам. По традиции каждый американец в эти дни покупает какой-нибудь подарок всем своим родным и близким. Подарки могут быть разные, по карману дарящего, от десятицентовой рождественской открытки до спортивной автомашины. И каждому покупателю, каким бы он ни был, миссис Дохар бесплатно вручала календарь. Над колонками цифр была цветная фотография белоснежного «кадиллака» и 18-летней дочери мэра города и владельца магазинов Дохара. Полногрудая девица в цветном купальном костюме кокетливо возлежала на багажнике роскошной автомашины. Мне вспомнилась Мария Антоновна, дочь гоголевского городничего: «Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное».

Мистер Дохар — миллионер. Не бог весть какой, но миллионер, может быть, не мельче, чем легендарный Джи Даблью Рубби, о котором с восторгом рассказывал нам Уолтер-Володька. Он, несомненно, самый богатый человек в городе. Когда он захотел стать мэром, он стал им, победив на выборах владельца бакалейных магазинов.

Мистер Дохар убежден, что Соединенные Штаты — самая демократическая страна в мире, а город Хазард — оплот и воплощение этой демократии. «Хазардом управляют выдающиеся граждане города»,— сказал он нам.

Мистер Дохар познакомил нас с городским судьей — мистером Даном. До обеда мистер Дан вершит правосудие, а после обеда сидит за кассой в ресторане, который принадлежит лично ему и находится как раз напротив здания суда.

Нас представили городскому комиссару — владельцу банка, другому комиссару — владельцу двух электростанций, третьему комиссару — владельцу страховой конторы. Хотели познакомить еще с шерифом Чарльзом Комсом, но нигде не нашли его. Он самый занятый в округе человек: днем он объезжает принадлежащие ему и его родственникам шахты, а ночью сидит в полицейском управлении.

Мы убедились, что «отцы города» — люди весьма процветающие, хотя, по их словам, дела идут не так хорошо, как бы им того хотелось.

Мы завтракали в обществе мэра, городских комиссаров, владелицы местной газеты и журналистки Луизы Хэтмейкер. Говорили о том, о сем, о погоде, о катастрофах на дорогах.

— Когда садишься за руль, считай, что все остальные водители имеют одну цель: столкнуться с вами и угробить вас,— поучал меня один из комиссаров.— Заставьте себя поверить в это, и ваша осторожность, ваша реакция обострятся стократно. Впрочем, в это верить надо не только в дороге, но и вообще в жизни... Особенно нам, бизнесменам.

Мэр почти ничего не ел. Он, как ребенок, возился с фотоаппаратом «Поларойд», который привез из своего магазина. Я так и не понял: он хотел то ли произвести на нас впечатление, то ли просто развлечься.

— Вот я навожу аппарат на вас,— суетился мэр, смахивая локтем со стола ложку,— вот я щелкаю, а теперь... раз, два; три... девять, десять!

Он торжествующе открывал заднюю крышку и извлекал из аппарата... мокрую черную фотобумагу.

— Странно! — бормотал мэр.— Попробуем еще раз. Вот я навожу на вас...

На столе около тарелки с остывшим куском бифштекса росла стопка мокрых черных бумажек. Аппарат не

работал. Послали официанта за новым роликом фотобумаги. Аппарат по-прежнему не работал.

Из-за стола встали отдуваясь.

— Надеюсь, вы не будете писать, что весь наш город умирает с голоду,— сказала на прощание владелица газеты, лукаво погрозив нам пухлым пальчиком.

Мы уверили ее, что не будем.

— Теперь отдыхайте! Отдыхайте! — тряс наши руки мэр города.

Подъехав к гостинице, мы снова увидели старика с ногой-деревяшкой. Он сидел там же. И мне вспомнился рассказ о Фредди и Гарри, который услышал я однажды от американского писателя Вулверта, жившего когда-то в Аппалачах.

Это было в конце тридцатых годов. Шахты Кентукки были объяты знаменитой забастовкой, о которой писал Теодор Драйзер, приезжавший сюда в качестве корреспондента либеральных газет. В горах стреляли. Пылали подожженные шахты.

Профсоюзные активисты Фредди-одноногий и Гарри-малыш ходили с шахты на шахту, из поселка в поселок. Они собирали вокруг себя шахтеров и говорили, что если будут созданы профсоюзы, то углекопы победят. Фредди был без ноги: ее ампутировали выше колена после катастрофы на шахте. Тогда он смастерил себе деревянную ногу из орешника.

В гостиницах горных городков Гарри и Фредди всегда спали на одной кровати. Иначе было нельзя. Почти каждую ночь к ним в комнату врывались хулиганы, нанятые владельцами шахт для расправы с профсоюзными активистами. Обычно хозяин гостиницы был одновременно и владельцем шахты. Он не хотел, чтобы убийства совершались у него в доме. Избитых активистов увозили за город и пристреливали где-нибудь в горах.

Фредди смастерил себе ногу из прочного орешника. Это была особая нога. Крепкая и тяжелая, с широкой икрой, длинная и увесистая, как дубинка для игры в бейсбол. Фредди всегда спал лицом к двери, обнимая отстегнутую деревянную ногу. Кровать они выдвигали на середину комнаты. Когда среди ночи к ним врывались, Фредди вскакивал на колено и, опираясь спиной о спину Гарри-малыша, взмахивал над головой ногой-дубинкой.

Каждый раз перед тем, как лечь спать, они репетировали эту позицию. Им порой здорово влетало, но, даже сброшенный с кровати, Фредди ни разу не выпустил из рук свою деревянную ногу. И каждый раз они оказывались победителями. Круша налетчиков, Фредди-одноногий кричал во все горло: «Попробуй, возьми меня!» Эта фраза стала знаменитой. Все ребятишки в округе, играя в войну с индейцами или дерясь друг с другом, выкрикивали: «Попробуй, возьми меня!»

Однажды хозяин гостиницы выделил им комнату на втором этаже. Когда весь город спал, хулиганы бросили самодельную бомбу в окно. Бомба ударилась о раму и разнесла ее, не причинив вреда Фредди и Гарри. Но у оглушенного, ничего не понимающего со сна Фредди не выдержали нервы. Подпрыгивая на одной огне, сжимая в руках деревяшку, он бросился к лестнице, ведущей вниз, сорвался и загремел по ступенькам. Раздавленный и беспомощный, он лежал на полу и рыдал, как ребенок. Их арестовали за «непристойное поведение»: ведь они выбежали из комнаты в одном нижнем белье.

Они отсидели свое в тюрьме и снова пошли с шахты на шахту. И скоро на них напали снова. Фредди размахнулся деревянной ногой, хотел крикнуть: «Попробуй, возьми меня!», но слова застряли у него в горле. В руках у бандитов были ружья. Они целились прямо в ноги Гарри-малыша. Несколько выстрелов, и его правая нога повисла на каких-то кровавых лоскутах, обнажив белый излом кости. В патронах была волчья картечь.

Затем стволы ружей уперлись в грудь обессилевшего от ужаса Фредди-одноногого.

С тех пор никто не слышал о профсоюзных активистах Фредди-одноногом и Гарри-малыше. За городом в канаве нашли деревянную ногу Фредди. Она была разбита о придорожный камень.

В горах было тихо. Лишь ветер шевелил кусты, посвистывал в ветках, да где-то плакал ребенок. Наверное, он плакал давно. Тоненькая ниточка его голоса тянулась, не обрываясь, на одной ноте. Было так странно слышать этот жалобный плач среди безмолвия гор.

Отойдя от машин, мы увидели деревянный домик внизу, на склоне горы. Мужчина вышел из домика, взял топор и принялся за полено «А-а-а»,— сочился детский голосок. «Тук-тук-тук»,— стучал топор.

Мужчина распрямился, вытер лоб ладонью и посмотрел в нашу сторону.

— Убирайтесь, пока я не сломал вам шею! — крикнул он зло и ушел в дом.

Ветер доносил сюда запах гари. Ниже деревянного домика дымились остатки сгоревшей накануне шахты. Закопченный стальной каркас в отчаянии заламывал изувеченные руки.

Хазард отсюда как на ладони. Магазин мэра, ресторан судьи, здание банка, электростанция, городская площадь, лента речушки. Мост через речку взорван.

Если присмотреться попристальней, на городской площади можно увидеть людей. Они стоят группами, стоят неподвижно, стоят час, другой, третий. Они приходят туда на рассвете и уходят поздно вечером.

— Почему вы стоите здесь? — спросили мы их вчера.

Они пожали плечами, отвернулись, кто-то выругался. Лишь один, небритый, со шрамом на лбу сказал:

— Дома можно сойти с ума.

Вчера мы не воспользовались советом мэра и не стали отдыхать после сытного завтрака. Перешагнув через деревянную ногу старика, мы вошли в двери страховой конторы. Нас привел туда небритый парень со шрамом на лбу.

В маленькой прокуренной комнате было душно. Люди в молчании стояли у стен, сидели на столах, на полу.

— Журналисты, — сказал парень со шрамом, кивая на нас.

И как будто прорвалась плотина. Заговорили все сразу, закричали, задвигались, окружили нас. Кто-то дергал меня за рукав. Кто-то протягивал листок бумаги с каким-то адресом. Кто-то называл фамилии.

— Нет, вы обязательно напишите! — кричал старик, размахивая какой-то книжечкой. — Я работал на шахте сорок один год, а теперь они говорят, что у них нет денег для пенсии...

— Ее зовут Мэри Комс...

— Я вам дам адрес... Запишите...

— Шесть детей... Младшие уже не встают...

— Питаются тем, что получают через церковь...

— Все задолжали лавочнику...

Мы были оглушены и растеряны. Лавина горя, страдания и ужаса обрушилась на нас. Голоса заглушали голоса. Мелькали лица, глаза, искаженные рты, руки.

— Напишите... Обязательно напишите! — просили эти люди.

...Мы стоим около нашей машины на горной дороге и смотрим на Хазард. Город как на ладони. Вот школа, где мы были вчера. Мы разговаривали с учительницей первого класса, такой маленькой и тоненькой, что я сперва принял ее за школьницу-старшеклассницу. Приподнимаясь на носочках, она показывала руками на горы:

— Вот эта шахта, видите, закрылась два года назад. А вот эта — в прошлом году. Вот та, небольшая, еще работает, но занято там всего тридцать шахтеров.

— Есть в вашем классе дети безработных?

— О, конечно.

— Вам, наверное, трудно с ними?

— Нет,— встряхнула она головой.— Мы привыкли, да и дети привыкли. Ведь некоторые родились тогда, когда отцы уже были безработными. Есть дети, которые никогда в жизни не видели, чтобы их отцы уходили на работу.

Из школы мы поехали в поселок Лоутер к священнику Уилли Брауну, к отцу Биллу, как его называют шахтеры. Через церковь он организовал сбор продуктов, вещей и денег для нуждающихся.

Атлетического сложения, высокий, с умными живыми глазами, одетый в клетчатую ковбойскую рубаху, он похож скорее на учителя гимнастики, чем на священника. Ворот распахнут, на руках ссадины и пятна от машинного масла. Видно, этот человек знает, что такое физический труд. Он покачивался на стуле, обхватив колено переплетенными пальцами рук, и глухо говорил, глядя поверх наших голов:

— Они живут на подачки государства и на крохи от благотворительности. Но они не могут жить без работы. Им нужна работа больше, может быть, чем хлеб насущный. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что творится в их душах?

Отец Билл замолчал и прислушался к детским голосам, доносившимся их соседней комнатки. Там что-то вроде детского сада для детей безработных, созданного Биллом на пожертвования.

— Их подкармливают, чтобы они не умерли,— продолжал Билл тем же ровным глухим голосом,— но в их душах постепенно умирает Человек. Это еще страшнее, чем голод.

— Есть ли выход из этого положения? — спрашивает Станислав.

Билл до хруста сжимает переплетенные пальцы рук и с силой ударяет себя по колену.

— Я был бы самым счастливым человеком,— отвечает он,— если бы знал, где выход. Я беспомощный человек. Знаю только одно, что так дальше жить нельзя.

Он глубоко задумывается, и мы сидим молча. За стеной плачут и смеются малыши.

— Люди ожесточены,— глухо произносит Билл.

Люди ожесточены... Это заметил и корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Бигард, побывавший в Хазарде за десять дней до нас. Его напугало то, что он здесь увидел. Он послал в свою газету правдивую информацию. «Беспорядки среди рабочих угольного бассейна восточной части Кентукки,— писал Бигарт,— по-видимому, приведут к столкновению и введению военного положения. Город Хазард, пораженный экономическим бедствием, живет в страхе перед надвигающейся трагедией... Причины нынешних беспорядков коренятся в экономическом отчаянии. Шахтеры ожесточены. Для них классовая борьба — реальность».

...Вечером мы наконец встретились с шерифом. Мы разговаривали с рабочими, когда неожиданно у тротуара остановились две полицейские машины. К нам не спеша подошел некто в штатском. Маленькие глазки уставились на нас в упор, как дула пистолетов.

— Предъявите документы! — услышали мы повелительный голос.

Читая наши бумаги, он, видимо, размышлял: арестовать нас или не арестовать? Мы видели, что ему очень хотелось надеть на нас наручники, приказать полицейским схватить нас за шиворот. Ведь он привык приказывать, этот главный полицейский начальник округа, кентуккийский полковник, владелец нескольких шахт в окрестностях Хазарда. Но он поборол искушение и возвратил нам документы.

Он шел по тротуару хозяйской походкой, вперив в толпу свои глазки-дула. Он шел мимо магазина мэра, мимо ресторана судьи, мимо старика с деревянной ногой, мимо людей с бледными, изможденными лицами, в угрюмом молчании стоявших у стен домов.

Утром мы покидали Хазард. Старик с деревянной ногой сидел на ступеньках страховой конторы. Голова его была опущена на грудь, глаза закрыты. Я подошел к нему и тихо позвал:

— Фредди.

Старик вздрогнул, открыл глаза и посмотрел на меня из-под седых бровей. Он смотрел на меня с недоумением, как будто к чему-то прислушивался, будто пытался вспомнить что-то. Какое-то непонятное волнение охватило меня. Но старик снова закрыл глаза и, царапнув деревяшкой по асфальту, придвинулся к стене.

— Ошибся, приятель,— пробормотал он, опуская голову на грудь.

— Гарри? — спросил я.

Старик не шелохнулся.

Мы выехали в горы и остановились, чтобы в последний раз взглянуть на Хазард. Здесь, в горах, тихо, только ветер свистит в кустах да слышен плач ребенка.

Из-за гор выползла зловещая седая туча. По стеклу автомашины пробежала первая дождевая капля. Стало темно. И я вдруг вспомнил слова писателя Вулверта, которыми он закончил рассказ о поездке в Аппалачи.

«Меня охватило странное чувство,— рассказывал он.— Уайз, Хазард, Пейнтсвилл и все другие города, через которые я проезжал, каждый для меня превращался во фронтовой Льеж. Бежала лента дороги, и плакал дождливый день. Я говорил себе: ведь Льеж был в 1944 году в Европе. Я попытался даже посмеяться над собой, но вдруг почувствовал, что все во мне рыдает. В тот день, когда мы шли за танками на Льеж, я был равнодушен к страданиям, к смерти. Я ничего не боялся. Но сегодня мне было страшно от этой таинственной грусти холмов и деревьев, безмолвно мокнувших под темным небом Аппалачей».

НАСТОЯЩИЕ ПАРНИ

Звонок из «Правды» раздался на рассвете. Мне передали задание: срочно сообщить все, что я знаю о четырех советских солдатах, подобранных в Тихом океане американским авианосцем «Кирсардж».

К сожалению, в тот час я знал не очень много. «Кирсардж» был еще в открытом океане между Гавайскими островами и Сан-Франциско. Нью-йоркские газеты сооб-

щили лишь, что имена солдат — Архан Зиганьш, Половск Филипп, Анатоль Клучковск и Федор Иван. Было ясно, что переводчик и радист авианосца здорово напутали при передаче донесения на берег.

Газеты сообщали также, что советские солдаты пробыли в штормовом океане сорок девять дней, питались «кожаными ремнями, что, когда их заметили с самолета, они стояли у рубки, тесно прижавшись и поддерживая друг друга». Газеты писали, что экипаж американского авианосца изумлен мужеством и силой духа советских солдат.

Утренние газеты добавили не очень много. Правда, «Нью-Йорк таймс» поместила снимок четырех наших ребят за первым завтраком на борту авианосца. На эту фотографию нельзя было смотреть без боли. Исхудалые, обросшие, в изодранной солдатской форме, они сидели на скамье и держали в руках кружки с бульоном. Один из них глядел в объектив фотоаппарата, и нельзя было оторваться от его огромных глаз на тонком мальчишеском лице.

Таковы были скудные сведения о четверке советских парней, имена которых уже через день повторял весь мир. Но даже в этих скупых сообщениях чувствовалось, что ребята совершили нечто необычное, пережили такое, что выпадает на долю не каждому, вышли победителями из страшной, изнуряющей семинедельной борьбы с океаном.

Весь мир ждал подробностей. Ждала Америка. В то утро в корпункт «Правды» в Нью-Йорке звонили знакомые американцы: «Не знаете ли вы подробностей?» Ждала Москва. Ждала Родина.

Я позвонил в редакцию сан-францисской газеты «Сан-Франциско кроникл» и попросил помочь связаться по радио с авианосцем.

— У нас уже телефонные трубки раскалились от подобных звонков,— ответил мне коллега из сан-францисской газеты.— Вся Америка висит на нашем проводе. Сами бы рады связаться с «Кирсарджем», да не дают связи. Нельзя. Дело военное.

И, вызывая по телефону 12-ю военно-морскую базу в городе Окленде, я не был уверен, что советскому корреспонденту будет предоставлена возможность поговорить по радио с «Кирсарджем».

Конечно, добиться такого разрешения было нелегко. Не оказалось в Окленде таинственного «коммандэра Смита», который один мог дать разрешение на связь. Он разъезжал где-то по служебным делам, и телефонистки Окленда тщетно ловили его по всему калифорнийскому побережью. Никого из высших офицеров не мог разыскать и энергичный дежурный 12-й военно-морской базы. Не было какого-то важного начальника в министерстве военно-морского флота США. И неудивительно: ведь это был воскресный день. Более того, это уже был воскресный вечер.

В три часа ночи я наконец связался с «Кирсарджем».

Сперва я услышал в телефонной трубке писк морзянки, шорох разрядов, затем приглушенный расстоянием голос американского радиста. Узнав, что корреспондент «Правды» хочет поговорить с советскими солдатами, радист позвал в радиорубку дежурного офицера корабля господина Мона.

— Мы восторгаемся их подвигом,— сказал Мон.— Это настоящие парни!

— Нельзя ли поговорить с ними? — попросил я.

Еще пять минут ожидания — и я услышал далекий русский голос:

— Старшина баржи младший сержант Зиганшин слушает...

Это было как удар током. У меня от волнения дрожал в руке карандаш, когда я записывал слова младшего сержанта.

— Экипаж чувствует себя хорошо,— ровным голосом продолжал Зиганшин, хотя я ощущал, я слышал, как он волнуется.— Наше единственное желание — скорее возвратиться на Родину.

И еще добавил старшина баржи:

— На барже осталось кое-какое имущество. Непорядок!

Тот, кто служил в армии, поймет старшину Зиганшина.

Это было произнесено так, как будто не было за спиной у этого юноши ни сорока девяти дней скитаний в пустынном океане, ни мучительного голода, ни жажды.

Я слышал, что кто-то стоит рядом с Зиганшиным и подсказывает:

— Скажи про валенки.

— Кто там говорит «валенки», товарищ Зиганшин? — спросил я.

— Это рядовой Федотов, товарищ корреспондент.

— Передайте ему трубку... В чем дело, товарищ Федотов?

— Да как же, товарищ корреспондент? — услышал я недовольный, как мне показалось, голос.— Сапоги мы съели, на нас валенки. Форма поизорвалась. Одели нас во все американское. Как же мы на берег сойдем? Ведь мы солдаты.

Разговор продолжался всего несколько минут, но даже за это короткое время, даже не видя собеседников, можно было почувствовать, какие они действительно настоящие парни. В эти минуты еще не окрепшие, измученные юноши вели себя так, как ведут себя в строю, при исполнении служебных обязанностей, и лишь та необычная ситуация, в которой они очутились, смущала и тревожила их.

Вызывая по международному телефону редакцию «Правды», я мысленно возвращался к разговору с ребятами:

«На барже осталось кое-какое имущество. Непорядок!» — сказал Зиганшин.

«Как же мы сойдем на берег, одетые не по форме?» — волновался Федотов.

Это было немножно наивно и в то же время глубоко трогательно.

Прилетев в Сан-Франциско, мы узнали, что на «Кирсардже» уже побывали американские, английские, французские и японские журналисты, которых доставили на авианосец вертолетами из Гонолулу. Второй десант, на этот раз уже сан-францисской прессы, высаженный несколько часов назад, до сих пор атакует наших ребят и заодно командира корабля Роберта Таунсенда.

Заметив, что ребята утомлены, измучены жарой и вспышками фотоламп, Таунсенд распорядился закончить пресс-конференцию. Военные моряки оттеснили недовольных репортеров на палубу. Но уже через несколько минут «десантники» по каким-то коридорам и трапам с тыла снова проникли в каюту советских солдат. Тогда командир корабля приказал собрать всех журналистов в отдельной каюте и держать их под арестом до прихода в Сан-Франциско. У каюты наших ребят были поставлены часовые с винтовками, потому что арестовать удалось не всех

репортеров: с десяток из них прятались в кубриках и за палубными надстройками.

Разгневанные «пленники» были доставлены на берег, где они присоединились к толпе репортеров, ожидавших наших солдат на зеленой лужайке.

Было тихое прохладное утро, щедро напоенное весенним солнцем, запахом океана и чуть уловимым ароматом первых фиалок. Осторожно пройдя под мостом Голден Гейт, авианосец сдержанно гукнул, приветствуя еще не проснувшийся город. И в ту же секунду в домах на берегу захлопали, застучали открываемые окна. Люди заполнили балконы, мальчишки появились на крышах. А с плоской спины авианосца уже поднимались вертолеты.

Сделав круг над толпой, желтые вертолеты опустились на лужайку. Толкая друг друга, журналисты бросились к первому. Из дверей кабины вышли огромные летчики в шлемах с очками, все перетянутые какими-то ремнями, с пробковыми спасательными подушками на груди и на спине. Затем вышли Зиганшин и Поплавский.

Они в рабочей форме американских моряков — серых рубашках и голубых парусиновых брюках. Представитель советского посольства в США Анатолий Кардашев первым подбегает к ним, раскинув руки, обнимает их сразу обоих, прижимает к себе и поочередно целует.

Какие же они юные! Какие они тонкие! Они так худы, что спина Кардашева закрывает их двоих, как стена, и фоторепортеры дружно ревут:

— Эй! Спина-стена! Где парни?

А в это время из кабины другого вертолета выходят Крючковский и Федотов. Офицер пытается увести их к машинам в обход толпы. Они торопятся, почти бегут, но толпа настигает их мгновенно.

Пока они добираются до машин, я успеваю переписать сокращенную копию донесения командира «Кирсарджа», которую один из офицеров только что показал мне. В донесении говорится:

«Под флагом командующего 15-м отрядом авианосцев контр-адмирала Фрэнка Брендли «Кирсардж» следовал согласно приказу из Иокосуко (Япония) в Сан-Франциско (Калифорния). 7 марта 1960 года один из пилотов самолета, совершая тренировочный полет, заметил в волнах какой-то плавающий предмет. При ближайшем рассмотрении этот предмет оказался самоходной баржей. У руб-

ки были замечены четверо людей в русской военной форме, поддерживающих друг друга. Это было в 15 милях от «Кирсарджа».

...Командир корабля немедленно изменил курс и направился к барже. Геликоптеры спустили на баржу спасательные приспособления, подняли людей и доставили их на борт авианосца... Немедленно четырем русским был дан горячий бульон — разумеется, в ограниченном количестве. Затем они были помыты и помещены в судовой госпиталь.

...Они сказали, что пробыли в океане почти пятьдесят дней. Это звучит невероятно, но их волосы, воспаленные, красные глаза и изодранная военная одежда подтверждали их заявление. Судовой доктор Фредерик Беквит отметил, что они были полуживы от истощения, но в хорошем настроении, что поразительно. Они были на краю гибели, и, несмотря на сильное истощение, ребята даже подшучивают друг над другом...

...Рядовой Анатоль Крючковский, 20 лет, взял свой солдатский ремень со звездой, серпом и молотом на пряжке и показал, на сколько он похудел. Объем его талии, как мы заметили, уменьшился на 8 дюймов [1].

...Вчера повар «Кирсарджа», стюард первого класса Лозиа К. Райфорд, предложил готовить для солдат русские блюда. С помощью поварской книги ему удалось сварить «борщт» и приготовить «беф-строганофф». Райфорд заявил, что он, подобно каждому члену экипажа «Кирсарджа», хочет, чтобы русские чувствовали себя как дома.

...Сейчас русские чувствуют себя хорошо. Рядовой Поплавский играет в шашки с авиационным механиком первого класса Василем В. Гетманом, который немного понимает по-украински. Гетман говорит, что Поплавский выиграл все партии.

...Рядовой Иван Федотов, 21 год, попросил гитару и сыграл несколько русских песен. Он сказал, что играть ему трудно, потому что русская гитара имеет семь струн, а американская только шесть...

...Все четверо хотят как можно скорее вернуться на Родину. Они уверены, что их ищут и ждут».

«Невероятно» — этим словом запестрели вечерние выпуски сан-францисских газет.

---

[1] Дюйм = 2,5 сантиметра.

Ребята отдыхали в маленьком уютном дворике отеля «Караван-Лодж». Они сидели на плетеных стульчиках вокруг бассейна и беседовали с советскими корреспондентами. Администрация отеля закрыла все двери, выставила своих «часовых» и стойко отбивала натиск американских журналистов.

— Завтра! Завтра! — отвечал управляющий на бесчисленные телефонные звонки из газет. — Сегодня пусть мальчики отдохнут.

Зато Москву дали беспрепятственно. То и дело телефонистка по радио взывала:

— Мистер Правда! К телефону!

— Мистер Труд, вам звонят из Москвы.

Ей было нелегко запомнить наши русские фамилии, и она вызывала нас по названиям газет.

До полудня в отель «Караван-Лодж» позвонили не меньше двадцати раз. С солдатами разговаривали из редакций всех московских газет, радио и телевидения.

Но вот администрация отеля решила, что пора пустить во дворик представителей американской прессы. Журналисты вбежали, толкая друг друга, на ходу раскрывая блокноты. Многие тащили звукозаписывающие аппараты.

Сразу же выяснилось, что некоторые из журналистов знают несколько фраз по-русски.

— Что ваше имя? — спрашивал один у наших ребят.

— Как много вы уже стары? — допытывался другой у Зиганшина.

— Как вы ничеффо поживаете, мой сударь? — желал узнать третий.

Ребята остолбенело смотрели на них, от удивления не в силах произнести ни слова. Другие газетчики, не надеясь на свой русский язык, привели с собой переводчиков.

Толпа разбилась на четыре группы. В центре каждой стоял один из наших ребят.

Скрипели перья, щелкали затворы фотоаппаратов.

Вдруг от той группы, в центре которой стоял Федотов отделились трое и кинулись со всех ног бежать к выходу из дворика. Один так спешил, что чуть не упал в бассейн.

— Что случилось, Ваня? — спросил я.

— Я не знаю, — растерянно ответил Федотов. — Они

просили показать гармошку, а я сказал, что мы ее съели. Они замахали на меня руками и убежали.

Я успокоил Ивана, объяснив, что газетчики умчались на телеграф.

Неожиданно бросились врассыпную все, кто стоял вокруг Поплавского.

— Ну, а ты что им сказал? — поинтересовался я.

— Ничего особенного,— развел руками Филипп.— Я рассказал им, что четвертого марта мы поймали в океане стеклянный шар, к которому была прикреплена палка. Такие шары ставят японцы с рыболовными сетями. На палку вешается груз и прикрепляется сеть, а шар служит поплавком.

Мы этот шар выловили,— продолжал Филипп,— написали записку о том, что советская самоходная баржа с экипажем из четырех человек больше сорока пяти дней дрейфует в Тихом океане, запечатали записку в гильзу от патрона, прикрепили гильзу к палке, подняли на палку советский военно-морской флаг и пустили шар в море.

Они меня спрашивают: «Вы написали в записке, что вы умираете от голода и жажды?» — «Нет»,— отвечаю. «Вы написали в записке: «Ради бога, спасите нас»? — «Нет»,— отвечаю. «А где вы взяли советский военно-морской флаг?» — спрашивают. Объясняю, что мы сами сделали из куска холста. Синей краской ленту внизу провели. Красной краской звезду и серп и молот нарисовали. Один из них как закричит: «И это на сорок шестой день голода, холода и жажды!» И все бросились бежать от меня.

— Ничего, они еще вернутся,— сказал я.

Действительно, через несколько минут у входа во дворик послышался тяжелый топот нескольких пар ног. Это журналисты возвращались за новыми сенсациями.

Старшему из солдат двадцать один год, но в штатских костюмах, которые они надели в Сан-Франциско, они похожи на подростков. За сорок девять дней, проведенных в бушующем океане, каждый из них похудел более чем на двадцать килограммов. Они еще не совсем оправились от пережитого, густая синева лежит под их большими, глубоко запавшими глазами, и лопатки острыми углами выступают под пиджаками.

Они не очень красноречивы и не очень охотно рассказывают о себе.

В первые же часы всех поразила скромность этих парней. Дело доходило до курьезов.

— Была ли у вас на барже пища? — спрашивал один из журналистов, прилетевший в Сан-Франциско из другого города позже своих коллег.

— Была,— отвечал ему Крючковский.

— Была ли у вас пресная вода? — продолжал интервью несколько озадаченный журналист.

— Была,— утвердительно кивал головой Анатолий.

Журналист разводил руками:

— А говорили, что вы голодали, страдали от жажды...

На помощь журналисту приходили Анатолий Кардашев или врач Анастасия Николаевна Озерова.

— Ведь продукты кончились двадцать четвертого февраля, а воды они пили по три глотка в сутки. Разве это пища? Разве это была вода?

— Но ведь сперва-то действительно два ведра картошки было и бачок с водой,— окончательно смущался Крючковский.— Они ведь спрашивают не о том, когда это все кончилось, а о том, было ли. Вот я и отвечаю, что было, мол. Отвечаю на вопрос, как положено.

Они не могут скрыть своего удивления всеобщим интересом к ним со стороны американских журналистов. «Ничего особенного не произошло»,— старательно втолковывают они репортерам.

И это как раз то, чего не могут понять, с чем не могут согласиться иностранные журналисты. Вот разговор одного из них с советскими солдатами:

Журналист. Я знаю, что в такой обстановке можно потерять человеческий облик, сойти с ума, превратиться в зверей. У вас, конечно, были ссоры, может быть, даже драки из-за последнего куска хлеба, из-за последнего глотка воды.

Зиганшин. За все сорок девять дней члены экипажа не сказали друг другу ни одного грубого слова. Когда пресная вода подходила к концу, каждый стал получать по полкружки в день. И ни один не сделал лишнего глотка. Лишь когда мы отмечали день рождения Анатолия Крючковского, мы предложили ему двойную порцию воды, но он отказался.

Журналист. В этом аду вы помнили о дне рождения товарища? Это звучит невероятно! А вы не думали о смерти, мистер Зиганшин?

Зиганшин. Нет, мы думали, что мы слишком молоды, чтобы легко сдаться.

Журналист. За каким занятием коротали вы длинные дни? Например, вы, мистер Поплавский?

Поплавский. Мы точили рыболовные крючки, вырезали из консервной банки блесны, расплетали канат и вили лески. Асхат Зиганшин чинил сигнальную лампу. Иногда я вслух читал книгу.

Журналист. Как называлась эта книга?

Поплавский. «Мартин Иден» Джека Лондона.

Журналист. Это звучит невероятно!

Федотов. Иногда Филипп играл на гармони, а мы пели.

Журналист. Покажите мне эту историческую гармонь.

Федотов. К сожалению, мы ее съели.

Журналист. Что-о-о?.. Как съели?..

Федотов. Очень просто. На ней были части из кожи. Мы отодрали ее, нарезали на куски и варили в морской соленой воде. Кожа оказалась бараньей, и мы шутили, что у нас два сорта мяса: первый сорт — кожа от гармони, второй сорт — кожа от сапог.

Журналист. И у вас еще были силы шутить? Это уму непостижимо! Да знаете ли вы сами, какие вы люди?

Зиганшин. Обыкновенные. Советские!

Есть что-то символическое в том случайном факте, что уже слабеющие от голода и жажды советские юноши, солдаты первого и второго годов службы, недавние рабочие, колхозники, читали вслух Джека Лондона, замечательного американского писателя, создавшего образы сильных одиночек, борющихся за жизнь в мире, где эгоизм, предательство, попрание дружбы допустимы, если хочешь выжить. Насколько выше даже самых сильных героев Джека Лондона и сильнее духом эти парни!

Время от времени люди находят на морском берегу или в песках пустыни жуткие свидетельства человеческих трагедий — дневники тех, кто проиграл неравную борьбу со стихией. Чаще всего это страницы, полные отчаяния, ужаса перед смертью, слез и скорбных молитв. А сколько известно разных историй, когда люди, попавшие в беду, как дикие звери, перегрызали друг другу глотки за кусок хлеба, за глоток воды!

Один из американских журналистов спросил Анатолия Крючковского: «Что вам помогло так долго бороться с океаном?» Солдат ответил просто: «Наша дружба. Так мы воспитаны, наверное».

Да, так они воспитаны!

В битве с океаном они были не просто четыре человека — русский, два украинца, татарин, они были не просто четыре солдата. Это был экипаж, это был коллектив советских людей.

Когда закончилась Великая Отечественная война, старшему из них было шесть лет. Они как раз из того «спасенного поколения», которое знает о подвигах их отцов и старших братьев лишь по рассказам, книгам и кинофильмам.

Они помнят, как кончается рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека».

«...Около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

А вот что рассказал мне Анатолий Крючковский. Рассказал вполголоса, чтобы не услышал младший сержант.

...Клонился к закату, тонул в океане сорок какой-то день дрейфа. Не видно солнца за низкими, стремительно летящими тучами, и только по светлому пятну на самом горизонте можно догадаться, в какой стороне закат. Шумит, бросает баржу океан. Быстро опускается ночь. Темная, холодная пустыня вокруг. Ни огонька. Ни живой души, кроме тех, что рядом, самых близких, милых, навеки родных. Больше никого живого, на десятки сотен миль — никого...

Уже не поднимались, берегли силы Поплавский и Федотов. Уже шепотом спеты все-все песни, рассказаны все-все истории. Даже разговаривать уже нет сил. И повисает в кубрике тишина.

И впервые за все сорок с чем-то дней дрогнуло сердце одного из четырех. А может быть, и не дрогнуло, а просто решил солдат, что пришло время поговорить и об этом.

Тишина... И вдруг один из солдат говорит:

— Как будем умирать, хлопцы?

Тишина... Только океан с размаху колотит по барже.

— Ну что ж,— нарушает молчание Ваня Федотов,— кто почувствует, что слабеет, умирает, пусть скажет.

Подползем, обнимемся, поцелуемся. Кто будет умирать последним, пусть суриком напишет на стене кубрика наши имена. Погибли, мол, тогда-то. Привет Родине. Поклон матерям.

И тогда вот что сказал младший сержант. Это была самая длинная его речь за все время дрейфа:

— Стену кубрика не мазать! Запрещаю! Запрещаю даже думать об этом. За последние несколько дней мы увидели три парохода. Что это значит? Значит, мы попали на какую-то морскую дорогу. Нас не снесет с нее. Я заметил, что днем нас тащит на юго-восток, а ночью обратно — на северо-запад. Мы болтаемся на одном месте. Увидели три корабля, увидим и четвертый. Не заметит нас четвертый, заметит пятый. У нас еще три пары сапог. Хватит на весь март, а в марте нас обязательно найдут.

«Обязательно найдут в марте...» С этой мыслью уснули солдаты.

А утром тот же солдат, который спрашивал вчера вечером: «Как будем умирать, хлопцы?», тихо запел свою любимую песню, в которой есть такие слова:

Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома.

И младший сержант улыбнулся.

А теперь рассказ Филиппа Поплавского:

— Когда младший сержант стал разделывать первый сапог, мы думали, что сразу все начнем есть кожу. Но Зиганшин даже запретил прикасаться к ней. Он сказал: «Я съем ее первый, и если через сутки не заболею, значит ее можно есть и вам. Вот так».

Вот, оказывается, как это было.

Рассказывает Иван Федотов:

— Когда над нами опустились вертолеты с «Кирсарджа», я был уже так слаб, что запнулся за канат и рухнул было за борт, но меня поймал Зиганшин и удержал... На палубе авианосца Зиганшин сказал американскому офицеру: «Спасибо за помощь. Но просим как можно скорее отправить нас на Родину». По дороге в судовой госпиталь он потерял сознание...

Хрупкий юноша с двумя полосками на погонах был стальной пружиной, которая двигала этот хорошо подогнанный механизм — экипаж самоходной баржи Т-36. Но это только сравнение, потому что они были не бездушные винтики, а живые люди, обыкновенные, наши, советские.

Простой человек... А сколько миллионов глаз внимательно следят за тобой! Рассматривают твои фотографии в газетах, толпой собираются у телевизора, смотрят на тебя на экране из зрительного зала кинотеатра. Вот этот человек с микрофоном, что сидит рядом с тобой за обеденным столом в отеле «Караван-Лодж», рассказывает сейчас миллионам радиослушателей о том, как ты держишь вилку, и о том, как у тебя завязан галстук. Ничего не поделаешь: ты советский человек, и весь мир хочет узнать о тебе все до мелочей.

Ребята понимали это. Нужно было видеть, с каким достоинством они себя вели.

Когда солдаты пошли в Сан-Франциско покупать шляпы, за ними ринулись десятки фоторепортеров. Ваня Федотов привычно и лихо скосил поля шляпы к правой брови и лукаво подмигнул мне: дескать, мы не лыком шиты. Поплавский и Крючковский примеряли шляпы у зеркала.

Я обернулся к Зиганшину и увидел, что он мучительно краснеет. Он смотрел на шляпу, лежавшую перед ним, и боялся притронуться к ней. Десятки фотообъективов были нацелены на него и на шляпу. Было ясно, что младший сержант попал в переплет. Он еще раз взглянул на фоторепортеров, которые сделали стойку, как гончие перед раненой птицей, и прошептал мне на ухо:

— Я никогда в жизни не носил шляпы...

Широченная «спина-стена» Кардашева как бы невзначай скрыла его от фоторепортеров.

Как полюбили наших ребят моряки «Кирсарджа», жители Сан-Франциско, пассажиры «Куин Мэри»! Стюардессы американского реактивного самолета «Боинг-707» написали им на открытке: «Милым русским ребятам!» Удивительно, но это факт: стюардессы нашего «Ту-104», который доставил солдат из Парижа в Москву, не зная ничего об открытке своих американских сестер, написали почти те же слова: «Нашим милым, нашим славным советским ребятам!»

Оператор телевизионной компании, прихрамывающий грузный старик, не отходил от наших ребят целыми днями. Он как ребенок радовался каждому удачно снятому кадру.

— Никогда за всю жизнь я не работал с таким удовольствием,— сказал он.— Я будто помолодел. Я счастлив, что снимаю настоящих людей.

Служащий таможни во французском порту Шербур сказал:

— У этих солдат лица студентов. До чего же они скромны и милы! К ним можно относиться только как к родным сыновьям.

А вот письмо, которое написал нашим ребятам бывший американский моряк Джо Хаммонд:

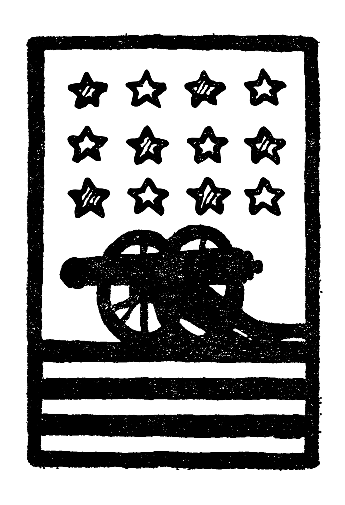
«Я старая, видавшая виды тихоокеанская акула, поверьте мне, я знаю, что такое океан, когда у него плохое настроение. До сих пор я, старый циник, был убежден, что человек — ничтожество перед Его Величеством Океаном. Вы доказали обратное. Самый сердитый океан ничего не может поделать с человеком, если это настоящий человек. Я восхищен вашим мужеством и вашей скромностью. Я склоняю перед вами, юноши, свою седую голову».

В письме, подписанном «Человек, который вас полюбил», ребята прочитали:

«Может быть, вы заметили, что в Сан-Франциско за вами неотступно следовал человек в синем берете. Если вы заметили, то, наверное, подумали, что это переодетый полицейский, приставленный для вашей охраны. Нет, я не полицейский, да за вами и не было полицейских, ибо вас не от кого было охранять, разве что от восторженной толпы. Я обыкновенный человек, и я просто хотел узнать, как ведут себя русские после того, как весь мир назвал их героями. Мой отец рассказывал мне о Чкалове и Громове и всегда восторгался их мужеством и скромностью. С тех пор прошло больше двадцати лет. Вы гораздо моложе тех героев, о которых мне рассказывал отец. Следуя за вами по пятам, наблюдая вас, изучая вас, я понял, что героическое заложено в вас с детства. Видимо, вы привыкли носить это в себе до поры до времени и не замечаете, что это заложено в вас. А когда это проявляется, вам как будто становится не по себе, как мне показалось, шумная слава утомляет вас. Это непривычно видеть здесь, на Западе. Вы, может быть, с улыбкой отмахнетесь от моих слов. Но я все-таки скажу, что вы самые человечные герои, которых я когда-либо встречал. Вы настоящие люди — и этим все сказано».

Этим действительно сказано все.

НА РОДИНЕ ЛИНКОЛЬНА



ДЕНЬ С ФЕНИМОРОМ КУПЕРОМ

Куперстаун — от Нью-Йорка на север, к канадской границе. Нужно перевалить через Катскиллские горы, пересечь долину реки Черри и держать курс на лесное озеро Отсего, из которого рождается река Саскуиханна, что на языке индейцев-делаваров значит Полноводная.

Ночь я провел в мотеле «Последний из могикан» на дороге № 28 и приехал в Куперстаун на рассвете. Город маленький, живут в нем всего две тысячи шестьсот с чем-то человек. Вокруг невысокие горы, поросшие сосновым лесом и березой. Мачтовые сосны смотрятся в зеркало озера. Я остановил машину на берегу, выключил мотор. Ветер гнал по озеру холодные серые волны. По капоту машины стучала снежная крупа. Шумел лес. Глухой шорох и стон рождались в его глубине, поднимались над вершинами, летели над озером, над беленькими домиками еще спящего городка.

— Это плачут души моих предков,— сказал Джон — Спешащая Черепаха, 20-летний чистокровный индеец из племени могаук. Прихрамывая, он подошел к машине, чтобы прикурить. Его прямые черные волосы, в которых застряли снежные крупинки, были стянуты красной лентой. Больше ничего индейского в его облике не было. Никаких перьев, мокасин, томагавков. Черный свитер, потертые

джинсы. Через плечо почти до пола —холщовая сумка. В руке палка с металлическим штырем на конце. Он прокалывает этой палкой бумажки, картонки из-под молока, коробки из-под сигарет, разбросанные по берегу, и складывает в сумку. Джон — Спешащая Черепаха работает городским мусорщиком.

Я дал ему спички, он чиркнул, но ветер задул слабое пламя в его ладонях.

— Мой прадед, умевший разжигать костер из искры кресала, не похвалил бы меня,— сказал он, улыбнувшись.

Он был спокоен, полон достоинства и приветлив. Ответил на все мои вопросы, но мне не задал ни одного. Я спросил: почему?

— Вы мой гость,— ответил он,— а к гостю невежливо приставать с расспросами. Если гость захочет, он расскажет о себе сам.

У Джона среднее образование, что вообще-то большая редкость для индейца. Еще недавно он работал верхолазом-монтажником на строительстве небоскребов в Нью-Йорке, но сломал ногу и вот вернулся в места своих предков. Как он стал верхолазом? О, это интересная история! Еще в конце прошлого века, когда начали возводить первые небоскребы, какой-то предприимчивый делец приехал в резервацию племени могаук и выбрал сто самых ловких и смелых юношей. Белые боялись высоты, индейцы — нет. Если упадет с высоты белый — неприятное происшествие. Если индеец — ну и что? Могауки стали отличными верхолазами и с тех пор передают свою профессию из поколения в поколение. Каркасы почти всех небоскребов в Нью-Йорке возведены их руками. Окончив монтировать последний этаж, они мажут стыки стальных балок кровью птиц. Это — против «злых духов». Так когда-то их предки мазали птичьей кровью стык березовых жердей, составлявших остов индейского вигвама.

Мы покуривали и беседовали с Джоном, а вокруг шумел лес. Привыкнув к шуму больших американских городов, можно забыть, что есть еще на свете шепот берез, тяжкие вздохи могучих сосен, таинственный гул леса, от которого в сладкой тревоге замирает сердце.

— Мы уж не помним языка матери-природы, а он хорошо знал его,— сказал Джон. Я посмотрел в ту сторону, куда он кивнул, и увидел фигуру человека, а у его ног насторожившуюся собаку. Человек и собака замерли на

вершине серого гладкого валуна на берегу озера. Они были из бронзы. У человека было мужественное лицо и длинные волнистые волосы, ниспадающие на широкие плечи. Одежда из шкуры какого-то зверя. На ногах — индейские мокасины, хотя человек не был индейцем. Я догадался, что это Натаниэл Бумпо, лесной первопроходец и охотник, герой известных во всем мире книг Фенимора Купера о Кожаном Чулке.

Потом, простившись с Джоном, я ехал по просыпающемуся городку, улицы которого, как и двести лет тому назад, называются Озерная, Лесная, Сосновая, Тихая. Но не было тишины на Тихой и уже не лесной шум вступал в свои права на Лесной. Здесь гудели, шуршали шинами, чихали дымом, хлопали дверцами «понтиаки», «форды», «шевроле»; трубили, звенели, визжали радиодинамики над дверями магазинов.

А потом все это осталось позади, я пересек город и снова окунулся в тишину. Я стоял у места рождения Саскуиханны — слабенького ручейка, вытекающего из озера Отсего, чтобы на пути к Атлантическому океану стать могучей и красивой рекой, которой в Америке посвящено немало песен.

И снова душа моя настроилась на лирический лад. Но постойте, постойте! Что это за позеленевшая от времени бронзовая доска на мосту? И что это за пирамида на горке за ручьем?

«В 1779 году здесь прошли войска генерала Джона Салливэна и генерала Джеймса Клинтона,— гласит доска.— Это была экспедиция против непокорных индейцев».

И на каменной пирамиде — тоже древняя надтреснутая доска:

«Приветствуем вас,
бледнолицые братья!
Мы, на чьих костях вы
стоите сейчас,
называли себя ирокезами.
Эта земля,
которой вы теперь
владеете, была нашей.
Вы отняли ее, щедро дав
нам взамен
достаточно камня для
этой могилы».

Так вот, значит, шли войска... А потом возникла эта пирамида. А еще через шесть лет — вот этот город. Уильям

Купер был предприимчивым земельным спекулянтом, добравшись вслед за войсками и до здешней глуши. В этих местах он разбогател, стал судьей, полновластным хозяином названного в его честь поселения. Сюда в 1790 году перевез он из штата Нью-Джерси свою семью — жену и семь детей. Младшего звали Джеймсом Фенимором и было ему тогда всего 14 месяцев.

Неподалеку от двухэтажного дома с колоннами, в которых жила семья судьи Купера, стояла избушка охотника Шипмэна, лесного бродяги, дружившего с индейцами. Шипмэн знал несколько индейских наречий. Ирокезы и могикане, гуроны и делавары уважали его за благородство, бескорыстие и отвагу. Каждое племя дало ему свое имя. Одни звали его Следопыт, другие — Соколиный Глаз, третьи — Длинный Карабин.

Этот Шипмэн доставлял немало хлопот судье Куперу. Очень уж свободолюбивым и ершистым был старый охотник. Однажды он спустил с обрыва в озеро и судью и двух его помощников, пришедших арестовать Шипмэна за какое-то мелкое нарушение закона. С тех пор Шипмэна не видели в Куперстауне: он ушел на Запад, к Скалистым горам. Там он и умер в одиночестве, чтобы через много лет воскреснуть под именем Натаниэла Бумпо в книгах Джеймса Фенимора Купера, сына того самого судьи, с которым он крепко не ладил.

Джеймс Фенимор сделался писателем несколько необычным образом. Рассказывают, что как-то раз заболела его жена Сюзанна. Купер, сидя по вечерам у постели больной, вслух читал какой-то длинный английский роман. Однажды он с негодованием откинул книгу в сторону и воскликнул:

— Боже, какая скука! Я и то мог бы сочинить интереснее.

— Хвастунишка,— отозвалась Сюзанна.— Для тебя непосильный труд даже письмо написать!

Было заключено пари, и Купер тут же принялся за сочинение. Через несколько месяцев, в ноябре 1820 года, в Нью-Йорке небольшим тиражом вышел роман «Предосторожность», описывающий жизнь некоей английской семьи. Автор, взявший все расходы по изданию книги на себя, не пожелал поставить на обложке свое имя. И правильно сделал: роман был из рук вон плох. К тому же на-

борщики, с трудом разбирая скверный почерк автора, набрали текст с такими искажениями, что он напоминал бред человека в горячке.

Одно было хорошо: Купер мужественно пережил неудачу и снова взялся за перо. Второй его роман — «Шпион», эпизод из войны американцев за независимость, принес ему известность. Но настоящая, всемирная слава пришла к нему вместе с циклом романов о том самом охотнике Шипмэне, которого он вывел под именем Кожаного Чулка. И вершиной этого цикла был «Последний из могикан».

Эти романы вызывали сенсацию во всем мире. Читая Купера, я рычу от восторга, признавался Бальзак. Лермонтов сравнивал Купера с Вальтером Скоттом, а Белинский даже с Шекспиром. Максим Горький в предисловии к советскому изданию романов о Кожаном Чулке писал: «...Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь. Воспитательное значение книг Купера — несомненно... Читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию».

Но, увы, нет пророка в своем отечестве! Может быть, единственное место на земле, где не признавали Купера при жизни, был его родной Куперстаун. Здесь жили люди практичные, хваткие, лишенные сентиментальности. Жизнеописание благородного белого охотника и трагедия его друзей-индейцев были за чертой их понимания.

«Я охотно сознаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников»,— говорил Натаниэл Бумпо о коварстве белых по отношению к индейцам, и это высказывание не нравилось гражданам Куперстауна. Писателя чуть не выжили из родного города. В памяти нынешних куперстаунцев сохранился рассказ об одной старой леди, которая при встрече с Джеймсом Фенимором Купером (а встречала она его в день по нескольку раз) неизменно спрашивала: «Джеймс, дорогой, ты все еще пишешь свои глупые романы? Когда же ты бросишь баловство и возьмешься за что-нибудь полезное?»

Конечно, сейчас земляки Купера уже не считают литературный труд «баловством». Но спросите любого жителя

Куперстауна: чем знаменит его город? И он ответит: прежде всего тем, что в 1839 году здешний парень Абнер Даблдэй изобрел спортивную игру бейсбол. Да, да, леди и джентльмены, именно отсюда пошла по Америке игра, напоминающая старинную русскую молодецкую забаву — лапту. Здесь родился отец бейсбола великий Даблдэй, и тем вечно будет славен Куперстаун! Писатель Фенимор Купер? Да, кстати, и Купер здесь жил, если вас это интересует.

В 1939 году здесь был торжественно открыт «Дворец бейсбольной славы». Это замечательный дворец. Почти храм. Мрамор. Колонны. Золото и серебро. Сотни кубков. Портреты знаменитых игроков. Автографы президентов США на бейсбольных битах и мячиках. Боже мой, да есть ли в Америке хоть один болельщик, не мечтавший поглазеть на все эти сокровища?

Но не одним «Дворцом бейсбола» славен Куперстаун. Здесь на обозрение туристов (входная плата 2,5 доллара) выставлено каменное подобие человека ростом свыше 3 метров и весом больше тонны. Рассказывают, что в 1869 году на это чудище наткнулись, копая в огороде колодец. «Окаменевший гигант!», «Огромный древний человек!» — закричали газеты. И пошло-поехало! Туристы вытоптали огород, но хозяин не обижался: доллары текли в его карман ручьем. Посмотреть на таинственную находку приезжали даже из Канады. Ученые разделились. Одни в изумлении покачали головами, другие горячо доказывали, что это грандиозный «розыгрыш». Последние оказались правы. Уже после смерти хозяина огорода в надувательстве признались и каменотесы, и рабочие, копавшие колодцы.

Сейчас Куперстаун живет в основном за счет туристов. Я спрашивал: что вас сюда привело? Туристы отвечали: «Дворец бейсбола», «Каменный гигант», «Озеро и окрестные леса». И лишь врач из Бостона, приехавший сюда с двумя сыновьями-подростками и восьмилетней дочерью, сказал:

— Мы решили провести день с Фенимором Купером. Дети давно просились сюда.

Бостонец поделился со мной своим разочарованием: в Куперстауне нет музея Фенимора Купера. Мы долго искали могилу писателя. Нас отсылали на лужайку около школы, но там была не могила, а памятник Куперу, воз-

двигнутый, как и скульптура охотника Бумпо, на средства, собранные американскими литераторами.

На кладбище уже на исходе дня нас привел Джон — Спешащая Черепаха. На невысоком холме стоит маленькая церквушка. Кругом сосны и березы. На могильной плите выбито: «Джеймс Фенимор Купер. 15 сентября 1789 г.— 14 сентября 1851 г.».

— Вот мы и побывали у тебя в гостях,— сказал доктор. Его сыновья склонили головы. Девочка, держась за руку отца, не отрываясь, смотрела на Джона. Наверное, она впервые в жизни видела живого индейца. А он, сидя на пеньке, поглаживал искалеченную ногу и с какой-то сдержанной печалью на смуглом лице вслушивался в шум подступающего к кладбищу леса. Сейчас в его облике было что-то от тех индейцев, которые населяют книги Фенимора Купера... «Одинокая, лишенная хвои сосна на просеке бледнолицых»,— вспомнились мне слова мудрого Чингачгука, отца храброго Ункаса, последнего из могикан.

МОЙ КОВБОЙ ИЗ САН-АНТОНИО

Меня разбудил шум за окном. Сквозь нейлоновые шторы в комнату отеля продирался рассвет. Два человека стояли за шторами на подоконнике и целились в меня из пистолетов.

Это были ковбои. В приоткрытое окно ворвался ветер, шевельнул шторы, и неожиданно ковбои стронулись с места, разом шагнули с подоконника, но не опустились на пол, а так и повисли в воздухе, и тогда я понял, что они просто нарисованы на шторах.

Ощутив неясную тревогу, я позвонил вниз и спросил у клерка, что происходит на улице.

— О, ничего особенного, мистер! — отозвался клерк.— Небольшой пожар в квартале от нас. Совсем маленький пожар. На такие у нас в Техасе не обращают внимания.

— А что горит?

— Небоскреб страховой компании, мистер. Совсем плевый пожар, не на что посмотреть. Просто позор, что они так расшумелись из-за пустяка.

Заснуть я больше не мог. Когда по стене соседнего дома поплыли желтые солнечные пятна, я оделся и спустился вниз.

В центре холла звонко журчал фонтанчик, подсвеченный зелеными и розовыми лампочками. У фонтана спиной ко мне стоял ковбой. Точно такой, как на шторах в моем номере, но живой, да еще в подтяжках. Он кормил красноперых рыбок в бассейне. Его светлая нейлоновая куртка висела на спинке кресла.

— Разве это рыба? — обиженным голосом сказал ковбой.— Мелюзга.

Стряхнув с ладони последние крошки, он повернулся ко мне. Это был рослый красивый техасец лет тридцати пяти. Мне показалось, что я где-то видел его. Может быть, его портрет был в иллюстрированном журнале? А может, он просто похож на одного из киногероев? Высокий лоб, индейский нос с горбинкой, квадратный подбородок с ямочкой.

— У вас как рыбу измеряют? — неожиданно спросил он меня.— На вес или в длину?

— И так и эдак,— растерянно ответил я.

Мой акцент выдал меня. Ковбой понял, что я не техасец.

— А у нас в Техасе — расстоянием между глаз,— с вызовом сказал он.— Меньше четырех дюймов между глаз — это не рыба.

Он настороженно помолчал, ожидая смеха. На всякий случай я поспешил изобразить изумление.

— Потрясающе! — ахнул я.

Обескураженный моей реакцией, он задумчиво почесал лоб, и я увидел коричневую кобуру маленького плоского пистолета, висящую на ремешках под мышкой.

— Вы из Европы? — спросил он, надевая куртку и затягивая на груди застежку-«молнию».

— Вы угадали.

Он протянул мне пачку сигарет и проговорил снисходительно:

— Больше вопросов нет. Я не спрашиваю вас, кто вы и из какой страны. У нас в Техасе есть такая старинная песенка про болтливого ковбоя и о том, как плохо он кончил:

Четверо ковбоев сидели
у костра.
Четверым ковбоям
было скучно,
И тогда один придумал шутку:

«Пусть расскажет каждый,
кто он и откуда».
...Трое ковбоев сидели
у костра,
А за их спиной чернел
могильный холмик.

Наша беседа с ковбоем (я уже запросто называл его Джоном, а он меня Бóрисом) продолжалась в кафе напротив отеля. Когда официантка принесла нам по четвертой чашке кофе, я уже знал, что по меньшей мере девять апостолов Христа из двенадцати были техасцами, что в Техасе нефти больше, чем воды, коров больше, чем людей, а хорошеньких девушек и миллионеров больше, чем во всех остальных штатах, вместе взятых. Один из них — известный скотовод, страдающий, по-видимому, комплексом неполноценности,— купил в Италии средневековый замок, приказал доставить его в родной штат и водрузить посредине своего коровьего королевства. Другой техасский оригинал — известный нефтяник — пытался купить в Париже Эйфелеву башню, чтобы украсить ею новую скважину.

Из-за стола мы встали друзьями.

С грациозным полупоклоном он распахнул передо мной дверцу своего «шевроле» и пообещал показать город.

Горячий, сухой ветер, прилетевший из Мексики, рыскал по улицам Сан-Антонио, шелестел мохнатыми пальмами, морщинил воду в Сан-Антонио-ривер. Солнечные зайчики прыгали по осколкам стекла на тротуаре у подножия небоскреба страховой компании. Двое негров длинными швабрами сгоняли зайчиков в кучу.

По Буэна-зиста-стрит пáрами, группами, толпами бродили солдаты. В форме песочного цвета, цвета речной тины, голубого, темно-синего, оливкового, стального. В пилотках, фуражках, бескозырках, шляпах, беретах. От нарукавных эмблем рябило в глазах: красные пучки молний на черно-бархатном фоне, оранжевые морды тигров, крылатые золотые кони, серебряные перекрещенные кинжалы, парашюты, самолеты, ракеты.

На Марке-стрит в тени мохнатых, сухо шелестящих пальм сидели, откинувшись на спинку скамьи, три девицы в форме женского корпуса морской пехоты. Из-под лакированных козырьков форменных фуражек на солдат лениво поглядывали по-кошачьи мерцающие глаза.

На Коммерс-стрит трое парней в форме цвета речной тины били одного в форме песочного цвета. Он лежал на тротуаре лицом вниз, прикрыв затылок руками. Пилотка его валялась на мостовой. Трое в форме цвета речной тины, толкаясь и мешая друг другу, с размаху били его ногами.

Джон резко затормозил и выскочил из машины. «Скоты!» — рявкнул он, и его правая рука метнулась к «молнии» на куртке. Из-за угла, грохоча пудовыми ботинками, выбежали солдаты в белых касках военной полиции. Стальные наручники звенели на их широких бедрах.

Джон вернулся. Губы его дрожали. Мы сидели в машине и молча смотрели, как солдаты в белых касках ловко выкручивали руки рычащим парням в форме цвета речной тины, как они приподняли избитого и посадили, вернее, прислонили его к стене, как он безжизненно завалился на бок и изо рта его стекала на асфальт струйка крови. Мы не отъезжали до тех пор, пока один из полицейских, могучий негр с тревожно сверкающими белками глаз, не заорал, чтобы мы убирались ко всем чертям. Только тогда Джон тронул машину.

— Из-за девчонок подрались? — высказал я предположение. Джон пожал плечами.

—Может быть. А может быть, и нет,— сказал он вяло. Я заметил, что он загрустил.

Грусть не покидала его, когда мы медленно ехали по узким улицам мексиканского района. Острый запах перца, гнили, помоев, липкий запах нищеты и безысходности неподвижно висел над пыльными улицами, струился из каждой трещины глинобитных хижин, покрытых чешуйчатой черепицей.

Окаменевшее время уснуло в развалинах монастыря Сан-Хосе де Сан-Мигуэль де Агуано. Летучие мыши черными комками прилепились к замшелым стенам древней водяной мельницы. Колючие кактусы почти скрыли от глаз каменный сруб колодца. Когда-то от этого колодца начиналась дорога к испанскому форпосту Сан-Антонио де Валеро, впоследствии переименованному в крепость Аламо.

Электрический свет и кондиционированный воздух, которыми наполнена сейчас крепость, мешают воображению. Я закрыл глаза и потрогал шершавую каменную стену. Стена была холодна и пахла сыростью, как в ту мартовскую

ночь 1836 года, когда несколько десятков американцев-колонистов, захвативших Сан-Антонио, приготовились к последнему бою. («О, Бо́рис,— услышал я голос Джона,— это были самые отчаянные авантюристы, которых когда-либо видел свет. Смелые, решительные и упрямые, как черти».)

И будто из другого измерения я услышал хриплый голос Дэви Крокета — лесного бродяги и завоевателя новых земель. Он стоял у костра, разложенного на каменном крепостном полу, и опирался на свою старую длинноствольную «Бетси», легендарную винтовку, из которой он без жалости поражал индейцев из племени крик. На голове Крокета была шапка из енота. Пушистый хвост, опускаясь на плечо, щекотал его обветренную щеку. С лежанки за Крокетом злыми глазами следил Джеймс Боуи, работорговец из Луизианы, бежавший в Техас после убийства шерифа.

И еще я слышу топот тысячи коней и страшный крик, вырвавшийся из тысячи глоток: «Помни Аламо!» Я вижу, как возникают из ночного мрака, как несутся на спящих мексиканцев конники генерала Сэма Хьюстона, как рубят они не успевших взяться за оружие мексиканских солдат.

С тех пор Техас стал американским.

— Это были славные времена! — сказал Джон. Он неожиданно присел и обеими руками хлопнул себя по бедрам, как будто выхватил пистолеты. Он звонко щелкнул пальцами — взвел курки, оглушительно свистнул и пронзительно закричал: «И-и-хо-хо!»

— Культ силы не такая уж плохая вещь, Бо́рис,— вздохнул Джон.—Выживают сильнейшие. Таковы техасцы.

Потом он сказал, что ему нужно навестить больного брата в военном медицинском центре Брук. Его младший брат — морской пехотинец. «Совсем еще желтый цыпленок».

Джон сказал, что на территорию медицинского центра меня не пустят, поэтому он высадит меня вот в этом парке, а через час заедет за мной.

Коротая время, я насквозь прошел парк и попал в городок, где жили одни генералы. Яркая зелень ровно подстриженных лужаек перед коттеджами казалась нереальной. Под пальмами бирюзово светились облитые молочным кафелем купальные бассейны.

Длинный ряд разноцветных коттеджей уходил к горизонту, уменьшался в перспективе, терялся в буйной зелени парка. И тогда я понял, почему и за счет чего растет Сан-Антонио, этот странный город, не имеющий ни одного крупного промышленного предприятия. Я вспомнил, что здесь расположились девять «тренировочных центров» армии, морской пехоты и авиации США. Только на одной военно-воздушной базе Келли работают 24 тысячи гражданских жителей Сан-Антонио.

По улице шел отряд морских пехотинцев. Солдаты молодые, сытые, мордастые. Пропотевшие гимнастерки распахнуты на груди. На рукавах — клыкастая тигриная пасть.

На площади у туристского автобуса — стайка туристов. Щелкают затворами фотоаппаратов, целятся в солдат кинокамерами.

Сержант забежал перед отрядом, повернулся лицом к солдатам.

— Тигры!—рявкнул сержант.—Подайте голос!

— Р-р-а! — выдохнули пехотинцы, оскалив зубы.

— Не слы-шу! — багровея, взвыл сержант и затопал в ярости ногами.

— Р-рр-а! — громыхнуло по площади так, что вспорхнули голуби из-под крыш.

Вернулся Джон, и мы опять куда-то помчались.

— Брату очень плохо,— сказал Джон.— У него разбита голова и сломаны ребра.

— Что случилось?

— Его избил сержант. Сержант Смит.

— Но за что?

Джон не ответил. Он оглядывался по сторонам, ища место, куда бы поставить машину.

— Промочим горло, и я отвезу вас в гостиницу,— предложил Джон.

Мы вошли в бар в доме за углом. Здесь было полутемно, пусто и прохладно. Бармен в белом фартуке флегматично протирал стаканы. В углу на невысокой полукруглой платформе двое музыкантов пили пиво. Запотевшие бутылки стояли на пианино.

Кажется, Джона здесь знали. Музыканты — мексиканец и негр — нестройным дуэтом прокричали ему какое-то приветствие.

Подперев подбородок рукой, Джон молчал, прислушиваясь к хрустальному позвякиванию льдинок в стакане. Потом сказал:

— Брат заступился за какую-то мексиканскую девчонку... Впрочем, началось все это раньше, гораздо раньше...

И как раз в эту минуту распахнулась дверь, и появились четверо парней в форме цвета речной тины. Это были морские пехотинцы. Один, верзила со шрамом через всю щеку, жевал резинку. Джон вскочил, с шумом отодвинул стул.

— Сержант Смит!

Верзила со шрамом перестал двигать челюстями и уставился на Джона.

— А-а! — промычал он, усмехаясь, и шрам на его щеке угрожающе сжался.— Это ты, Гонзалес или Коген, как там тебя? Ты похож на своего брата...

— Я приглашал тебя одного, Смит,— сказал Джон, делая шаг к солдатам. Те оскалили зубы, сжали кулаки.

— Коген-цыпленок,— засмеялся сержант.— Я же убью тебя, Гонзалес-детка.

Челюсти его снова задвигались.

Зацепив за стул ногой, Джон рванулся к сержанту.

— Р-р-а — выдохнул сержант и выбросил вперед правую руку, в которой блеснуло лезвие ножа. Солдаты метнулись к сержанту, притиснулись к нему плечами и напружинились, как на учении.

Джона схватили сзади негр и мексиканец. Бармен выдернул из-под стойки двухствольное ружье, взвел курки и отступил за кассу.

Не опуская руки с ножом, сержант медленно раздвинул окаменевшие челюсти и выплюнул резинку.

— Напиши мне еще одну записку, Коген. Давай встретимся в другом месте.

Шрам на щеке судорожно сжался. Сержант сплюнул еще раз и повернулся к солдатам.

— Пошли, мальчики.

— Йес, сэ-эр! — рявкнули солдаты, пропуская сержанта к двери.

Бармен опустил ружье и вытер фартуком вспотевший лоб.

— Я отвезу вас в гостиницу, мистер,—сказал мне негр.

В машине я спросил:

— Почему он называл его то Гонзалесом, то Когеном?

— Гонзалес — мексиканская фамилия, Коген — еврейская,— ответил негр.— Не понимаете? Сержант хотел оскорбить его. Если бы у негров были особые негритянские фамилии, сержант обратился бы к Джону, как к негру. Он и брата так называл: Гонзалес... Коген. Делал вид, что забывает его настоящее имя.

— Так поступали фашисты,— сказал я.

— Как поступали фашисты, я не знаю,— помолчав, отозвался негр.— Я знаю лишь, как поступает сержант Смит.

— За что он невзлюбил брата?

— За то, что тот сказал: «Морская пехота — корпус международных жандармов».

Негр вдруг замотал головой, как от боли:

— Если брат Джона умрет, кто-то умрет еще.

Он затормозил у отеля и внимательно посмотрел на меня. Мне показалось, что негр о чем-то хочет спросить. Но он не спросил.

И вдруг я вспомнил: телевизор в моем номере, конец какого-то фильма и реклама. Трое парней — ковбой мексиканец и негр рекламируют местное пиво. В руках у мексиканца банджо. Негр сидит у фортепьяно, на крышке которого стоят запотевшие бутылки пива. Красивый ковбой с индейским носом и ямочкой на квадратном подбородке, мой ковбой, выводит на трубе какую-то грустную мелодию.

Я взглянул на негра. Я хотел спросить... Но я ничего не спросил. Изображение на экране телевизора угасло, и печальная мелодия растворилась в кровавом закате над Сан-Антонио:

Трое ковбоев сидели
у костра,
А за их спиной чернел
могильный холмик.

ВДАЛИ ОТ НЕБОСКРЕБОВ

Это рассказ о маленьких американских городах, которые попадали на нашем пути во время автомобильной поездки по Соединенным Штатам.

Сначала немного статистики.

На востоке от Бостона до Вашингтона тянется сравнительно узкий коридор, представляющий собой почти непрерывную цепь городов. В этот коридор входит более 40 городских районов, объединившихся в гигантскую городскую сеть. Площадь этого «мегаполиса» 35 736 квадратных миль. Это всего лишь один процент всей территории США. И на этом одном проценте территории живет около 40 миллионов человек,— около одной пятой населения всей страны. Плотность населения здесь составляет 1109 человек на квадратную милю, тогда как средняя плотность в других районах страны — 50 человек.

В Соединенных Штатах Америки насчитывается 36 городов с миллионным и выше населением. Пять крупнейших — Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Лос-Анджелес — вобрали в себя свыше 35 миллионов человек.

И тем не менее США — страна десятков тысяч маленьких городов, поселков и ферм.

Когда мы путешествовали по штату Вайоминг, там продавался город Ламонт. Просили в общем-то не очень дорого: 150 тысяч долларов. Правда, город-то невелик: около ста душ населения вместе с грудными младенцами. Объявление о продаже попалось на глаза в вайомингской газете «Каспер стар-Трибюн». Мы туда поехали.

Город Ламонт принадлежит сейчас двум братьям — Тому и Джиму Кинг. А до этого им владела Марта Холл, муж которой недавно попал в автомобильную катастрофу. Овдовев, Марта продала город — одной трудно вести хозяйство. Теперь и Кинги хотят с ним расстаться: подыскали себе город покрупнее.

Ламонт — типичный городишко американского Северо-Запада. Здесь всего одна улица, которая тянется вдоль автомобильного шоссе № 237. Немощеная «фермерская» дорога № 73, извиваясь, уползает в горы, покрытые густым лесом. По вечерам из леса выходят антилопы и олени. Осторожно приближаются почти вплотную к автозаправочной станции, принюхиваются к запахам бензина, чихают. Койоты безнаказанно шныряют между мусорными ящиками, выставленными у задней двери единственного в городе кафе.

Что еще здесь есть? Еще одна заправочная станция на другом конце улицы. Бакалейная лавочка. Мотель на две-

надцать комнат. Загон для мустангов — диких лошадей (иногда их удается заарканить в степях по ту сторону гор) и два десятка домиков, принадлежащих местным жителям. Вот, пожалуй, и все.

Чем живет городишко? Автомобильным шоссе № 237. Шоссе это упирается в зеленый квадрат Йеллоустонского национального парка. В прошлом году парк-заповедник посетило около двух с половиной миллионов туристов. Какая-то часть этого потока коснулась и Ламонта. Кто-то из этих двух с половиной миллионов переночевал в мотеле Кингов по дороге в заповедник; кто-то позавтракал в кафе Кингов; кто-то набрал бензина у Кингов; кто-то купил в лавочке Кингов ящик кока-колы.

Между прочим, «кинг» по-русски— «король». Жители Ламонта так и говорят о братьях:

— Они — наши короли, а мы их слуги.

И действительно, ведь так. Все взрослое население Ламонта работает у Кингов. Кто на заправочной станции, кто на кухне кафе, кто в мотеле и т. д.

Многие американские города принадлежат вот таким «королям». Иногда едешь по главной улице, читаешь вывески и удивляешься: «банк Миллера», «ресторан Миллера», «универсальный магазин Миллера», почти все принадлежит Миллеру. Ради любопытства спрашиваешь прохожего:

— А кто у вас мэр города?

— Миллер,— отвечает прохожий.

В таких городах, наверное, хорошо познавать основы политической экономии капитализма. Многое, о чем писал Карл Маркс в «Капитале», предстает в живом виде, зримо и отчетливо.

Город Гарден-сити лежит в степи, ровной, как поверхность стола. Жители, посмеиваясь, говорят: «Если даже ляжешь на живот, все увидишь в степи на несколько миль. Одна беда: смотреть не на что».

Степь эта — знаменитые прерии Южной Дакоты. Урожаи пшеницы, ржи, ячменя, льна здесь едва ли не самые высокие в США. Места исконно фермерские. И Гарден-сити — город тоже фермерский. Кстати, по-русски Гарден-сити будет «Город-сад».

Первое, что видишь, когда подъезжаешь к Гарден-сити, здание школы. С удивлением замечаешь, что окна за-

колочены. Потом видишь, что окна заколочены не только в школе. На улице ни души. Железнодорожное полотно заросло травой. Если бы не три разбитых товарных вагона, стоящих по оси в траве, даже не догадался бы, что когда-то здесь проходила железная дорога. Приглядевшись, начинаешь угадывать, что железнодорожная линия когда-то упиралась в элеватор. Рядом водонапорная башня с прогнившей деревянной крышей. Еще немножко, и начинаешь понимать, что «Город-сад» переживает не самые лучшие времена.

Городу же больше ста лет. По американским стандартам, возраст весьма почтенный. Лет сорок назад здесь жило больше 10 тысяч человек, была средняя школа, два банка, два элеватора, гостиница и ресторан. Потом как будто что-то надломилось. Один за другим закрылись банки, опустели элеваторы. К 1960 году в городе оставалось 326 человек. Сейчас 126.

Хозяин бакалейной лавочки Джон Траут, лысый старик в подтяжках, говорит:

— Заметьте, у меня на полках вы не найдете ни одной соски, ни одной баночки с детским питанием.

— Почему?

— У нас нет грудных младенцев. И не будет. Молодежи нет.

У него двое сыновей служат в армии. Вернутся ли они в родной город?

— В Гарден-сити?— удивляется он нашему вопросу.— Что вы! Никогда в жизни. В Гарден-сити никто не возвращается.

Мистер Траут рад возможности поговорить со «свежим» человеком.

— Гарден-сити умирает,— рассказывает старик,— он умрет, когда иссякнет последняя капля крови, когда его покинет последний фермер. Так умерли уже многие города в Южной Дакоте, и многие еще умрут.

Почему уходят фермеры? Истощилась бескрайняя степь? Упали урожаи?

— Что вы, что вы! — машет рукой Траут,— урожаи рекордные, корпорации богатеют. Разоряются так называемые «семейные фермы», мелкие, неспособные конкурировать с корпорацией.

По мнению моего собеседника, нынче маленькая ферма уже сама по себе нерентабельна. «Если меньше 600 акров,

толку все равно не будет». Современное сельское хозяйство требует больших капиталовложений в механизацию производства. «Семейной ферме» это не под силу.

— Давайте предположим, что я хочу заняться сельским хозяйством,— говорю я.— Землю уже купил, ровно 600 акров [1]. Уступил здесь один за 60 тысяч долларов. Какие мне теперь нужны машины и сколько они будут стоить?

— Вы это серьезно? — осторожно спрашивает старик после паузы.

— Нет, из профессионального любопытства. Я журналист.

— А я подумал, что вы сумасшедший,— вздыхает он с облегчением.— Даже испугался. Ну что ж, давайте подсчитаем: перво-наперво — трактор, плуг и борона. Пишите: 15—16 тысяч долларов. Грузовичок «пикап» — 6 тысяч. Комбайн для уборки колосовых — 13—14 тысяч. Комбайн для уборки кукурузы — 30—32 тысячи. Широкорядная сеялка — 3 тысячи. Культиватор — 1500. Сеноуборочные машины — 8 тысяч. Пресс для...

— Хватит,— останавливаю я его.— Я раздумал быть фермером.

— Обождите,— протестует он,— мы только-только приступили к подсчетам. Вам требуется еще уйма техники. Не забудьте об удобрениях, о складских помещениях, о транспорте...

Таковы расходы. А доходы? Согласно официальной статистике, средний доход третьей части всех ферм в Южной Дакоте составляет меньше 3 тысяч долларов в год. Это как раз «семейные фермы», которые, по сути дела, уже разорены и опутаны долгами. Пробьет час, и их поглотят гигантские сельскохозяйственные корпорации — высокомеханизированные предприятия с высокой производительностью труда и низкой себестоимостью продукции.

...Я уже включил мотор, когда мистер Траут выбежал на крыльцо своей лавочки.

— Послушайте,— закричал он,— мы забыли приплюсовать сеялку для люцерны...

В штате Миннесота «семейные фермы» — как островки в зеленом степном океане. Домик фермера обязательно

[1] Акр = 0,4 гектара.

под развесистым деревом. Деревянные амбары и сараи обязательно выкрашены в темно-красный цвет.

Мы заехали на первую попавшуюся ферму. Навстречу выкатилась маленькая собачонка и со звонким лаем самоотверженно бросилась на нашу автомашину. По случаю воскресенья хозяин фермы Фрэд Логмэн был дома. Высокий сухопарый старик в очках. Чисто выбрит. На голове фуражка с целлулоидным козырьком. Полосатая рубашка, заправленная в домашние брюки.

Недоумение сменяется любопытством: «Неужели из Советского Союза? Первый раз в жизни вижу русских! Да перестань ты из себя тигра корчить (это к собачке). Вы можете ее погладить — она только с виду сердитая».

Через пять минут мы уже были друзьями. Через пятнадцать минут Юля и Вася уже колесили по ферме на электрическом мини-тракторе, сменяя друг друга за рулем, а собачонка по кличке Пылинка гонялась за ними с радостным визгом. Фрэд смотрел на эту кутерьму с добродушной улыбкой и говорил:

— Совсем, как мои внуки.

Потом он повел нас по полям, и мы вместе с ним радовались, что кукуруза в этом году «одна к одной», и соя тоже «слава богу, не подвела». И вместе с ним мы печалились, что засохли вишневые деревья и состарился тополь, который он посадил здесь в день свадьбы 46 лет назад. И о том, что сыновья, сами ставшие отцами, увы, редко приезжают туда, где они бегали босиком по росе. Поговорили о земле, о дождях, об урожае, о нелегком и святом труде крестьянина, где бы он ни жил — на Миссисипи или на Волге, на Красной реке или на Ниле.

— Если бы бог спросил меня: «Фрэд, я дарую тебе вторую жизнь, чем ты хочешь заняться?» — я бы ответил: «Позволь остаться хлеборобом. Земля — моя жизнь и мое горе».

Фрэд уже стар. Ферма у него маленькая — 130 акров. Едва-едва со старухой сводят концы с концами.

— Сын с детства астмой болел, и я не принуждал его фермером стать,— рассказывает Фрэд.— Раньше досадно было, что ферму некому передать, а сейчас вижу, что повезло сыну: рано или поздно, а ферму придется продать.

А потом мы пили домашний яблочный сок, которым угощала нас хозяйка, и Фрэд говорил о том, что «в мире

сейчас стало спокойнее, и пусть бы так всегда было, чтобы дети наши и внуки не видели войны и не пережили того, что довелось пережить нам».

На прощание мы сфотографировались у плаката, воткнутого в землю у крыльца: «Добро пожаловать» — было написано на одной стороне, «Приезжайте еще» — на другой.

— Может быть, и заедем,— пообещали мы.

— Только поторопитесь, а то нас здесь уже не застанете,— сказал Фрэд. Сказал без улыбки, серьезно, как проживший жизнь человек, полной мерой познавший цену дружбе, времени, словам.

ОТ ВЕЛИКИХ ОЗЕР ДО МИССИСИПИ [1]

Оставив позади Чикаго, мы взяли курс на юго-запад и уже через час оказались в «Одноэтажной Америке». Беспредельные степи-прерии поглотили нашу машину, и куда бы мы ни бросали взгляды, видели одно и то же: поосеннему печальные, пустынные поля, с которых уже собран урожай, разбросанные по всей степи фермы, с обязательным красным амбаром, серебристой силосной башней и могучим столетним деревом, распростершим свои зеленые лапы над крыльцом фермерского домика.

То и дело на горизонте, как маяки в море, возникали прямоугольные очертания хлебных элеваторов. Мы уже знали: раз появился элеватор, значит, скоро будет фермерский городишко. Прямое, как стрела, шоссе, казалось, упиралось в серую стену элеватора и лишь в самый последний момент слегка отклонялось в сторону, чтобы пропустить нашу машину на улицу какого-нибудь Хиллсборо, удивительно похожего на какой-нибудь Гринфилд, который мы проехали пятнадцать минут назад, и на Спрингвилл, через который нам еще предстоит проехать.

Сразу же за элеватором встали две-три заправочные станции, жестоко конкурирующие между собой и поэтому особенно усердно заманивающие к себе потребителя обещаниями самого профессионального обслуживания. Соперничали даже их вывески. «Эссо» на длиннющем шесте

---

[1] Очерк написан в соавторстве с И. Шатуновским.

возносилось к самым облакам; «Мобил» медленно и, казалось, многозначительно вращался вокруг своей оси; «Тэксеко» таинственно мигал разноцветными лампочками.

Свирепая конкуренция раздирала и две-три местные церкви. Об этом можно было судить по щитам-рекламам, призывающим путников остановиться, бросить машину и, не мешкая, преклонить колени перед алтарем.

«Побеседуйте с Христом о ваших делах»,— настаивала пресвитерианская церковь.

«Оставьте ваши тревоги у нас»,— умоляла церковь методистская.

«Зайдите, прислушайтесь и подчинитесь Его воле»,— наставляла церковь католическая.

А в одном городишке мы видели даже такое объявление:

«Игра в лото, в карты, а также танцы по вечерам в церкви святой Марии».

К сожалению, до вечера было еще далеко, мы не пошли в храм, не рванули рокк под звуки церковного органа и не хлебнули из стеклянной фляжки домашего кукурузного самогона, который называется здесь «муншайн» — «лунный свет».

Да и чем еще другим можно заполнить вечерний досуг в таком типичном американском городишке, где нет ни библиотеки, ни книжного магазина, ни дома культуры, ни кружка самодеятельности, ни даже кинотеатра...

Впрочем, кинотеатр есть, но расположен он в степи, на перекрестке трех автомобильных дорог. Это так называемый «драйв-ин», кинотеатр под открытым небом. Туда въезжают на автомобиле, останавливают машину у свободного столбика, на котором висит динамик с длинным проводом. Динамик можно взять в кабину машины и закрыть окно, если на дворе (то есть в кинотеатре) холодно или идет дождь. Впереди сооружен огромный экран, позволяющий видеть кинофильм на расстоянии 300—500 метров. Во время сеанса между машинами бродят лоточники, предлагая зрителям кока-колу, «поп-корн» (жареную кукурузу), горячие сосиски и... противозачаточные средства.

Когда по Америке путешествовали Ильф и Петров, «драйв-ины» еще были малоизвестны. Их тогда было два или три на всю страну. Именно поэтому мы не нашли ни-

какого упоминания о них ни в книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка», ни в их записных книжках.

Много воды утекло в местных реках с той поры, когда здесь побывали Ильф и Петров. Но по-прежнему на площадях маленьких городов стоят памятники солдату гражданской войны Севера с Югом. Кроме чугунных солдат, почти в каждом городе в скверике, около здания мэрии, есть чугунная доска, на которой выбиты имена горожан, павших на этой долгой и кровопролитной войне. Иногда это очень длинные списки. Смиты, Брауны, Робертсы, Уайты... И вдруг среди них Иван Сидоров. Как он попал сюда? Из какой губернии Российской империи занесло его в штат Иллинойс? Этого уже никто из ныне живущих в городе не помнит.

По-прежнему рядом с чугунным солдатом стоит пушка времен гражданской войны. Но уже рядом с ней поставлены либо зенитное орудие, стрелявшее в сорок пятом году, либо танк, принимавший участие в корейской войне, либо вертолет, отвоевавший свое во Вьетнаме.

Сама же Америка не испытала ужасов вражеского вторжения. В то время как под бомбами умирали города Европы, в Соединенных Штатах не было ни одной воздушной тревоги.

За все годы войны на американской земле взорвалась лишь одна неприятельская бомба. Японские военные моряки прикрепили ее к воздушому шару и, дождавшись попутного ветра, пустили по направлению к Америке. Пролетев несколько сот миль, шар начал снижение над штатом Орегон. Его заметили тамошние фермеры и на автомобилях, мотоциклах, велосипедах помчались за ним, как любопытные дети за невесть откуда появившимся воздушным шариком.

Едва шар коснулся земли, вокруг уже собралась ликующая толпа. Бомба взорвалась, убив шесть человек. Это были первые и последние жертвы среди мирного населения США за всю вторую мировую войну. Когда американские атомные бомбы в августе сорок пятого года убили в Хиросиме и Нагасаки свыше трехсот тысяч мирных жителей, в штате Орегон злорадно говорили:

— Это им за тот воздушный шар!

А сколько вражеских снарядов взорвалось на американской земле за все время второй мировой войны? Четыре. Всего четыре. Как-то дождливой ночью два японских

миноносца подкрались к западному побережью США, дали залп и поспешно скрылись в темных просторах океана. Снаряды разорвались на пустынном берегу, подняв к небу фонтаны мокрого морского песка. После этого еще долгие годы отцы и деды рассказывали своим потомкам о чудовищных взрывах на берегу неподалеку от Сан-Франциско.

Американцы умирали вдали от своих берегов. Похоронные приходили из Европы, с островов Тихого океана. 291 557 американских солдат и офицеров погибли в боях с немецкими фашистами и японскими милитаристами.

Однажды на заправочной станции к нам в машину попросился молодой парень. Он кончил работу на бензоколонке, где помогал механику, и ехал домой в соседний городок.

— Вы немцы? — спросил он нас по дороге.

— Нет.

— Тогда шведы.

— Тоже нет.

— Французы? Бельгийцы? Итальянцы?

Парень перебрал все известные ему страны, все, кроме Советского Союза. Мысль о том, что среди бескрайних прерий штата Иллинойс могут очутиться двое русских, как-то совсем не приходила ему в голову.

— А вы знаете,— сказал парень,— у нас дома есть русская военная медаль.

Оказывается, во время войны его отец был моряком и три раза ходил в Мурманск. Сейчас отца уже нет. Мать хранит советскую медаль вместе с американскими орденами.

— Мама говорит, что отец называл русских героями. Рассказывал, что у вас были большие потери. Это правда?

— Правда.

— Но ведь вы же вступили в войну позже нас.

— Кто это тебе сказал?

— Кажется, так говорили в школе,— смутился парень.— Впрочем, возможно, я слышал это по радио... Уже не помню, где я это слышал. Может быть, читал в газете... Вот так штука! Значит, на вас Германия напала раньше, чем на нас Япония! А я все время думал, что вы присоединились к нам в конце войны. Какие же у вас были потери? Как у нас? Больше? Да ну! Больше трехсот

тысяч? Больше полумиллиона? Перестаньте меня разыгрывать! Неужели больше миллиона?

Он просто обалдел, когда мы сказали ему, что за годы войны советский народ потерял 20 миллионов человек.

— Какой ужас! — сказал он потрясенно.— Какой ужас!

Больше он ни о чем нас не расспрашивал...

Американцы обожают статистику. Прежде всего их, конечно, интересуют они сами... Специальные институты с помощью электронно-вычислительной техники изучают вдоль и поперек американцев, их вкусы, привычки, симпатии и антипатии. Выводятся абсолютные и относительные цифровые показатели, рисуются диаграммы, чертятся зигзагообразные линии спроса и предложения. Швейные монополии почти точно знают, сколько брюк потребуется нынешней зимой в штате Калифорния и сколько блузок следует послать в штат Невада. Страховые компании заранее осведомлены о количестве дорожных происшествий, ожидаемых в следующем году. Табачным фирмам загодя известно, сколько будет выкурено сигарет «Кент» и сколько «Кэмел».

Свыше 85 миллионов граждан Соединенных Штатов Америки родились уже после окончания второй мировой войны. В Америке сейчас около семи миллионов студентов университетов и колледжей. Так вот, 16 процентов американских студентов не знают, на чьей стороне воевал Советский Союз. А шесть процентов студентов уверены, что Советский Союз был на стороне Германии и Японии.

А ведь студенты — наиболее любознательная и образованная часть американской молодежи.

И вместе с тем интерес американцев к Советскому Союзу велик; сейчас он еще острее, чем был в те времена, когда здесь путешествовали Илья Ильф и Евгений Петров.

— Из Советского Союза? Не может быть! Ну давайте поговорим хоть пять минут! — такие или подобные восклицания слышали мы ежедневно, когда доводилось обращаться к американцам с каким-нибудь вопросом или с просьбой. Разговоры были длинными и короткими, но каждый раз у нас просили какой-нибудь сувенир на память — открытку с видом Кремля, советскую монетку, визитную карточку. «Ну, хоть что-нибудь, а то мне никто не поверит, что я познакомился с русскими».

Часто нам говорили: «Приедете в такой-то город, обязательно повидайтесь с таким-то. Это мой хороший друг. Я позвоню ему заранее». И действительно, приехав в этот город, мы убеждались, что нас там уже ждут.

Нас приглашали побыть в домах, в учреждениях, в школах. Увы, от многого пришлось отказаться: если бы мы приняли все приглашения, то до сих пор не вернулись бы домой.

Но иногда отказаться было просто невозможно, и мы попадали на «парти» — американскую вечеринку. Хозяин заезжал за нами в мотель и вез нас к себе домой, где к тому времени уже собиралось десять—пятнадцать его друзей. Выглядело это всегда так: у одной стены стоял стол с угощением — овощной салат, солоноватое печенье величиной с полтинник, на которое уже положены или ломтик ветчины, или долька крутого яйца, или кусочек маринованной селедки. Здесь же соленые орешки и свежие овощи — морковка, нарезанная палочками, сельдерей, помидоры, огурцы, редиска, маслины. У другой стены — стол с бутылками виски, джина и содовой воды. Стопки картонных тарелок. Бумажные салфетки. Вилки, ложки и ножи — пластмассовые. После вечеринки вся эта посуда будет выброшена в пакет с мусором. Обязанность хозяйки не потчевать гостей, а знакомить их друг с другом, если окажется такая необходимость, и следить за тем, чтобы гости не скучали. Гости сами подходят к столам, сами наполняют тарелки и стаканы. Стульев, конечно, всем не хватает, поэтому закусывают стоя или садятся прямо на пол. В комнате стоит гул голосов. Гости не столько пьют и едят, сколько беседуют. Двух стаканов щедро разбавленного содовой водой виски со льдом хватает на весь вечер. Не всем, конечно, хватает двух стаканов; однако существует непререкаемое правило: напиться в гостях — несмываемый позор.

Американцы очень ценят юмор, шутку, подначку. Шутят не только на вечеринках. Ораторы на конференциях, симпозиумах, съездах, серьезные и деловые люди обязательно начинают свою речь с шутки. Еще один пример. Покойный президент Кеннеди, выступая как-то на ежегодном съезде редакторов и издателей газет, начал свою речь так:

— К журналистам нужно относиться хорошо, иначе не оберешься хлопот. В прошлом веке один европейский кор-

респондент нью-йоркской газеты «Трибюн» попросил у редактора прибавки к жалованью. Редактор отказал. Через какое-то время журналист написал фундаментальный научный труд, последствия которого были потрясающими. Имя этого журналиста Карл Маркс, а книга, которую он написал, называется «Капитал».

В гостях американцы долго не засиживаются: дома дети, и вставать утром надо рано, впереди работа, а то и две. Дело в том, что многие американцы подрабатывают на стороне за счет своего отдыха. Учителя можно увидеть вечером за рулем такси, служащего банка — преподавателем на вечерних курсах счетоводов, полицейского — ночным сторожем в банке. Во многих семьях работают и дети. Младшие за час до школы развозят на велосипедах газеты по домам. Старшие после школы идут на заправочные станции или прислуживать в кафетерии. Заработком младших распоряжаются по-разному, в зависимости от достатка. У одних — это дополнение к общему бюджету семьи, у других — личные деньги того, кто их заработал. Именно на эти деньги покупаются велосипеды, радиоприемники, магнитофоны, теннисные ракетки, гитары и книги.

Мы уходили с «парти» последними, но перед этим, засучив рукава, помогали хозяйке навести порядок на кухне. Этим мы как бы закрепляли на будущее нашу дружбу с хозяевами дома. Такой уж здесь обычай. Если хозяйка надела на тебя свой фартук — считай, что ты друг дома.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАРКУ ТВЕНУ [1]

...Шел седьмой день нашего автопробега по Соединенным Штатам. Впереди лежал штат Миссури. Прерии не выпускали нас из своих объятий.

Под автомобильным мостом осталась черная, клокочущая вода Миссисипи, в густой зелени деревьев промелькнул высокий берег, и мы въехали в Ганнибал — город нашего детства.

Нет, мы не оговорились, назвав Ганнибал городом нашего детства. В этих местах провел свои мальчишеские годы Сэм Клеменс, ставший впоследствии знаменитым писателем Марком Твеном, который описал этот город и подружил ребят всего мира с отважным Томом Сойером, с

[1] Очерк написан в соавторстве с И. Шатуновским.

преданным Гекльберри Финном, с девочкой Бекки Тэчер, у которой были золотистые волосы, заплетенные в две длинные косички.

Сколько раз вместе с Томом и Геком мы мысленно сбегали узкими улицами к берегу великой реки, жили пиратами на необитаемом острове, выслеживали злодея Индейца Джо, который замыслил убить добрую вдову миссис Дуглас...

Было раннее хмурое утро.

Мы вышли из машины и огляделись.

Покрытые лесом холмы подступали к деревянному двухэтажному домику Марка Твена. На его зеленой черепичной крыше торчала телевизионная антенна.

Рядом — музей. Такое же двухэтажное здание, только сложенное из крупного серого камня. Музей был построен в 1937 году, через два года после того, как в Ганнибале побывали авторы «Одноэтажной Америки».

Тротуар из красного кирпича. Зеленый плющ на фасаде музея. Белый дощатый забор с пятнами облупившейся краски, наверное, тот самый, который тетушка Полли заставляла Тома красить. За забором — красные розы. Чугунная доска извещает о том, что цветник разбит в память богатого мецената, построившего музей.

Неподалеку дымят две трубы электростанции. С другой стороны — Кардиффский холм, где когда-то стоял домик миссис Холлидей, выведенной в «Приключениях Тома Сойера» под именем вдовы Дуглас. По ночам вдова ставила на подоконник керосиновую лампу, свет которой служил ориентиром для лоцманов, ведущих пароходы по Миссисипи. Теперь на этом месте стоит белая башня маяка.

Из домика Марка Твена вышла старушка, очень похожая на тетю Полли. Старушка взглянула поверх своих очков, и нам показалось, что она вот-вот крикнет на весь двор:

— Куда же он запропастился, этот мальчишка? Том!

Но старушка приветливо махнула нам рукой и сказала:

— Сюда, сюда!

Музей был еще закрыт, но миссис Андерсен распахнула перед нами дверь:

— Заходите, пожалуйста! Ведь вы из России? Мистер Винклер сейчас придет. Ему уже сообщили по телефону, что вы едете.

Имя мистера Винклера нам совершенно ничего не говорило. К тому же мы просто не представляли себе, кто мог предупредить его о нашем приезде. Предположив, однако, что все в дальнейшем прояснится, мы не стали удивляться вслух и перешагнули порог музея. В комнате мы достали из портфеля томик Марка Твена, изданный в Москве:

— Это наш подарок!

Лицо миссис Андерсен озарилось неподдельной радостью.

— Спасибо, спасибо! — воскликнула она.— Мистер Винклер будет вам очень признателен. Он обязательно положит эту книгу под стекло.

Она показала рукой на витрину, где лежали «Томы Сойеры» на французском, немецком, турецком, испанском, польском, арабском и многих других языках.

В музее было много памятных экспонатов. Неподалеку от низкого беленького столика, за которым и был написан «Том Сойер», стояла пишущая машинка — прабабушка «ундервудов».

— Когда у Марка Твена спрашивали, как ему удается писать такие замечательные книги,— сказала миссис Андерсен,— он отвечал, что у него есть специальный печатающий станок (тогда пишущие машинки только появились). Многие принимали шутку всерьез. Какому-то господину даже удалось выпросить у Марка Твена пишущую машинку. Как известно, второго Твена так и не появилось, а писателю пришлось покупать себе новую машинку.

Миссис Андерсен подошла к громоздкому музыкальному инструменту — помесь фортепьяно с органом — и сказала:

— На этом инструменте любила играть дочь писателя — Джин. Когда она умерла, отец, уже седой старик, часами простаивал у инструмента, как будто он снова слышал игру любимой дочери.

Мало кто знает, сколько трагических моментов было в жизни Марка Твена,— с грустью продолжала старушка.— Ведь он похоронил единственного сына, жену, двух дочерей. Вот посмотрите, это посмертная гипсовая маска сына, который умер, когда ему еще не было двух лет.

...Когда мы подъезжали к Ганнибалу, то старались представить себе, как будет выглядеть первый мальчик,

который встретится нам в городе Тома Сойера. И вот дверь распахнулась, и в музей влетел белокурый мальчуган. На нем была яркая желтая кофта и синие бархатные штанишки выше колен. Оглашая зал счастливым смехом, он стал крутить огромное рулевое колесо, снятое с речного парохода, на котором плавал матросом будущий писатель.

Миссис Андерсен ласково взглянула на мальчика:

— Конечно, в гостях у Марка Твена ребенок может играть, как ему хочется. Ведь и сам Марк Твен был большим выдумщиком на игры. Об этом рассказывал мне мой дедушка, который дружил с ним в детстве.

На одной из стен мы увидели фотографию писателя, сделанную в 1902 году, когда он приезжал в Ганнибал последний раз в своей жизни. Твен стоит у распахнутых дверей домика. Красивая седая голова, белоснежные лохматые брови, белые пушистые усы. Руки засунуты в карманы белого пиджака. Писатель тогда говорил, что каждый раз, когда он приезжает в Ганнибал, ему кажется, что домик становится все ниже и меньше.

— Боюсь,— шутил он,— что если я буду приезжать сюда чаще, домик уменьшится до размера кукольного.

Из музейного зала дверь ведет в дом, где Марк Твен провел свое детство. Здесь этот дом называется, однако, домиком Тома Сойера, потому что именно сюда поселил великий писатель своего любимого литературного героя.

По узкой лестнице мы поднимаемся наверх, в комнату, так хорошо знакомую по книге: деревянная кровать, покрытая старинным вышитым одеялом, кувшин для умывания, на полу один ботинок, другой, должно быть, Том только что запустил в своего слишком «правильного» брата Сида.

Через дорогу домик Бекки Тэчер. У входа надпись: «Здесь сохраняется часть обстановки, которая была в те давно ушедшие времена, когда девочка с желтыми косичками глядела из окон на мальчика, жившего на той стороне улицы».

В одной из комнат две женские фигуры из папье-маше. Бекки Тэчер в белом платье, из-под которого выглядывают кружевные панталоны. Тугая золотистая коса опускается ниже талии. В правой руке девочка держит соломенную шляпу. Бекки собирается на какой-то праздник в дом напротив — гласит надпись на дощечке, висящей на бархатном канатике, протянутом между косяками двери.

— Там будет так весело! — говорит девочка матери, которая сидит в кресле с высокой спинкой и что-то вяжет.

Бекки существовала на самом деле, она очень нравилась мальчику Сэму. Только в жизни ее звали иначе: Лорой Хокинс.

— Дедушка мне рассказывал, что Сэм и Лора были очень дружны,— сказала нам миссис Андерсен.— Сэм был лучшим учеником в классе, но однажды на экзаменах перед летними каникулами он нарочно сделал ошибку в диктанте, пропустил букву «р» в слове «февраль» — чтобы оставить за Лорой звание первой ученицы. Однажды, играя, Сэм нечаянно уронил кирпич на ногу подружке. Дедушка рассказывал, что мальчик плакал больше, чем сама Лора, так ему было жалко девочку.

В домике Бекки Тэчер мы и познакомились с мистером Винклером, энергичным человеком лет пятидесяти пяти. Он председатель городского совета по охране твеновских мест.

— Все памятные места находятся в ведении города Ганнибала,— сказал мистер Винклер.— Федеральные власти и власти штата к ним никакого отношения не имеют. Поэтому нам приходится очень трудно. Все средства на содержание музея дает нам маленький книжный киоск и лавочка сувениров, которые помещаются в этом же доме.

Когда мы вышли на улицу, мистер Винклер тяжело вздохнул и сказал:

— Смотрите, со всех сторон на наш уголок наступают торговые рекламы. И ничего нельзя поделать.

Дух коммерции витал вокруг домика Марка Твена. Рядом с музеем под большим навесом разместилась харчевня, которая зазывала посетителей нелепым плакатом: «Кушайте цыплят Тома Сойера, приготовленных в электронной духовке». Высоко в небе на длинном шесте вращалась огромная пивная кружка, на которой тоже было написано: «Том Сойер».

Кстати сказать, на этом месте когда-то стояла бревенчатая избушка, в которой жил друг детства Марка Твена Том Блакеншип, известный всему миру под именем Гекльберри Финна.

Из домика, где когда-то работал судья Джон Клеменс, отец писателя, вышел перепачканный маляр с ведром и кистью.

— Том был бы сейчас кстати,— шутливо заметили мы.— Он ведь был специалистом по части покраски.

— Мы-то знаем, каким маляром был Том,— засмеялся мистер Винклер.— Вы помните, как Том обхитрил своих друзей: они выкрасили вместо него забор да еще уплатили подать. В память об этом теперешние мальчишки Ганнибала ежегодно четвертого июля устраивают праздник. Они состязаются, кто скорее и лучше покрасит забор.

В офисе судьи Клеменса шли ремонтные работы, но мистер Винклер любезно предложил нам осмотреть помещение. В крошечном зале стояла скамья подсудимых, возвышался стол судьи, на котором лежали толстые тома законов.

Говорят, что судья Клеменс был справедливым и мужественным человеком. Однажды подсудимый по имени Макдональд вытащил пистолет и нажал на спусковой крючок. Комната наполнилась дымом. Отец Марка Твена не растерялся. Он так хватил преступника своим судейским молотком, что тот свалился без чувств.

С обратной стороны здания находилась каталажка. Сквозь окно мы увидели две восковые фигуры. На полу лежал окровавленный человек с ножом в груди. А рядом, на грубой деревянной кровати в ужасе застыл мальчик в коричневой жилетке и синих заплатанных штанишках, подпоясанных бельевой веревкой.

— Этот случай был не с Томом Сойером, а с Сэмом Клеменсом,— сказал мистер Винклер.— Однажды мальчик прогулял занятия в школе и побоялся идти домой. Он решил переночевать в каталажке, полагая, что здесь никого нет. Но вот взошла луна, и при ее бледном свете будущий писатель увидел, что на полу мертвый. Впоследствии Твен вспоминал, что он выскочил настолько стремительно, что нечаянно захватил с собою часть оконной рамы.

После кончины отца семья Клеменсов продала дом и переехала сюда, в служебное помещение. Жить было трудно, поэтому вдова сдала несколько комнат второго этажа врачу по фамилии Грант.

Мы осмотрели кухню, спальню, уставленную пробирками и колбами аптеку, которую держал врач.

Многие американцы, прочитавшие лишь две самые популярные книги Марка Твена — о Томе и Геке, считают

его эдаким добрым малым, описавшим патриархальную жизнь в долине реки Миссисипи. С другой стороны, некоторые американские литературоведы, которым известны публицистические произведения Марка Твена, обратившего в них всю силу своего таланта против пороков американского общества, пытаются изобразить его желчным и раздраженным человеком. Готовясь к поездке в Ганнибал, мы прочитали статью известного литературного критика и историка Максуэлла Гейзмара в журнале «Рэмпартс». Вот что он пишет о творчестве великого писателя: «Ненависть к колониализму, расизму, рабству в любом обличье, ненависть к жестокости, эксплуатации не является новой чертой в творчестве Сэмюэля Клеменса. Мотивы эти нетрудно распознать в его ранних произведениях...

Но по мере того как Твен становится старше и, вероятно, мудрее, та воображаемая свобода, которую он даровал героям своих ранних произведений, все чаще и чаще стесняется обстоятельствами реальной жизни, от которой он больше не мог отмахнуться. Однако неправомерной была бы попытка объяснить всевозрастающую гневность поздних его полемических произведений тем, что Клеменс якобы стал злобным стариком, пережив финансовый крах и семейную трагедию.

Взгляды Твена не менялись с возрастом, менялась тема его произведений, острота его отношения к ней, быстро, жестоко и беспощадно менялся мир в его представлении. Сэм Клеменс оставался прежним. Личная трагедия могла повергнуть его в печаль и отчаяние, но она не наделила его качествами, которые он так болезненно переживал в других: жестокостью, садизмом и алчностью».

Мы тепло распрощались с мистером Винклером, так и забыв узнать у него, кто же был тем любезным человеком, который сообщил ему о том, что мы будем в Ганнибале.

Затем поехали к «пещере Марка Твена». Это та самая пещера, где Индеец Джо хранил свои сокровища и где, заблудившись, едва не погибли Том и Бекки. Пещера находится на скалистом берегу Миссисипи, в двух милях от Ганнибала.

Рассказывают, что зимой 1819 года местный охотник, гнавшийся с собакой за зайцем, с изумлением увидел, как сперва заяц, а потом и собака буквально провалились сквозь землю. Недоумевающий охотник долго стоял над

отверстием в земле, прислушиваясь к собачьему лаю, глухо доносившемуся из-под ног. Так был обнаружен лаз в пещеру, которым впоследствии не раз пользовался маленький Сэм, играя здесь со сверстниками в шерифов и разбойников.

Сейчас у входа в пещеру под кронами столетних деревьев стоит деревянный домик, где расположилась лавочка сувениров и где можно приобрести билет для осмотра пещеры.

Не беремся судить, как это произошло, но нас и здесь уже ждали. Кассир, пожилой человек в сером вязаном жилете, наотрез отказался взять с нас деньги за билет.

— Сегодня вы наши гости,— сказал он.— А когда я приеду в Россию, вы мне покажете Московский Кремль. Договорились?

Международное соглашение здесь же было ратифицировано.

Наш гид, разговорчивый и веселый парень, сказал, что встрече с нами был бы рад и мистер Кэмран, но, к сожалению, его нет сегодня в городе: он уехал куда-то на конференцию пещеровладельцев. Мы не знали, кто такой мистер Кэмран, и уже готовы были поддержать понравившуюся нам шутку о «пещеровладельцах», но из дальнейшего рассказа поняли, что гид не шутит. Пещера действительно принадлежит частному лицу и приносит ему немалый доход — полтора доллара с взрослого туриста, семьдесят пять центов с ребенка.

Туристов здесь бывает много.

Признаемся, что, когда мы писали эти строки, рука одного из нас автоматически вывела: «Кто же в Америке не читал Марка Твена!». Однако мы вовремя спохватились и зачеркнули эту, казалось бы, такую естественную фразу. Дело в том, что на глаза нам попался результат опроса знаменитого здесь Института общественного мнения, которым руководит доктор Джордж Гэллап. Так вот этот дотошный институт выяснил, что 58 процентов взрослых американцев за всю их жизнь не прочитали ни одной книги от корки до корки.

Остается надежда, что остальные сорок два процента американцев читали Марка Твена. Наверное, так оно и есть. Иначе что привело бы туристов в Ганнибал, примечательный лишь тем, что здесь провел свои детские годы Марк Твен.

Популярностью писателя и объясняется благосостояние мистера Кэмрана, хозяина «пещеры Марка Твена».

Мистер Кэмран, как выяснилось, владеет еще одной пещерой, которая случайно обнаружилась в 1925 году в окрестностях Ганнибала.

Подивившись этим причудам частного предпринимательства, мы пошли осматривать пещеру. Нам нет необходимости подробно описывать ее, ибо Марк Твен сделал это с присущим ему блеском и образностью.

Скоро исполнится ровно сто лет, как в пещеру стали водить туристов. За это время они оставили здесь тысячи своих автографов и надписей, выдержанных в классическом стиле: «Джон + Мэри» и «Сэм Браун из Оклахомы был здесь». Один из туристов при свете факела нарисовал на стене портрет Марка Твена. Обувная компания из Сан-Луиса в тщеславной надежде обессмертить свое имя выбила на стене пещеры рекламу своей продукции. Компания давно разорилась и перестала существовать, а реклама ее нетленна рядом с портретом великого писателя.

На одном из участков пути гиду полагается включать спрятанный в темноте динамик, из которого раздается человеческий голос: кто-то читает отрывок из «Приключений Тома Сойера». Мы было подумали, что слышим записанный на пластинку голос автора, но ошиблись. Читал владелец пещеры.

В другом конце пещеры был виден далекий, но яркий электрический свет. Гид сказал, что там оборудовано бомбоубежище на три тысячи человек и устроены склады продовольствия и питьевой воды. Кто собирается бомбить город Марка Твена, гид не пояснил. Мы не стали его расспрашивать, потому что поняли, что этот вопрос ему самому неясен.

Ильф и Петров писали: «В заключение мы отправились к Кардиффскому холму, где стоит один из самых редких памятников в мире — памятник литературным героям. Чугунные Том Сойер и Гек Финн отправляются куда-то по своим веселым делишкам. Недалеко от памятника играли довольно взрослые мальчишки. Они ничем не отличались от своих чугунных прообразов. Веселый крик стоял у подножия памятника».

К этой картинке, нарисованной двумя замечательными писателями, нельзя добавить решительно ничего. Все было

так же, как в те дни. И холм, и памятник, и веселый мальчишеский крик...

Мы поднялись на вершину Кардиффского холма. Здесь на лесной поляне стоит бронзовый Марк Твен. На пьедестале из розового гранита написано: «Гуманность была его религией, и весь мир скорбел, когда он умер».

Под крутым скалистым обрывом — Миссисипи. Широкая, полноводная, великая река под стать великому народу. «Это не обыкновенная река, а река замечательная во всех отношениях»,— писал о ней Марк Твен.

Лицо бронзового Марка Твена обращено к восточному берегу реки. Писатель всегда с удовольствием вспоминал время, когда он плавал на Миссисипи. «Я сам напросился на вахту в четыре утра, потому что никогда не надоест смотреть на летние восходы солнца на Миссисипи. Они просто чарующи»,— писал он.

Сейчас близилось время заката. Река темнела на глазах. Красный буксир толкал по течению караван коричневых барж. С левого берега на железнодорожный мост осторожно выполз товарный состав. Его тянули три мощных тепловоза. Дойдя до середины моста, тепловозы по очереди коротко прогудели. Им отозвался буксир. Густой, чуть печальный рокот покатился по Миссисипи и лег у ног бронзового Марка Твена.

Мы выехали из Ганнибала и взяли курс на штат Канзас, увозя в наших сердцах добрую память о гостеприимных и приветливых людях этого маленького американского города. Навстречу нам вместо заспанных коммивояжеров, упомянутых авторами «Одноэтажной Америки», летели огромные грузовики.

Вдруг машину затрясло, послышался какой-то грохот, и мы поняли, что наша машина терпит бедствие. Мы зажмурились от ужаса.

Но ничего страшного не произошло. Машина сползла в кювет, и, выскочив из нее, мы увидели, что лопнула правая задняя шина.

Дул пронзительный осенний ветер. Красный диск солнца опускался за горизонт. Стало смеркаться.

Домкрат, которым мы пытались приподнять машину, оказался неисправным, и мы спрятали его в багажник.

Не оставалось ничего другого, как «голосовать» и просить о помощи.

Мы подняли капот мотора (в Америке это дорожный сигнал бедствия) и, трясясь от холода, встали на обочине.

Нам пришли на память строки из «Одноэтажной Америки», где писатели рассказывали, как их машина едва не угодила в канаву. «Все автомобилисты, проезжавшие в это время мимо нас, останавливались и спрашивали, не нужна ли помощь,— писали Ильф и Петров.— Вообще спасители набросились на нас, как коршуны. Ежесекундно скрипели тормоза, и новый проезжий предлагал свои услуги».

Степь быстро темнела. Ветер шелестел стеблями обломанной кукурузы. С грохотом проносились мимо могучие грузовики размером с пульмановский вагон. Напрасно мы простирали к ним руки. Никто не останавливался.

Москвич иронически посмеивался. Вашингтонец чувствовал себя уязвленным и обманутым. Ему очень хотелось, чтобы американцы остановились и доказали скептически настроенному Москвичу, что за прошедшие тридцать пять лет они не утратили благородных черт своего характера. Стуча зубами от холода, Вашингтонец принялся рассказывать, как однажды у него в машине что-то испортилось и как американец, ехавший в противоположную сторону, узнав о беде, развернулся, посадил Вашингтонца к себе в машину и отвез его в город, хотя самому ему нужно было ехать в противоположную сторону. В городе американец разыскал автомеханика, хотя было воскресенье, и сделать это было нелегко, и покинул Вашингтонца только тогда, когда убедился, что механик готов ехать к оставленной на дороге машине.

Но вот сейчас американцы почему-то не останавливались и не набрасывались на нас, как коршуны.

Постояв минут двадцать, мы уныло побрели к фермерскому домику, крыша которого виднелась за кукурузным полем.

За деревянной загородкой шумно вздыхали коровы. Пахло парным молоком. Черный волкодав натянул цепь, захрипел, задохнулся от ярости, обнажив навстречу нам свои клыки.

Мы долго стучали в дверь, пока за ней не послышалось шлепанье босых ног. Мы объяснили в приоткрывшуюся щелку, кто мы и чего хотим. А хотели мы, чтобы хозяин одолжил нам свой домкрат.

— Русские? — переспросил хозяин.— Из Советского Союза?

Еще немножко помешкав, он все-таки решил открыть нам дверь. Перед нами стоял старик.

— Входите,— пригласил он,— а то ведь стужа-то какая.

Оказывается, мы его разбудили. Дома были он да маленькая внучка. Одной рукой она держалась за штанину деда, а другой прижимала к себе плюшевого зайца с оторванным ухом. Неожиданно зазвонил телефон, висящий на стене. Старик снял трубку и, казалось, забыл о нас. Начался длинный телефонный разговор о закупочных ценах, которые падают, о каких-то долгах банку, которые растут, о том, что жизнь становится тяжелее с каждым годом. Правда, окончился разговор, как и полагается в Америке, на оптимистической ноте.

— Не принимай, парень, близко к сердцу! — бодро крикнул в трубку старик.

Потом он позвонил какому-то Бобу и попросил его приехать и помочь нам. Свой домкрат он нам не предложил.

— Значит, прямо из Советского Союза? — обратился фермер к Москвичу, повесив трубку.— Вы, я вижу, люди образованные. Как вы думаете, война будет или нет?

— Вам что, войны во Вьетнаме мало? — засмеялся Москвич.

— Она у меня вот где,—провел ребром ладони по горлу старик.—Видите, сколько их у меня.

Он показал на стену комнаты. Почти всю ее занимали портреты его детей: семь сыновей и пять дочерей.

— Вот этого зовут Том, а вот этого — Гек,— тыкал он пальцем в портреты в верхнем ряду галереи.— Близнецы. И обоим скоро идти в армию.

Он погладил внучку по голове и печально вздохнул:

— Эх, дети, дети! В плохое время вы прощаетесь с детством...

Со стороны дороги послышались гудки автомобиля. Приехал наш спаситель. Он оказался парнишкой лет шестнадцати-семнадцати. Не сказав ни слова, он обошел вокруг нашей машины, задумчиво посвистел и принялся за работу.

Через несколько минут он уже вытирал руки тряпкой, которую извлек из багажника своего «пикапа».

— С вас два доллара.

Это были его первые слова, с которыми он обратился к нам.

Мы хотели дать ему три доллара, но он твердо сказал:

— Здесь было работы ровно на два доллара.

Вашингтонец протянул ему пачку сигарет. Парнишка осторожно вытянул одну и вежливо поблагодарил.

— Почему никто не останавливался, чтобы помочь нам? — спросил у него Вашингтонец.

— Боялись,— ответил парнишка.— Днем бы остановились, а вечером боялись. Люди теперь не доверяют друг другу...

Он сел в кабину и, разворачивая машину, весело посоветовал:

— Не принимайте это близко к сердцу!

ИНДЕЙЦЫ [1]

В Скалистых горах мы встретили первого индейца. Его пышный головной убор из орлиных перьев и яркие одежды говорили, что это не простой индеец, а индейский вождь. Подняв над головой томагавк, он исполнял ритуальный танец у тлеющего костра.

Индеец был ненастоящий. Вырезанный из цветного картона, он рекламировал лавку сувениров, возле которой вонзилась в землю великолепная индейская стрела величиной с телеграфный столб. В лавке белый человек торговал чашками из обожженной глины, ковровыми дорожками, мокасинами. Увидев нас, продавец выбежал навстречу:

— Обязательно купите что-нибудь, джентльмены! Вещи сделаны настоящими индейцами из племени навахо. Таким сувенирам в Европе нет цены...

За Скалистыми горами лежала бескрайняя пустыня. Природа обделила ее водой и тенью, но зато не пожалела красок. Мы ехали мимо фиолетовых скал и голубых оврагов, мимо оранжевых песков и красных камней, принявших самые причудливые формы.

И все-таки это была выжженная, убогая земля, которая не могла родить ничего, кроме редких кустиков чахлой колючки.

---

[1] Очерк написан в соавторстве с И. Шатуновским.

Начиналась территория индейских резерваций.

Вдалеке виднелись низкие постройки, слепленные из цветной глины. Жилищем иной индейской семьи служил кузов старого автобуса, снятый с колес. К жалким лачугам не было съездов.

А на дорожных щитах цветущие индейские воины, раскуривая трубки мира на пороге своих вигвамов, советовали приобретать подержанные автомобили, жевать резинку и пить кока-колу. Краски рекламы конкурировали с красками пустыни.

Потом из песков и реклам возник город Таос, удивительный и неповторимый в своем роде. Представьте себе обитателей Монмартра, переселившихся со своего парижского холма куда-нибудь в Сахару. Вот это и будет город Таос. Что привело сюда художников со всей Америки — яркие и чистые краски пустыни или стремление убежать от тесноты и грохота больших городов, сказать не беремся. Только каждый восьмой житель города — художник, рисующий и тут же продающий свои картины, каждый шестой — заросший до пещерного состояния хиппи, ничего не смыслящий в искусстве, но обожающий богему, а каждый третий — турист, с одинаковым интересом разглядывающий и тех и других.

Впрочем, для приезжих тут припасено зрелище куда экзотичнее. Рядом с Таосом находится поселение индейцев из племени пуэбло.

«Спешите побывать в этой деревне,— кричали на все голоса туристские проспекты.— За весьма умеренную плату вы увидите древнейший в мире многоквартирный дом. В отличие от всех других индейских племен, согнанных белыми людьми со своих земель, пуэбло живут на том самом месте, где они и жили до открытия Америки».

Мы поехали в деревню пуэбло. В двух милях от центра Таоса широкое, укатанное шоссе обрывалось, и начиналась пыльная ухабистая дорога. На дороге стояли три молодых индейца, закутав головы в белые с голубыми разводами одеяла. Все трое были босы.

Поначалу мы подумали, что эти индейцы тоже вырезаны из цветного картона и выставлены для привлечения туристов. Но вот один из стоявших повернул голову и что-то сказал своим товарищам. Сомнений быть не могло. Перед нами были живые люди.

Здесь, на окраине Таоса, обрывалась не только прекрасная автомобильная дорога. Здесь кончался двадцатый век и начинался век восемнадцатый, а может быть, даже и шестнадцатый. Мы смотрели на босых, оборванных людей, и казалось просто невероятным, что где-то существуют небоскребы Чикаго, океанские корабли и обыкновенные матерчатые туфли.

«Вокруг нас стояли удивительные дома. В деревне живет около тысячи человек, и все они расселились в трех домах. Это громадные глиняные здания в несколько этажей, составленные из прилепленных друг к другу отдельных комнаток. Дома подымаются террасами, и каждый этаж имеет плоскую крышу. Этажи сообщаются между собой приставными деревянными лестницами, обыкновенными, наспех сколоченными лестницами дворницко-малярного типа. Раньше, когда пуэбло были независимы, все племя жило в одном колоссальном глиняном доме. Когда лестницы убирали внутрь, дом превращался в крепость, выставившую наружу только голые стены. Так живут и сейчас...»

Это абзац из книги «Одноэтажная Америка». Но так можно написать и сейчас, потому что с тех пор ничего не изменилось в деревне пуэбло. Та же надпись на деревянной доске, извещающая, что для осмотра деревни надо получить разрешение губернатора племени; та же маленькая хатка губернатора; так же пахнет на площади навозом и дымом; с той же боцманской ловкостью бегают по приставным лестницам смирные индейские собаки. Только на узких улицах позируют перед камерами туристов уже дети и внуки тех индейцев, которых видели Ильф и Петров.

Вождя племени в деревне не оказалось: он уехал в резервацию навестить заболевшего родственника. Вместо него нас встретил молодой индеец в белой сорочке с галстуком. Не дослушав наших приветствий, он деловито подошел к кассе, стоящей на прилавке, и привычным движением руки выбил чек за стоянку нашей автомашины (75 центов) и два чека по 2 доллара каждый за право осмотра деревни. При этом на его пальцах сверкнули перстни. Мы поняли, что кое у кого в деревне дела идут неплохо.

Вдали синели горы Сангре де Криспо. Кое-где на них белели пятна снега, выпавшего там неделю назад. Кругом лежала красная земля. Красными были дома пуэбло. Красной была католическая церковь. Только фасад церк-

ви, арка ворот да четыре креста были выкрашены в белый цвет. Красной была печь для выпечки хлеба, сложенная во дворе.

Пожилая индианка в накинутом на голову одеяле принесла из дома тесто в деревянной кадушке, выгребла из печи угли и начала стряпать. Длинной деревянной лопатой она сажала хлебцы в дышащую жаром печь. Рядом крутились собаки. Сердито крикнув, индианка замахнулась на собак лопатой, закрыла отверстие печи заслонкой, сколоченной из досок, и, прихрамывая, пошла к загончику, где жалобно блеяли две облезлые козы.

Смотреть в деревне пуэбло больше было не на что.

За очередным горным перевалом лежал город Гэллоп, который в Америке слывет «всемирной столицей индейцев». Илья Ильф и Евгений Петров посвятили этому городу (они называли его Галлоп) две с половиной странички своей книги. «Город Галлоп,— писали они,— дал нам очень много для понимания Америки. Собственно, этот город ничем не отличался от других маленьких городов, и задача писателя сильно облегчается, так как внешность городка можно не описывать... именно этим вот отсутствием оригинальности и замечателен город Галлоп... Добрый город Галлоп! Его не интересуют события в Европе, Азии и Африке. Даже американскими делами город Галлоп не слишком-то озабочен. Он гордится тем, что со своими шестью тысячами жителей имеет горячую и холодную воду, ванны, души, рефрижераторы и туалетную бумагу в уборных,— имеет тот же комфорт, что Канзас-Сити или Чикаго».

С нашими писателями произошло в Гэллопе два события. Во-первых, в бок их нового автомобиля врезался старый зеленый полугрузовичок. И, во-вторых, мистер Адамс, увлеченный диспутом о Лиге Наций, прошел сквозь витрину магазина, приняв ее за дверь.

У нас тоже стряслась в Гэллопе беда, хотя и не очень серьезная. Что-то случилось с рессорой нашего автомобиля, и пришлось завернуть в автомастерскую. Пока двое расторопных парнишек гремели под машиной гаечными ключами, мы разговорились со старшим механиком. Это был уже пожилой человек со ссадинами на больших руках, потемневших от вечного обращения с металлом и ма-

шинным маслом. Он был рад возможности побеседовать с незнакомыми людьми да еще иностранцами.

О себе он сказал так:

— Я, слава богу, здоров, дети тоже здоровы, дела идут неплохо, хотя, конечно, хотелось, чтобы они шли лучше. Казалось бы, все хорошо, а вот по ночам спать не могу... Не могу, и все тут, хоть в петлю лезь. Вечером посмотришь последние известия по телевидению и ложишься с головной болью. Все, что показывают, вроде меня лично касается. Начнутся где-нибудь военные действия? Так ведь у меня старший сын призывного возраста. Стреляют в студентов? У меня дочь — студентка. Негры бунтуют? Ну, у нас в городе негров, правда, мало, зато много индейцев. Придет время, и они взбунтуются. Плату за медицинское обслуживание опять подняли? У меня жена сердечница, и так уже все сбережения докторам отдали. Преступность растет? Боюсь и за себя и за семью. Вот на прошлой неделе кто-то ограбил соседнюю заправочную станцию...

Мы спросили его: почему он думает, что индейцы взбунтуются? Он пожевал губами, развел руками и ответил:

— Да ведь сколько ни терпи, а всякому терпению конец бывает. Придется когда-нибудь белому человеку отвечать за все, что он сделал с другими нациями...

Этот разговор дал нам очень много для понимания нынешней Америки. Оказалось, что рефрижераторы и туалетная бумага сами по себе не обеспечивают счастья. Оказалось также, что жизнь заставила нынешний Гэллоп, попрежнему маленький и по-прежнему типичный американский городок, интересоваться событиями в Европе, Азии и Африке. Что касается дел внутри страны, то этими делами гэллопчане, оказывается, весьма и весьма озабочены.

Простившись с механиком, мы принялись бродить по Гэллопу, разыскивая ту самую витрину, через которую прошел мистер Адамс. Зачем нам нужна была эта витрина, что она могла добавить к образу наших писателей и их добрых спутников, об этом мы как-то не думали. За минувшую треть века Гэллоп не очень сильно вырос (теперь там 17 тысяч жителей), и мы без труда нашли два фордовских магазина. У обоих из них были стеклянные витрины, но которую именно разбил мистер Адамс, нам выяснить так и не удалось. Мы терпеливо растолковывали владельцам магазинов и клеркам, что мы ищем, но над

нами либо добродушно посмеивались, либо поглядывали с подозрением.

В Гэллопе мы стали свидетелями рождения легенды. Набродившись по городу, мы сидели в кафе, когда туда зашел веселый старичок, положил свою ковбойскую шляпу на стул, достал из кармана носовой платок размером с детскую простынку, осушил им свою запотевшую лысину и принялся рассказывать соседям о том, что в Гэллоп из России приехали представители русского страхового агентства по делу о разбитой тридцать пять лет назад стеклянной витрине...

Мы переглянулись, встали из-за столика и на цыпочках прошли мимо старичка к выходу.

К концу следующего дня мы уже ехали по штату Аризона, держа направление на Грэнд-каньон (Великий каньон), самую большую в мире дыру, как называют это чудо света сами американцы. Позади остались горные ущелья, поросшие сосной, и мы снова очутились в пустыне. Одинокий всадник в ковбойской шляпе во весь опор скакал через пустыню, оставляя за собой клубы пыли. Два пеших индейца с длинными посохами гнали куда-то стадо овец. Овец было два-три десятка. Впереди, позванивая бубенцом, шел белый длиннобородый козел.

Ближе к Великому каньону вдоль дороги стали появляться огромные щиты-объявления, уговаривающие нас купить кусок окрестной земли. «Заботься о своем будущем сегодня,— внушал нам, неразумным, первый плакат.— Подумай о приобретении земли».

Полагая, что мы спохватились и задумались о своем печальном будущем, следующий плакат пытался вселить в нас оптимизм: «Вот она, та самая земля, в том самом месте!» Дескать, не унывайте, ребята, не все еще потеряно!

Третий плакат указывал нам путь к светлому завтра: «Присоединяйся к мудрым людям, которые уже обзавелись землей!»

«Покупай сегодня, радуйся завтра!» — ликовал четвертый плакат.

«Через пять минут ты можешь стать владельцем земли, остановись и подумай!» — требовал последний плакат.

Но покупать эту серую, унылую землю, лишь кое-где поросшую кустарником, почему-то не хотелось. Больше того, ее не хотелось брать даже бесплатно.

Ровно через пять минут справа от дороги появился зеленый оазис, посреди которого стояло современное легкое здание конторы по продаже земли. Рядом притулились заправочная станция и ремонтная мастерская.

По случаю воскресенья контора по продаже земли была закрыта. Пришлось обратиться за информацией к владельцу заправочной станции.

Он протирал стекла нашей машины бумагой, которую выдергивал из специального ящика на столбе, и охотно отвечал на наши вопросы. Дела, слава богу, идут хорошо. Плохо в этом месте они и не могут идти: рядом — Великий каньон. В прошлом году вот по этой дороге туда и обратно прошло не меньше четверти миллиона автомобилей с туристами. Многие заправлялись бензином у него.

Землю вокруг мы напрасно называем пустыней. Это скорее целина, которая при надлежащем орошении может стать оазисом, как вот этот участок, где мы сейчас разговариваем. Кто ее покупает? В основном спекулянты. Они ее покупают сегодня, чтобы продавать завтра. Вернее, через десять — двадцать лет. Тогда цена ее будет в двадцать — тридцать раз выше, чем сегодня. Ведь рядом — Великий каньон. Туристов с каждым годом становится все больше и больше. Нужны будут новые мотели, бензоколонки, магазины и все прочее.

— Кому принадлежала эта земля раньше? Да никому. То есть я хотел сказать — индейцам. Но это все равно, что никому.

Заметив, что мы переглянулись, владелец заправочной станции попытался исправить впечатление от его слов:

— Лично я ничего против краснокожих не имею. Но ведь они, как бы вам сказать, не приспособленные для современной жизни, что ли. Нет у них деловой хватки, торговать не умеют, конкуренции не выдерживают. Мало кто из них стал бизнесменом. Ну зачем им эта земля? Какую выгоду они могут извлечь из нее?

Через час мы стояли на смотровой площадке Великого каньона и зачарованно глядели в его бездну. В бездне шел дождь. Лохматая серая туча плавала далеко внизу, извергая на каньон потоки воды. Мы смотрели на тучу и на дождь сверху, как боги. Через несколько минут туча завернула за какой-то изгиб каньона и, оставляя на скалах свои лохмотья, скрылась. На ее месте возникла радуга. Она была похожа на разноцветный висячий мост, кон-

цы которого упирались в скалы. Мы стояли на земле, а дождь и радуга были не над нами, а под нами. Не над нами, а под нами парил орел. На самом дне каньона серебряной ленточкой извивалась река Колорадо. Именно ленточкой. Как-никак, а от смотровой площадки, повисшей над бездной, до дна каньона — почти два километра.

Великий каньон — это грандиозный провал в земле, длина которого почти триста пятьдесят километров, ширина от шести до тридцати километров. И это провал необыкновенной красоты, полный чудес и удивительных красок.

«Надо было бы, конечно, спуститься на дно каньона и прожить там с полгода в бревенчатом домике с центральным отоплением, среди хаоса природы и идеального сервиса, но не было времени. Мы сделали лишь то, что могли,— объехали каньон на автомобиле»,— писали Ильф и Петров.

Мы объехали каньон на автомобиле, но в одном месте все же предприняли робкую попытку спуститься по тропинке вниз. Тропинка пахла навозом. По ней ходят караваны мулов. Плати сорок долларов и через несколько часов будешь на дне каньона. Настоящие же туристы ходят пешком. Спуск и подъем занимают часов десять — двенадцать. На тот случай, если не рассчитаешь силы, есть спасательная служба: те же мулы и те же сорок долларов. Для экстренных случаев есть вертолеты, пользование которыми стоит сто двадцать долларов в час. Мы же не стали испытывать свою выносливость и с полдороги, отдуваясь и стряхивая со лба пот, вернулись к машине.

Кстати, предположение наших писателей, что на дне каньона стоят домики с центральным отоплением и идеальным сервисом, ошибочно. На дне каньона стоят хижины, сложенные из камня и обмазанные глиной. В этих, с позволения сказать, «домах» нет ни электричества, ни водопровода. В них нет даже окон. И топятся они «по-черному». Там живут около пятидесяти индейцев племени хавасупаи. Говорят, что это — самое бедное племя во всей Америке. Из 142 взрослых мужчин только восемь имеют постоянную работу — погоняют мулов, которые возят вниз и вверх туристов.

В поселок Камерон мы попали еще засветло. Это тот самый Камерон, где наши писатели, мистер Адамс и Бэкки пытались затеять разговор с индейцем, а он им не от-

ветил, показал пальцем на свои губы и сделал рукой отрицательный жест. Тогда здесь стояли два глиняных индейских вигвама, почта, торговый пункт, маленькая гостиница с ресторанчиком, кэмп.

Сейчас здесь по-прежнему четыре домика — почта, длинное деревянное здание фактории, новая гостиница и ресторан. Но индейских вигвамов уже нет. На их месте выросла заправочная станция «Стандарт ойл». За поселком матово поблескивал металлический висячий мост, переброшенный через какой-то местный каньончик, по дну которого извивается река Литтл Колорадо. За мостом заново начиналась пустыня, поглотившая резервацию племени навахо.

Ночевали мы в поселке Серые горы. Над пустыней несколько минут протрепыхал малиновый закат, потух и почти сразу же опустилась темнота. Большая Медведица провисла над нами вниз ковшом. Настоянный на полыни воздух был горек и сух. Где-то в темноте лаяли койоты. Время от времени по шоссе № 89 с шуршанием проносились автомобили запоздалых путников.

Весь поселок — два мотеля, заправочная станция и закусочная. Возник он как ночная стоянка туристов вблизи Великого каньона. На заправочной станции работают индейцы. Они моют посуду в закусочной и подметают комнаты в мотелях. Владеют всем этим, разумеется, белые.

Утром в пустыне было холодно. Кое-где по обочинам дороги поблескивали корочки льда. Мы мчались по направлению к Зайон-каньону. Дорога петляла между отвесными скалами самой причудливой формы. Мы видели то замки, то пирамиды, то башни, то пагоды, то вигвамы, то террасы, то просто хаотические нагромождения, которым не подберешь и сравнения. И все это было красного, бордового, желтого, белого, розового, серого, оранжевого цветов. И кругом ни души, ни деревца. Лишь в одном месте мы обогнали двух индейских мальчишек, сидевших верхом на пегой лошадке. Мы помахали им, но они презрительно отвернулись от нас, и передний свирепо стегнул лошадку кустиком полыни.

Дорога круто пошла в гору, машина выскочила на плоскогорье, и у нас захватило дух от открывшегося глазам пейзажа. Цветная пустыня лежала внизу, как холст модерниста. Кое-где виднелись индейские глинобитные вигвамы. Над ними струились сизые дымки. Под обрывом,

на краю которого мы стояли, лежала вверх колесами свалившаяся сверху автомашина.

Когда-то здесь проходили кавалерийские отряды седьмой бригады генерала Кастера по прозванию «Дубленая кожа». Кавалеристы с боями гнали непокорных индейцев все дальше и дальше на запад. Вслед за кавалерией тянулись через пустыню караваны переселенцев, мечтающих о новых привольных землях, «где колос выше головы, а пастбища, что райские луги», как поется в старинной американской песне. Многие так и не увидели этих земель. Уходили крытые фургоны вдаль, оставляя позади себя в пустыне свежие могилы, трупы коней и поломанные повозки.

Белые здесь тогда не селились. Что им делать в пустыне, если она и необыкновенно красива? Пусть уж здесь живут индейцы. Надо же им где-то жить!

На краю обрыва построено несколько грубых деревянных навесов. Под ними столы из неотесанных досок. На столах каменные и медные брошки, ожерелья из разноцветных камешков и покрашенных орешков какого-то неизвестного нам здешнего дерева. Это изделия индейцев, которыми торговали девочки-подростки и старухи. Мы пытались было поговорить с ними, но они знаками дали нам понять, что не знают английского языка. Цены своим изделиям они назначали при помощи пальцев.

Лишь одна индианка изъявила желание ответить на наши вопросы по-английски. Это была стройная девушка лет семнадцати с прекрасными чертами лица и большими грустными глазами за стеклами очков. Две черные косы опускались ей на грудь. Девушкой можно было залюбоваться. Нам показалось, что мы поняли, почему белые так охотно брали себе в жены индианок. Особенно охотники, следопыты, первопроходцы, как мы теперь называем таких людей. Индианка была превосходной спутницей и заботливой подругой, более выносливой, чем белая женщина, более приспособленной к жизни в условиях дикой природы, а порой и более привлекательной внешне, чем ее белая соперница. Не знаем, как раньше, а сейчас американец чрезвычайно гордится, если в нем есть хоть капля индейской крови. Если есть негритянская кровь, об этом молчат. А индейской хвастаются при любом подходящем случае. Мы интересовались: почему? Нам объяснили: во-первых, индейцы — коренные жители Америки, бывшие хо-

зяева всей этой земли. Следовательно, и тот, в ком есть индейское начало,— человек не пришлый, а какими-то корнями уходящий в глубину здешней почвы. И, во-вторых, индейцы ни одного дня не были рабами, как ни пытались их поработить. А это, согласитесь, тоже кое-что значит!

Девушка, с которой мы разговаривали, окончила школу для белых детей. Ну, а что дальше? Чтобы продолжить образование в колледже, нет средств. Много ли заработаешь, мастеря бусы из желудей? А тут еще новая беда: конкуренция, да с той стороны, откуда ее никак не ждали. Теперь индейские томагавки, головные уборы с перьями, луки и стрелы, брошки и кольца плывут в Америку из... Японии. Там ручной труд еще дешевле. Туристы, знающие об искусстве американских индейцев лишь понаслышке, не замечают подделки. Лишь дома, спустя много времени, некоторые с удивлением обнаруживают на какой-нибудь «индейской трубке мира» чуть заметный фабричный штамп: «Сделано в Японии».

На границе Аризоны и Юты недалеко друг от друга стоят два больших дорожных щита. На зеленом, обращенном к тем, кто покидает Аризону, выведены слова прощания: «Возвращайтесь! Мы будем рады вам в штате Великого каньона!» На коричневом — слова приветствия к тем, кто въезжает в Юту: «Милости просим! Вам понравится штат Соленого озера!» Оба щита как решета от пулевых дырок. Видно, что стреляли как со стороны Аризоны, так и со стороны Юты. Кто стрелял? Да любой, у которого в кармане пистолет или на задней стенке «пикапа» винтовка. Почему стрелял? Да со скуки. Появилась цель, отчего не пальнуть!

Неподалеку кончается индейская резервация. Примета вот какая: по обеим сторонам дороги стоят железные чаны, полные пустых бутылок из-под виски. На территории резервации продавать спиртные напитки запрещено. Запрещено и привозить в резервацию алкоголь в любом виде. За найденную в машине бутылку — штраф, а то и каталажка. По субботам и воскресеньям чаны у дороги не вмещают всю опорожненную бутылочную тару. Алкоголизм — один из даров цивилизации, которые «бледнолицые братья» принесли индейцам. Другие дары, неизвестные индейцам до прихода белых,— туберкулез, сифилис, наркотики.

В Зайон-каньоне мы испытали те же самые чувства, что и наши предшественники. Помните, они писали: «Еще вчера нам казалось, что на свете не может быть ничего более величественного, чем Грэнд-каньон. Но прошел всего лишь один день, и мы увидели нечто, если и не такое громадное, то неизмеримо более сложное и фантастическое. На Грэнд-каньон мы смотрели сверху. Зайон-каньон мы проезжали по дну или по выступам стен, в которых была пробита дорога».

Дорога на дне Зайон-каньона кончается петлей, внутри которой — стоянка для машин. Туристский сезон уже кончился, и мы без труда нашли место для нашей машины. Рядом с нею стояли автомобили с номерными знаками штатов Нью-Йорк, Канзас, Калифорния, Техас, Мичиган и многих других. Вдали виднелась деревянная крыша мотеля.

Зайон-каньон — это один из тридцати восьми Национальных парков Соединенных Штатов, такой же по значению, как Великий каньон, Йеллоустон или Роща секвой. Национальные парки Америки — это, по существу, те же заповедники, но открытые для туристов. Закон строжайше запрещает здесь охотиться, валить лес, взрывать скалы, строить даже крошечные промышленные предприятия. То, что надо туристам — кэмпинги, харчевни, заправочные станции, дороги, стоянки для автомашин, смотровые площадки,— все уже построено.

Помните, как мы писали о том, что большая часть американской земли, лесов, полей, гор и долин огорожена колючей проволокой? Так вот, в Национальных парках этой проволоки нет. Иди куда хочешь, лезь на любую гору, ночуй в любой роще, только не губи природу, не ломай кусты, не руби лес, не сори, не зажигай костров там, где это запрещено. Есть специальные места для палаток, места для пикников, где стоят столы и мангалы, специальные места для костров, места для машин и т. д. За порядком следит специальная служба, в распоряжении которой все средства передвижения, от лошадей до вертолетов, и все средства связи. Служба эта обладает большой властью. Наказания нарушителям порядка довольно суровые. К чести американских туристов, надо сказать, что парки свои они любят и берегут.

Национальные парки — это огромные территории. Например, Йеллоустонский парк раскинулся на 120 километ-

ров в длину и на 100 в ширину. Есть где побродить! Есть где и переночевать: к услугам туристов девять тысяч комнат в мотелях и места на полянках почти для трех тысяч палаток. А вот на дороге тесно. В разгар туристского сезона на дорогах Йеллоустона насчитывают до 25 тысяч машин одновременно.

Национальный парк Зайон-каньон граничит с резервацией индейцев племени навахо. Когда-то они жили значительно восточнее, занимаясь земледелием и скотоводством в плодородных долинах Сакраментских гор. В середине прошлого столетия туда пришли войска генералов Карлтона и Карсона. Как писал американский историк Ди Браун, Карсон считал, что единственный способ победить индейцев — это выжечь их земли, уничтожить посевы, отобрать скот. Поэтому он приказал увести весь скот, который был обнаружен, и сжечь всю кукурузу и пшеницу, посеянные вдоль реки Бонито.

Хотя генерал Карсон безжалостно уничтожал посевы зерновых и гороха и плантации тыквы, по мнению генерала Карлтона, дело двигалось слишком медленно.

Поддавшись настойчивым понуканиям Карлтона, генерал Карсон поднажал на свою «программу выжженной земли» и к осени уничтожил почти все индейские плантации и почти весь скот между фортом Кэнби и каньоном Челли. 17 октября у форта Уингейт появилось два наваха с белым флагом. Один из них рассказал, что индейцам теперь приходится питаться кедровыми орехами. Они ходят почти голые, потому что нет ни одежды, ни одеял, и так терроризированы кавалеристами Карсона, что боятся разводить костры, чтобы не привлечь к себе внимания солдатских дозоров.

Оставшиеся в живых навахи были переведены в резервацию. «Резервация» происходит от глагола «резервировать». За индейцами, бывшими когда-то хозяевами Америки, зарезервированы выжженные каменистые пустыни, где далеко вокруг не увидишь дерева и ручья, не услышишь птичьего гомона. В те времена, когда «бледнолицые братья» впервые вступили на территорию Америки, там жили свыше двух миллионов индейцев. Теперь их осталось около шестисот тысяч.

Индейцев уничтожали мечом и огнем, сгоняли штыками с одной земли на другую, пока не загнали в такие районы, где даже сравнение с адом кажется недостаточно сильным.

«Часть ада, где все угли уже дотлели» — так сами американцы прозвали эти безжизненные пустыни, «зарезервированные» навечно за индейцами.

Жестокость, с которой решалась индейская проблема, вызывала отвращение у многих американцев. Известны многочисленные случаи, когда солдаты и офицеры отказывались сжигать индейские деревни и убивать их жителей. Многие охотники, дружившие с индейцами, предупреждали их о приближении карательных отрядов. В библиотеке конгресса США мы видели донесение комиссара по делам индейцев Джона Санборна, который писал своему начальству в Вашингтон: «Наши действия кажутся мне столь бесчеловечными, что я счел необходимым изложить вам мою точку зрения на них. Для такой могущественной страны, как наша, вести безжалостную войну с разоренными кочевниками — зрелище на редкость унизительное. Это вопиющее беззаконие и самое что ни на есть отвратительное государственное преступление. Рано или поздно оно навлечет гнев божий на нас или наших потомков».

Сохранился рассказ рядового 2-го конного полка 2-й конной бригады Джона Бариэта, записанный с его слов.

«Сегодня 11 января 1890 года,— начинается рассказ старого солдата.— Сегодня мне ровно 80 лет. Я родился в 1810 году в графстве Салливэн, штат Теннесси. Мое детство и юность прошли в лесных скитаниях. Я охотился на оленей, диких кабанов и волков. Иногда неделю за неделей я проводил в полном одиночестве, если не считать моей винтовки, охотничьего лома и топорика...

В лесах я встречал индейцев из племени чероки, охотился вместе с ними, спал у их костров. Я подружился с ними и научился их языку. Они научили меня читать следы на земле, изготовлять хитроумные капканы и устраивать западни.

Однажды я наткнулся на молодого индейца, который был ранен белыми охотниками. Он умирал от потери крови и жажды. Я не отходил от него целый месяц и вылечил его. Когда он смог двигаться, я проводил его в индейскую деревню. Это был долгий путь. Индейцы приняли меня как родного. Я провел в этой деревне так много дней и ночей, что дома меня уже считали погибшим.

Я был молодой, сильный, и я дружил с индейскими девушками. Я никогда не забуду этих дней. Девушки пели

мне свои прекрасные песни, мы танцевали и целовались. Среди них многие были красавицами. Они были чисты, как вода в горном ручье. Они не знали, что такое проституция, что такое ложь.

1838 год застал меня в форме солдата американской армии. Я знал обычаи и язык индейцев, и поэтому я был послан переводчиком в Дымные горы, где была земля племени чероки. Таким образом, я стал свидетелем и невольным участником страшного преступления. Я видел, как солдаты вытаскивали из вигвамов индейцев и, подгоняя их штыками, вели к фургонам, которые были уже готовы к ужасному путешествию.

Холодным и дождливым октябрьским утром 1838 года 645 фургонов отправились на Запад.

Мне никогда не забыть печали этого утра. Дети плакали и махали ручонками в сторону родных гор, которые они покидали навсегда. Женщины и дети не смогли захватить с собой даже одеяла, многие были разуты и раздеты.

День за днем, ночь за ночью, скрипя колесами, фургоны шли через осенние дожди и зимние метели. Все дальше и дальше на Запад. Это была дорога смерти. Индейцы умирали от голода и болезней. Я помню ночь, когда я насчитал двадцать два трупа. В их числе была жена вождя племени Джона Розза. Это была красивая, благородная и сердечная женщина. Она отдала свое единственное одеяло чужому ребенку, простудилась и умерла от воспаления легких.

Я совершил с индейцами весь этот далекий путь на Запад, и я сделал все, что было в силах рядового солдата, чтобы облегчить их страдания. Ночами я согревал их детей под своей шинелью и отдавал им мой солдатский хлеб. Однажды ночью я увидел, что повозочный бьет кнутом старого индейца. Стоны этого несчастного слепого старика, извивающегося под ударами кнута, переполнили мою душу. Я заступился за индейца, и повозочный ударил меня рукояткой кнута (видите этот небольшой шрам у меня на щеке?). На поясе у меня висел старый охотничий топорик, с которым я не расставался и в армии... Друзья-солдаты выгородили меня перед капитаном и спасли меня от трибунала.

Мучительное путешествие на Запад, длившееся почти полгода, окончилось 26 марта 1839 года. Четыре тысячи

холодных безымянных могил оставили мы за собой от Дымных гор до Оклахомы. Во имя чего?

Еще дед мой говорил, что в Дымных горах есть золото. Когда я был юношей и дружил с индейскими девушками, я видел золотые мониста, украшавшие их шеи. Но белые люди в городах еще не знали об этом золоте.

Не знали, пока маленький индейский мальчишка, живший у сторожевого ручья, не показал белым самородка. Вот этот проклятый самородок и решил судьбу целого народа...

В течение десяти последующих лет белые убивали индейцев, сжигали их дома, отбирали у них землю, попирали ногами все договоры, которые сами же когда-то заключали с индейцами. Но и этого было мало. Тех, кто остался в живых, отправили тропою слез в штат Оклахому.

Дети мои! Это преступление произошло не так давно, но правда о нем пока скрыта от вас. Многие из вас уже не знают о том, что мы живем на земле, которая была отнята у миролюбивого народа, чтобы удовлетворить страсть белого человека к золоту...

Длинная череда лет проплыла над моей головой, неотвратимая старость одолевает меня. Мне тяжело, дети, рассказывать вам о злодействе, невольным участником которого я был. Лишь сознание того, что ни штык мой, ни нож мой не запятнан кровью индейцев, облегчает мою душу. Я знаю, что в памяти индейцев я до сих пор живу как «солдат, который был добр к чероки».

Но убийство есть убийство независимо от того, совершено ли оно в темноте из-за угла или ясным днем по приказу командира. Убийство есть убийство, и кто-то должен ответить за него, кто-то должен объяснить, почему лилась кровь на земле индейцев. Кто-то должен объяснить, почему четыре тысячи могильных холмиков выросли вдоль дорог от Дымных гор до Оклахомы.

Я хотел бы забыть все это, но в памяти моей снова встает вереница из 645 фургонов, медленно движущихся по мерзлой земле...

...Дети! Я обещал вам в день моего восьмидесятилетия рассказать что-нибудь из моей жизни.

Я выполнил свое обещание, дети».

Индейцев продолжают и по сей день безжалостно выгонять из тех районов пустыни, где белые находят нефть или руду. Известно, что правительство США заключило с ин-

дейскими племенами триста семьдесят договоров о резервациях и что оно нарушило один за другим все эти триста семьдесят договоров.

Чем могли ответить обескровленные, вымирающие от голода и болезней индейцы на это коварство «бледнолицых братьев»? Только непринятием всей цивилизации белого человека да гордым презрением к нему.

Гордость является достоинством и несчастьем индейцев. Об этом говорили нам многие американцы. Индейцы не стали рабами. Они не были рабами ни одного дня. Но они и не получили членства в американском обществе, даже зыбкого и двусмысленного членства второго сорта. Их просто «оставили в покое», позволив им медленно умирать в той самой части ада, где даже угли уже дотлели.

В Скалистых горах есть индейское племя, которое живет на дне глубокого каньона, куда белые могут проникнуть только с помощью вертолета. В камышовых плавнях на юге Флориды обитает племя, которое до сих пор формально находится в состоянии войны с правительством Соединенных Штатов Америки: старый мирный договор был коварно нарушен белыми, а новый так и не был заключен.

Те же из индейцев, которые соприкасаются с белыми в повседневной жизни, являются объектом жесточайшей эксплуатации, беспардонного надувательства. Недалеко от Великого каньона мы разговаривали с белой женщиной, которая вот уже сорок семь лет живет на территории резервации. Она научилась говорить на языке племени навахо и гордится тем, что индейцы уважают и любят ее.

— Это очень добрые, честные и талантливые люди,— сказала нам миссис Элизабет Браун.— Они искренни и непосредственны, как дети. Беда в том, что многие белые обращают бесхитростность индейцев себе на корысть. Мне то и дело приходится защищать навахо от произвола белых авантюристов. Я уже превратилась в юриста-самоучку.

— А есть ли среди индейцев люди хотя бы со средним образованием?

— Очень и очень мало,— вздохнула старая женщина.— В нашем районе есть школа для индейских детей, но я не знаю, что будут делать эти ребятишки, даже если им удастся окончить школу. Скорее всего они, как их отцы и матери, будут обжигать глиняные чашки да ткать одеяла для

продажи, которые вы видели в лавочках индейских сувениров.

— А знаете ли вы какого-нибудь индейца-врача, индейца-инженера?

Миссис Браун пожала плечами:

— Среди моих знакомых таких нет...

Действительно, очень мало индейцев, которым путем огромных усилий удалось получить высшее образование. Днем с огнем пришлось бы искать индейцев, представляющих свой народ в государственных органах США. Лишь небольшая горстка индейцев пробилась в ряды мелких и средних предпринимателей — скотоводов и земледельцев, хотя под оболочкой первобытнообщинного уклада жизни в резервациях идет сейчас бурный процесс развития капиталистических отношений.

Перед тем, как отправиться в автомобильное путешествие, мы прочитали в газете «Вашингтон пост» статью журналиста Колмана Маккарти. Он рассказывает, что только четверо из каждых десяти детей индейцев племени навахо, поступивших в среднюю школу, оканчивают ее. Но и после этого они остаются индейцами, так и не ставшими членами американского общества. Ибо, по словам Колмана Маккарти, безработица среди индейцев племени навахо колеблется между шестьюдесятью и восемьюдесятью процентами, а средний заработок индейских семей почти в пять раз ниже черты нищеты, официально признанной американскими экономистами.

Однажды вечером мы медленно ехали по пустыне Аризоны за желтым школьным автобусом. Автобус часто останавливался и начинал мигать своими красными огнями. Тогда останавливались все машины, встречные и идущие следом по шоссе: таков один из дорожных законов Америки.

Из автобуса на дорогу выскакивали индейские школьники. Они махали на прощание своим товарищам и уходили в быстро темнеющую пустыню, таинственную и молчаливую. Покинув новенький школьный автобус, они возвращались к своим жилищам — кузовам старых автобусов, отслуживших свой век и снятых с колес.

Есть американцы, которых мучает стыд за тот произвол, который их страна чинит среди индейцев. Один из них — Роберт Рассел, бывший профессор Аризонского университета. Уже двадцать лет, женившись на индианке, он

живет среди навахо, пытаясь наладить там школьное образование. Ему помогает студент из Нью-Йорка Ли Вейнгрэд, тоже поселившийся на территории резервации. Они одержимы сейчас идеей создать здесь колледж и уже начали сбор пожертвований среди интеллигенции Таоса и Санта Фе.

Профессор и студент обращались за помощью в конгресс Соединенных Штатов, но там отнеслись к их предложению скептически.

— Мы не рассматриваем будущий колледж как дар индейцам,— добавляет Ли Вейнгрэд.— Нет, это совсем не дар. Это выплата лишь маленькой частицы огромного долга индейцам со стороны Америки.

На другой день мы приближались к городу Флэгстафф, к северу от которого простираются индейские резервации. Город известен и славен по целому ряду причин. Среди них: самый чистый воздух в Америке; местной обсерватории принадлежит честь открытия планеты Плутон; в нескольких милях от города застывшая лава вулкана образовала поверхность, похожую на лунную. Здесь, имитируя посадку на Луну, тренировались космонавты Нэйл Армстронг и Джеймс Олдрин.

Черная вулканическая лава застыла огромными складками и буграми. Издали кажется, что это пашня, поднятая гигантским плугом. Мы долго стояли здесь и, признаемся, воображали себя на Луне. Теперь ведь это не так уж трудно вообразить. Двадцатый век!

И вдруг перед глазами встала совсем другая картина. Лента шоссе и индейские ребятишки, выпрыгнувшие из школьного автобуса и растворившиеся в таинственной и молчаливой темноте пустыни по дорогам к их жилищам — кузовам старых автобусов, снятых с колес.

PRIVATE[1]

Дорога петляла в дюнах. Озеро было рядом, за песчаными буграми, на которых вкось и вкривь торчали невысокие сосны, изогнутые ветром. Василию Пескову, моему коллеге и соавтору, не терпелось увидеть озеро. В который раз он начинает мечтательно напевать: «Гу-рон, Мичиган, Он-та-рио, Эри!»

[1] Частная собственность *(англ.)*

Мне-то что, я здесь уже бывал, а он, чувствую, волнуется. Для него, открывающего своим читателям окно в природу, встреча со знаменитым озером — событие особое. Такое не каждый день случается!

— Ну, давай же к берегу,— в который уже раз просит он меня. Ему невдомек, почему я пропустил один съезд, другой, третий. По-английски он не читает и на дорожный знак «Private» внимания не обращает.

— Ну, что же ты не сворачиваешь? — удивляется Василий Михайлович.— Так ведь можно и все озеро проскочить.

Это правда. Бог с ним, с «Private»,— решаюсь я, и рулю на первую же проселочную дорогу, ведущую к озеру. Будь что будет! Может, и пронесет.

И вот оно перед нами, долгожданное озеро Эри, одно из Великих американских озер. Необъятная водная гладь до самого небосклона. Неподвижная лодочка с фигуркой рыбака в широкополой шляпе. Вдалеке дымит пароходик. На берегу помятый, брошенный автомобиль. Чуть подальше — цепочка белых легоньких трейлеров — домиков на колесах.

— Вот оно какое! — зачарованно шепчет Василий. Закатав брюки до колен, он забредает в воду. Прутиком подгребает к себе дохлую рыбешку, плавающую вверх брюхом.

Я, притомившись за рулем, с блаженством растягиваюсь на траве и закрываю глаза.

Тишина. Только легкий плеск воды у берега да крик одинокой чайки вдали.

Сладкую дремоту прерывает звук скрипнувшей двери одного из домиков на колесах. Кто-то идет к нам, но глаз открывать не хочется — пусть себе идет.

Кто-то, подойдя, покашливает и приветливо спрашивает:

— Чем могу служить, господа?

Я открываю глаза. Передо мной пожилая полная женщина. И, судя по всему, очень добрая. По-видимому, хозяйка ближайшего трейлера. Может быть, хочет предложить нам попить водички или купить рыбки?

— Нет, нет, не беспокойтесь,— отвечаю я.— Нам ничего не надо. Отдохнем здесь минут двадцать да и покатим дальше.

На лице у женщины недоумение:

— Вас кто-нибудь приглашал сюда, господа?

— Нет, нет, мы просто решили свернуть...

Женщина начинает сердиться. И я понимаю, почему она сердится.

— Что значит «просто решили свернуть»? Ведь это же частная земля! Этот берег принадлежит нам с мужем. Мы можем сдать вам в аренду кусочек пляжа на лето, если хотите. Я думала, что вы затем и приехали. А раз нет, то проваливайте отсюда.

— Вася! — зову я своего друга.— У нас неприятности.

— Что-нибудь с нашей машиной? — спрашивает Василий. Он ведь не знает английского языка.

— Мы нарушили закон и вторглись в частные владения,— объясняю я.

И вот мы стоим перед хозяйкой берега и хлопаем глазами, как провинившиеся школьники. Вернее, как студенты, завалившие экзамен по политической экономии. Ведь учили же, что в капиталистическом обществе большая часть лесов, полей и недр земных находится в частном владении. Учить-то учили, а вот оплошали.

— Что же, если частная собственность, так и посидеть у берега нельзя? — хорохорится Василий. Я перевожу его заявление хозяйке.

— Да вы что, с луны свалились? — возмущается женщина.— Да я сейчас на вас собак натравлю! Полицию позову! Эй, Гарри,— кричит она в сторону трейлера,— прихвати-ка винтовку да поспеши сюда!

Этого еще не хватало! На всякий случай я открываю дверку машины и объясняю Пескову ситуацию.

— Что же нам делать? — потерянно спрашивает он.

В двери трейлера появляется Гарри — высокий старик в белой рваной майке. Слава богу, без винтовки. Гарри спешит изо всех сил, но продвигается очень медленно — не те годы. Наши извинения встречают его на полпути.

— Честное слово, мы хотели только отдохнуть,— оправдываемся мы один по-русски, другой — по-английски.

Женщина вдруг начинает смеяться.

— Гарри,— заливается она,— эти господа вообразили, что они могут разваливаться на частном берегу пузами вверх. Ты слышишь, Гарри, это на частной-то земле!

Добежавший наконец до нас Гарри переводит дух.

Сперва он ничего не может понять, а потом тоже начинает смеяться:

— Это же умора! — стонет он.— На частной-то земле...

Отсмеявшись, пляжевладельцы начинают выяснять: кто же мы такие? Почему не знаем о законе частной собственности на землю? Может, правда, мы с луны свалились?

Узнав, что мы из Советского Союза, Гарри на какое-то время лишается дара речи. Советских людей он видит впервые и сейчас мучительно решает сложную дипломатическую и политическую задачу: как себя держать? Покряхтев и почесав переносицу, решительно объявляет то, что ему подсказывает его не искушенный в дипломатических протоколах разум:

— Милости просим! Отдохните у нас. Места здесь приятные. Тут вот она и есть, настоящая Америка, а не в Кливленде и не в Нью-Йорке. Там ведь дышать нечем, а у нас, поглядите, какой простор.

Они оказались милыми и добрыми старичками. Мы провели с ними больше часа. Прощаясь, спросили:

— Ну, а если бы кто-нибудь пришел на ваш берег, разлегся на траве и не подчинился требованию уйти — пальнули бы из винтовки?

— Убивать бы, конечно, не стал,— ответил Гарри,— а мелкой дробью в мягкое место попотчевал бы. И суд присяжных оправдал бы меня. Частная собственность есть частная собственность, и тут уж, ребята, шутки в сторону!

Так-то вот! Дальше Василий Михайлович ехал присмиревшим. Багряное солнце опускалось прямо в озеро Эри. Темнело. Встречные машины уже шли с включенными фарами. И, как на грех, ни одного мотеля. Я поддразнивал Пескова, подшучивал над ним. Дескать, заедем так вот в темноте на частную собственность, пальнут тебе в одно место мелкой дробью, оправдывайся тогда, что плохо учил политэкономию капитализма!

Что больше всего поражает советского человека, впервые приехавшего в Америку? На этот вопрос односложным ответом не отделаешься. Начнешь составлять список — неизвестно, где остановишься. Но на одном из первых мест в этом списке будет предупреждающий знак: «Private», который то и дело мелькает перед глазами в городах, на дорогах, в полях и лесах, на берегах рек и озер, даже в пустынях. «Private» — в данном случае означает «частный».

То есть частная собственность. И хозяин частной собственности, вывешивая этот знак, со всей серьезностью предупреждает: «Это мои владения». Для убедительности добавляет: «Границу не переступать!»

За время работы в Америке я много раз наблюдал, с каким изумлением взирали мои друзья-журналисты, приехавшие в США в командировку, на эти строгие предупреждения. Помню, как был изумлен Илья Шатуновский, обративший внимание на колючую проволоку, бежавшую почти рядом с нашей автомашиной вдоль автострады. Точнее, между автострадой и опушкой леса, который манил к себе тенью, свежестью, горьковатым запахом нагретой солнцем хвои, обещая усталым путникам отдых и покой.

— Охрана природы? — спросил Шатуновский, кивая на проволоку.

— Охрана частной собственности,— ответил я.

— Но ведь мы едем уже третьи сутки, а проволока все не кончается,— удивился Илья.— А что если остановить машину у обочины, перелезть через проволоку и растянуться на травке?

— Не оберешься неприятностей,— начинаю объяснять я, но вижу, что он мне не верит.

— Ну, завод или фабрика, это я понимаю,— размышляет он вслух,— но ведь здесь поле, лес. Природа, одним словом.

Какой мальчишка в нашей стране не знает Тома Сойера? Все знают. Помните, как он и Бекки заблудились в пещере. Такая пещера есть в Ганнибале — родном городе Марка Твена. Мы там были с Ильей Мироновичем. И выяснили, что принадлежит эта пещера частному лицу. И у него не одна пещера, а много в разных концах страны. У него такой бизнес — пещеровладение. Он пускает в свои пещеры туристов. За деньги, разумеется, за деньги!

Пещеровладение, оказывается, весьма развитый бизнес в Америке. С Песковым мы искали знаменитую Мамонтовую пещеру — государственную собственность, а по ошибке приехали к частной. Когда разобрались и стали разворачивать машину, пещеровладелец-частник едва не лег нам поперек дороги: ведь вместе с нами уезжали доллары, которые могли бы перекочевать в его карман за посещение дыры, за сувениры и, возможно, за две бутылки кока-колы. Он просительно заглядывал нам в глаза и нежно журчал, как змей-искуситель:

— Ну куда вам еще ехать! В Мамонтовой пещере столько туристов, что плюнуть некуда. В очереди там настоитесь. А здесь, посмотрите, какая уютненькая пещерка. За качество ручаюсь. И обойдется дешевле...

Вообще-то американцы — люди в подавляющем большинстве гостеприимные. Я в этом неоднократно убеждался во время поездок по стране. На том же озере Эри, в поселке Марблхэд, владельцы мотеля Дэн и Коллин Тэйлоры отказывались взять с нас деньги за ночлег, потому что считали за честь иметь гостей из СССР. На ферме Уоррена Миллера в штате Висконсин мы провели полдня и чувствовали себя, как у самых добрых друзей. Ковбои Альберт Сай и Боб Морсэр, пасшие стада коров у подножия Скалистых гор в штате Вайоминг, бросили все свои дела и охотно посвятили нас в тайны ковбойской жизни.

К Тэйлорам, Миллерам, ковбоям и другим мы попали случайно, не списываясь и не созваниваясь заранее. Просто свернули, как к тем старикам на озере Эри. Кстати сказать, вся земля стариков — двести шагов в длину и столько же в ширину. У других — чуть побольше. У ковбоев своей земли совсем нет. А вот у одного из нью-йоркских братьев-миллионеров Рокфеллеров такое ранчо в штате Вайоминг, что его и за двое суток пешком не обойдешь.

Однажды в том же Вайоминге нам попалось по пути ранчо некоего Брауна—Шесть Пальцев. Вообразите себе необъятный альпийский луг, окруженный колючей проволокой. На склонах дальних гор — коровьи стада. Так далеко, что коровы кажутся букашками. Ворота на столбах. На воротах — коровий череп с рогами и крупными буквами предупреждение: «Частная собственность. Перешедший границу будет застрелен». Мы долго кричали перед воротами, сигналили — так никто и не появился. А перейти границу мы не решились: кто их знает здесь, в Вайоминге! В Вайоминге такое бывало, что ой-ой-ой!

Лет шестьдесят назад в этом штате еще были так называемые «ничейные» земли. Скотоводы гоняли на эти земли свои стада, а овцеводы — свои. Конечно, ссорились из-за выпасов, дрались, но до убийств как-то не доходило. Кончилось, впрочем, все это страшно. Выбрав ночь потемнее, скотоводы перебили всех овцеводов. Человек тридцать было убито. А стада овец — сотни, а может быть, даже тысячи голов,— загнали в пропасти и забросали динамитны-

ми шашками. Громкое было дело. Сейчас в Вайоминге стараются не вспоминать об этом.

Теперь ничейных земель нет. Куда ни глянешь — колючая проволока, хранительница частной собственности и гарантия от недоразумений.

Кстати, колючую проволоку, известную ныне во всем мире, изобрел в 1874 году американский ковбой Джеймс Глидден. Проволока сразу же завоевала себе место под солнцем. За первые десять лет американское бюро патентов зарегистрировало 250 ее разновидностей. Сейчас она тянется вдоль автомобильных дорог, извивается вдоль полей и лесов, петляет вокруг ферм и ранчо. Там, где колючая проволока,— частная земля, а следовательно, какой-нибудь милейший старичок Гарри или таинственный Браун—Шесть Пальцев имеет полное, законное право разрядить в тебя дробовик или кольт 38-го калибра.

Насчет кольта — это не ради красного словца. Мы петляли по горным дорогам штата Теннесси, а где-то рядом шла съемка кинофильма «Лолли Мадонна». Снимали «на натуре» там, где произошли подлинные события, о которых рассказывает фильм. Сейчас он уже выпущен на американские экраны. Фильм страшный, но, по-видимому, не страшнее жизни.

Нужно вам сказать, что штат Теннесси — один из самых живописных уголков Америки. И авторы фильма подчеркнуто, но ненавязчиво напоминают зрителю об этом, противопоставляя мир и покой природы тому, что творится в душах людей.

Представьте себе высоченное небо, густую зелень лесов на холмах, сочные луга, покрытые цветами. Такое умиротворение, такая тишина вокруг, что кажется, будто это и не Америка. И чтобы не было у зрителя сомнения в том, что это все-таки Америка, кинокамера как бы нечаянно нет-нет да и скользнет то по телевизионной антенне на крыше фермерского дома, то по машине «шевроле» недавнего выпуска, то по портрету американского солдата в зеленом берете, сфотографировавшегося во Вьетнаме.

Две семьи, две фермы и живописный лужок между ними. Вот к этому лужку то и дело возвращает нас кинокамера. И уже в начале фильма зритель понимает: ах, какую ошибку сделали прадеды нынешних фермеров, дружившие между собой и по этой причине не протянувшие колючей проволоки посредине лужка! Деды, те уже ссори-

лись и сшибались здесь в кулачных боях, сплевывая кровь на белые ромашки. Нынешним же отцам и сыновьям (у одного фермера трое взрослых сыновей и дочь, у другого — пятеро сыновей) предстоит исправить ошибку прадедов и завершить давнишний спор о лужке, покрытом весенними цветами.

Рамки кинорассказа ограничены тремя сутками жизни двух фермерских семей. Те, которые живут под холмом, пытаются водрузить на лугу знак: «Частная собственность. Границу не пересекать!»,— но едва спасаются бегством под ружейным огнем тех, которые живут на холме. Так сделан шаг от вражды к войне. Первая ее жертва — поросенок, который, как, впрочем, и люди, не знает, где проходит граница, разделяющая лужок на «свой» и «чужой». Вторая жертва — уже трагедия. Погибает мать, пытающаяся предотвратить кровопролитие.

Семья убитой передает соседям-врагам ультиматум: «Или луг наш, или мы заявляем шерифу об убийстве». Ультиматум отклоняется. Старший сын убитой, недавно вернувшийся из Вьетнама, руководит штурмом вражеской фермы. Бой длится несколько минут. И шесть парней, скошенные пулями, один за другим, падают в высокую луговую траву... Кровь на ромашке. Кровь на дощечке со словами «Частная собственность. Границу не пересекать!».

Вот так-то! Частная собственность есть частная собственность, и тут уж, ребята, шутки в сторону, как говорил милейший старичок Гарри, владеющий пляжем на озере Эри.

ИЗ НЕВАДЫ В КАЛИФОРНИЮ

В августе Невада пахнет полынью. Таково первое впечатление, которое, как известно, всегда самое сильное.

Мы пересекали Неваду от штата Айдахо, торопясь в Калифорнию. Куда хватало глаз, лежала сизая пустыня, поросшая полынью. Иногда казалось, что это дым стелется над холмистой землей. В сизом дыму виднелись белые пятна — пересохшие соленые озера. И ни души вокруг, ни человеческого жилья на десятки километров. Невада — седьмой по территории американский штат и один из по-

следних по населению. Здесь на площади 286,7 тысячи квадратных километров живут 488 тысяч человек.

Другое впечатление не менее сильное: на шоссе № 40 нет указателей, ограничивающих скорость. Гони хоть сто миль в час! Мы так и делали. До самого Рино, расположенного на границе с Калифорнией, нас не обогнал ни один автомобиль. Навстречу попалось пять или шесть.

Город Рино возникает в пустыне неожиданно, как мираж. Все еще не доверяя своим глазам, мы робко вырулили на главную улицу. Арка над улицей гласила: «Самый большой маленький город в мире». Сомнения отпали: это был не мираж. Об этой арке упоминали еще И. Ильф и Е. Петров в «Одноэтажной Америке».

Рино — это смесь купеческой изысканности с ковбойским шиком «Дикого Запада». Тротуары главной улицы здесь устланы разноцветными синтетическими коврами, а ванны и унитазы в отелях отделаны под золото. По окрестным холмам ковбои гоняются за дикими мустангами, а чуть подальше, в горах, одинокие обросшие старатели просеивают у ручьев песок в надежде найти золотишко.

Коренное население Рино — около 75 тысяч человек. Почти все трудоспособные заняты одним: обслуживанием приезжих, которых здесь бывает свыше 12 миллионов в год.

Над Рино плывет звон серебра. Вернее, звон серебряных монет. Город в пустыне живет азартными играми, которые запрещены в других штатах. В Рино установлены тысячи «слот-машин» — опустив в щелочку монету, дерни ручку аппарата, получи выигрыш или пожалей о проигрыше, что, конечно, чаще. Кто-то в свое время метко назвал эти аппараты «однорукими бандитами». «Слот-машины» — «однорукие бандиты» стоят в огромных залах бесконечных казино, в любой бакалейной лавке, в кафе, в холлах отелей, на вокзале, в аптеках, у бензоколонок и даже в общественных уборных. Кто не соблазнится испытать свое счастье! Играют женщины, старики, богачи и бедняки. Кто в рулетку на тысячу долларов, а кто на пять центов, дергая за ручку «слот-машину». Нигде в Америке не встретишь столько горящих азартом глаз и столько грустных, потухших. Нигде в Америке не встретишь столько острого возбуждения и столько горького отчаяния.

Бывают ли счастливчики? Бывают. В Рино каждому приехавшему рассказывают, как в 1973 году бухгалтер из

Сан-Франциско Фрэнк Валья выиграл 65 093 доллара. Вдохновленная этим примером, Юля Стрельникова решительно разменяла бумажный доллар на пятицентовые монеты и приступила к игре. Она бросила в чрево «однорукого бандита» один за одним ровно двадцать пятаков, уже вяло дернула ручку в двадцатый раз и... неожиданно автомат задрожал, внутри его победно и радостно зазвенели колокола, на вершине включился разноцветный вращающийся маячок, который бросал в зал блики, привлекая внимание всех играющих. Звенящий и светящийся автомат как бы кричал на весь зал: «Смотрите, леди и джентльмены! Вот так и вы можете разбогатеть!»

На звон подскочила служащая казино и сообщила, что Юля выиграла десять долларов. Однако выдала на руки только восемь, пояснив, что два доллара вычитаются в качестве налога на выигрыш.

Но большинство здесь проигрывают. На том и держится бизнес азартных игр. В Рино очень много ломбардов. Не случайно, конечно. Человек, пытающийся заложить в ломбарде ручные часы или очки,— обычное явление в Рино. Но власти штата Невада не лишены чувства сострадания к неудачникам. В тех случаях, когда с проигравшим находятся члены его семьи, им выдают бесплатные билеты на автобус до границы штата.

Проигравших в штате Невада любят столь же пылко, сколь и выигравших, полагая, что проигравший рано или поздно захочет отыграться. Турист, приехавший в Рино, обалдевает от щедрости хозяев отеля, которые оставляют на его тумбочке два десятка пятицентовых монет, завернутых «колбаской» в рекламку казино. Турист может и не догадываться, что это «затравка» для начала игры, для разжигания азарта. В самом деле, почему бы не сыграть на дармовщинку? Тем более, что тут же на тумбочке лежат талоны на бесплатную выпивку.

Один умудренный опытом администратор отеля рассказывал: «Попадая сюда, турист вначале испытывает смущение и чувствует себя не в своей тарелке. Но очень скоро он оказывается в самой гуще происходящего и уже ведет себя как крупная шишка. Кругом выпивка и много секса, и все это просто и доступно. Он даже может выиграть десятку-другую. Тогда человек начинает чувствовать, что он получает что-то, не давая ничего. Город колобродит 24 часа в сутки».

Туристы дают до 85 процентов налоговых сборов штата Невада. Доходы штата от азартных игр перевалили за миллиард долларов в год. Экономика штата целиком зависит от шуршания игральных карт и клацания «одноруких бандитов».

Второе место в штате по доходности занимает «секс». Единственное ограничение состоит в том, что проституция рассматривается как нарушение закона, если она практикуется ближе чем в 150 метрах от школы, церкви или дороги общего пользования. Несколько лет назад в Рино обнаружили публичный дом, стоящий неподалеку от школы. В связи с этим в местном законодательном собрании совершенно серьезно обсуждался вопрос о переводе школы в другое место.

Рино славится и своей «бракоразводной» промышленностью, хотя сами жители Рино разводятся не чаще, чем в других местах. Но нигде в США нельзя развестись с такой легкостью и быстротой, как в Рино. Единственное, что нужно — прожить здесь несколько недель. И вот со всех концов страны мчатся через пустыню несчастливые пары, чтобы оставить в здании здешнего суда брачные узы, а в казино деньги, которые, увы, далеко не у всех бывают лишними.

Из Невады в Калифорнию просто так не попадешь. На границе — что-то вроде пропускного пункта и таможни вместе. Просят открыть багажники автомашин. Отбирают фрукты, овощи, цветы, семена — калифорнийцы опасаются микробов, вызывающих болезни растений.

Еще чего побаиваются калифорнийцы, так это землетрясений. Огромный район от Лос-Анджелеса до Сан-Франциско считается сейсмически опасным. Трясет то и дело. Лос-Анджелес основательно тряхнуло недавно. Теперь, говорят ученые, очередь за Сан-Франциско. В 1906 году толчки силой в 8,3 балла по шкале Рихтера принесли значительные разрушения и погубили свыше 700 человек. Известный сейсмолог Т. Олдшермиссен предсказывает, что если в наши дни такое же по силе землетрясение произойдет ночью или в часы пик днем, в Сан-Франциско погибнет свыше 10 тысяч человек. Когда обрушится катастрофа — сегодня, завтра или через десятки лет — этого не могут предсказать ни сейсмологи, ни геологи, обнаружившие ог-

ромный разлом в земной коре, тянущийся чуть ли не вдоль всей Калифорнии.

И тем не менее каждый десятый американец живет в Калифорнии. Каждый шестой хотел бы там жить. Это самый густонаселенный штат. Самый колоритный и самый разнохарактерный. Здесь развитая современная промышленность. Недры штата содержат свыше 60 видов полезных ископаемых промышленного значения. Может быть, только в долине Нила почвы плодороднее, чем в калифорнийских долинах.

Я еще не встречал человека, который бы не влюбился в Сан-Франциско с первого взгляда. «Я оставил сердце в Сан-Франциско»,— поют американцы в Нью-Йорке и в Сент-Луисе, Оклахома-Сити и Бостоне. Сан-Франциско действительно полон очарования. Где еще в Америке улицы сбегают с холмов под углом в сорок градусов? Где еще можно въехать на мост в солнечную погоду, а съехать с него в сплошном тумане? Где еще на улицах можно услышать Моцарта и Брамса в исполнении подрабатывающих на жизнь студенческих трио — скрипка, флейта, контрабас?

Лицо Сан-Франциско обращено к океану, за которым лежит Азия. В порту Сан-Франциско ощущаешь запахи пряностей Востока, слышишь японскую, индийскую, русскую речь.

На калифорнийском шоссе № 180 нам пришлось убавить скорость. Шоссе было забито машинами. То и дело из садов на дорогу выезжали грузовики с фруктами. В кузовы были навалены персики, яблоки, апельсины. Огромные корзины с плодами стояли у обочины дороги. Сладковатый запах нагретых солнцем фруктов висел над долиной Сан-Хоакин.

Этот запах преследовал нас даже в мотеле неподалеку от города Фресно, где мы остановились на ночь. Оглушительно звенели цикады. Звезды над долиной были огромными, как в тропиках. Где-то далеко пела женщина.

— Мексиканка,—сказал хозяин мотеля, баюкая на руках двухлетнего сына.— У мексиканцев прекрасные песни. За душу берут...

— О чем она поет? — спросил я.

— О любви,— улыбнулся хозяин,— о счастье. О чем же еще?

Мы помолчали, прислушиваясь к далекому голосу. Прошуршав по листьям, упало в траву созревшее яблоко.

— У вас здесь как в раю,— сказал я.

Хозяин пожал плечами и ничего не ответил. Ребенок на его руках всхлипнул во сне.

— Не советую съезжать с дороги к виноградникам,— неожиданно сказал хозяин.— Там стреляют. В раю нынче неспокойно.

Утром справа и слева от нашей машины потянулись виноградники. Казалось, им не будет конца. Накануне в дорожном путеводителе мы прочитали: «Долина Сан-Хоакин, одна из плодороднейших в мире, дает Америке третью часть всего столового винограда».

На заправочной станции слышали, как турист из Нью-Йорка, пожилой уже папаша в голубых шортах, объяснял сыну, отроку в зеленых шортах:

— Виноградари — одни из самых богатых людей в Калифорнии.

Отрок мечтательно смотрел на виноградники, волнами сбегавшие по склону горы к заправочной станции. У обочины дороги какие-то люди, разговаривая между собой по-испански, меняли колесо грузовика. Люди были плохо одеты. У них были обветренные и обожженные солнцем лица под широкополыми мексиканскими шляпами. Юноша смотрел мимо них. Они не вписывались в пейзаж. Они не укладывались в только что полученную информацию о богатстве виноградарей. Они казались здесь лишними.

Дитя огромного города, впервые увидевший, как растет виноград, он просто не знал, что под каждой лозой пот этих людей в широкополых шляпах, пот и слезы их женщин и детей. Он просто не знал, что, может быть, как раз в эту минуту на сладкие гроздья брызнула кровь его ровесника Джо Манкона, 15-летнего сборщика винограда, американца мексиканского происхождения, или, как они называют себя сами, чиканос.

Накануне хозяин мотеля рассказывал:

— В нашем местечке половина населения — чиканос. И они и их предки здесь родились. Когда-то Калифорния была для них матерью, а сейчас — мачеха.

Когда-то обширные территории нынешних Соединенных Штатов принадлежали Мексике. В 1846 году США начали против Мексики войну, которую будущий президент, а тогда конгрессмен Авраам Линкольн назвал «безнравственной и жестокой». Другой великий американец, будущий генерал и президент, а тогда лейтенант, У. Грант, назвал ее «одной из самых позорных и несправедливых войн, которую когда-либо вела могучая нация против слабой». По договору 1848 года США отторгли у Мексики 2,3 миллиона квадратных километров земли. Не прошло и четырех лет, как США вынудили Мексику «продать» им всю территорию от реки Рио-Гранде до реки Колорадо. Побежденная Мексика лишилась почти половины своей земли и населения.

В Соединенных Штатах живет сейчас более 8 миллионов потомков мексиканцев. В Калифорнии они составляют 16 процентов всего населения, в Техасе — 23 процента, в штате Нью-Мексико — 27 процентов.

Готовясь к поездке в Калифорнию, мы познакомились с тем, что писали в последние годы о чиканос американские газеты и журналы. Приведу выдержку из журнала деловых кругов «Бизнес уик»: «Средний американец мексиканского происхождения, как правило, беден и бесправен. Его годовой доход составляет меньше 70 процентов среднего дохода в Соединенных Штатах. Уровень безработицы среди мексиканцев вдвое выше, чем в среднем по стране. Мексиканцам принадлежит всего один процент предприятий в стране, причем все они мелкие... В большинстве своем американские мексиканцы — это неквалифицированные подсобные рабочие в городах или сезонные рабочие на полях юго-запада страны».

Вот что еще почерпнул я из литературы об американцах мексиканского происхождения:

Четверо из каждых десяти чиканос полностью неграмотны.

В Лос-Анджелесе лишь один из каждых четырех чиканос умеет говорить по-английски.

«Американцам мексиканского происхождения подчас платят меньше, чем белым, за ту же самую работу,— пишет еженедельник «Тайм».— Даже те немногие, кто получил образование, не могут избежать дискриминации. Положение сельскохозяйственных рабочих еще хуже. Сезонный характер работы обуславливает заработок ниже официаль-

ного уровня, за которым начинается нищета. Средняя продолжительность жизни батрака-мексиканца — 48 лет».

В похожей на рай калифорнийской долине Сан-Хоакин тысячи чиканос работают в садах и на виноградниках, принадлежащих 29 хозяевам. Действительно, эти 29 владельцев калифорнийских виноградников — очень богатые люди. Нью-йоркский турист в голубых шортах говорил правду.

Но и хозяин мотеля, жалевший чиканос, говорил правду: в раю нынче неспокойно.. На шоссе № 180 часто встречаются полицейские машины. Они сопровождают грузовики, в кузовах которых, держась друг за друга, стоят чиканос — мужчины, женщины, дети. На бортах грузовиков — красные полотнища с черным ацтекским орлом, эмблемой Объединенного профсоюза сельскохозяйственных рабочих Калифорнии.

— Уэльга! Забастовка! — скандируют люди в кузовах грузовиков.

У виноградников стоят пикеты чиканос. По ночам здесь возникают настоящие бои со штрейкбрехерами, которые стремятся проникнуть на виноградники и сорвать забастовку. Хозяева наняли и вооружили целую армию налетчиков, избивающих забастовщиков. Из многих районов Калифорнии сюда подтянуты полицейские силы. Однако полиция почему-то арестовывает не хулиганов, а забастовщиков. С начала забастовки полиция арестовала уже около четырех тысяч чиканос.

Джо Манкону разбили голову отрезком водопроводной трубы. Врачи удивляются: как только он выжил? Вместе с ним в больницу привезли еще четырех парней: у кого рука сломана, у кого ключица. Всего в местных больницах, как мне рассказали, побывало уже более ста забастовщиков.

Двоих похоронили. Первым был убит 24-летний батрак Наджи Даифалла, приехавший в Калифорнию на заработки из... Йемена. Рассказывают, что его убил заместитель шерифа. Будто бы Наджи, выходя из кафе, пнул пустую жестяную банку из-под пива, попавшуюся ему под ноги. Банка полетела в сторону проезжавшей мимо полицейской машины. И хотя злополучная банка не долетела до машины, полицейские, как рассказывают, решили «немножко поучить иностранца». «Учение» продолжалось несколько ми-

нут и закончилось тем, что Наджи разбили затылок рукояткой пистолета.

— Он приехал в Америку в надежде найти счастье, а очутился в ловушке...— говорил на похоронах Наджи популярный вождь мексиканских батраков Сесар Чавес.

Смерть Наджи Даифаллы приоткрыла завесу над тайной, которой было окутано присутствие арабских батраков в долине Сан-Хоакин. Оказывается, около полутора тысяч батраков, вывезенных из Йемена, были помещены в лагерь, напоминающий невольничий рынок. Работали они от зари до зари, а получали меньше, чем чиканос. Неудивительно, что арабы присоединились к забастовке своих братьев по классу.

Вторым был убит 60-летний чиканос Хуан де ла Крус. Он был в пикете, когда прозвучали выстрелы. Убийц не нашли...

«Большая пресса» Америки не сообщала о событиях в Калифорнии. Но многие американцы знали о том, что там происходит. Далеко от долины Сан-Хоакин, где-то в штате Канзас, мы видели пикеты у продовольственных супермаркетов. Юноши и девушки — местные студенты — раздавали покупателям листовки, в которых содержался призыв: «Не покупайте калифорнийского винограда!»

Одна из покупательниц удивилась:

— Не покупать винограда? Почему?

— Он горький, мэм,— ответил юноша.

НЕОБЫЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Поезд назывался «Верховный вождь». Каждый вагон имел свое имя. Наш был «Серебряный кубок».

Негры в синих комбинезонах грузили в вагон-ресторан ящики с кока-колой.

Проводник-негр, подхватив мой чемодан, весело сверкнул белоснежными зубами:

— Подумать только! Тринадцатый пассажир в моем вагоне. Вы не суеверны?

Огромный вокзал был пуст и мрачен. Грузчики ушли, и на платформе не осталось ни одного человека. Пусто было и на соседних платформах. Пусто было и в вагонах «Калифорнийского зефира», стоявшего неподалеку. Возле круглых вокзальных часов ворковали голуби, и это все, что слышалось под сводами вокзала Канзас-Сити. Не верилось, что это третий по величине железнодорожный узел США, где сходятся двенадцать железных дорог.

Вспомнились наши вокзалы с их толчеей, и от этого все вокруг показалось еще пустыннее. Мелькнула мысль: не сделал ли я ошибки, заказав билет на поезд? Вспомнил, как в бюро путешествий, когда услышали, что я хочу ехать по железной дороге, странно переглянулись. Вручая билет, клерк сказал:

— В необычное путешествие отправляетесь, сэр!

А что же здесь необычного — в поезде ехать?

Несколько лет назад Америка отмечала «столетие золотого костыля». Имелся в виду последний костыль, который пришил к шпале последний рельс, соединивший железные дороги Востока страны с дорогами Запада. Это произошло 10 мая 1869 года у поселка Промонтори в штате Юта. Обстановка была торжественной, но не обошлось и без конфуза. Когда рабочие несли к полотну последний рельс, некий фотограф профессионально гаркнул: «Замрите, стреляю!» Поняв это буквально, перепуганные рабочие бросили рельс и разбежались. Затем, когда рельс наконец был водружен на место, президент компании, которому досталась честь лично вогнать последний костыль в шпалу, трижды промахнулся. Тем не менее в 2 часа 47 минут все телеграфные пункты страны получили депешу, состоящую из трех слов: «Удар! Удар! Сделано!» Через минуту телеграфные аппараты застучали снова: «Последний рельс уложен. Последний костыль вбит. Трансконтинентальная железнодорожная система США построена». На берегах Тихого океана грохнул орудийный салют. На Атлантическом побережье зазвонили колокола.

Это было тогда огромное событие для Америки. Там, где пролегли рельсы, рождались новые города, росла промышленность, расцветала торговля. Это был период бурного капиталистического развития Америки. И в память о тех временах последний костыль потом поместили в музей университета Пало-Альто в Калифорнии. Ныне он покоится на бархатной подушке в банковском сейфе с око-

шечком из непробиваемого стекла. Это действительно золотой костыль — 323 грамма чистого золота.

Железная дорога была гордостью Америки. Америка справедливо гордилась своими инженерами-путейцами. Когда прокладывали первые линии, встречались трудности по тем временам небывалые. Вот хотя бы на западном побережье первые 200 километров рельсов круто устремились на высоту более двух тысяч метров к перевалу через хребет Сьерра-Невада. Только на этом участке пришлось прорубить 14 туннелей. Сколько там полегло строительных рабочих, никто не считал. Рабочая сила была дешевая. Массы эмигрантов из стран Западной Европы, из России, Белоруссии, Польши — люди без языка и без прав. Кости их покоятся под железнодорожным полотном.

Владельцы железных дорог вовсю соперничали друг с другом в заманивании пассажиров. Пульмановские вагоны для богачей поражали своей роскошью. Голытьбу же набивали в общие вагоны, как сельдей в бочку. Каждый поезд имел свое имя: «Пьяный Дик», «Кузина Нелли», «Грязная рубашка», «Ореховая ступка», «Тысяча несчастий», «Капустная сечка» и т. п.

К 1916 году эксплуатационная сеть американских железных дорог достигла протяженности 408 700 километров и такой примерно оставалась до начала тридцатых годов. Потом началось то, чего никто не мог предсказать в 1869 году. Железнодорожная сеть США стала сокращаться. И год от года круче. Когда праздновали «Столетие золотого костыля», она составила уже около 350 тысяч километров.

Первый железнодорожный вокзал в США был построен в 1831 году в Балтиморе. Последний — в 1933 году в Цинциннати. Новый вокзал в этом городе был рассчитан на прием и отправление 200 поездов в сутки и на тысячи пассажиров. Однажды журналистские пути-дороги привели меня на вокзал в Цинциннати. Грандиозное здание из металла, бетона, стекла и мрамора, на строительство которого было израсходовано 24 миллиона долларов, было пусто. В тот год вокзал принимал и отправлял всего лишь 2 поезда в сутки, которые привозили и увозили 30—50 пассажиров.

Вокзал в Цинциннати не исключение. Если в 1929 году по стальным магистралям Америки мчалось около 20 тысяч пассажирских поездов, то в 1969 году их осталось не более 600 на всю страну. Железнодорожные компании разо-

рялись. Вокзалы приспосабливались под платные автомобильные гаражи. Стальные пути зарастали травой.

Выросло целое поколение американцев, подавляющее большинство которых никогда в жизни не ездило на поезде. Основным средством передвижения стал автомобиль. Автомобиль забрал 88,4 процента всех пассажиров на дальние расстояния. 9,6 процента пассажиров предпочитали авиационный транспорт. На долю железных дорог и водного транспорта остались жалких два процента. Что касается грузовых перевозок, то автомобиль и здесь заполучил 55 процентов всех грузов.

Казалось, что железные дороги доживают последние дни. Правда, находились энтузиасты-бизнесмены, пытавшиеся продлить им жизнь путем компромисса с автомобилем. Из Вашингтона во Флориду стал ходить поезд, который вез не только пассажиров, но и их автомбили. Коему это понравилось, но заметного улучшения железнодорожному транспорту не принесло.

Помощь пришла оттуда, откуда ее мало кто ждал.

Железные дороги воспрянули духом, когда у бензоколонок стали выстраиваться километровые очереди автомашин. В разгар энергетического кризиса американцы вдруг вспомнили, что можно ездить и в поездах. В марте 1974 года количество автомашин на шоссе уменьшилось на 20 процентов, зато число железнодорожных пассажиров увеличилось на 28 процентов.

И тем не менее дела железных дорог из рук вон плохи. Я сошлюсь здесь на статью из американского журнала «Пэрейд», которая была опубликована в 1978 году.

За последние пять лет, писал журнал, в Соединенных Штатах произошло более 43 тысяч железнодорожных катастроф. 2900 пассажиров получили ранения, 65 погибли. Если в 1975 году зарегистрировано 10 500 случаев, когда поезда сходили с рельсов или сталкивались, то в 1976 году их было уже 12 500.

В чем причина столь многочисленных катастроф?

Во многих районах рельсовые пути не ремонтировались по нескольку лет. Рельсы погнулись и потрескались, шпалы сгнили. Некоторые рельсовые пути считаются настолько опасными, что поезда вынуждены ползти со скоростью 25, а иногда и 10 миль в час. В Пенсильвании сенатор Джон Хейнц пешком обогнал товарный состав.

Пытаясь конкурировать с автомобильными перевозками, железнодорожные компании создали гигантские вагоны чудовищного веса и сцепляют их в составы, длина которых иногда превышает 3,2 километра. Чтобы тащить такой состав, к нему прицепляют до пяти мощных локомотивов. При такой нагрузке деформируются рельсы и происходит разрыв составов.

Поезда ходят без буферных фонарей, сигнальщики не предупреждают другие составы о вынужденной остановке. В ходе расследования одной из катастроф было выяснено, что сигнальщик закусывал в вагоне-ресторане в то время, когда он должен был подавать надлежащие сигналы. На многих железных дорогах отсутствуют специальные устройства по обеспечению безопасности, которые автоматически включают тормоза, если машинист не остановился перед стоп-сигналом.

Вот что поведал журнал «Пэрейд». Я вспомнил об этом, когда перед отправлением поезда кондуктор зычно прокричал на всю платформу: «Посадка!» Слышно было, как проводник с грохотом поднял ступеньки, лязгнул дверью. Через полминуты вагон качнуло. Поехали.

«Серебряный кубок» — спальный вагон. Десять одноместных крошечных купе, столько же двухместных и четырехместных, «семейных» купе. В вагоне, рассчитанном на 40 человек, нас тринадцать.

Кто же едет в нашем вагоне? Кто же мои соседи? Попробуй узнай! Во все купе двери закрыты. Между пассажирами никакого общения. Каждый сам по себе. Никто не ищет партнеров в домино, никто не беседует у окна в коридоре. Между прочим, в коридоре и окон-то нет, потому что купе расположены друг против друга, по обе стороны коридора.

За окном с полчаса помелькали пакгаузы, фабричные корпуса, городские окраины, и вот уже до самого горизонта разлилась степь. Едем по Великой американской равнине. Как островки в океане — фермы, солнце сверкает на куполах силосных башен.

Через пять часов первая большая остановка — город Сан-Луис на Миссисипи. Вокзал еще грандиознее, чем в Канзас-Сити. И такой же пустой. Все тринадцать пассажиров «Серебряного кубка» устремились на платформу размять ноги. Вот тут-то я их и рассмотрел.

Первым спустился католический священник в черном костюме с белым стоячим воротником. За ним — могучий старик с седой непокрытой головой в грубом синем свитере и его жена — сухонькая старушка с искусственным фиолетовым оттенком в седых волосах, с накрашенными губами и румянами на щеках. Потом девушка лет двадцати заботливо помогла сойти слепому брату в темных очках и с палочкой. Была здесь еще молодая женщина с маленькой девочкой на руках. И, наконец, минуя ступеньки, стали выпрыгивать на платформу мальчишки. Один... второй... третий. Этакие нынешние Томы Сойеры. Живые, крикливые, вихрастые и такие рыжие, что даже глазам стало больно. С такой же скоростью за ними вылетела их мама — такая же вихрастая и рыжая, как и сыновья. И лишь минуту спустя вышел папа, немолодой уже человек с усталыми и на редкость голубыми глазами под толстыми стеклами очков. Скользнул взглядом по своему шумному семейству и торопливо зашагал подальше в противоположную сторону.

Познакомились мы с ним так: поравнялись и поздоровались. Он сказал обычную в таких случаях фразу:

— Приятный вечер, не правда ли?

Я ответил тоже стереотипом:

— О, да! Но, кажется, будет дождь.

Он уловил акцент, насторожился:

— Вы немец?

— Нет, я из Советского Союза.

Он молча снял очки, достал платок, протер стекла, потом протянул мне руку:

— Роберт Соммер, профессор математики.

Тут кондуктор рявкнул:

— Поса-а-адка! — И мы с профессором замуровались каждый в своем купе.

Вскоре после того, как наш «Верховный вождь» прогрохотал по мосту через Миссисипи, в вагоне вдруг раздались звон гонга и чей-то крик:

— Торопитесь! Торопитесь! Торопитесь! Ужин готов.

Оказывается, это официант шел из вагона в вагон и зазывал пассажиров в ресторан. Однако, как оказалось, торопился я напрасно, все столики были заняты. В очереди за мной встали старик со старухой.

— Послушайте,— сказал старик басом.— Вы правда из России? А я фермер из Канзаса. Очень рад вас видеть!

Меня зовут Дональд Макгрегор, а это моя жена Маджи. К дочери в Нью-Йорк едем.

За столик мы сели вчетвером — старик со старухой, священник и я. Священник признался, что боится летать на самолетах. Фермер с присущей, по-видимому, ему простотой спросил:

— Значит, воля божья не на все виды транспорта распространяется?

Священник смутился и уткнулся в меню.

— Послушайте,— снова забасил старик, обращаясь уже ко мне.— Вы знаете, что лучшая озимая пшеница в Америке — русского происхождения? Да, да, это вам любой фермер подтвердит. Более ста лет тому назад ее привезли в Канзас переселенцы из России. Мой дед, родом из Ирландии, был землекопом, строил вот эту дорогу и дружил с русскими землекопами. Его брат женился на русской. Так что моя двоюродная бабка была русской. Дед говорил, что все ее приданое состояло из мешочка русской озимой пшеницы.

...Ночью вагон так трясло и кидало из стороны в сторону, что, просыпаясь, я пугался. «Батюшки, никак под откос летим!» Нет, ничего, едем дальше. Засыпая, утешал себя: наверное, мчимся с опережением графика. А утром оказалось: опаздываем почти на четыре часа. Вот тебе и американская точность!

Поезд извивается в Аппалачских горах. В Питсбурге сошла женщина с ребенком. Теперь осталось нас в вагоне одиннадцать.

Теперь уже все в вагоне знают, что рядом едет советский журналист. Сестра привела слепого брата. Он стеснительно улыбался, а она рассказывала, что бросила университет, устроилась на работу, чтобы вернуть брату зрение, да все неудачно, а деньги ведь — как вода. Вздохнула:

— Как было бы хорошо, если бы расширилось сотрудничество между американскими и советскими медиками!

Он сказал:

— Про советских окулистов много хорошего слышал. А это правда, что у вас в стране лечение бесплатное? И операция? Просто не верится.

Пришел профессор со своими огненно-рыжими сыновьями. Во время второй мировой войны он был военным летчиком. Их разведывательный самолет сбили где-то над фиордами Норвегии. Он попал в плен. Через месяц, пере-

душив в каменоломне охрану, бежали человек пятнадцать, в том числе и он. Беглецы потеряли лишь одного — русского моряка, который первым бросился с ломом на часовых и был убит наповал.

Мальчишки слушали рассказ отца, наверное, не в первый раз, но сидели тихо. Рассматривали меня. Я понимал: первый раз советского видят. Пытаются представить себе того моряка.

— Как звали моряка, помните? — спросил я профессора.

— Как же, как же, конечно, помню. Полундра его звали. Только вот не знаю: имя это или фамилия?

— Полундра — это не имя и не фамилия,— заметил я.

Профессор загрустил.

— Я искал его родных,— сказал он печально.— Писал в Красный Крест.

В Гаррисберге у меня была пересадка. Все десять пассажиров «Серебряного кубка» вышли размять ноги. Провожали меня до конца платформы. «До свидания!», «Счастливо!» — неслось мне вслед.

— Надеюсь, путешествие было приятным? — спросил носильщик, кидая на тележку мой чемодан.

— Необычным! — ответил я, вспомнив напутствие клерка.

А сам подумал: «Собственно, что же здесь необычного — в поезде ехать?»

КОГДА УПАДЕТ ЗВЕЗДА?

Едва я вышел из самолета, как сразу физически почувствовал, что я на Юге. Поручни трапа обожгли мои ладони. Раскаленное добела небо Алабамы низко висело над крохотным аэродромом. В высокой траве отчаянно стрекотали цикады. Густо зеленели сады. Ветви деревьев гнулись, отягощенные плодами.

Я был единственным человеком, вышедшим из самолета, и единственным человеком, встретившим меня в пустынном аэропорту, был однорукий шофер такси. Он кинул

мой чемоданчик в багажник и с места рванул машину. Внимательно осмотрев меня в зеркальце, с дружеской фамильярностью спросил:

— Где руку повредил, парень?

— В Европе. Воевал против фашистов.

Он усмехнулся, кивнул на обрубок своей руки:

— А я в Корее. Воевал против коммунистов.

Мы помолчали. Сады кончились, мы въезжали в город.

— С Севера? — спросил он, снова поглядывая на меня в зеркальце.

Я кивнул головой.

— Надеюсь, вы не из тех, кто приезжает сюда мутить воду? А? Надеюсь, вы не ищете неприятностей?

В его голосе была сдержанная угроза.

Час назад этот же вопрос задал мне сосед в самолете. Сухой, загорелый человек средних лет в клетчатой рубахе. Мохнатые брови над голубыми глазами, жилистые рабочие руки в черных ссадинах. Он видел, что я читаю книжку «Куклуксклановец».

— Интересуетесь? — спросил он, обнажая в улыбке белые крепкие зубы.

Его, по-видимому, насторожил мой акцент.

— Вы, наверное, не южанин, сэр? Из Нью-Йорка? Надеюсь, вы не из тех, кто...

— Я из Советского Союза.

Он резко повернулся ко мне всем корпусом. Ослепительная улыбка исчезла. Он молча рассматривал меня. Медленно извлек из нагрудного кармана пачку сигарет, закурил, медленно выпустил дым в мою сторону. Процедил сквозь зубы:

— Впервые вижу живого коммуниста.

— Ну и как?

— Мертвые мне больше нравятся.

— А вы, наверное, куклуксклановец?

— Да, я состою в клане. И пока мы существуем, Юг останется американским.

— Не могли бы вы пояснить, что вы имеете в виду?

Он криво усмехнулся, приблизил ко мне свое лицо, и я почувствовал запах виски в его горячем дыхании.

— Хотелось бы пояснить тебе кое-что без свидетелей,— прохрипел он.— Не забывай, что ты в Алабаме, а не в ООН. У нас свои законы, бэби. Ночи у нас темные...

Стюардесса принесла стаканы с кока-колой и льдом.

— Стакан не чисто вымыт,— сердито сказал ей мой сосед.

— Сэр? — удивилась стюардесса.

— Я сказал, что стакан не чисто вымыт! — рявкнул он.— Наверное, из него пил какой-нибудь ниггер [1].

За окном показались пригороды Бирмингема. Самолет шел на посадку.

В дверях клановец обернулся и погрозил мне пальцем:

— Не забывай, бэби, что ты не на Севере!

Я полетел дальше, и вот однорукий шофер такси снова напомнил мне, что я на Юге.

Город утопает в зелени магнолий и пальм. Сегодня воскресенье. Звонят колокола церквей. На улице почти не видно прохожих. До вечера закрыты кинотеатры. В воскресенье место благочестивых жителей в церкви.

Вот кончилась служба, и из церкви выходят прихожане. Чопорные белые женщины в своих лучших платьях; завитые и густо напомаженные старухи; белые мужчины в пиджаках и галстуках, несмотря на жару; чистенькие, прилизанные дети. Священник в черной сутане провожает паству до автомобилей. В воздухе плавают приподнятые шляпы, женщины чмокают друг друга в щеку, урчат моторы «кадиллаков», и негры-шоферы в форменных фуражках распахивают перед хозяевами двери.

Тихо и мирно здесь в воскресенье. Звонят колокола, воркуют голуби...

В маленьком сквере у автобусной остановки сидят трое белых стариков. Они не ждут автобуса, они просто сидят, болтают о том о сем, смотрят по сторонам. Старики дряхлые, отработавшие свое в жизни и теперь не знающие, куда девать свободное время. Рядом с ними, опираясь мощным задом на мотоцикл, стоит полицейский. Он в голубой металлической каске, в синей форменной рубашке с короткими рукавами, в галифе и крагах. На поясе у него пистолет, стальные наручники, связки ключей. Из заднего кармана торчит короткая дубинка с ремешком для руки.

Полицейскому жарко. Он расстегнул рубашку и платком вытирает багровую шею. Наверное, он объезжал свой участок, увидел знакомых и остановился поболтать.

Разговаривают они лениво, протяжно, с характерным южным акцентом.

---

[1] Оскорбительная кличка негров.

— Далеко заплывали? — спрашивает полицейский.

Старик в коричневом полинявшем комбинезоне и соломенной шляпе щурит слезящиеся глаза и тянет:

— Да как тебе сказать? До острова доплыли.

— Хорошо клевала?

— Сперва не очень, а потом пошло.

— Пошло, говоришь? А на что брала?

— На червяка и на пшено. Там ее много, целые стада ходят вокруг этого черного.

— Какого «черного»? — удивляется полицейский.

— Вокруг черного трупа.

— Что-то ты непонятное бормочешь, старик,— говорит сбитый с толку полицейский.

— Как еще тебе понятней говорить? — сердится старик.— Негр там плавает. Утопленник. Мы его подцепили багром, перевернули...

Полицейский задумывается. Потом лениво произносит:

— Самоубийца какой-нибудь. Как ты думаешь, старик?

Старик согласно кивает головой.

— А клевала, говоришь, хорошо?

— Хорошо клевала.

— Ну, поеду,— говорит полицейский. Стальные наручники тихо позвякивают у него на боку.— Доброго вечера, старики!

Когда шум мотоцикла затихает за углом, старик разводит руками.

— Конечно, может быть, и самоубийца. Только почему у него кляп во рту?

— Наверное, чтобы не кричал,— сонно поясняет сосед.

...Я иду к отелю и думаю: как все здесь, на Юге, просто, как все обыденно и спокойно. «А клевала, говоришь, хорошо?» «Хорошо клевала».

Я иду по пустынным в эти знойные часы улицам города, и редкие встречные негры поспешно сдергивают передо мной кепки. Я ищу Фреда. У меня к нему рекомендательное письмо из Нью-Йорка.

— Простите, сэр,— обращаюсь я к очередному негру. От неожиданности он шарахается в сторону. Испуг на его лице сменяется изумлением. На место изумления приходит подозрение: что-то здесь не так, что-то этот странный белый замышляет.

— Вы не скажете, как мне разыскать...

Он насторожен, он ждет подвоха. Я чувствую, что нервы его натянуты как струны.

— Я ничего не знаю, маста [1],— бормочет он.— Спросите у кого-нибудь из белых.

Фред, которого я в конце концов разыскал, смотрит на меня с недоверием.

— Я не знаю никакой Джоэн,— сухо говорит он.— Вы, наверное, ошиблись.

Он хитрит. Он отлично знает Джоэн, эту тоненькую девушку из Нью-Йорка. Она была здесь в прошлом году с группой белых студентов. Недавно она писала ему, что на этот раз поедет в Миссисипи.

Я протягиваю ему письмо. Он испуганно смотрит по сторонам и спрашивает шепотом:

— За вами никто не следил? Где вы остановились? Я позвоню вам вечером из телефонной будки. Буду ждать вас в четырех кварталах от отеля, если идти на север.

Наступил вечер, а звонка не было. Я зажег в комнате свет, сел поближе к кондиционеру, развернул воскресное приложение к газете «Нью-Йорк таймс» и принялся читать статью Эрскина Колдуэлла. И сразу перед моими глазами снова появились куклуксклановец — сосед по самолету, однорукий шофер такси, старики в сквере у автобусной остановки и полицейский, опирающийся мощным задом на свой мотоцикл. Колдуэлл, сам южанин, писал:

«Вероятно, найдется немало людей, живших на глубоком Юге в годы второй мировой войны, которые помнят, как в то время от Южной и Северной Каролин до Техаса распространялся один упорный слух. Многие восприимчивые южане отнеслись к нему не как к странному слуху, а с жадностью ухватились за него, как за надежное обещание и вполне вероятную возможность. Было ли это продиктовано тайной враждебностью к янки или же иллюзиями тех, кто поддерживал этот слух, тем не менее многие полуграмотные и иные белые южане твердо поверили в то, что некоторые видные политические деятели Юга заключили секретное соглашение с нацистской Германией. Согласно самой распространенной версии этого слуха, Адольф Гитлер обещал послать десант на побережье Южной Каролины и Джорджии и отдать приказ о систематическом

[1] Маста — хозяин.

истреблении всех негров и евреев на Юге. Эта высадка ожидалась в середине войны, когда Гитлер одерживал победы в Европе. В нескольких случаях, по крайней мере в Южной Каролине и в Джорджии, а быть может, также в Алабаме, Миссисипи и других местах нашлись люди, которые надеялись на это, и другие, которые были твердо убеждены в том, что нацистские военные корабли уже ждут у побережья Каролины и Джорджии. Во всяком случае, некоторые из них были столь уверены в том, что Гитлер выполнит свое обещание, что они держали наготове оружие и автомобили, дабы по первому приказу выехать из дома и отправиться на побережье на соединение с десантными силами нацистов.

Даже сейчас, спустя много лет после того, как надежды на гитлеровское вторжение и оккупацию американского Юга не оправдались, в некоторых отдаленных горных районах все еще встречаются твердолобые отцы и сыновья, которые готовы утверждать, что Гитлер все еще жив и в любую минуту может прийти.

И хотя это звучит как нелепая выдумка, живущая в местном фольклоре поколениями, люди, которые рассказывают об этом, говорят так, как если бы речь шла о втором пришествии Христа, будучи твердо уверенными в том, что Гитлер сдержит свое обещание, придет с карательными отрядами и поможет сохранить чистоту белой англосаксонской протестантской расы».

...Звонок раздался, когда я сидел перед телевизором. Я включил телевизор на середине программы и не знаю, как она называется. Благообразный мужчина с постным лицом проповедника вкрадчивым голосом объяснял:

— Две негритянские революции развиваются одновременно. Одна — за предоставление неграм больших прав, чем имеют белые, другая — за превращение южных штатов в Советскую Социалистическую Негритянскую Республику России. В этих условиях наши надежды должны возлагаться на полицию. Помогайте вашей местной полиции...

В телефонной трубке я услышал чье-то дыхание...

Ночь была душной. В темных кустах сонно попискивала какая-то пичуга. Пахло свежим сеном. Где-то далеко на горизонте глухо гремел гром. Вспыхивали и гасли светлячки. Я прошел четыре квартала, никого не встретил и остановился в нерешительности.

— Садитесь в машину,— услышал я из темноты голос Фреда. Он включил мотор, и старенькая машина неожиданно затарахтела так оглушительно, что на соседней улице залаяли собаки.

Мы приехали на большой пустырь на окраине города. Горели костры, керосиновые фонари светились кое-где под брезентовыми крышами автофургонов. В фургонах на кучах тряпья между скамьями, чайниками, ведрами спали взрослые и дети. Пять в одном фургоне, восемь — в другом, в третьем — я не мог даже сосчитать, сколько их там было. Я понял, что это лагерь кочующих сельскохозяйственных рабочих.

Вокруг костров сидели, стояли, лежали негры. Из темноты сверкали белки их глаз и зубы. Здесь целовались, плакали, смеялись, дрались, пели, молились. Пахло пеленками и кукурузным самогоном.

— Джоэн в письме просит показать вам, как живут негры,— сказал Фред.— Ну что ж, смотрите. Они поднимаются с солнцем, собирают абрикосы в садах здешних плантаторов, кончают работу с наступлением темноты, а получают гроши. Заработка не хватает даже детям на молоко. Кончится сезон абрикосов — переедут на хлопковые поля. Но беда в том, что сельскохозяйственный сезон длится не больше 140 дней. Остальные 225 дней — без работы.

У костра гортанно запела женщина:

О господи, ты обещал,
что кончится рабство,
когда упадет звезда
на Алабаму...

И хор подхватил, ритмично хлопая в ладоши:

Когда упадет звезда?
О, когда упадет звезда?

КТО СТРЕЛЯЛ В ШЕРИФА?

Поезд Чикаго — Новый Орлеан пришел в Кейро около полуночи. Постоял минуту и растворился в темноте. Я посмотрел вслед его огонькам и побрел через рельсы к зданию вокзала.

В комнате ожидания было пусто. Над телефоном-автоматом висел плакатик: «Компания такси «Эс энд Эс». Зво-

нить в любое время дня и ночи». Я позвонил. Женщина на другом конце провода каким-то уж очень домашним голосом приняла мой вызов и сердито обратилась к кому-то:

— Том! Да проснись же! Пассажир ждет на станции.

Том приехал через полчаса. Это был заспанный парень лет двадцати двух. Он оказался президентом и одновременно служащим компании такси «Эс энд Эс», которая владеет... двумя старенькими автомашинами. На одной работает Том, на другой — его приятель и совладелец компании. Жена Тома, которая приняла мой вызов по телефону, исполняет обязанности диспетчера компании.

Конечно, если говорить серьезно, то никакой компании нет. Том работает механиком на лесопилке, а такси — это его побочный заработок. Для крохотного Кейро двух машин такси вполне достаточно. Сейчас здесь всего шесть тысяч жителей, а в прошлом веке это был процветающий город, замахивавшийся даже на славу Чикаго. Здесь, в самой южной точке штата Иллинойс, сливаются реки Миссисипи и Огайо. Почвы вокруг Кейро плодороднейшие, хлопок растет прекрасный, и не случайно эти места издавна называют «американским Египтом». Кейро, между прочим,— это Каир в английском произношении. Кстати, это тот самый Кейро, куда держали путь по Миссисипи Гекльберри Финн и негр Джим, да так и проплыли мимо него в тумане.

Хлопковые поля принадлежали белым плантаторам. А трудились на них рабы-негры. Сейчас в Кейро белых и негров половина на половину. Но черные руки больше никому не нужны — их заменили машины. Так и получилось, что нынче среди негров Кейро 35 процентов безработных. Среди белых безработица также велика и достигает уже 18 процентов. Когда-то в окрестностях были каменноугольные шахты, но сейчас они либо закрыты, либо механизированы. Люди бегут отсюда. Кейро медленно и мучительно умирает.

Сам городок расположен в шести милях от железнодорожной станции. Ночи здесь темные, южные. Мы подъезжали к Кейро, уже появились первые дома, первые уличные фонари, как вдруг Том остановил машину, выключил мотор, опустил стекло и прислушался. Где-то далеко пели петухи.

— Слышите? — спросил меня Том, и в голосе его я уловил какую-то тревогу.

— Петухи...

— При чем здесь петухи! — сказал Том с досадой.— Стреляют. Разве вы не слышите?

Где-то еще дальше петухов хлопнул выстрел... Второй... Третий... Сухо протарахтела длинная очередь из автомата. И все стихло. Подождав минуту, снова заголосили петухи.

— Что будем делать? — спросил я.

— Я провезу вас окраинами к мотелю, где живут полицейские,— помедлив, ответил таксист.

Утром, открыв дверь своей комнаты, я увидел, что вся стоянка перед окнами мотеля занята полицейскими машинами. Их было здесь не меньше полутора десятков. Одни машины, упруго покачивая длинными штырями спецантенн, уезжали, другие занимали их места, вернувшись с патрулирования. На бортах машин выделялся герб штата Иллинойс — орел, держащий в хищном клюве ленту, на которой написано: «Храбрость. Мужество. Достоинство».

Хозяин мотеля объяснил мне, что эти полицейские присланы в помощь местной полиции из Чикаго и Спрингфилда. Ночью патрулируют улицы Кейро, а днем отсыпаются в мотеле. Что касается стрельбы по ночам, то к этому все здесь привыкли. Точнее, привыкли к тому, что в городе стреляют. К самой стрельбе, конечно, хладнокровно относиться трудно. Многие жители детей укладывают на ночь в ванной: все-таки какая-то дополнительная защита от шальной пули.

В нынешнем году, сказал мне хозяин харчевни, где я завтракал, в Кейро было около 150 ночей, когда звучали выстрелы. Он начал было вспоминать, сколько человек было убито и ранено, стал загибать пальцы, но сбился и махнул рукой.

Я спросил, кто в кого стреляет. Естественно, белые в негров, а негры в белых, ответил хозяин. Сперва был убит черный солдат, затем белый шериф. С этого все и началось.

На Коммершл-авеню — главной улице города — было пустынно. Сквозь плиты тротуара торчала желтая трава. Пели скворцы. На карнизах магазинов ворковали голуби. По крыше серого пятиэтажного здания суда и полиции ходил полицейский с биноклем на груди и снайперской вин-

товкой в руках. Стена здания была выщерблена пулями. Я насчитал 17 щербинок.

Пройдя еще два квартала, я очутился в негритянском районе. На стенах церкви святого Колумба тоже были следы от пуль. Неподалеку негритянские парни жгли кучи сухих листьев. Голубой дым стлался вдоль улицы. На меня негры посмотрели недоверчиво, почти враждебно. Ведь я был для них белый, незнакомый белый человек, возможно, даже переодетый полицейский.

Но мало-помалу лед недоверия ко мне растаял. Я узнал, что церковь является главной мишенью белых террористов, потому что здесь собираются члены негритянской организации «Объединенный фронт». Создал эту организацию молодой негритянский священник Чарльз Коэн. Главная цель организации — покончить с расовой дискриминацией при найме на работу. И вторая цель, неразрывно связанная с первой,— вооруженная самооборона от расистов.

Работа... Право ходить на работу... Право работать и приносить домой зарплату. Вот вокруг чего бушуют страсти в городке Кейро. Работы нет. Если она появляется, ее в первую очередь отдают белым. Но дошедшие уже до крайней степени отчаяния негры, которых, как помнит читатель, в Кейро столько же, сколько и белых, начинают протестовать. И вот тогда возникает организация белых, которые клянутся «поставить черных на место».

Белые — здешние лавочники и полицейские в штатском, владельцы мотелей и баптистские проповедники, а зачастую и безработные лесорубы, шахтеры, механики, водители грузовиков — стали патрулировать улицы Кейро, стрелять в негритянском районе, останавливать, допрашивать, избивать любого негра, появившегося в белом квартале.

Нет, они не называли себя куклуксклановцами, хотя многие, безусловно, ими были. Для своих отрядов они придумали названия «белые шляпы» и «белые стрелки». Выходя в ночные патрули, они надевали на голову что-нибудь светлое, чтобы в темноте по ошибке не подстрелить своего. Руководил ими владелец лесопильной фабрики Боб Канингейм.

Страсти достигли точки кипения, когда негры начали отвечать выстрелами на выстрелы. Горели дома в негритянском районе. Запылали и дома белых на Коммершл-

авеню. Тогда власти штата ввели в город солдат национальной гвардии. Это было летом. Простояв в Кейро три месяца, войска ушли, оставив позади себя город, разделенный на два вооруженных враждующих лагеря.

Я вернулся в мотель, взял блокнот и вышел на балкон, чтобы записать первые впечатления. На соседнем балконе громко разговаривали. Голоса были мужские. Собеседников было трое. Балконы отделялись друг от друга тонкой фанерной перегородкой, сделанной «под дуб», и мне не было видно беседующих, зато слышно каждое слово. Это были полицейские, отдыхавшие после смены. Судя по всему, двое сидели в плетеных креслах, причем один положил ноги на низенький круглый столик, а третий то уходил с балкона в комнату, то снова входил, шаркая и пришлепывая по полу домашними туфлями. Наверное, он только что принес из холодильника пиво в банках.

— Холодненькое! — сказал он, причмокнув.— Да убери ты свои конечности со стола!

Тот, к которому он обращался, добродушно отозвался баском:

— Ты, малыш, дома командуй. Когда побегаешь в жизни с мое, тогда поговорим. Мне даже лейтенант Блэкстоун не делает замечаний.

— А здорово отчитал этот черный священник нашего Блэкстоуна,— хохотнул третий.— Лейтенант сделал вид, что ничего не понимает: «Скажите, отец, какая муха ваших негров укусила? Ведь между полицией и неграми всегда было взаимопонимание, не правда ли?» А священник ему: «Это было взаимопонимание между хозяином и псом, лейтенант. Знай, черный пес, свое место, а не то получишь пинок! Но мы не хотим больше собачьей жизни, лейтенант». Блэкстоун даже позеленел от злости.

— Позеленеешь,— хмыкнул тот, что принес пиво.— Начальство дало две недели на поимку того, кто убил шерифа, а уже месяц кончается. Ходят слухи,— понизил он голос,— что стреляли в шерифа в отместку за убийство черного солдата, который приезжал мать хоронить. Говорят, что шериф кокнул его в темноте на автомобильной стоянке за баром.

— Болтают многое, всего не переслушаешь,— авторитетно заключил басок.— Будто шериф сам «толкал» нар-

котики среди местных мальчишек и девчонок. Будто бы у того солдата младший брат наркоманом сделался, в бродягу превратился, совсем пропал парень. Оттого будто и мать слегла. Якобы солдат до всего дознался и пригрозил шерифу в баре при свидетелях. Утром солдата нашли мертвым. Предполагают, что убил его шериф. Но ведь все это надо доказать...

— Докажешь, как же! — снова хмыкнул тот, что шаркал тапочками.— Солдат убит, шериф убит. Каждую ночь стрельба. Ничего мы здесь не добьемся. Надо снова вводить сюда войска, как год назад.

— Смешно,— хохотнул третий.— Шесть тысяч солдат против шести тысяч жителей, включая грудных младенцев. Американская армия оккупирует американский город. Америка против Америки. Как в страшном сне, будь оно все проклято.

— Да, ты прав, парень,— зарокотал басок.— Америка против Америки. И с оружием в руках. Я вчера с лейтенантом Блэкстоуном объехал все здешние магазины и бары. У каждого хозяина в кабинете карабин висит, у каждого продавца задний карман оттопыривается. Говорят, здесь на шесть тысяч жителей, включая грудных младенцев, не меньше десяти тысяч единиц оружия. Вот так-то! Загляни-ка, дружок, в холодильник насчет пива.

Прошаркали, прошлепали шлепанцы с балкона в комнату. Было слышно, как над столом щелкнула зажигалка. Потянуло дымком от сигареты.

— Мы по дороге в Кейро одно убийство предотвратили,— снова послышался басок.— Из Спрингфилда нам по радио приказали завернуть на молочную ферму. Сын отца хотел убить.

Семейная ссора. Обычное дело. Началось все это, как мы потом узнали, в тот день, когда сын вернулся домой из морской пехоты. Отец, хозяин фермы, тогда, говорят, здоровяк был, не то что сейчас — пенек трухлявый. Сели они по-родственному под дерево и крепко выпили «за возвращение». После очередного стакана отец так озадачил сына, что тот на время речи лишился. Старик, как нам сам сын рассказывал, сказал примерно следующее: «Ты, сынок, всегда был бездельником, работы фермерской чурался, оттого и в морскую пехоту из дома удрал. Пока ты, голубчик, где-то там в своем красивом мундире красовался, я твою старуху мать здесь похоронил и один своими

плечами эту ферму подпирал, чтобы она не развалилась. А ты на все готовенькое вернулся и, небось, надеешься, что я тебе хозяйство в наследство передам. Так вот — дудки! Пока есть силы, буду сам тянуть, а почувствую, что слабею,— продам ферму. Однако ты мне сын, и мне тебя жалко. Хочу из тебя человека сделать. Для этого хочу свою ферму не кому-нибудь, а тебе продать. Денег у тебя нет — это я знаю. И не будет никогда — это я тоже знаю. Так вот, предлагаю тебе работать у меня батраком. Буду тебе зарплату платить. С вычетами, конечно, за питание, за койку в доме и так далее. Накопишь деньжат — выкупишь ферму, будешь сам хозяйствовать, а не сумеешь накопить — пеняй на себя. Покупателя я найду, можешь не сомневаться».

В тот вечер они здорово подрались. Лупили друг друга, пока не упали без сил. Сын потом целую неделю кровью сплевывал. У отца левая рука плетью висела: научили кое-чему сына в морской пехоте.

Ушел бы он с этой проклятой фермы куда глаза глядят, да не мог. Приковал его отец. Знал он про сына такое, что, заяви полиции, сидеть бы бравому морскому пехотинцу в тюрьме лет пять, а то и больше. Было одно темное дело в юности. Оттого в свое время он и в морскую пехоту удрал, а вовсе не потому, что коровьего духа не любил.

Стал сын батрачить у отца. А что поделаешь? По сути дела, отец ведь только добра ему желал. Серый волк тоже кусает волчонка. Для чего? Для того, чтобы тот научился огрызаться, клыки показывать. Кстати, старик сам эту ферму таким же манером у своего отца выкупал. А дед — у прадеда. А прадед эту землю у индейцев отобрал. Правда, это ему боком вышло: подкараулили его индейцы в прериях, грешную душу в рай отправили.

Лет пять сын на ферме жил в одном доме с отцом, пока беда не случилась. Однажды корова сдохла. Старик расшумелся да сгоряча так поднес сыну, что тот рядом с коровой распростерся. В полночь пьяный сын взял вилы и пошел отца убивать. Старик в одних подштанниках в окно выпрыгнул, вскочил в машину и умчался на соседнюю ферму. Оттуда и позвонил в полицию. Тем временем сын решил сжечь ферму. Принялся таскать сено в дом, чтобы горел ярче. Таскал, таскал, умаялся да так и уснул на этом сене. Тут и мы с лейтенантом Блэкстоу-

ном подоспели. Связали его по рукам и ногам и вручили папаше. Что у них там дальше будет — не знаю...

Помолчали.

— Меня все жена уговаривает уйти из полиции,— нарушил паузу тот, что похохатывал. Чувствовалось, что он и сейчас говорит с улыбкой.— Убьют, говорит, тебя, дурака смешливого. Президентов, говорит, убивают, а тебя-то в два счета пришьют. Совсем извелась.

— Изведешься! — подтвердил хозяин шлепанцев, входя на балкон и ставя пиво на столик.— Моя благоверная без меня ни радио, ни телевизор не включает. Больше всего, говорит, мне не хочется увидеть репортаж о том, как тебя на носилки кладут и покрывалом с головой накрывают. Последние известия вообще не смотрит. Меня, говорит, уже мутит от крови, трупов и рыдающих родителей, у которых детей украли. Изо дня в день одно и то же. С ума спятить можно.

— Да-а! — шумно вздохнул обладатель баса.— Страшно, конечно, женщинам. Ох, как страшно! Не жизнь, а кошмар какой-то. Вот в прошлом году был случай. Дежурили мы ночью с лейтенантом Блэкстоуном. Вдруг вызов к мотелю, что на 53-й дороге к северу от Спрингфилда. Звонит хозяин, говорит, что в одной из комнат кричит женщина, зовет на помощь. Рванули мы к мотелю. А рядом с тем мотелем в поселке накануне медсестру изнасиловали и задушили. Лейтенант наш сразу связь между этими событиями заподозрил.

Ну, подлетаем, значит, на полном ходу к мотелю, сирена у нас воет, вертушка на крыше блики бросает. Видим — старик хозяин в нижнем белье винтовкой в сторону одной двери тычет, а у самого ноги дрожат. Мы — пистолеты в руки и в два прыжка из машины к той двери, куда хозяин показывает. Как на учении, прижались спинами к стене, один слева от двери, другой — справа. «Открывайте! — орет лейтенант.— Полиция! Руки на голову! Выходи по одному!»

Слышим — отворяют нам дверь. Мы курки взвели, дышать перестали. Старик за мусорный ящик присел. Отворяется потихоньку дверь и выходит — не поверите! — маленькая заплаканная девчушка лет семи. И больше никого. «Руки на голову! — снова орет лейтенант.— Выходи по одному!» «Да там нет никого,— всхлипывает девчушка.— Там только мама». Ну, мы, конечно, воробьи стреляные,

особенно лейтенант Блэкстоун, нас на мякине не проведешь! Ногой дверь пошире, пистолет в вытянутой руке на уровне глаз! Врываемся в комнату, тычем пистолетами во все углы. А на кровати сидит женщина в халатике, плачет, слова вымолвить не может. И больше — ни души. Что за история?! Женщина плачет, и сквозь ее рыдания мы разбираем, что она просит у нас прощения. За что? Это, говорит, во сне все было. Дочь говорит у меня во сне украли и меня убить хотели. Страшный сон. Понимаете? Страшный сон.

Сходил я к машине, принес из аптечки успокоительных капель, дал ей, бедняжке, выпить. А сам думаю: ведь это какой же страх в душе, если такое приключается?! Ведь это как же надо запугать на всю жизнь? Когда ехали назад, Блэкстоун молчал, думал свою думу, мрачный был, как туча. Одну только фразу и вымолвил: «Америка — страна испуганных женщин».

Помолчали. Еще раз щелкнула зажигалка.

— Скорей бы домой,— вздохнул тот, что ходил за пивом.— Надоело. Все надоело. Служба, стрельба эта.

— Не видать тебе дома пока не найдешь того, кто стрелял в шерифа,— хохотнул другой, скрипнув плетеным креслом.

— Шутки шутками, а похоже, что ты, цыпленок, прав. Лейтенант Блэкстоун с пустыми руками отсюда не уедет и нас не отпустит. А найти того, кто убил шерифа, дело непростое. Чувствую я, что здешние люди кое-что знают, но молчат. В этом вопросе, похоже, и белые и черные заодно. И еще неизвестно, кто шерифа прикончил, белые или черные. Не любили его здесь и те и другие. Особенно после истории с этим Брауном.

Был здесь такой бедолага — шахтер по фамилии Браун. Белый. Два года без работы. Ну, с тех пор, как шахта закрылась. Трое детей, один другого меньше. Исчерпал уже все сроки пособия по безработице. Дети пухнут от голода, жена плачет. Вот и решился он на отчаянный шаг. Должен вам сказать, что по законам здешнего штата жена и дети получают пособие, если кормилец умер. Вот он и «умер». Написал записку, дескать, в смерти моей прошу никого не винить, помогите ради бога семье, а меня не ищите, я ухожу из жизни. А сам спрятался в горах.

Лето прожил в шалаше, кормился охотой да тем, что жена украдкой носила. Ходила она к нему. Всякие пред-

логи выдумывала, чтобы детишек соседям на день-другой пристроить, а сама к нему.

Выследил-таки ее шериф. Но брать один побоялся: Браун вооружен был. Позвонил шериф нам. Лейтенант Блэкстоун отрядил меня и еще трех парней. Пришли мы за Брауном ночью. Окружили шалаш. Я посветил внутрь фонариком, вижу — жена у него на руке спит...

Так шериф и сковал их наручниками: его за правую руку, ее — за левую. Вели мы их по тропинке к машинам, шли они рука в руке и плакали. Как же дети теперь? И такая меня злость на шерифа взяла, что вот своими руками бы задушил.

Уже светало, когда подъезжали мы к Кейро. Вдруг лейтенант Блэкстоун нас по радио вызывает. Приказывает немедленно изменить маршрут и вместо Кейро вести арестованных в Спрингфилд. Оказывается, около Кейро нас ждала толпа, хотели отбить Брауна и его жену. И белые и черные. Как они узнали об аресте? Вот тут-то загадка и начинается. Думаю, что многие в городе знали, где скрывается Браун. Знали и молчали. А шерифу не простили. Только вот кто? Белые или черные? За солдата или Брауна? Принеси-ка еще пива, малыш...

...Глубокой ночью я стоял у здания автобусной станции, ждал автобуса дальнего следования «Серая борзая», который должен был доставить меня в Чикаго. Провожал меня Том, президент компании «Эс энд Эс». На улице, кроме нас, не было ни души.

Упруго покачивая антенной, подошла полицейская машина. Замедлила ход. По-видимому, полицейские вглядывались в нас. Не заметив ничего подозрительного, поехали дальше.

Том был настроен печально. Он зевал, поеживался от ночной прохлады и неторопливо говорил:

— Иногда хочется посадить жену с дочкой вот в эту машину и убежать из Кейро без оглядки. Но куда убежишь?

Где-то за углом яростно залаяла собака.

— Овчарка,— кивнул Том в сторону собачьего лая.— В Мемфисе есть школа, где овчарок обучают бросаться только на чернокожих. В Кейро уже есть такие собаки...

Рокоча могучим мотором, подошел автобус Мемфис—Чикаго. В автобусе было темно, пассажиры спали.

— Кто-нибудь здесь выходит? — крикнул Том водителю.

— Нет,— ответил водитель.— Поезжай, парень, спать.

И, захлопывая за мною дверь, проворчал:

— Какой ненормальный будет здесь выходить?

НА РОДИНЕ ЛИНКОЛЬНА

Зима. Лесная поляна на склоне горы. Деревья в снегу, среди которых выделяется могучий дуб. Под дубом — охотник на тощей, усталой лошадке. На плечах охотника — волчья доха, на голове — шапка из енота. Через седло перекинута убитая лань.

Охотник беседует с лесорубом. Спрашивает: «Ну что здесь произошло, пока я бродил по горам?» «Ничего достойного упоминания,— отвечает лесоруб, разгибая натруженную спину,— все по-старому, если не считать, что у Линкольнов родился сын».

Скорее всего такого разговора и не было. Это уже много лет спустя неизвестный художник с добрым юмором изобразил на полотне сцену в лесу у Пограничного дуба, что стоял на краю небогатой фермы Томаса и Нэнси Линкольнов в штате Кентукки.

Более полутора веков прошло с того дня, а дуб стоит и поныне. Считают, что ему уже больше трех веков. Когда молодые Том и Нэнси ставили тут свою бревенчатую избушку об одно окно, за дубом начиналась «индейская территория» — заповедные леса и дикие горы. Где-то к западу от этого дуба в перестрелке с индейцами был убит охотник-следопыт Авраам Линкольн, отец Тома, пришедший в эти края в конце XVIII века из штата Вирджиния.

В биографии Линкольна, которую написал выдающийся американский поэт Карл Сэндберг, написано: «Том Линкольн подкинул несколько поленьев в очаг, набросил еще одну медвежью шкуру на молодую мать и отправился пешком за две мили на ферму Спарроу. Там его встретил Дэнис, девятилетний приемный сын Спарроу. В своей обычной медленной манере Том Линкольн сказал:

«У Нэнси родился мальчик...» Выглядел он смущенно и даже глуповато, словно сомневался, нужно ли именно сейчав в Кентукки рожать детей.

Дэнис помчался к избушке Линкольна. Там он увидел Нэнси, лежавшую под теплыми медвежьими шкурами на сколоченной из досок кровати. Она повернула к нему свою черноволосую голову и улыбнулась уголками рта и усталыми серыми глазами. «Как ты назовешь его, Нэнси?» — спросил мальчик. «Авраамом,— услышал он в ответ,— по деду».

Он попросил позволения подержать младенца на руках. Передавая ему сына, Нэнси сказала: «Осторожно, Дэнис, ты же первый мальчишка, которого он видит в жизни». Дэнис стал качать ребенка на руках, не переставая трещать о том, как он рад новому двоюродному братишке, с которым можно будет играть. Вдруг младенец наморщил личико и неистово закричал. Дэнис растерянно протянул его женщине и сказал: «Возьми его, Нэнси. Ничего путного из него не выйдет».

Так рассказывал много лет спустя сам Дэнис, живое воображение которого, впрочем, иногда добавляло многое к тому, что он видел и слышал. Однако как бы то ни было, а достоверно известно, что мать будущего президента была простой женщиной. Она родила его в муках, в первобытной тишине леса, на матраце, набитом не то соломой, не то листьями кукурузы. И мир встретил его словами: «Ничего путного из него не выйдет».

В юности Авраам Линкольн был фермером, лесорубом, сплавщиком леса, приказчиком в лавочке, почтмейстером. Работать он умел и любил. Один из его друзей рассказывал: когда Линкольн валил лес, издали можно было подумать, что работают по крайней мере пять человек. По ночам он читал книги. В 27 лет выдержал экзамен и стал адвокатом. В 52 года был избран шестнадцатым президентом Соединенных Штатов Америки. Но ферму, на которой родился, не забывал никогда.

Сейчас туда ведет шоссейная дорога № 31Е. Молочные фермы справа и слева. Кукуруза под самые крыши сараев. Пруды с белыми утками. Трактор, накренившись, тарахтит на бугре. Вдали в синей дымке невысокие лесистые горы. Полдень. Жара. Коровы по брюхо залезли в речку.

На пути — фермерский городок Ходженвилл. Трактор тянет по улице дисковую борону, высекая из асфальта иск-

ры. Банк имени Линкольна. Школа имени Линкольна. Мотель имени Линкольна. А вот и сам Линкольн. В кресле на гранитном пьедестале, о чем-то глубоко задумался. Правая рука сжимает подлокотник кресла, левая — лежит безвольно, как у смертельно усталого человека.

В четырех милях от городка, на том самом месте, где была ферма Томаса и Нэнси Линкольнов, мемориал из розового гранита. Дорические колонны, 56 мраморных ступенек — по числу лет, прожитых Авраамом.

Внутри мемориала — убогая деревянная избушка. Щели между бревнами замазаны желтой глиной. Земляной пол. Квадратное окошко без стекла, которое зимой закрывают ставнем, а летом натягивают на раму прозрачный бычий пузырь. Кирпичная печка, стол, деревянная кровать в углу.

Деньги на строительство мемориала собрали американские школьники к столетию со дня рождения Линкольна. Их и сейчас здесь много. Приезжают целыми автобусами.

А вот и родник, из которого пил маленький Авраам. Он бьет из скалы. Возникает, чтобы тут же исчезнуть. Струя его, чуть пробежав по камням, падает в колодец, созданный самой природой. «Исчезающим родником» назвали люди его еще во времена деда Авраама.

Неподалеку знаменитый трехсотлетний дуб. Тридцать метров в высоту, почти два метра толщиной. Одна сторона уже сохнет от старости. Кора почернела, лысеет. Когда-то мимо этого дуба шла охотничья тропка. Он был как маяк и для индейцев и для белых первопроходцев.

Изъеденная временем ограда из жердей, как во времена Линкольна. Но, конечно, все вокруг не так, как было тогда. Гранит. Мрамор... Тяжелые декоративные цепи вокруг дуба. Подстриженные лужайки... Но, наверное, так же, как тогда, гудят около дуба шмели. Как тогда, свистит в лесной чаще птица и по-южному резкие тени от кучевых облаков скользят по сочно-зеленым холмам.

Рядом асфальтовая стоянка для автомобилей. Номерные знаки почти всех пятидесяти штатов. Правда, из южных штатов меньше. Гражданская война в США окончилась больше ста лет назад, но многие южане до сих пор не могут отрешиться от неприязни к Линкольну — победителю в кровавой междоусобной схватке между Севером и Югом, которая, по определению Карла Маркса, была борьбой двух социальных систем — системы рабства и системы

свободного труда. На Юге до сих пор чтят противников Линкольна, мятежников-рабовладельцев, решивших в 1861 году отделить одиннадцать южных штатов от США, чтобы сохранить там старые порядки.

«Дом, расколотый надвое, не может стоять»,— эти слова президента Линкольна знает сегодня каждый американский школьник. Все знают о том, что в ходе войны Линкольн издал прокламацию об освобождении рабов. Но далеко не все знают, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс, прогрессивные общественные деятели Европы, русские революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским активно выступали в поддержку северян, против готовящейся англо-французской интервенции в Америку.

Студент-историк из Сан-Франциско Сэм Коул, с которым я познакомился у «Исчезающего родника», приехал сюда потому, что пишет дипломную работу о Линкольне. Один из разделов его работы — посещение американских портов русскими военными эскадрами осенью 1863 года.

— В исторических документах я нашел убедительные доказательства того, что Россия в 1862 году отказалась принять участие в интервенции, которую готовили против Линкольна королевские дворы Франции и Англии,— рассказывал мне Сэм. — Послав через год свои военные корабли с визитом дружбы в Сан-Франциско и Нью-Йорк, русские окончательно показали, на чьей они стороне.

В американских газетах тех времен подробно рассказывалось о пребывании в Нью-Йорке русских моряков с фрегатов «Ослябя», «Александр Невский» и «Пересвет», корветов «Варяг» и «Витязь». На рейде Сан-Франциско стояли русские корветы «Богатырь», «Калевала» и «Рында», клиперы «Абрек» и «Гайдамак». Газеты писали, что адмирал Попов, командовавший эскадрой, имел инструкцию: в случае появления у западных берегов Америки флота южан, англичан или французов начинать военные действия, не ожидая приказа из Петербурга. Так это было или не так, а факт остается фактом: пребывание в Сан-Франциско русской эскадры помешало южанам захватить город.

Я спросил Сэма, знает ли он о том, что одним из пехотных корпусов армии северян командовал русский полковник Иван Васильевич Турчанинов, личный друг президента Линкольна. Сэм ответил, что знает. В Америке этот талантливый и храбрый русский офицер был известен

под именем Джона-Базиля Турчина, или «русского громовержца».

— Копаясь в документах гражданской войны,— продолжал Сэм,— я наткнулся на любопытное донесение. В нем говорилось, что во время болезни полковника Джона-Базиля Турчина командование 19-м Иллинойским добровольческим полком взяла на себя его жена, русская женщина Надин Турчин.

В маленьких городках американского Среднего Запада, в скверах, у городских ратуш бессменно стоят на часах бронзовые солдаты армии Севера. Рядом с ними — пушки тех лет, на огромных колесах со спицами, и чугунные доски, на которых отлиты имена горожан, павших на поле брани. Иногда это очень длинные списки. И среди Джонсонов, Смитов, Браунов иногда встречаются Ивановы, Петровы, Кузнецовы. Это русские добровольцы. Русские солдаты Линкольна...

— Америка и Россия никогда не воевали друг против друга, а союзниками были не один раз,— сказал мне инженер из Индианаполиса Рой Тауэр. Мы познакомились с ним на автомобильной стоянке — наши машины стояли рядом. Рой, скинув рубашку, копался в моторе, готовя машину к дальнему пробегу. Сюда, на ферму Линкольнов, он попал в общем-то случайно... У него двухнедельный отпуск. Едет в штат Теннесси к родственникам. Глядит по сторонам, где видит интересное, туда и рулит. Так и сюда попал. И не жалеет. Линкольна он считает великим человеком. Говорит, что американцы в первую очередь должны гордиться не небоскребами и суперавтострадами, а тем, что они подарили человечеству Линкольна.

— Хотите знать, когда я впервые по-настоящему заинтересовался личностью Линкольна? — спросил он меня, вытирая руки тряпкой.— Мне было тогда лет четырнадцать. Наш сосед, отец моего дружка, уехал в Испанию сражаться против фашистов. Говорили, что он вступил в бригаду американских добровольцев имени Авраама Линкольна. Я, конечно, знал, кто такой Линкольн. Но то, что американцы, воюющие против фашистов за океаном, называют себя солдатами Линкольна, произвело на меня большое впечатление и еще выше подняло в моих глазах его образ.

Рой хлопнул капотом, натянул через голову рубаху, спросил:

— А у вас знают Линкольна?

Я ответил, что знают и бережно хранят память о нем. Рассказал, что Ленин особо подчеркивал историческое и революционное значение гражданской войны в США для всего мира и роль Линкольна в этой войне.

— Это хорошо,— сказал Рой,— это очень хорошо. В этом я вижу проявление уважения к американскому народу и к американской истории.

Перед тем, как сесть в машину, признался:

— Откровенно говоря, у меня долго было другое представление о вашей стране. Я ведь не случайно задал вопрос, знают ли у вас Линкольна. Писали, что вы ненавидите Америку и все американское. Многие поверили. Ох, много вреда принесла эта проклятая «холодная война»! Но прозрение наступило. Не могло не наступить. Газеты все еще пишут о «советской угрозе», но лично я не могу назвать среди моих знакомых ни одного человека, который был бы против регулярных встреч руководителей наших стран, против улучшения отношений между США и СССР.

Он включил мотор и махнул мне рукой.

— Счастливого пути! — сказал я.

— Мир и дружба! — отозвался он, трогая машину с места. И вдруг, затормозив, еще раз спросил:

— Значит, у вас знают Линкольна? Это хорошо, это очень хорошо!

ПОЕЗДКА НА «ГЛАВНУЮ УЛИЦУ»

Желтый свет светофора сменился на красный. Чуть притормозив, Пэт Макферсон бросила быстрый взгляд налево и лихо сделала правый поворот. Я сжался: нарушение правил!

— Ага! Струсил! — торжествовал на заднем сиденье Ричард.— А бояться-то нечего. Новое правило. Разрешено на красный, если нет опасности слева. Знаете, почему разрешили? Подсчитали, что огромное количество бензина сжигается у городских светофоров. Подсчитали, что если новое правило распространить на всю страну, то можно сэкономить 187 миллионов галлонов бензина в год.

— Сколько же это будет литров? — не отрывая взгляда от шоссе, спрашивает Пэт.

— Как известно, в американском галлоне — 3,78 литра,— отвечает ей Ричард.— Остальное подсчитай сама.

Я благодарен судьбе за то, что в Миннесоте она свела меня с Ричардом и Пэт. Она молча, уверенно и спокойно ведет машину, а он почти без передышки рассказывает мне разные истории. А рассказать ему есть что. Ричард — бывший репортер. Начинал в столице еще в тридцатых годах. Писал отчеты о пресс-конференциях Франклина Рузвельта. Череда лет... Череда президентов... При Форде Ричард ушел на пенсию. За Картером наблюдает уже со стороны.

В молодости Ричард много писал о «русском вопросе». Немало и такого, что шло на пользу «холодной войне». С годами окрепла уверенность, которую он формулирует так: от того, как складываются советско-американские отношения, зависит, если можно так выразиться, здоровье всей нашей планеты.

— У планеты, как у человека, должна быть нормальная температура: 98 градусов,— говорит Ричард.

— Сколько же это будет по Цельсию? — снова спрашивает его Пэт. И теперь я начинаю догадываться, что эти вопросы не без умысла. Ричард что-то бормочет, смущенно разводит руками, смеется:

— Нет, ей-богу, я начинаю верить, что это коммунистические штучки...

Оказывается, Ричард, как и миллионы его соотечественников, никак не может привыкнуть к метрической системе мер и весов, на которую собирается переходить Америка. Сегодня США — единственная развитая капиталистическая страна, где мерой длины все еще служит ярд (расстояние от носа английского короля Генри I до конца большого пальца его вытянутой руки). Площадь земельных участков американцы до сих пор измеряют в акрах (участок поля, который могла вспахать пара быков от утренней зари до вечерней). От трех ячменных зерен, положенных в линию, произошла и до сих пор царствует в США мера длины дюйм. Две тысячи шагов вооруженного римского воина дали милю. А когда американцы слышат, что на дворе плюс 32 градуса (по Фаренгейту), они знают, что замерзли лужи и пора заливать в радиатор антифриз.

И вот теперь все это надо выкинуть из головы. Американцев можно понять: это действительно чертовски трудно — вдруг взять и отказаться от привычных с детства галлонов, унций, футов. Но как бы там ни было, а переходить на метрическую систему придется. Этого требует жизнь. Это диктуют международные экономические связи. В 1968 году конгресс поручил специальной комиссии изучить этот вопрос. Комиссия проработала три года, истратила два с половиной миллиона долларов и представила конгрессу 12-томный доклад: пришла пора делать Америку метрической. Но постепенно, исподволь, не отказываясь пока и от старой системы. И вот на шоссе уже мелькает новый дорожный указатель: «До Сок-Сентра 94 мили, или 151 километр». Кстати, мы как раз в Сок-Сентр и едем. По словам Пэт, дорога займет часа два. Есть время поболтать с Ричардом.

Но о каких это «коммунистических штучках» упомянул Ричард?

— О, это забавная история и, к сожалению, весьма типичная для США,— отвечает Ричард.— Есть люди, которые и слышать не хотят о метрической системе. Они утверждают, что она оружие мирового коммунизма, направленное на расшатывание американского образа жизни. Вы зря смеетесь! Разве вы не помните, что хлорирование питьевой воды тоже было объявлено коммунистической диверсией? Кое-кто у нас даже капризы природы объясняет «происками Москвы».

Увы, к сожалению, это не анекдот. В штате Джорджия я как-то беседовал с редактором одной из местных газет. Накануне газета опубликовала редакционную статью, в которой утверждалось, что «разрядка выгодна только русским». Я спросил моего собеседника, оказавшегося автором статьи: читал ли он речь Л. И. Брежнева, в которой четко изложена программа нашего государства в области международных отношений? Нет, признался редактор, полного текста речи он даже не видел. Может быть, видели сотрудники? — настаивал я. Он нажал кнопку, вызвал секретаря и попросил узнать, есть ли в редакции полный текст? Не прошло и пяти минут, как секретарь доложил: никто из опрошенных им сотрудников полного текста не видел.

Должен заметить, что редактор был смущен. Да и как не смутиться? Писал редакционную статью, отвергающую советские предложения, не потрудившись даже познакомиться с ними! Что это? Безответственность? Цинизм? Предубежденность? На эти вопросы определенного ответа редактор не дал, но пояснил, что «в штате Джорджия взгляды на внешнюю политику отличаются бóльшим консерватизмом, чем в других местах», а отсюда, дескать, и линия газеты. Правда, как выяснилось из дальнейшей беседы, единства нет и среди здешних «консерваторов».

— Вот, например, губернатор штата Басби ближе к «голубям», а сенатор Сэм Нанн — откровенный «ястреб»,— рассказывал редактор.— Что касается конгрессмена Лоуренса Макдоналда, то он не только за «холодную войну», но и хоть сейчас за «горячую». Макдоналд — активный член «общества Джона Бэрча». Вы, конечно, слышали об этой экстремистской организации. Самые настоящие куклуксклановцы во внешней политике! Поверьте, я просто боюсь встречаться с ними! Это очень сильные и влиятельные люди...

Поняв, что излишне разоткровенничался, редактор попросил не упоминать его имени.

Я спросил Ричарда, что он думает об этом редакторе? Ричард помолчал минуту и ответил:

— Я знаю таких в нашей профессии. Уверен, что где-то в глубине души он одобряет политику разрядки, а пишет, стервец, против нее. Наносит ей вред. Ведь как-никак, а статью его в воскресном номере прочтут не менее 100 тысяч не очень-то искушенных в политике жителей Джорджии. Перед вами, наверное, он хорохорился, что-нибудь провозглашал о свободе печати и свободе личности, а вот ведь проговорился, что боится конгрессмена Макдоналда и его влиятельных друзей. Да напиши он статью в защиту разрядки, они растоптали бы ее ногами вместе с автором!

Я рассказал Ричарду о «консервативных взглядах» на внешнюю политику в штате Джорджия и спросил: а какие взгляды в Миннесоте?

— У нас расположены штаб-квартиры компаний, весьма далеких от военно-промышленного комплекса,— ответил Ричард.— Многие из этих компаний заинтересованы в экономических связях с Советским Союзом. В значительной степени это обстоятельство и определяет отношение в нашем штате к вашей стране, хотя, конечно, и у нас есть

свои макдоналды, джексоны и рейганы. Их везде хватает.

— И вообще Америка — очень консервативная страна,— продолжает Ричард.— Иностранцу в это трудно поверить, но это так. Возьмите, например, местные законы, многие из которых не только устарели, но просто абсурдны сегодня. Их уже забыли, ими никто больше не пользуется, но тем не менее, как у нас говорят, их «не выдрали из книг». А вдруг, мол, понадобятся. Наши журналы время от времени публикуют эти неотмененные законы как курьезы. В бытность свою репортером и я кое-что собрал.

Ричард листает свою записную книжку и читает:

— В городе Пайн Айленд (штат Миннесота) мужчина должен снять шляпу при встрече на улице с коровой.

— Во всем штате Миннесота запрещено вешать мужское и женское белье на один гвоздь.

— В городе Нортон (штат Вирджиния) запрещено щекотать девушек.

— А вот один из законов штата Мэн: все старые девы должны получать пенсию из фонда, составленного от налога на старых холостяков. Только те холостяки освобождаются от налога, которые докажут, что делали предложения трем женщинам или одной три раза и получили отказ.

— В Техасе и поныне не отменен закон, принятый в начале века и гласящий: «Если водитель автомобиля увидит приближающуюся повозку, запряженную лошадьми, он должен немедленно остановиться на обочине и покрыть машину брезентом, окрашенным под тон окружающей местности... Ночью на дорогах водитель обязан подавать сигналы выстрелом из ракетницы через каждую милю, затем ждать десять минут и только после этого осторожно преодолевать следующую милю».

— В Лос-Анджелесе до сих пор запрещено стрелять зайцев из окна трамвая, привязывать крокодилов к водопроводным колонкам, купать двух младенцев в одной ванне одновременно.

— Наверное, когда-то в каждом из этих законов была какая-то необходимость,— философствует Ричард, пряча записную книжку в карман,— но сегодня...

— Начинаются окрестности Сок-Сентра,— предупреждает нас Пэт.

Мы едем в Сок-Сентр. Здесь родился, провел детство и юность американский писатель Синклер Льюис. У нас в

стране широко известны его книги «Главная улица», «Бэббит», «Эроусмит», «Элмер Гентри» и другие. Синклер Льюис был первым американским писателем, получившим в 1930 году Нобелевскую премию за выдающиеся достижения в области литературы.

Первым, как правило, гордится страна. Гордятся земляки. Его книги издают и переиздают. Как правило. Но не всегда. Бывают исключения. Одно из таких исключений — Синклер Льюис. Он как раз один из тех писателей Запада, слава которых облетела земной шар, а на родных улицах их готовы были забросать камнями. Так случилось с Фенимором Купером, которого чуть не выжили из родного города. Так было и с Синклером Льюисом, которого земляки грозились вывалять в смоле, обсыпать перьями и пронести на шесте по городу.

Чем же так провинился С. Льюис перед жителями Сок-Сентра? Да тем, что изобразил их в романе «Главная улица». Во вступлении к роману он писал: «Вот городок в несколько тысяч жителей, среди полей пшеницы и кукурузы, молочных ферм и рощ. Это — Америка. В нашем рассказе городок называется Гофер-Прери, штат Миннесота. Но его Главная улица — это продолжение Главной улицы любого другого городка...»

Синклер Льюис описал хозяев Главной улицы: провинциальных «аристократов», спекулянтов землей, владельцев лабазов и магазинов. Он писал портреты с натуры. И не пожалел красок. Беспощадно показывает Льюис мещанство, духовную бедность, бескультурье и одновременно самодовольство и веру в собственную исключительность элиты провинциального американского городка. По словам литературоведа У. Аллена, «Синклер Льюс выполнил ту же задачу, что и столетием раньше Фенимор Купер: их романы раскрывали перед читателями многих стран мира своеобразие американского образа жизни».

Америка ахнула, увидя собственный портрет. И громче всех ахнули на родине Синклера Льюиса в маленьком городке Сок-Сентр, что в штате Миннесота. Там себя, конечно, сразу узнали. «Это какой же Льюис? — спрашивали друг друга жители Главной улицы. — Не сын ли доктора Льюиса? Помните: рыжий такой, книжник и тихоня? Да его повесить мало! Ну, пусть только снова появится он в Сок-Сентре!»

Писатель и не думал появляться. Знал: на Главной улице могут учинить самосуд. Приехал он туда много лет спустя, когда поулеглись страсти. Но один на улицу выходить опасался. Так и просидел два дня в гостинице.

Давно это было. В 1951 году больным, одиноким и почти забытым стариком умер вдали от родины Синклер Льюис. Литературовед М. Гайсмер в статье «Синклер Льюис — позабытый герой» писал: «Когда-то его называли Скверным мальчиком американской литературы, нынче его, пожалуй, можно было бы назвать Позабытым человеком». Главная улица отомстила своему обидчику.

Сейчас в Сок-Сентре нет уже ни одного человека, который бы знал писателя при жизни. Но здесь уже не притворяются, как раньше: «Писатель Синклер Льюис? Первый раз слышу о таком!» Теперь говорят: «О, Синклер Льюис! Как же, как же! Посетите его музей. Всего два доллара с человека». Теперь и комната в гостинице, где писатель заточил себя на два дня, сдается приезжим лишь за особую плату.

Нашим проводником по городу был владелец местной газеты «Сок-Сентр геральд» Д. Грисуолд. Он привел нас в центр и широким жестом указал на огромный дорожный плакат: «Подлинная Главная улица».

— Да, да, та самая! — пояснил владелец газеты.— Мы не скрываем. Наоборот. Милости просим в «тот самый» городок, на «ту самую» Главную улицу. Индустрия туризма, как известно,— очень выгодный бизнес.

— Простили земляка? — спросил я.— Догадались пустить в коммерческий оборот?

— Не велика коммерция — дохлой лошадью торговать,— неожиданно сухо ответил владелец газеты.

Я еще и раньше заметил, что говорит он о писателе как бы обижаясь на него, как будто Льюис и ему, Грисуолду, чем-то досадил уже после своей смерти. Так оно и оказалось. Когда устанавливали новые дорожные знаки, когда открывали в 1974 году музей, думали: вот туристы хлынут. Ожидали не менее 200 тысяч в год. А они не хлынули. Да и почему, собственно, они должны были хлынуть? Спросите сегодня молодого американца, кто такой Синклер Льюис, и он искренне ответит: «Первый раз слышу о таком!» И действительно, ведь книги его почти не переиздаются.

Вот как наказала Главная улица строптивого писателя! Но одновременно и подтвердила старую истину: палка-то о двух концах!

Конечно, Главная улица уже не та, что была при Синклере Льюисе. И хозяева Главной улицы выглядят иначе. Но богаче ли стала духовная жизнь жителей города? Похоже, что даже бедней.

В романе «Главная улица» в городе существовало Шекспировское общество. Я спросил редактора: существует ли сейчас?

— Вы о каком Шекспире говорите? — переспросил меня редактор.— Один был писателем, а другой в Вашингтоне какой-то пост занимал.

И мистер Банал, который здесь родился и был мэром города, сказал, как отрубил:

— О Сок-Сентре можно написать новую «Главную улицу», похлестче, чем предыдущая.

Вместе с мистером Грисуолдом мы посетили дом, где провел свои детские и юношеские годы будущий лауреат Нобелевской премии. Сейчас там воссоздана обстановка тех лет. Мы были единственными посетителями дома-музея. Единственными с прошлой осени. Осмотр занял несколько минут.

Чтобы как-то развеять печаль, мистер Грисуолд пересказал нам байку, которой любил потчевать приезжих сверстник писателя, здешний банкир Бен Дюбуа. По его словам, Синклер Льюис, которого в детстве все в городе звали Гарри, был замкнутым, странноватым малым и большим оригиналом. Однажды он поспорил будто бы с Беном, что съест квадратный фут травы на лужайке перед домом. И что вы думаете — съел! Очень смешная история, не правда ли?

Ричард кисло улыбнулся, хотел что-то возразить, но промолчал. Больше о Синклере Льюисе мы не говорили. Мистер Грисуолд с увлечением рассказывал, что в нескольких милях от Сок-Сентра нашли камень со знаками, оставленными, как предполагают, викингами. Туда же проложена новая дорога. Есть надежда, что находка привлечет наконец туристов в Сок-Сентр. Конечно, о 200 тысячах туристов в музей Синклера Льюиса в год никто не мечтает, но тысяч на пять — десять, говорят, можно рассчитывать.

И НАЗВАЛИ ПОСЕЛОК ПО-РУССКИ

На карте штата Миннесота я неожиданно обнаружил Москву. Чуть приметная точечка. Судя по всему — деревня. В университете Миннеаполиса стал узнавать, откуда такое название? Один из профессоров географии рассказал: лет сто пятьдесят тому назад около безымянного поселка, в котором жили 25 человек, начался лесной пожар. Свирепствовал он несколько дней и в конце концов уничтожил поселок, состоявший из шести домов. Пришлось строиться заново. Был среди погорельцев грамотный человек. Обтесывая бревна, рассказывал односельчанам о нашествии на Россию Наполеона, о пожаре Москвы, о победе русских. Наверное, хорошо рассказывал, добрые слова говорил. И появилась на севере Соединенных Штатов Москва. Сейчас в ней живут 150 человек.

В Америке есть свои Лондоны, Римы, Парижи, Берлины, Афины, Мадриды. Немало на американской карте и русских названий. Одна лишь Москва встречается больше десяти раз.

В Миннесоте — самая маленькая американская Москва. В штате Айдахо — самая большая: 15 тысяч населения и университет. Я звонил туда, выяснял, почему дали русское имя американскому городу. Председатель исторического общества миссис Уикс ответила: «У нас есть предположение, что первые поселенцы, пришедшие в эту глушь с востока, искали романтическое и героическое имя для поселка. Остановились на Москве. Москва всегда была для американцев чем-то очень далеким, таинственным и героическим».

Москва есть в штате Вермонт. Откуда пошло название? Строили церковь, заказали колокол. Колокол получился красивым, звонким. Кто-то воскликнул: «Прямо как Царь-колокол в Москве!» С того и пошло.

Есть Москва и в штате Канзас. На машине мы с Ильей Шатуновским проехали ее из конца в конец за полторы минуты. Кругом лежала степь, такая ровная и гладкая, как будто по ней прошлись гигантскими катками. Не знаю, как сейчас, а тогда мэрия тамошней Москвы была расположена в помещении заправочной станции, которой владел мэр города мистер Гескл. Ему же принадлежал и городской элеватор. По сведениям мэра, канзасская Москва по-

лучила свое название от имени индейского вождя. Сперва, дескать, поселок так и назывался — Моско, а потом почтовое ведомство будто бы вставило по ошибке лишние буквы, и получилась Москва. Так это было или не так, а нынешним жителям нравится называть себя москвичами.

Был я и в Москве, которая расположилась в штате Теннесси на границе с Миссисипи. Ее можно проехать вдоль и поперек за пять минут. Это крошечный городишко, в котором живут 368 человек. Здесь есть все, чему полагается быть в такого рода американских городках: бензоколонка, две церкви (для черных и белых), начальная школа (только для белых), два бара и, конечно, аптека, где вы можете купить аспирин и ночные туфли, пленку для фотоаппарата и раскладную кровать, съесть яичницу и выпить кофе.

Здесь нет того, чему в таких городках не положено быть: книжного магазина, библиотеки, клуба.

Какие-то южные птицы пересвистываются в листве могучих кленов. Облака отражаются в лужах на площади. Где-то проголосил петух. На улице ни души. Полдень. Тихо. Сонно.

В доме мэра города госпожи Клотель Мортон тихо, прохладно и чисто. Качалка, стол, стулья, какие были в моде сто лет тому назад. В спальне, куда открыта дверь, старинная деревянная кровать с резными столбами по углам. Да и сама госпожа Мортон как будто оживший портрет южанки-плантаторши прошлого века. Высокая, сухая, седеющая. Нос с горбинкой, острый подбородок. Она и есть плантаторша. У нее самая большая в этих местах ферма: 1500 акров под хлопком.

1500 акров — немалый кусок земли. Спрашиваю, не мешает ли ей должность главы города заниматься хозяйством? Она поправляет на столе бумаги с гербами, длинным холеным ногтем скребет какое-то пятнышко. Поясняет мне, как человеку, который ничего не понимает в жизни: на ее полях работают три негритянские семьи, и есть управляющий, который следит за батраками. Еще недавно у нее работало двадцать негритянских семей, но сейчас она их заменила машинами.

Потом я зашел в аптеку выпить кока-колы.

— Давно, давно не виделись,— сказал хозяин аптеки, энергично пожимая мне руку.

Он сказал это так, как будто мы последний раз виделись на прошлой неделе. Но, как выяснилось из дальнейшего разговора, первый и единственный раз Роберт Тэкер жал русскому руку 25 апреля 1945 года у германского города Торгау. Он был тогда разведчиком 69-й американской пехотной дивизии, которая встретилась с наступающими советскими войсками на Эльбе.

— Хорошие ребята,— вспоминает Тэкер советских солдат.

По-видимому, сидение за стойкой аптеки приучило Тэкера к философствованию. Задумчиво глядя на колечки дыма сигареты, он рассуждает:

— У вас, в русской Москве, свои заботы, у нас здесь, в американской Москве, свои. Разные у людей думы, разные печали и радости.

Что же заботит американского москвича Тэкера? Многое. В том числе и расовый вопрос. Тэкер родился, вырос и прожил большую часть жизни в этом зеленом городке на границе с Миссисипи. Всегда здесь «белый был белым, а черный — черным». А теперь...

— Ну, что бы ни произошло на земле,— утешает сам себя Тэкер,— в царстве небесном все останется по-старому. Туда, в царство небесное, ведут два моста: один для белых, другой для черных.

В каких штатах еще есть Москва? В Айове, Техасе, Мичигане, Оклахоме, Арканзасе, Миссисипи, Индиане, Огайо, Пенсильвании. В большинстве случаев эти маленькие тезки нашей Москвы возникли вскоре после 1812 года. Тогда же возникло и Бородино в штате Нью-Йорк.

Во время Крымской войны 1853—1856 годов в США появились сразу пять или шесть Севастополей — дань мужеству защитников города на Черном море. Согласно преданию, в одном из безымянных поселков в Калифорнии из-за чего-то вспыхнула крупная потасовка. На краю поселка десяток парней забаррикадировались в лавке и долго отбивали штурм разъяренных противников. Сперва эту лавку назвали Севастополем, а потом и весь поселок.

В конце прошлого века переселился в США из Тверской губернии бывший гвардейский офицер П. А. Дементьев. Занялся лесным делом. Потом на паях с американским бизнесменом Уильямсом построил во Флориде железную дорогу. Возник поселок. Как назвать? Уильямс предлагал Новый Детройт. Дементьев — Санкт-Петербург. Бросили

вверх монету. Выиграл Дементьев. С тех пор стоит на Мексиканском заливе город Сэнт-Питерсберг. Сейчас там 220 тысяч жителей.

Есть в Америке девять Одесс. Лишь около двух американских Одесс плещется море. Другие стоят в степях. Самая большая Одесса (80 тысяч жителей) — в Техасе. Сейчас это центр нефтяного района, а раньше здесь колосились хлеба. Местные фермеры засевали плодородные земли семенами пшеницы, выведенной в степях под украинской Одессой. Отсюда и название американского города.

В штатах Индиана, Миннесота и Северная Дакота встречались мне крошечные фермерские поселки: Россия, Киев, Белоруссия. Более ста лет назад основали их наши земляки, бедняки крестьяне, переселившиеся в Америку в поисках счастья. Имен этих людей уже никто не помнит, но вклад их в строительство тогда еще молодой страны несомненен.

В калифорнийской пустыне есть полустанок Сибирь. Люди, давшие ему такое название, были с юмором: это самое жаркое место на западе США. Сибирь есть и около озера Мичиган. В степях Канзаса расположен населенный пункт Урал.

Как-то в штате Южная Дакота на автомобильной дороге № 14 я неожиданно попал в фермерский поселок Волга. Любопытно, что ближайшая река протекает в трех километрах от поселка и носит имя индейского племени сиу. Вокруг до самого горизонта тянутся пшеничные поля. В поселке живет около 900 человек, в основном скандинавского и индейского происхождения. Все мои попытки выяснить, кто дал поселку имя великой русской реки, окончились неудачей. Многие американские волжане даже не подозревают о существовании такой реки в России. Лишь одного древнего старика полуиндейца-полускандинава мой вопрос заставил задуматься. Седой скуластый старик с раскосыми слезящимися глазами сидел на кровати, сложив ноги калачиком. Он что-то мучительно припоминал и наконец вспомнил.

— Волга-Волга, матушка Волга! — пропел он по-английски на мотив «Из-за острова на стрежень...». И неожиданно по-русски добавил: — Барыня-сударыня...

Битый час я пытался выяснить у старца, откуда знает он русскую песню и эти два русских слова? Но он уже ни-

чего не мог вспомнить и только печально и устало повторял:

— Очень стар... Очень стар...

Внучка старика сказала, что ему уже 108 лет.

В бесконечных прериях Южной Дакоты затерялся маленький поселок Толстой. Это глубинка сейчас, а какая глушь здесь была в те времена... Давайте представим себе: несколько фермерских домиков в бескрайней степи; по ночам около самых дверей шныряют койоты; до ближайшего поселка сутки езды. И вот с опозданием, может быть, на месяцы узнают фермеры о смерти великого русского писателя Льва Толстого. И они направляют в Вашингтон просьбу зарегистрировать их поселок под именем Толстого.

Немало в Северной Америке мест, названных в честь русских мореплавателей и землепроходцев. Побывав на Аляске, убеждаешься в том, как жива там память о русских. Нынешние жители Кадьяка помнят, что их город основан русскими зверобоями и назывался Павловском вплоть до 1867 года, когда царское правительство продало Аляску США. Не забывают жители и другого города на Аляске — Ситки, что когда-то это был русский город Ново-Архангельск — столица Русской Америки, самый крупный населенный пункт на всем Тихоокеанском побережье Северной Америки. В ту пору Сан-Франциско был всего лишь небольшим поселением, самым северным «пресидио» — военным фортом испанцев, спешивших опередить американцев и колонизировать все побережье Тихого океана.

Американцы, заселившие к тому времени страну от Атлантического океана до Миссисипи, упорно и неотвратимо продвигались на запад. Но еще даже со Скалистых гор не дошли караваны крытых фургонов с американскими переселенцами, а русские уже строили в Калифорнии свою первую деревянную крепость, которая и поныне гордо стоит на обрывистом берегу Тихого океана, привлекая к себе тысячи туристов со всех концов Америки. Крепость называется Форт Росс, а река, протекающая недалеко от нее,— Русская река.

История создания Форта Росс на американской земле связана прежде всего с именем мещанина из города Тотьмы Вологодской губернии Ивана Кускова. В 1808 году губернатор Аляски Александр Баранов послал его далеко

на юг с важным заданием: подыскать место для земледельческого поселения, которое снабжало бы русские города на Аляске продуктами сельского хозяйства. Такое место было найдено в нескольких десятках миль от Сан-Франциско. Официальное открытие форта состоялось 11 сентября 1812 года.

Русские поселенцы не теряли зря времени. Они построили внутри форта две ветряные мельницы, кожевенный завод, кузницы, мастерские, не говоря уже о скотных дворах, птичниках и конюшнях. И, конечно, русскую баню, в которой они вволю парились вениками, как в далекой России. Но самым удивительным по тем временам сооружением была судостроительная верфь, на которой в первые два года было построено несколько небольших судов и два мореходных корабля, способных ходить под парусами до Ново-Архангельска. Вокруг форта расстилались поля пшеницы, ржи и кукурузы, на огородах зрели овощи, на пастбищах паслись коровы, козы и овцы.

Примечательно, что русские завязали сердечную дружбу с местными индейцами. За все время существования форта у русских не было ни одной ссоры с индейцами, в то время как испанские поселенцы почти беспрерывно воевали с аборигенами, которых они стремились превратить в рабов.

Жена Кускова — Екатерина Прохоровна, изучив язык индейцев, организовала школу, где учила индейских ребятишек русскому языку, чтению, письму и арифметике. Вполне возможно, что разучивали индейские ребятишки и русские песни, в том числе и «Барыню-сударыню»...

К 1830 году население Форта Росс перевалило за четыре сотни и составило примерно десятую часть населения всей тогдашней Калифорнии. Испанцев было во много раз больше. И хотя между ними и русскими не было вооруженных конфликтов, испанцы нажимали, теснили русских, окружали их кольцом своих «пресидио». А до Русской Америки было далеко. До Петербурга еще дальше. Слишком далеко, чтобы рассчитывать на помощь...

В 1841 году русские мирно покинули Калифорнию. Только несколько лет спустя после того, как на башне Форта Росс был спущен русский флаг, туда прибыли первые американские переселенцы, отобравшие Калифорнию у мексиканцев с помощью оружия.

Теперь Форт Росс — музей-заповедник штата Калифорния. Сохранилось, правда, там не очень много: деревянные крепостные стены с блокгаузом, чугунная пушка, два потемневших от времени здания, в одном из которых собрана утварь русских поселенцев. Несколько лет назад сгорела православная церковь, построенная в 1815 году из калифорнийской секвойи.

Но сохранилось другое, не менее важное. Сохранилась память о горстке мужественных и трудолюбивых россиян, вписавших славную страницу в историю Северной Америки. Не случайно на карте Америки так много милых нашему сердцу русских имен и названий.

«ВЫ АЛЯСКЕ НЕ НУЖНЫ...»

Для большинства американцев Аляска находится где-то на краю света. Они ее так и называют: «Последний рубеж». Смею утверждать, что и для многих моих соотечественников, особенно для тех, кто живет к западу от Урала, Аляска лежит, если и не на самом краю света, то по крайней мере где-то рядом с ним.

Аляска и в самом деле далеко. Причем, если прикинуть на глобусе, то получится, что расположена она почти на равном расстоянии как от Вашингтона, так и от Москвы.

Русские морские офицеры Витус Беринг и Алексей Чириков, исполняя приказ царя Петра Первого, пробивались к далекому и неизведанному берегу Аляски несколько зим и несколько лет. Даже сейчас, в пору реактивной авиации, чтобы добраться до Аляски из Вашингтона, требуется не менее восьми-девяти часов.

И вместе с тем Аляска близко. Она наш сосед. Лишь 55 миль воды и льдов Берингова пролива отделяют берег советской Сибири от берега американской Аляски. Самый крайний кусочек нашей земли — больший из островов Диомида находится в двух с половиной милях от самого крайнего кусочка американской земли — меньшего из островов Диомида. Между островами проходит не только государственная граница СССР и США, но и международная линия, которая разделяет время на день вчерашний и день сегодняшний. На советском острове время ровно на сутки опережает время на американском.

...Из Вашингтона самолет на Аляску вылетает в полдень. Самолет спешит за солнцем, и кажется, что световой день никогда не кончится. Внизу под облаками остаются города северо-восточных штатов с их вечной суетой и адской сутолокой, спокойная гладь Великих озер, осенние просторы Канады. И уже на закате, когда самолет, снижаясь, пробивает толщу облаков, глазам открывается неожиданная и незабываемая картина. Внизу — первозданный хаос голубеющего льда, белых скал, снежных полей и темных зияющих провалов. А еще дальше к горизонту — необозримая снежная пустыня, безжизненная и дикая. Вот оно, знаменитое «белое безмолвие», с такой силой описанное Джеком Лондоном, что даже при взгляде на него из окна самолета на мгновение становится жутко и холодно на душе.

Но вот самолет садится в аэропорту Анкориджа, и Аляска Джека Лондона исчезает, растворяется в уютных холлах одного из самых современных аэропортов Америки. В последние годы Анкоридж превратился в перекресток полярных воздушных дорог, идущих сюда из Азии и Европы. Вот и самолет, доставивший нас из Вашингтона, через час улетит отсюда в Токио.

Однако Аляска Джека Лондона снова нет-нет да и появится на улицах Анкориджа — самого большого города штата (около 50 тысяч жителей) и одновременно самого молодого (возник в 1915 году). Подобно застенчивому неуклюжему подростку, Анкоридж пытается стать похожим на современные старшие города в «нижних», как здесь выражаются, штатах, но это ему не во всем удается. Сказываются происхождение, местные условия. О небоскребах, например, здесь нечего и думать. Анкоридж расположен в зоне землетрясений: в марте 1964 года тут тряхнуло так, как давно не трясло нигде в Северной Америке,— свыше восьми баллов по шкале Рихтера!

Но впечатление производит не отсутствие такой стандартной приметы американизма, как небоскребы, а тот особый дух, который заключен в самом понятии «последний рубеж». Этот дух первопроходцев и первооткрывателей уже выветрился из штатов бывшего «Дикого Запада», но еще отчетливо ощущается здесь, на Аляске. И это неудивительно: по размерам она равна территориям Англии, Франции, ФРГ и Испании, вместе взятым. Но плотность ее населения — 0,4 человека на квадратную милю, в то

время как для всех Соединенных Штатов средняя плотность населения — 50.

Аляска — самый большой из американских штатов, здесь вообще много всякого «самого большого» (за исключением, как уже было сказано, численности населения, которое составляет лишь около 300 тысяч человек). Здесь самые высокие в Северной Америке горы и самые высокие цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Здесь самые глубокие озера в Америке. Самые крупные медведи. Самая длинная и самая холодная зима с морозами, достигающими 60 градусов по Цельсию.

Романтика «последнего рубежа» и северная экзотика перемешаны тут с тяжким трудом одних и беспощадной алчностью других, не щадящих ни животный мир Аляски (он еще сохранился, как ни в каком другом месте Америки), ни людские судьбы.

Экзотика, разумеется, обнаруживает себя прежде всего. С первым снегом по улицам Анкориджа наперегонки с автомобилями мчатся собачьи и оленьи упряжки, а в северной части Четвертой авеню, где каждая вторая дверь ведет в кабак, можно встретить обросших и угрюмых золотоискателей, просоленных морской водой боцманов, обожженных морозом охотников и лесорубов. Время от времени из двери бара катится в снег очередная жертва «огненной воды», вышвырнутый вон абориген — индеец, эскимос или алеут. Отношение к ним здесь еще хуже, чем к неграм в Миссисипи, к мексиканцам в Техасе или к индейцам в Северной Дакоте.

— Это просто позор, до чего довели аборигенов,— сказал мне журналист из Анкориджа.— Вам даже трудно представить себе, насколько безжалостны жернова «американизации». Монополии отняли у эскимосов, индейцев и алеутов почти все, чем они обладали на Аляске, превратив их в лишних людей. Достаточно сказать, что каждые шесть алеутов из десяти умирают от туберкулеза.

В Анкоридже я разговаривал с молодым эскимосом, который мечтает совершить далекое путешествие в Вашингтон, чтобы в библиотеке конгресса взглянуть на копию договора между США и Россией о купле-продаже Аляски: нет ли в этом документе чего-нибудь о правах индейцев, алеутов и эскимосов?

О России, о русских, которые открыли Аляску и первыми исследовали ее, напоминает здесь многое. Русские

названия островов и поселков: Петербург, Баранов, Прибылов, Шелихов, не говоря уже о море Беринга, о проливе Беринга, городе Врангель, озере Врангеля, горах Врангеля. Кое-где сохранились старинные деревянные русские церкви и могилы русских людей под белоствольными березами за церковными оградами.

126 лет эта земля называлась Русской Америкой. Первое европейское поселение на тихоокеанском берегу североамериканского континента было основано иркутским промышленником Григорием Шелиховым. Поселение русских зверобоев называлось Павловском (теперь Кадьяк). К моменту продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 году здесь было свыше сорока русских городков, крепостей и поселков. Столицей этого края стал город Ново-Архангельск (ныне Ситка), основанный «главным правителем» Русской Америки Александром Андреевичем Барановым. В Ново-Архангельске вырос большой по тем временам порт, судостроительная верфь, складские помещения. Это был самый крупный населенный пункт на всем Тихоокеанском побережье Северной Америки. Сан-Франциско в те годы был всего лишь миссионерским поселком.

Русских здесь помнят. На острове Кадьяк есть музей Баранова. Там же в летнем театре под открытым небом каждый год в августе играют «историческую драму из жизни знаменитого губернатора Русской Америки».

Русские самовары старинной работы сверкают начищенной медью в витринах многих магазинов Анкориджа. С конфорки свисает табличка с инструкцией: куда наливать воду, куда сыпать угли, как избежать угара. Самовары кичатся многочисленными призовыми медалями, оттиснутыми на медных боках, и своим знатным происхождением. У каждого своя легенда. Таблички поясняют, что вот из этого будто бы баловался чайком сам царь Петр. Другой будто бы был привезен на Аляску лейтенантом Алексеем Чириковым. Третий будто бы стоял во дворце Александра Баранова в городе Ситка.

Соответственно и цены на исторические самовары зависят от «происхождения».

У Джеймса, преподавателя истории в одной из школ Анкориджа, самовар — семейная реликвия. Достался самовар ему от деда, потомственного, если можно так выразиться, аляскинца. А деду — от прадеда, который получил его в подарок от своего русского друга.

Прадед Джеймса служил в русско-американской компании, которую возглавлял Александр Баранов. Из поколения в поколение хранится в семье Джеймса глубокое уважение к имени этого русского человека, талантливого дипломата и умного хозяйственника.

— Я веду курс истории в старших классах,— говорил мне Джеймс,— и всегда рассказываю ученикам о том, какими друзьями были американцы и русские на Аляске, как они сотрудничали и помогали друг другу. Знаете, оглянуться назад бывает совсем не вредно. Есть у нас люди, которые хотели бы, чтобы американцы забыли о том, что русские поддерживали нашу борьбу за независимость в XVIII веке. В начале XIX века Россия была единственной великой державой, дружески расположенной к Соединенным Штатам. Россия на дипломатической арене помогла нам во время англо-американской войны в 1812—1814 годах. А когда нам стала угрожать английская интервенция в 1863 году, русские послали в Нью-Йорк и Сан-Франциско свои военные эскадры.

В доме Джеймса, а также во время бесед с журналистами Анкориджа я почувствовал, что на Аляске гораздо острее, чем в «нижних» штатах, воспринимают развитие нынешних американо-советских отношений. Есть и здесь, разумеется, люди, которым любое просветление на международном горизонте как нож в сердце. Но большинство за то, чтобы отношения между двумя великими державами улучшались.

— Где-нибудь в Техасе можно забыть, что США и Советский Союз — соседи,— сказал Джеймс.— На Аляске мы этого не забываем.

С Джеймсом я познакомился, когда искал дорогу в исторический музей Анкориджа. Было это в одном квартале от главной улицы города. Я потому упоминаю о главной улице, что Джеймс копал у себя в огороде картошку. Понимаете: главная улица шумит в двух шагах, а тут человек какими-то изогнутыми вилами спокойно и с видимым наслаждением копает картошку. И вокруг ярким пламенем полыхают ветки рябины. Такого в городах «нижних» штатов, конечно, не увидишь.

Так вот, седой высокий человек в стеганой куртке оперся на свои вилы, объяснил дорогу в музей. А когда узнал, что я из Советского Союза, рявкнул:

— К черту музей! Нэнси! Нэнси! К нам в гости пришел русский!

На крылечко выпорхнула из комнаты встревоженная Нэнси, легонькая, сухонькая в синем передничке и с седыми волосами, накрученными на розовые бигуди.

— Боже мой, Джеймс,— запричитала старушка.— Как ты меня напугал! Я подумала, что медведь откуда-то взялся. Едва винтовку со стены не сорвала.

Пока Джеймс хохотал и по-приятельски хлопал меня по спине, Нэнси куда-то исчезла и вернулась в сопровождении двух соседей. Посещение музея пришлось отложить.

Джеймс сам развел самовар. Он знал, куда сыпать угли и куда лить воду. Инструкции, которые я видел на витринах магазинов, не для него, а для тех, кто сравнительно недавно переселился на Аляску из какого-нибудь там Канзаса или Висконсина. И для тех парней с военно-воздушных и военно-морских баз, которых на Аляске немало. Кроме авиации и флота, тут расквартированы довольно крупные армейские силы.

Тем временем Нэнси показывала мне семейные фотоальбомы с пожелтевшими карточками, на которых усатые, бравые мужчины с винтовками в руках небрежно попирали ногой медвежьи туши; другие усатые, но изможденные мужчины в засаленных фетровых шляпах, присев на корточки у ручья, промывали в медных тазиках речной песок, по-видимому, в надежде найти крупицы золота. Еще какие-то мужчины с белыми от инея усами и бородами держались за спинку саней, в которые были впряжены восемь пар остроухих эскимосских собак.

И еще там была такая фотография: высокие заснеженные горы, несколько избушек в долине и длинные темные цепочки людей, тысяч людей, узенькими ручейками текущие по склону горы к избушкам. Это золотоискатели, хлынувшие на Аляску в последние годы прошлого века.

— Весной 1898 года в этом месте,— пояснил Джеймс,— под снежным обвалом в течение всего лишь нескольких минут погибло около 600 искателей счастья.

Но движение на Аляску продолжалось. Воротами на Аляску был Сиэтл. Не случайно набережная в Сиэтле называется «Аляскинский путь». Здесь был перевалочный пункт для тех, кто уходил в поисках счастья в «белое безмолвие». Бронзовая доска, привинченная к бетонному парапету набережной, гласит: «Историческое место. В 1897

году здесь была выгружена первая знаменитая тонна золота — началась золотая лихорадка на Аляске».

Когда-то через Сиэтл шла торговля США с Россией. Вообще-то русские исследователи и охотники бывали в этих местах еще задолго до того, как возник Сиэтл. Об этом свидетельствуют исторические документы и кое-где сохранившиеся остатки русских поселений. «Хотя испанцы еще раньше плавали вдоль берегов нынешних штатов Орегон и Вашингтон, а также Канады, им это мало что дало,— пишет американский историк Джон Бэйклесс.— Тем временем русские мореплаватели Витус Беринг и Алексей Чириков в 1741 году достигли северо-западных берегов Нового Света, а Беринг, возможно, спускался на юг до широты 46 градусов».

Сиэтл — это имя индейского вождя, племя которого обитало в крайнем северо-западном углу нынешней территории Соединенных Штатов Америки. Примерно 120 лет назад здесь возник поселок белых пришельцев. Индейцы встретили «бледнолицых братьев» очень радушно. В честь гостеприимного вождя поселок из 24 бревенчатых избушек назвали Сиэтлом. Что потом стало с индейцами — в Сиэтле вспоминать не любят. Во всяком случае, вблизи современного Сиэтла, города с почти полутора миллионами жителей, нет индейской резервации: некого резервировать.

С большей охотой в Сиэтле вспоминают не наивного индейского вождя, а одного из первых поселенцев по имени Мэрсер. В шестидесятых годах прошлого века в Сиэтле было что-то около двух тысяч жителей, причем добрая половина из них мужчины-холостяки. Это были дюжие и мужественные парни-лесорубы, охотники, рыболовы, золотоискатели, сильно тосковавшие по семейному очагу и женской ласке. Предприимчивый Мэрсер отправился через всю страну на атлантическое побережье и через год вернулся с одиннадцатью девицами, желающими обзавестись семьей. Встречать невест вышел весь город. Как свидетельствуют исторические документы и письменные рассказы очевидцев, обросшие, неуклюжие женихи ужасно смущались и очень напоминали добродушных ручных медведей в праздничной мужской одежде. В тот же день в Сиэтле стало 11 холостяками меньше.

Через два года тот же Мэрсер привез в Сиэтл около сотни вдов солдат, павших на полях гражданской войны между Севером и Югом. На одной из вдов Мэрсер женил-

ся сам. Благодарные потомки увековечили имя Мэрсера в названиях одной из улиц Сиэтла, острова и главной автострады.

В самом дальнем краю «белого безмолвия», в полярной тундре, где снежные бури дуют со скоростью 160 километров в час, нашли нефть. Нашли и долго держали находку в секрете, чтобы, сохрани господи, не узнали другие нефтяные компании, чтобы не выдернули из-под носа сказочное богатство, спрятанное под слоем вечной мерзлоты на глубине 2600 метров.

Ученые, состоящие на службе у нефтяной компании «Атлантик ричфилд», в глубокой тайне подготовили для своих хозяев доклад о предполагаемых запасах нефти в заполярной Аляске. Первоначально эти запасы исчислялись в 5 миллиардов баррелей [1]. Затем заговорили о 10—15 миллиардах. Другими словами, под снегами Аляски лежит нефтяное месторождение в несколько раз больше техасского.

Хозяева «Атлантик ричфилд» пуще чумы боялись появления конкурентов. В глубокой тайне на железнодорожной станции Фэрбенкса разгружалось оборудование для бурения. Глухой метельной ночью первый санно-тракторный поезд с оборудованием ушел на север. Почти месяц понадобилось ему, чтобы добраться до поселка Прадхобэй. После этого решили использовать транспортные самолеты. Около 80 рейсов пришлось сделать огромному четырехмоторному «Геркулесу», прежде чем рабочие смонтировали в тундре первую буровую вышку. Подсчитано, что она обошлась компании чуть-чуть меньше миллиона долларов.

Но это еще не все. Когда начали бурить, выяснилось, что проходка каждого метра занимает чуть ли не в десять раз больше времени, чем в Техасе, и обходится раз в десять — двенадцать дороже. Длинной полярной зимой, когда температура падает до минус 60 градусов, бурильное оборудование требует непрерывного обогревания. Но оказалось, что не легче и летом, когда почва, состоящая почти на 80 процентов из воды, превращается в топкое болото.

[1] Нефтяной баррель равен 159 литрам.

Никто не знает, когда, в каком году «Атлантик ричфилд» пробилась наконец к нефти, когда забил ее первый черный фонтан. Все происходило в тайне. До той ночи, когда в аэропорту Фэрбенкса сел самолет, прилетевший из поселка Прадхо-бэй. Еще находясь в воздухе, пилот вызвал к посадочной полосе машины «Скорой помощи».

Из самолета на носилках вынесли закутанных в вату и марлю людей. Они были обожжены. Как выяснилось, при взрыве нефтяного газа. Так тайна «Атлантик ричфилд» перестала быть тайной. Аляску затрясла нефтяная лихорадка.

Теперь над тундрой все чаще и чаще слышался шум моторов самолетов и вертолетов. К берегу Ледовитого океана мчались собачьи и оленьи упряжки. Нефтяные монополии слали за Полярный круг своих разведчиков. Агенты монополий не жалели денег, спаивали в кабаках Анкориджа и Фэрбенкса рабочих, прилетевших в отпуск с Прадхо-бэй: пьяный, как известно, болтлив. Кто-то рылся в сейфах «Атлантик ричфилд» и, как предполагают, сфотографировал бумаги компании, касающиеся аляскинской нефти.

Тем временем за Полярным кругом началась настоящая война между монополиями. Хозяева «Атлантик ричфилд» всерьез подумывали об установке около скважин зенитных орудий, чтобы отпугивать разведывательные самолеты конкурентов. Специальные посты, разбросанные в «белом безмолвии» от горного хребта Брукс до берегов океана, по радио предупреждали вооруженную охрану Прадхо-бэй о появлении в тундре таинственных собачьих упряжек и тракторов-вездеходов. Непрошеных гостей встречали молодцы с маузерами на боках и заворачивали назад. Дело доходило до кровавых драк и даже перестрелок, о которых, впрочем, никогда не сообщалось в газетах.

— Волки в тундре ведут себя благороднее по отношению друг к другу, чем нефтяные компании,— вздохнул местный журналист, рассказывавший мне всю эту историю.

Наконец власти Аляски объявили торги на аренду 179 пустующих земельных участков вдоль берега океана. В Анкоридж, где должны были состояться торги, рину-

лись управляющие почти пятидесяти нефтяных компаний. И каждый управляющий, конечно, хотел узнать, на какой из участков нацелился конкурент и почему он туда нацелился. Как бы не прогадать! Как бы не остаться в дураках! Как бы не выдать свои собственные секреты и планы!

Ночью то и дело просыпались, проверяли, цел ли портфель с бумагами, сунутый под подушку. Бумаги были завернуты в алюминиевую фольгу, чтобы их нельзя было сфотографировать с помощью рентгеновских лучей. Другие арендовали все до единой комнаты в мотелях, чтобы избежать подслушивания из-за стены. Третьи ночевали в собственных самолетах на аэродроме. Четвертые в ожидании торгов пять суток катались взад и вперед по железнодорожной ветке Калгари — Эдмонд, полагая, что арендованный вагон в движении — самое безопасное место на всей Аляске.

В Анкоридже мне показывали здание, где происходили эти исторические торги. Теперь это самое знаменитое здание на Аляске. Вот сюда, в эту маленькую комнату за сценой, сдавали управляющие свои заявки. Вот здесь висела гигантская карта заполярной Аляски, поделенная на квадраты. Девушка в голубом костюме водила оранжевой указкой по квадратам, а директор управления природных ресурсов Аляски Томас Келли объявлял результаты торгов.

— Квадрат № 1 получает кооперация компании «Галф ойл» и «Бритиш петролеум» за... 15 528 960 долларов,— торжественно прокричал Келли в микрофон.

Зал ахнул от неожиданности. Еще месяц назад никто не дал бы за этот участок пустынной тундры и десяти долларов. Но это было только начало.

— Квадрат № 37 отходит объединению компаний «Калифорния мобил» и «Филипс петролеум» за 41 200 000 долларов,— объявлял Келли.

Возбуждение в зале росло с каждой минутой.

— Квадрат № 57 передается компаниям «Дж. Поль Гетти» и «Амерада Гесс», предложившим 72 300 000 долларов.

Зал ревел и визжал, как во время бокса. Кто-то рыдал, обхватив руками седую голову. Кого-то, потерявшего сознание, тащили из зала в коридор.

В течение дня были сданы в аренду все 179 участков прибрежной тундры. Власти Аляски получили 900 220 590 долларов.

Земли, в недрах которых была открыта нефть, когда-то принадлежали эскимосам, алеутам и индейцам. Затем ими завладели власти штата. Как я уже упоминал, на торгах в Анкоридже нефтяные компании купили эти земли, заплатив Аляске 900 220 590 долларов. Это было просто сказочное богатство, если учесть, что весь годовой бюджет Аляски составлял тогда 154 миллиона долларов.

На какие цели израсходовать эти деньги? Боже мой, каких только проектов не было! Тогдашний губернатор Кэйт Миллер говорил мне, что «аляскинцы ведут себя как члены семьи, которая выиграла по лотерее. Каждый предлагает свое. Построить монорельсовую дорогу за Полярный круг и возить туда туристов. Перестроить столицу Аляски Джуно так, чтобы в Техасе и Оклахоме от зависти лопнули».

На этом конкурсе великолепных идей как-то затерялась мольба аборигенов Аляски: помогите нам, спасите нас от вымирания!

Задним числом о них вспомнил журнал «Тайм», который писал: «57 тысяч алеутов, эскимосов и индейцев — одна пятая часть всего населения Аляски — являются, пожалуй, самыми бедными и обездоленными гражданами США. Разбросанные по всему штату и проживающие примерно в двухстах грязных, нищих поселках, они, по сути дела, исключены из экономической жизни штата. Для этих коренных жителей Аляски характерны ужасающе низкий уровень жизни и полное отсутствие возможностей для ее улучшения. Средняя продолжительность их жизни — 35 лет».

Подсчитано, что чистая прибыль компаний, начавших получать нефть с Аляски, обещает составить от 5 до 8 миллионов долларов ежедневно.

А что получат простые люди? Журнал «Нэшнл джиографик» пишет: «Казалось, доля Аляски в нефтяном буме — доходы от аренды и отчислений послужат процветанию штата. Мечтали о школах, больницах, аэропортах и дорогах, о лучшей жизни после стольких лет прозябания в хижинах. Ничего этого не случилось. Остались и хижины и трущобы».

Несколько месяцев назад губернатор штата Джей Хэммонд беседовал с журналистами.

Вопрос. Губернатор Хэммонд, как нефтяные богатства меняют Аляску?

Ответ. Трезво оценивая положение, следует ожидать и плюсов и минусов... Наряду с экономическим развитием наблюдается перенаселение, рост цен и преступности. Надеюсь, что мы когда-нибудь сможем решить проблему безработицы, уровень которой традиционно является на Аляске самым высоким по стране, и повысить жизненный уровень в сельских районах штата, по сравнению с которыми в Аппалачах царит изобилие[1].

Вопрос. Вы хотите сказать, что Аляске не суждено стать нефтяным королевством внутри Америки?

Ответ. На мой взгляд, на Аляске существует трезвое понимание того, что нам не грозит опасность утонуть в роскоши. Нам еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы сможем поднять многих жителей штата хотя бы до среднего экономического уровня XX века.

Аляскинский нефтепровод строили 8 лет. Это была гигантская работа. Он протянулся на 1300 километров через тундру, леса и болота, через два горных хребта, через 23 большие и 124 малые реки. На строительство его истрачено около 8 миллиардов долларов.

Можно было предположить, что такое большое строительство втянет в свой круговорот коренных жителей, даст им работу, обучит новым профессиям. Но этого не произошло. Аборигены и тут оказались обделенными.

— У нас достаточно и белых рабочих,— сказали мне в одной из контор строительства нефтепровода.— Готовить специалистов из эскимосов? Тратить на это время и деньги? Это же абсурд!

Еще в 1975 году в провинциальных американских газетах появилось объявление: «Мы верим, что вам нужна Аляска. Но поверьте и нам — вы Аляске не нужны. Если вы надеетесь найти на Аляске работу, забудьте об этом. Работы там нет».

В чем дело? В том, оказывается, что, прослышав о строительстве нефтепровода, на Аляску хлынули безработные из «нижних штатов». Но они оказались «лишними людьми», которых и без того немало в этих краях.

[1] Аппалачский угольный бассейн — один из районов постоянной безработицы и нищеты.

В Анкоридже и Фэрбенксе тысячи приезжих ночевали на полу в церквах и государственных учреждениях. Маялись неделями, продавали с себя последнее, чтобы не умереть с голоду, и в конце концов, прокляв Аляску, уезжали назад. Для них «бум» тоже кончился, так и не начавшись.

Эскимосская лайка рычала под лавкой, куда хозяин загнал ее лыжной палкой. Нервная дрожь волнами пробегала по собачьему телу, собирала складки у носа, обнажала крупные белые клыки.

— Ненавидит людей,— сказал хозяин, учитель-алеут. Он разливал кофе в эмалированные кружки. В чугунной печке, стоявшей посредине комнаты, жарко бился огонь. «Чикаго, 1912, Бр. Уайт»,— прочитал я отлитые на ее черном боку слова.

За окном нависали полярные сумерки. Припорошенная снегом тундра сливалась с тусклым небом. У соседнего домика одиноко стоял вертолет, на котором мы прилетели сюда.

И вдруг собака чего-то испугалась. Она прижала уши, метнулась из-под лавки в угол и заскулила. Прошли секунды, прежде чем мы услышали сперва тихий, затем стремительно нарастающий грохот турбин гигантского транспортного самолета «Геркулес». Он заходил на посадку, и в доме дрожали стекла.

— Оккупанты,— кивнул хозяин в сторону грохота. Сунул полено в печку и пояснил: — Нефтяников у нас на Аляске зовут оккупантами. Их легко узнать: стальные каски, высокие ботинки, оклахомский или техасский акцент. Это, так сказать, солдаты. Генералы, как и полагается, далеко отсюда — в офисах нефтяных компаний. Нравы у них жестокие. Сметают все на своем пути. Селение алеутов? Под откос! Рыбный промысел эскимосов? К черту! Охотничьи угодья индейцев? Под бульдозер! А чем тогда жить алеутам, эскимосам и индейцам? До этого никому нет дела: всем им скоро конец, все они при последнем издыхании. Нефтяные компании их добьют. У меня такое ощущение, что я присутствую на собственных похоронах...

Серый полярный вечер не спешил уступать окрестную тундру ночи. Пилот вертолета, на котором нам предстояло возвращаться в Анкоридж, прогревал мотор. Ветер от

лопастей гнал над озером снежную пыль. Поодаль над лункой во льду сгорбилась на деревянном ящике старуха эскимоска, укутанная в тряпье до самых глаз. Парнишка лет десяти собирал в мешок прихваченную морозцем рыбу и гортанно покрикивал на скачущих здесь же ворон.

— Никогда не видел тебя,— обратился провожавший меня учитель-алеут к мальчику.— Ты чей?

Тот шмыгнул носом и промолчал.

— Это мой внук,— ответила за него старуха.— Великий дух забрал его родителей, а теперь мальчишка будет жить у меня. Но ты не приставай к нему, учитель. Оставь его в покое.

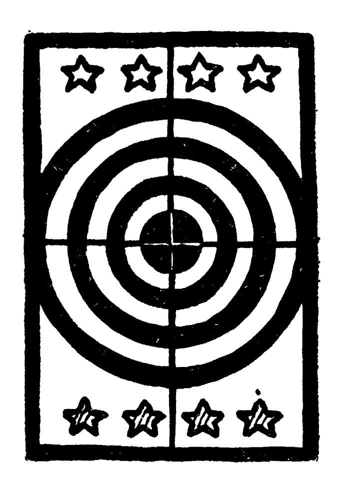
— Ему надо учиться,— возразил мой спутник.— Ты приведешь его завтра в школу, бабушка Нэн.

— Чему учиться? — насмешливо спросила старуха, поворачиваясь на ящике к учителю.— Все твои ученики возвращаются в тундру и забывают все, чему ты их учил. Ты помнишь моего старшего внука? Он учился у тебя и верил тебе. Он на что-то надеялся, но ничего не случилось, и он остался тем же эскимосом, какими были его дед и отец. И я слышала, как он плакал по ночам. Ты знаешь, почему он плакал? Я скажу тебе, учитель. Он понял, что ты обманул его. Наука белых людей не для нас. Поэтому оставь в покое моего младшего. У меня еще есть силы, и я сама научу его ловить рыбу и ставить капканы...

Мальчуган шмыгал носом и замахивался рукавичкой на ворон, ждущих, когда старуха кинет им мелкую рыбешку.

Пилот выключил разогревшийся мотор вертолета, и меня оглушила тишина...

ПУТЕШЕСТВИЕ БУДЕТ ОПАСНЫМ



В ОЖИДАНИИ «СЕРОЙ ГОНЧЕЙ»

Автобус уходил из Вашингтона ночью. У меня был билет на «Серую гончую».

Реклама этой компании каждый день мелькает на экранах телевизора. По борту комфортабельного автобуса распласталась в прыжке гончая серой масти. Сам автобус — чудо, а не машина. Мощный и вместительный. С туалетом и багажным отделением. Кресла откидываются, как в самолете. Стекла дымчатые, чтобы солнце не утомляло глаза. У водителей лица интеллектуалов. Белоснежная сорочка, черный галстук. Предупредительны и вежливы, как капитаны океанских лайнеров. В телевизионной рекламе они ну просто покоряют своей белозубой улыбкой и душевными словами: «Покупайте билет, а все остальное в пути поручите нам». Дескать, на «Серую гончую» вы можете положиться, она не подведет.

О «Серой гончей» с уважением упоминали еще Ильф и Петров в «Одноэтажной Америке». С тех пор слава компании не померкла, а засверкала еще ярче. Сейчас ее автобусы можно встретить на 14 537 автовокзалах США. Самый крупный — в Нью-Йорке. И специалисты и пассажиры говорят в один голос: чудо, а не вокзал. Вместительный, удобный, многоэтажный. Посадка и высадка

прямо на этаже. Компьютеры следят за чистотой воздуха в подземных гаражах, автоматически включают вентиляцию. На подъездах и выездах под асфальтом устроена отопительная система на случай снежных заносов и гололедицы.

Я интересовался: много ли американцев пользуются автобусами дальнего следования? Меня снабдили такими цифрами: если за единицу измерения взять поездку длиною в 100 миль, то в среднем за год такое путешествие в железнодорожных вагонах совершили 71,5 миллиона пассажиров, в самолетах — около 158 миллионов и в автобусах— 398 миллионов.

В числе разных видов общественного транспорта дальнего следования автобус стоит на первом месте. Секрета здесь нет: билеты на автобус чуть дешевле, чем на самолет и поезд, а главное — маршруты «Серой гончей» проходят и там, где близко нет ни аэропортов, ни железнодорожных вокзалов. Легко догадаться, что среди пассажиров автобуса не надо искать президентов промышленных корпораций, председателей правлений банков или управляющих торговыми фирмами. В автобусах люди попроще: рабочие, фермеры, служащие, пенсионеры, студенты, солдаты.

Вашингтонский автовокзал старше и значительно меньше, чем чудо-вокзал в Нью-Йорке. В десять часов вечера в зале ожидания негде яблоку упасть. С улицы из дверей несет сыростью. Нудный зимний дождь то перестанет, то зарядит опять. На полу лужи: натекло с плащей и прислоненных к скамейкам зонтиков. На скамейках ни одного свободного места. Скрючившись в кресле, спит солдат с вещевым мешком на коленях. Монашка в черном плаще с капюшоном помогает молодой негритянке перепеленать младенца. Сухая старуха в зеленом пальто с меховым воротником опустила в щелку платного телевизора монету достоинством 25 центов и смотрит какую-то телекомедию. Парень в очках, положив вытянутые ноги на чемоданчик, читает журнал.

Все старые американские автовокзалы пахнут одинаково. Это приторная смесь запахов человеческого пота, дешевых сигар, виски, жареной кукурузы, подгоревших сосисок и отработанных газов из выхлопных труб приходящих и уходящих автобусов. Таких запахов не бывает в современных аэропортах.

И во всех американских автовокзалах одни и те же звуки: похожий на мини-обвал глухой стук вываливающихся из автомата банок кока-колы; баритон из радиодинамика, объявляющий отход и прибытие «Серых гончих», гортанные крики носильщиков.

Джеймс Флеминг работает здесь носильщиком уже сорок четыре года.

— Чего только не насмотрелся за это время,— философствует он, опираясь на свою тележку.— Только за последние двадцать лет видел семь смертей и два рождения прямо вот на этих скамьях. Кто умер? Старики. Бездомные. Одинокие. Сидит, как вон та старуха у телевизора, ни с кем не разговаривает, вдруг — на тебе! — валится на бок. Пока то да се, доктор, носилки, а он уже готов. Кто такой? Никто не знает. Откуда? Тоже никто не знает. В кармане одна мелочь.

— Взгляните-ка вон на того старика,— говорит Джеймс, кивая в сторону кафетерия. Там у стойки старик с длинными седыми волосами нелепо изогнулся на высоком табурете и спит, едва не касаясь носом чашки с недопитым кофе.

— Он никуда не едет,— поясняет Джеймс,— хотя у него в кармане билет до Балтимора. Просто ему негде жить, вот он и околачивается в автовокзале. Билет ему нужен как охранная грамота, чтобы полицейский не выгнал на улицу. Утром он сдаст билет в кассу и пойдет бродить по городу, а вечером вернется сюда и снова купит.

Джеймс поглядывает на часы: скоро автобус из Атланты.

— Сомневаюсь, чтобы потребовался носильщик,— размышляет он вслух.— С юга едет черная беднота. Собирали хлопок, худо-бедно, а работа была. Так вот — нà тебе! — машины появились. Руки не нужны стали. Что делать? Как жить? Выручай, «Серая гончая»! Поехали на север, может, там лучше. А кому они на севере нужны? Другие с севера на юг за тем же самым едут. Но больше, конечно, в столицу стремятся. Думают: здесь правду можно найти, здесь конгрессмены, за которых голосовали, они помогут на работу устроиться. Как бы не так! Из Аппалачей сюда многие бегут. Работали в шахте — нá тебе! — машины в шахты поставили, людей — за ворота. Что делать? «Серая гончая» — к вашим услугам. «Покупайте билет, а все остальное в пути поручите нам».

Радиодинамик объявляет прибытие автобуса из Атланты, и Джеймс катит тележку к платформе.

— Все мы на этом свете пассажиры, и все мы ждем свою «Серую гончую»,— продолжает он философствовать на ходу.

У стойки кафетерия какое-то оживление. Охранник автовокзала в серой форме, похожей на полицейскую, держит за шиворот парня лет двадцати пяти, пытается стянуть его с табурета. Парень сопротивляется, держится обеими руками за край стойки.

— Что ты пристал,— возмущается парень, — я пью свой кофе, никому не мешаю.

— А ну-ка выверни карманы,— рявкает охранник.— Хочешь, чтобы я тебя калекой сделал?

— Ладно, ладно, ухожу,— испугавшись, бормочет парень.

— Чтобы я тебя здесь никогда больше не видел! — грозит ему вслед кулаком охранник.— Увижу — убью!

Дэни Гамильтон (так зовут охранника) рассказывает:

— По ночам здесь собираются бродяги, карманники, проститутки. Мы их называем «регулярными». Не поверите — к трем часам ночи «регулярных» здесь бывает больше, чем пассажиров. Вы, может быть, даже не отличите их от честных людей, а у нас глаз наметанный. У нас есть альбомы с портретами «регулярных» анфас и в профиль. Парень, которого я прогнал, торгует сигаретами с марихуаной. Да если бы настоящими, а то ведь здесь жульничает, подлец. За углом на Эйч-стрит есть зоологический магазин, где за 51 цент можно купить пакетик кошачьей мяты. Если набить ею сигарету, по запаху не отличишь от марихуаны. Проезжие солдаты охотно покупают. Почему я его не забрал? Нет смысла. На суде он без труда докажет, что набивал сигареты безвредной травкой, а это ведь никому не возбраняется. Ну, оштрафуют его за торговлю без лицензии, так на это ему наплевать.

Дэни беспрерывно курит, то и дело нервно поправляет наручники, свисающие с ремня на бедро. Глаза его спрятаны за темными очками. Мы медленно идем по залу ожидания.

— Видите вон того типа в парике около телефонной будки? — останавливается он на мгновение.— Сутенер.

А вон, взгляните, его «девочка» строит глазки парню в очках.

Проходя мимо старика, заснувшего над чашкой кофе, Дэни кладет ему руку на плечо и говорит, как старому знакомому:

— Проснись, старина.

— Добрый вечер, Дэни,— встрепенувшись, приветствует его старик.— Ты не прогонишь меня, Дэни? У меня есть билет. А на улице такой дождь...

— Только не спи у стойки, Джордж,— говорит ему охранник.— Люди обращают внимание.

— Да, да,— суетится старик,— я буду сидеть вон там тихо, как мышь. Спасибо, Дэни!

— Я его знаю уже три года,— тихо говорит охранник, как бы вовлекая и меня в их маленький заговор.— Старик никому беды не причинит.

Он снова останавливается и косит глазом на парня в очках, который приоткрыл свой чемоданчик и долго копается в нем. Проститутка, крашенная под блондинку, следит за ним, как кошка за воробьем. Парень извлекает, наконец, из недр чемоданчика неначатую пачку сигарет.

— Ничего у нее с ним не выйдет,— комментирует ситуацию Дэни.— Он сидит здесь четыре часа, выкурил уже одиннадцать сигарет, выпил четыре чашки кофе. Боюсь, что у него нет денег даже на бутерброд.

— Господи, кого только не встретишь здесь,— вздыхает он, поправляя на бедре наручники.— Недавно проводил я в Детройт вот такого же, как этот, в очках. Совсем еще юнец. Ни профессии, ни работы. Завербовался в морскую пехоту. На военной базе сержант избил его за какую-то провинность. Приехала невеста, уговорила бежать. По дороге поссорились. Она в Детройт, он —в Лос-Анджелес. Там у него дед и бабушка. Наскребли внуку денег на дорогу до Детройта. Поехал солдатик. Путь не близкий, экономил каждый цент, голосовал на автострадах. Где-то по дороге купил невесте красивую кофточку. Занесло его зачем-то в Вашингтон. И вот в этом зале его подцепил какой-то «регулярный». Предложил ему фунт будто бы героина за 150 долларов. Дурачок клюнул. Надеялся перепродать, деньгу крупную зашибить. А в пакете-то не героин был, а мел с мукой. Болтался мальчишка тут голодный дня два-три. Смотрю, кофточку продает. Жалко мне его стало. Снял я свою фуражку с кокардой,

и пошли мы с носильщиком Джеймсом от пассажира к пассажиру. Не у всех, слава богу, душа зачерствела. Набрали сколько надо. Купил я ему билет до Детройта и как можно строже сказал: «Твой автобус уходит ровно в пять. После пяти мне на глаза лучше не попадайся!»

Дэни смеется. Он снимает свои темные очки, протирает их носовым платком, и я вижу, что у него очень усталые и очень добрые глаза.

Я взял билет на «Серую гончую» не потому, что у меня не хватило денег на самолет. На автовокзал меня привела старая запись в блокноте, цитата из буржуазного журнала «Нью-Йоркер»: «Американская пропаганда не рассказывает о тех, кто собирается по ночам на автовокзалах. Эти люди не являются и героями телевизионных серий о «простых американцах». В рекламных кинокадрах о «Серой гончей» вы никогда не увидите их лиц и глаз, когда они сидят в кафетерии и украдкой бросают голодные взгляды на тарелки своих соседей».

СМЕРТЬ СЕНАТОРА

Когда сенатор Роберт Кеннеди вошел в бальный зал отеля «Амбассадор», его встретили аплодисментами. Дирижер взмахнул палочкой, заиграл оркестр, и сотни голосов громко подхватили торжественную мелодию «Америка! Прекрасная!».

Он поднялся на сцену к микрофону и, когда стих зал, заговорил. Благодарил помощников, шутил. Что-то сказал про свою собаку, которая уже спит и не знает о том, что ее хозяин победил на предварительных выборах в Калифорнии. Это была важная победа в «гонке» по длинной дороге к президентскому креслу. Накануне он потерпел поражение в штате Орегон. Калифорния должна была показать, стоит ли ему продолжать «состязание» или благоразумнее «сойти с дорожки».

— Если проиграю в Калифорнии,— сказал он своим помощникам накануне,— собирайте чемоданы и отправляйтесь по домам.

В Лос-Анджелесе должна была закончиться 82-дневная предвыборная поездка по штатам. Он был уже на грани физического истощения: выступал с речами по 3—4, а иногда и 5 раз в день. В городе Сан-Диего его оставили силы. Он едва закончил речь и, скрывшись за спины помощников, опустился прямо на пол, его вырвало. Но через пять минут он снова появился у микрофона и произнес еще одну речь.

Его личный самолет перелетал из города в город. В полете он проверял тексты речей, которые здесь же, в салоне, готовили для него члены «мозгового треста». Спал урывками. Его будили перед самой посадкой самолета, помогали одеться, причесаться, напоминали фамилии важных лиц, которые ждали в аэропорту. Твердя вполголоса начало очередной речи или в последний раз просматривая список шуток и анекдотов, которыми ему предстояло украсить свое выступление перед избирателями, он заходил в салон жены. Посадки и взлеты были самым мучительным испытанием для Этель. И он знал это. Она почти теряла сознание, закрывала глаза, и ее побелевшие пальцы впивались в подлокотники кресла. Восемнадцать лет назад в авиационной катастрофе погибли ее родители — миллионеры Скейкел, через два года из-под обломков спортивного самолета извлекли изуродованный труп ее брата. Роберт знал, какой ужас испытывает в самолете жена, ждущая одиннадцатого ребенка, но в дни предвыборной кампании он брал ее с собой повсюду, и она не протестовала, подчиняясь неумолимому и жестокому закону, который правил кланом Кеннеди. Этот закон еще сорок лет назад предельно сжато и четко был сформулирован патриархом клана Джозефом Кеннеди: побеждать любой ценой! Побеждать, побеждать и побеждать!

— Мои сыновья будут делать историю Америки! — говорил он.

5 июня 1968 года, уже семь лет разбитый параличом, Джозеф Кеннеди спал в своем доме в Хайанниспорте и не знал, что в эту минуту в коридоре отеля «Амбассадор» на цементном полу лежит смертельно раненный в голову его третий сын, что обезумевшая от ужаса Этель расталкивает фоторепортеров и дико кричит: «Прогоните их, они растопчут его! Убирайтесь отсюда!» — и что один из фоторепортеров, отмахиваясь от Этель, кричит ей в ответ: «Не мешайте нам работать, леди! Здесь творят историю».

Джозеф Патрик Кеннеди, потомок ирландского эмигранта и сын содержателя кабака в Бостоне, еще в детстве решил, что будет миллионером. Отец смеялся, но подбадривал Джозефа. Они так часто об этом говорили, что отец в конце концов сам поверил в мечту сына. Но для того, чтобы стать миллионером, одной мечты, конечно, было недостаточно. Состояние отца, накопленное спекуляцией контрабандным виски, было лишь первой ступенькой крутой лестницы, ведущей к богатству и власти. Второй ступенькой стал брак Джозефа Кеннеди с Розой Фицджеральд — дочерью мэра Бостона Джона Фицджеральда, тоже ирландца по происхождению, и старого друга Патрика Кеннеди. Так возник клан Кеннеди — Фицджеральд, влияние которого еще не распространялось даже на весь Бостон. Ведь влияние пропорционально тяжести кошелька. Чистокровные янки, удачливые купцы, крупные промышленники и банкиры Бостона, составлявшие «клуб бостонских браминов», презирали «ирландских выскочек». Честолюбивый Джозеф Кеннеди поклялся посрамить заносчивых «браминов».

История его восхождения по социальной лестнице — классическая история сильных мира сего. Ходит много легенд о том, как росло и накапливалось богатство Джозефа Кеннеди. Здесь рассказы и о мошенничестве, и о нечестных поступках, и об обманах. Но об этом говорят шепотом, с понимающими улыбками, вслух говорят о другом. В годы, когда страну захлестнула волна слияния банков, Джозеф решается на отчаянный шаг, одалживая, где только можно, ценные бумаги одного из маленьких банков, и в результате становится председателем правления этого банка. В годы первой мировой войны он руководит морскими перевозками военных грузов в Европу. Деньги начинают делать деньги. Джозеф покупает театры и кинотеатры, финансирует строительство гостиниц, покупает и перепродает земельные участки, расширяет давнишний и не совсем легальный бизнес отца — спекуляцию виски.

В августе 1929 года эксперты финансовой биржи были удивлены и озадачены: Джозеф Кеннеди приказал продать все принадлежащие ему акции. Разгадка странного поведения бостонского бизнесмена наступила в «черную пятницу», когда под ударами экономического кризиса рухнула биржа. Бывшие миллионеры, ставшие за один

день нищими, бросались из окон небоскребов. В это время Джозеф Кеннеди подсчитывал свои барыши. Мечта сына бостонского спекулянта и кабатчика осуществилась: он стал миллионером. Заполняя анкету на встрече бывших выпускников Гарвардского университета, в графе «профессия» Джозеф Кеннеди твердо написал: «капиталист».

Теперь можно было думать о посрамлении «бостонских браминов». Во время президентской избирательной кампании 1932 года Джозеф Кеннеди делает ставку на Франклина Рузвельта, с которым познакомился еще в годы первой мировой войны, когда тот был заместителем морского министра. Это был политический риск: шансы Рузвельта стать президентом поначалу казались небольшими. Он нуждался в поддержке и в деньгах для ведения избирательной кампании. Кеннеди оказал ему финансовую и моральную помощь. Рузвельт, став президентом, не забыл этого. Он назначил Джозефа Кеннеди послом в Англию.

Американский посол в Лондоне не хотел, чтобы Америка выступала против гитлеровской Германии. В конце 1939 года он упорно доказывал в Вашингтоне, что Гитлер уже будто бы выиграл войну и что Англия накануне гибели. Вернувшись в 1940 году в США, бывший посол примкнул к лагерю изоляционистов, которые вплоть до Пирл-Харбора противились вступлению Америки во вторую мировую войну. Джозеф Кеннеди не был настроен профашистски. Просто он не имел никаких финансовых или политических интересов в Европе. Он не видел выгоды для себя в этой войне. Его бизнес был дома, в Америке, и это обстоятельство определило его политическую линию.

Джозеф Кеннеди был прагматиком, и прагматизм[1] как политическую философию он старался привить своим подрастающим сыновьям, которым он прочил большое политическое будущее. По его замыслу, Джозеф Кеннеди-младший должен был стать президентом США, Джон, Роберт и Эдвард — сенаторами, вице-президентами, а может быть, в свое время тоже президентами.

Но война внесла в этот план свои поправки. 12 августа 1944 года американский бомбардировщик, которым

---

[1] Прагматизм — политическая философия, позволяющая менять позицию в зависимости от ситуации.

командовал капитан Джозеф Кеннеди-младший, не вернулся с боевого задания над территорией Франции. Были свидетели, которые видели, как бомбардировщик был подбит немецким зенитным снарядом, загорелся и от удара о землю взорвался.

В том же году пропал без вести Джон, командовавший патрульным катером на Тихом океане. Лишь спустя месяц его разыскал австралийский моряк. Оказывается, японский миноносец и американский катер в темноте тропической ночи не заметили друг друга и столкнулись. Миноносец перевернул катер вверх килем, раздавил его и, не замедлив хода, скрылся в ночи. Джон Кеннеди, стоявший на капитанском мостике, был сброшен в воду, и это спасло его. Хороший пловец, он добрался до какого-то острова, где его подобрали туземцы. Они не знали английского языка и не понимали американского офицера. Тогда он пошел на риск. На кокосовом орехе он вырезал свое имя, номер катера и отдал орех туземцам. Они могли передать этот орех японцам, но передали его австралийцам.

В январе 1961 года в Вашингтоне на параде, устроенном в честь вступления Джона Кеннеди в должность президента США, делегация японских моряков пронесла мимо трибуны точную копию сторожевого катера «ПТ-109». Впереди делегации шел приветливо улыбающийся японский офицер, бывший командир японского миноносца, едва не сыгравшего роковую роль в судьбе второго брата Кеннеди за девятнадцать лет до выстрелов в Далласе.

Мечта Джозефа Кеннеди-старшего сбылась. Его состояние перевалило за 300 миллионов долларов. Его сын стал президентом США. «Бостонские брамины» лежали у ног клана Кеннеди. Теперь надо было поставить на колени прочих «браминов»: в Техасе, Калифорнии, Алабаме.

Вскоре после гибели Джона Роберт ушел из правительства Джонсона. Младший брат их, Тэдди (Эдвард), выставивший свою кандидатуру в сенат США, едва не погиб в авиационной катастрофе. Его небольшой личный самолет неожиданно потерял управление и упал в яблоневый сад неподалеку от Саутгэмптона в штате Масса-

чусетс. Двое друзей Тэдди погибли, а он сам на целый год слег в постель с переломом позвоночника. В эти дни некоторым здешним наблюдателям показалось, что клан Кеннеди раз и навсегда отброшен с политической сцены. Но они ошиблись.

Я видел Роберта Кеннеди на коленях перед могилой брата. Это было в ноябре 1964 года, на второй или третий день после того, как Роберт стал сенатором США от штата Нью-Йорк, а Эдвард — сенатором от штата Массачусетс. Он приехал на Арлингтонское кладбище неожиданно. Сам сидел за рулем открытого, уже не нового автомобиля. Хлопнув дверцей и заложив руку за спину, как часто ходил Джон, почти бегом направился вверх по холму к могиле. Двое охранников едва поспевали за ним.

Он стоял на коленях и что-то шептал. Молитву? Может быть. Потом он перестал шептать, но мне все казалось, что он разговаривал с братом. В эту минуту он был очень похож на Джона. Это сходство отмечали всегда. Они были похожи и одновременно непохожи. Во всяком случае, их нельзя было спутать.

Они оба верой и правдой служили своему классу. Они шли в политике одним путем, но Роберт всегда держался сзади и чуть правее своего старшего брата, и это бросалось в глаза. В начале своей политической карьеры Роберт не скрывал восхищения перед позорно знаменитым инквизитором Джозефом Маккарти и сам пошел к нему на службу в комиссию по расследованиям. Никому бы не пришло в голову назвать Роберта либералом и в тот период, когда он занимал пост министра юстиции в правительстве брата. Роберт Кеннеди, в апреле 1968 года предложивший свой личный самолет для того, чтобы перевезти тело убитого Мартина Лютера Кинга из Мемфиса в Атланту, за пять лет до этого, в июне 1963 года, будучи министром, приказал Федеральному бюро расследования подслушивать телефонные разговоры Кинга. После знаменитых трагических событий в Бирмингеме негры Алабамы и Миссисипи перестали верить в миф о либерализме братьев Кеннеди.

Да, братья Кеннеди верно служили тому классу американского общества, имя которого когда-то с гордостью вписал в графу о профессии их отец на вечере бывших выпускников Гарвардского университета. Но в политике они часто оказывались дальновиднее, точнее и искуснее

большинства представителей американской элиты, ставящих свои личные интересы выше интересов их класса в целом. В большей степени эта способность видеть шире других была присуща старшему брату. Я помню случай, когда президент Кеннеди прикрикнул на королей сталелитейной индустрии, повысивших цены на сталь, что грозило нарушением ритма всей американской экономики.

— Еще мой отец говорил, что стальные магнаты — сплошные сукины сыны,— вырвалось у Кеннеди на пресс-конференции.

Любопытно, что чуть ли не к вечеру того же дня пиджаки стальных королей украсились значками с изображением собачьей головы и словами по ободку: «Я сукин сын и горжусь этим».

Братьев Кеннеди не любили на этой псарне. Не любили за то, что они позволяли себе отличаться от им подобных хотя бы внешне. Не любили за их собственный стиль в политике, за их личное обаяние, которое невозможно было у них отнять, особенно у Джона, за интеллект и остроумие, даже за молодость. Но не это главное. Их ненавидели яростной ненавистью менее удачливые конкуренты, и это предопределило их трагический конец.

До 1966 года сенатор Роберт Кеннеди поддерживал вьетнамскую политику правительства. Постепенно он стал отходить от нее, а затем и критиковать. «Он отказался от той самой политики,— писал журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»,— которую сам помогал формулировать при президенте Кеннеди вместе с такими советниками, как генерал Максуэлл Тэйлор, министр обороны Роберт Макнамара, государственный секретарь Дин Раск, советник Белого дома Макджордж Банди и посол по особым поручениям Аверелл Гарриман».

С этими замечаниями американского буржуазного журнала не поспоришь. Здесь все верно, за исключением разве того, что пропущена одна фамилия: тогдашнего вице-президента, а затем президента Линдона Джонсона.

Что же произошло с политическими взглядами сенатора Роберта Кеннеди? На этот вопрос в Америке нет однозначного ответа. Одни говорят, что он понял бесперспективность, более того, пагубность для Америки ее политики. Другие утверждают, что здесь проявился искусный

политик, проповедующий прагматизм. Третьи говорят примерно то же самое, но добавляют при этом, что на поднимающейся волне народного недовольства вьетнамской войной лодка Кеннеди была ближе других к Белому дому.

Кто прав? Может быть, и те, и другие, и третьи. Скорее всего изменение взглядов Роберта Кеннеди происходило под влиянием изменения общественных настроений, которые он имел талант улавливать. Но было здесь и другое. Один из американских журналов уже после гибели сенатора писал, что Роберт всегда жил в лучах славы своего старшего брата. А не кто иной, как брат, дал первый толчок политике США, которая при Джонсоне завела страну в тупик. «Но, поняв это,— заключает журнал,— Роберт решил спасти страну от безумия. Им двигали не только благородные и ответственные импульсы патриотизма, но им двигали и интересы клана: Кеннеди всегда были гордецами. Он должен был защитить доброе имя брата, чей свет он сам отражал в глазах миллионов американцев».

Он бросил в атаку всю свою силу, всю свою энергию, огромное количество своих денег. Говорят, что только в Калифорнии он истратил около 3 миллионов долларов. Это произвело впечатление даже на здешнюю прессу, которую в общем-то трудно удивить затратами на предвыборную борьбу. Но обычно кандидаты тратят чьи-то деньги, деньги тех, кто стоит за их спиной, кто поддерживает их. Кеннеди тратил свои деньги.

— Это наши деньги, и никому нет никакого дела, сколько мы тратим и сколько мы еще потратим,— сказала журналистам мать Кеннеди.

Сам Роберт на одном из митингов пошутил:

— Мой отец говорил моему брату и мне: «Ребята, я не возражаю, что вы тратите деньги, но, ради бога, не покупайте голосов больше, чем вам нужно».

Он ощущал ненависть к себе конкурентов — «браминов», тех, у кого денег не меньше, чем у него, и кто хотел бы видеть в Белом доме не Кеннеди, а какого-нибудь своего человека. В марте журнал «Форчун» в статье, которая называлась «Он доиграется и допрыгается до того, что вылетит из игры», писал: «Если президент

Кеннеди никогда не пользовался популярностью среди бизнесменов, то все же подозрительность, проявлявшаяся к нему, не идет в сравнение с гневом, который вызывает его младший брат... Кеннеди — это такая политическая фигура, о которой не могут спокойно говорить представители многих и многих деловых кругов, особенно на западе и юге страны».

Роберт Кеннеди знал свою страну, знал ее мораль и нравы, знал, что «сукины сыны» открыто говорят о том, что они «сукины сыны», и поэтому он допускал возможность, что с ним расправятся с той же жестокостью, с какой расправились с Джоном. Его предупреждали об этом. Охранник Билл Барри, бывший сотрудник ФБР, жаловался журналистам:

— Я устал от постоянного напряжения, я боюсь, что потеряю быстроту реакции. Он каждый день ходит по острию ножа.

Однажды, когда самолет сенатора был в воздухе над штатом Орегон, в салоне Кеннеди звонко лопнул воздушный шарик, привязанный на ниточке к креслу. Руки сенатора метнулись к горлу. Все, кто видел этот жест, застыли на месте от охватившего их ужаса: точно так же четыре с лишним года назад к горлу метнулись руки смертельно раненного президента. В другой раз в Сан-Франциско рядом с открытой машиной, в которой стоял Кеннеди, взорвалась ракета фейерверка. На лице сенатора застыла слабая улыбка, его всего передернуло. Неожиданно ослабевшие ноги не удержали его, и он сел. Он не мог подняться без помощи охранника.

А самолет продолжал взлеты и посадки. Еще один штат... Еще один город... Еще один митинг... Предвыборная кампания была в самом разгаре. Великое американское «шоу» только начиналось.

Свой последний в жизни день сенатор провел в обществе жены и детей на пляже в гостях у знакомого кинорежиссера. День прошел весело, если не считать тревоги за исход голосования да случая с 12-летним сыном Дэвидом. Дэвид заплыл слишком далеко и начал тонуть. Отец, хороший пловец, как и все Кеннеди, вытащил его из воды буквально в последнюю минуту.

Они уговорились с женой и друзьями, что в случае победы на выборах после короткого выступления в штаб-

квартире пойдут в знаменитый ресторан и ночной клуб «Фэктори».

Светящиеся часы патрульной полицейской машины показали 12 часов 20 минут ночи, когда диспетчер городского полицейского управления по радио приказал мчаться к отелю «Амбассадор» и арестовать человека, который открыл стрельбу в коридоре. Когда полицейские, расталкивая толпу, пробрались в коридор, они увидели на полу раненых и какого-то человека, прижатого толпой к стене. К этому человеку тянулись руки. Его били.

— Не убивайте его! — кричал кто-то.— Он нужен живым!

Расшвыряв толпу, полицейские потащили человека к выходу. У машины уже собралась толпа. Защищая прижимавшегося к ним человека от самосуда, полицейские вскинули карабины, толпа отпрянула.

По дороге в участок один из полицейских включил передатчик.

— Эй, сержант,— сказал он в микрофон,— голубчик, который стрелял в «Амбассадоре», схвачен. Везем его в машине. На вопросы не отвечает. То ли глухонемой, то ли английского языка не знает. Сержант, кого он там в отеле приложил?

— Сенатора Кеннеди,— сухо ответил сержант.

На другом конце Америки, в Нью-Йорке, было 3 часа 20 минут ночи. Вдова президента Кеннеди Жаклин выключила телевизор после того, как улыбающийся Бобби привычным жестом мазнул ладонью по своей юношеской прическе, повернулся спиной к кинокамерам и пошел за кулисы. Через час ее разбудил телефонный звонок. Звонила из Лондона ее сестра Ли Радзивил.

— Как Роберт?— услышала Жаклин в телефонной трубке.

— О, прекрасно! — ответила Жаклин.— Он победил сегодня в Калифорнии.

— Как он сейчас? — настаивала сестра.

— Я же тебе говорю, что у него сегодня праздник.

— Так ты еще ничего не знаешь? — всхлипнула сестра.— Говорят, что он убит...

В Хайанниспорте было семь часов утра, когда 77-летняя Роза Кеннеди включила телевизор, чтобы узнать последние известия. Включила в тот самый момент, когда

уже, наверное, в сотый раз передавали снятую на пленку сцену убийства.

Никто, кроме прислуги, не знает, как восприняла мать этот удар. А прислуга была готова ко всему: Эдвард, единственный оставшийся в живых из четырех братьев (про него отец однажды сказал, что, если в клане что-нибудь случится и он начнет рассыпаться, Эдвард возьмет все в свои руки и снова соберет), позвонил прислуге ночью, рассказал о трагедии в Лос-Анджелесе и просил не будить родителей до утра.

Через несколько минут мать вышла из дверей. Репортеры, притаившиеся у ворот, ждали. Она медленно пошла к флигелю, который был построен для Джона, когда он стал президентом. По дороге подобрала с земли мячик для игры в теннис, бросила его о стенку дома, поймала, снова бросила, снова поймала...

Так, в глубокой задумчивости, она бросала и ловила мячик в течение 10—15 минут. Потом обернулась и заметила репортеров.

— Совесть у вас есть?— спросила она.

Ей никто не ответил.

Его похоронили недалеко от могилы брата. Начиналась ночь. Собиралась гроза. На горизонте сверкали молнии. Уже невидимый в темноте оркестр играл «Америка! Прекрасная!».

ПУТЕШЕСТВИЕ БУДЕТ ОПАСНЫМ

В часы «пик» по утрам и вечерам улицы Нью-Йорка превращаются в ад кромешный. На тротуарах — не протолкнуться. На мостовых — фантастические автомобильные пробки. Одна нью-йоркская газета провела эксперимент. От реки Гудзон к реке Ист-Ривер по 42-й улице одновременно устремились два репортера. Один пешком, другой в автомобиле. Расстояние — 14 городских кварталов. Время — 8 часов утра. Автомобилист пришел к финишу через 18 минут. Пешеход проиграл ему всего лишь 6 минут.

В часы «пик» сотни тысяч (если не миллионы) нью-йоркцев решают головоломную задачку: как из пункта «А» попасть в пункт «Б». Троллейбусов в Нью-Йорке

нет. Автобусное движение, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Такси очень дорого. Личную машину негде «припарковать». Да и не у всех есть личные машины. Как добираться на работу и с работы? Город-то огромный! Только с севера на юг около 50 миль.

Вот тут-то и выручает сабвей, подземка, как называют ньюйоркцы свое метро. Без метро Нью-Йорк сейчас просто немыслим. Говорят, что, если бы оно остановилось, город умер бы, как умирает человек, у которого остановилось кровообращение. Судите сами: сейчас нью-йоркским метро пользуются почти 4 миллиона человек ежедневно. Был в его истории рекорд: за сутки 23 декабря 1946 года подземные поезда перевезли 8 872 244 пассажира. В тот день на Нью-Йорк обрушился небывалый снегопад, надолго остановивший уличное движение. Бросив свои машины, ньюйоркцы устремились в метро.

Оно уже не молодо, хотя и не самое старое в мире. Его первая линия (газеты назвали ее чудом XX века) была открыта 27 октября 1904 года. В то утро над городом плыл торжественный звон церковных колоколов. Бухали пушки крейсеров на рейде. Ревели пароходы в порту. Трепетали, щелкали на ветру флаги. День был объявлен нерабочим. Долго еще после этого распевала Америка незамысловатую песенку, посвященную пуску нью-йоркского метро:

Ах, Нью-Йорк!
Под ногами — чудеса:
Дырка в земле,
Под землей — поезда!

Сейчас нью-йоркское метро — самое большое в мире по протяженности и разветвлению линий. Теперь «дырок в земле» уже 462. Следует пояснить, что надземных станций-вестибюлей в здешнем метро почти нет. Прямо у тротуара — буквально «дырка в земле» и заплеванная, замусоренная чугунная лестница, ведущая вниз, к кассам и турникетам. Эскалаторов тоже нет: метро неглубокое, еще на тротуаре ощущаешь, как под ногами дрожит земля, слышишь грохот проносящихся внизу поездов.

Подземных залов, как у нас, практически тоже нет. От касс выходишь прямо на платформу, подобную железнодорожной. Лишь там, где пересекаются две-три линии, возникли целые подземные городки с магазинами, закусочными и парикмахерскими. Там есть свои улицы, переулки, тупики. Все, как на земле. И проблемы те же.

С каким чувством спускается житель Нью-Йорка в свое метро? Я спрашивал у многих. Мне отвечали:

— Со страхом.

— С отвращением.

— Со стыдом за нашу подземку.

Знакомый полицейский признался:

— Я всегда перекладываю пистолет из кобуры в карман. Знаю, что путешествие будет опасным. У меня однажды сняли ремень вместе с пистолетом, отобрали дубинку и наручники.

А вот рассказ студентки:

— С тех пор, как там изнасиловали девушку с нашего курса, я стараюсь держаться от метро подальше. Но время от времени все-таки приходится спускаться в эту клоаку. Избегаю полупустых вагонов. Полупустой вагон — это ловушка. Там оберут тебя до нитки и вытолкнут на следующей станции.

Пожилая женщина объяснила мне, почему она не любит ездить в метро от двух до трех дня и после наступления темноты. От двух до трех дня из школ возвращаются учащиеся. Когда они, горланя и свистя, врываются в вагоны, пассажиры цепенеют. Были случаи, когда отроки и девицы терроризировали целые поезда. У мужчин отнимали бумажники, у женщин — сумочки. То и дело дергали стоп-кран. Во время одной из таких остановок в туннеле напали на машиниста поезда и его помощника.

— А в вечерние часы риск подвергнуться нападению в метро, естественно, удваивается,— сказала эта пожилая одинокая леди. Кстати, ее рабочий день начинается в половине третьего дня и заканчивается в половине двенадцатого ночи.

— Так что вы мне можете поверить, я знаю, о чем говорю,— закончила она свой рассказ.

Вот такая у нью-йоркского метро слава.

— Хуже быть не может,— говорят пассажиры.

— Неправда! — отвечает администрация подземки.— Не хуже, чем на земле.

Администрация метро как-то провела специальную пресс-конференцию, чтобы доказать, что преступность под землей — это детские забавы по сравнению с тем, что творится на поверхности земли. Оперировали они цифрами.

По словам представителя метро, проводившего эту встречу с прессой, в 1974 году на улицах Нью-Йорка преступниками были убиты 1554 человека (в среднем примерно 4,3 убийства в день), в метро же за год было убито только 8 человек (примерно одно убийство в 45 дней).

На улицах Нью-Йорка в том же году было зарегистрировано 4054 случая насилия над женщинами (в среднем 11,1 случая в день). В метро было только 9 таких случаев (одно в 40,5 дня).

На улицах города было зарегистрировано 77 940 вооруженных ограблений (213,5 ограбления в день). В метро же было ограблено только 2996 человек (всего лишь 8,2 ограбления в день).

На улицах было зарегистрировано 41 068 случаев избиения прохожих (112,5 случая в день). В метро известно лишь о 801 избиении пассажиров (2,2 случая в день).

Вот такие дела. Читатель, наверное, заметил, что речь шла о преступлениях, зарегистрированных полицией. А сколько случаев не зарегистрировано? У американской статистики и на этот вопрос есть ответ. Предполагают, что половина жертв преступлений не заявляет в полицию. Особенно женщины, которые подверглись надругательству.

Надо сказать, что ньюйоркцев эта пресс-конференция не очень утешила. Более того, многих она еще больше напугала. Американцы любят считать, подсчитали и тут, что на один квадратный метр в метро совершается преступлений гораздо больше, чем на улицах.

То и дело в нью-йоркской подземке случается пожар. Вот передо мной вырезка из газеты «Нью-Йорк таймс»: «В туннеле сабвея под рекой Ист-Ривер произошел пожар, четвертый за этот месяц... Густой удушливый дым быстро заполнил туннель и вагоны четырех поездов, застрявших там. Среди пассажиров началась паника. Многие теряли сознание от жары и дыма, многих рвало... В общей сложности в течение двух часов в больницы было доставлено около 150 человек. Высказывают предположение, что причиной происшествия был загоревшийся мусор».

Таково метро Нью-Йорка — «подземный мир вандализма и преступности, шума и вони, полумрака и грязи», как пишет газета «Вашингтон пост».

Я спрашивал: в чем причина такого бедственного положения метро? Мне отвечали: в бедственном положении

самого Нью-Йорка. Город балансирует на грани банкротства. Уже давно его расходы значительно превышают доходы. Поступления в городскую казну неуклонно сокращаются, несмотря на то, что только в прошлом году городские власти трижды повышали налоги. Источники городских доходов продолжают иссякать, потому что в городе растет процент неимущего населения, с которого нечего брать. Сейчас в Нью-Йорке свыше миллиона человек живет на социальные пособия. Одновременно с этим из города бегут люди состоятельные. За 4 года Нью-Йорк потерял 4,2 процента населения за счет их бегства. Бизнесмены переводят свои предприятия и штаб-квартиры в другие места. За последние несколько лет город потерял больше чем полмиллиона рабочих мест.

У мэра Нью-Йорка нет денег, чтобы платить зарплату работникам городского хозяйства. Чтобы как-то свести концы с концами, ему остается одно: сокращение штатов. То и дело сообщают об увольнении полицейских, электриков, пожарников, учителей, мусорщиков, медсестер. Одна за другой закрываются городские школы, больницы, библиотеки. В прошлом году из-за нехватки средств власти вынуждены были даже закрыть две тюрьмы и поплотнее набить другие. Неудивительно, что так мало сейчас полицейских в метро, так много там мусора и грязи, так часто там случаются пожары от неисправностей в электросети.

Бывший мэр Нью-Йорка Дж. Линдсей в беседе со мной говорил:

— Огромный город постепенно движется к хаосу. Он становится неуправляем. Им владеют сейчас три чудовища— Бедность, Преступность, Грязь. Его можно было бы спасти, если бы уменьшить непомерно раздутый военный бюджет страны и за этот счет помочь решить проблемы наших городов. Ведь в Нью-Йорке, как в фокусе, сосредоточено то, от чего Америка хотела бы отмахнуться, как от навязчивого кошмара,— социальное неравенство и возникающие из него социальные и экономические проблемы, зарождение которых мы просмотрели.

А вот слова инженера метро Стива Кауфмана:

— Меня иногда спрашивают: «Как это мы, американцы, высадившие человека на Луну, не можем справитьс

с проблемами подземки?» Я отвечаю: высадка человека на Луну — проблема научная и техническая. Состояние же нашего метро — проблема социальная, которая нам не по зубам. Мы знаем, как вывести ракету на заданную орбиту, а вот как сделать достойной жизнь человека, — простите, этого нам не дано.

Вечер. Тряска вагона. Скрежет и визг колес на поворотах. То лучи света, то тьма стремительно скользят по лицам пассажиров. Никто не разговаривает. Молодой негр в старой армейской куртке с безучастным выражением лица рассматривает плакатик на стене вагона: «Четыре миллиона твоих земляков бывают здесь каждый день. Будь благоразумен».

Полицейский в кожаной курточке на «молнии», прислонившись к двери, угрюмо смотрит на негра. Левая рука в кармане брюк, пальцы правой теребят ремешок дубинки.

Молодая женщина со спящей дочкой на коленях. Большие испуганные глаза женщины становятся еще больше, когда поезд вдруг замедляет ход и останавливается в туннеле.

Напряженная тишина. Напряжение на лицах. Полицейский вынимает руку из кармана и поправляет на поясе кобуру. Негр нервно зевает, застегивает куртку и закрывает глаза, как будто собирается заснуть.

Постояв две-три минуты, поезд дергается, трогается, медленно вползает на станцию и замирает у платформы.

На пустынной платформе лужа воды. Вода течет по закопченной стене, по мраморной мемориальной доске, на которой, пока стоит поезд, можно успеть прочитать: «В память смелых и талантливых людей, построивших нью-йоркскую подземку — чудо XX века».

«ТИХИЕ СТАРИКИ»

Тони Д[illegible]вито, следователь военной прокуратуры седьмой американской армии, въехал на своем «джипе» в концлагерь Дахау через несколько часов после того, как охрана лагеря была разогнана передовым американским патрулем. Вообще-то Тони спешил по своим следователь-

ским делам в Аугсбург, но солдаты, встреченные им по дороге, рассказывали что-то странное про Дахау, и Тони, не веря услышанному, погнал свой «джип» туда.

То, что он увидел, потрясло его. Теперь он не верил своим глазам. Он был на войне уже не первый день, но даже представить себе не мог, что такое возможно.

— Я попал на дьявольскую скотобойню вроде тех, которые когда-то видел в Чикаго,— рассказывает сейчас Тони.— Все было продумано, как на образцовой механизированной скотобойне, только убивали здесь людей. Здесь было что-то вроде конвейера: бараки, где люди ожидали смерти, раздевалка, где смертники снимали с себя одежду и обувь, газовые камеры, где убивали, крематорий, где сжигали трупы.

Дверь, ведущая в крематорий, была чуть приоткрыта. Тони толкнул ее и отпрянул в ужасе. Последнюю партию убитых фашисты не успели сжечь. Трупы были уложены аккуратными штабелями, как поленницы дров. Лишь в одном месте ряд был нарушен: там из груды тел торчала ножка ребенка.

Он помнит, как его окружили истощенные, похожие на живые скелеты мужчины и женщины в зелено-полосатых тюремных одеждах. Механически, по привычке следователя, Тони записал несколько фамилий отличавшихся особой жестокостью надзирателей. Подчеркнул фамилию Браунштейнер: на нее особенно жаловались заключенные.

С тех пор прошло много времени. Тони служил в оккупационных войсках. Женился на немке — дочери старого портного. Демобилизовавшись, увез жену в Нью-Йорк, кончил юридический колледж. В 1950 году поступил на работу следователем в Бюро иммиграции и натурализации — государственное учреждение, осуществляющее надзор над въездом в США иностранцев.

Минуло еще двадцать лет. И вот майским днем 1970 года Тони Дэвито постучался в дверь опрятного домика на одной из зеленых улиц в пригороде Нью-Йорка. Ему открыла уже немолодая женщина в фартуке. За ее спиной в комнате щебетали канарейки.

— Миссис Райан, если не ошибаюсь? — спросил ее Тони. Женщина кивнула утвердительно. Тони назвал себя и задал следующий вопрос:

— С какого года вы живете в США, миссис Райан?

— С 1950 года,— спокойно ответила женщина.—В том

году я вышла замуж за сержанта американской армии Рассела Райана. Я писала об этом в анкете.

Тони помолчал, посмотрел в сторону щебетавших канареек. Потом сказал медленно, чеканя каждое слово:

— Фрау Браунштейнер, вы забыли указать в анкете, что служили надзирательницей в лагерях Равенсбрюк, Майданек и Дахау.

Теперь он смотрел ей прямо в глаза. Она побледнела, но тотчас взяла себя в руки. Сняла передник. Выпрямилась. Поправила седеющие волосы. Глаза ее стали колючими. Презрительно засмеялась.

— Вы сумасшедший,— сказала она, продолжая смеяться.— Кого в этой стране интересует мое прошлое? Уходите, пока не пришел муж и не спустил вас с лестницы.

Так началась битва между следователем Тони Дэвито и военной преступницей Херминой Браунштейнер. Эта битва продолжалась несколько лет, и были дни, когда Тони казалось, что он безнадежно проигрывает. Он обладал сильным оружием — свидетельскими показаниями и документами, изобличавшими Браунштейнер в истязаниях и убийствах заключенных. Но это оружие то и дело вышибали из рук Тони его собственные начальники. Они холодно отнеслись к неожиданной инициативе следователя Дэвито. Мало ли бывших гитлеровцев живет ныне в Соединенных Штатах? В годы «холодной войны» их чуть ли не целыми пароходами везли в США: авось, пригодятся для борьбы против коммунизма. И что же — привезли, устроили, столько лет опекали, а теперь возбуждать против них уголовные дела? Джентльмены так не поступают. Права Браунштейнер-Райан: никому в этой стране нет дела до того, чем она занималась в годы второй мировой войны.

Тони не мог с этим смириться. Не спрашивая начальства, он собрал журналистов и показал им документы. Газетчики были возбуждены. Ведь это сенсация: «Нацисты в соседнем подъезде!» Перегоняя друг друга, репортеры помчались в свои редакции. Но там их быстро охладили. На следующее утро лишь в одной газете появилась невнятная заметка о «загадочном деле» домохозяйки из Нью-йоркского пригорода. «Соседи отказываются верить,— сообщала газета.— Такая добрая, такая милая леди, говорят они хором. Мухи не обидит. Тут либо злостная клевета, либо ошибка».

Тони был в отчаянии. Он уже подумывал, что ему следует отступиться от этого дела, которое приносит ему одни огорчения. Но тут в бюро начали приходить письма из-за океана. Оказывается, заметку перепечатали многие европейские газеты. И вот на столе у Тони новые свидетельства бывших узников Равенсбрюка и Майданека. Они обличают Браунштейнер и сообщают имена других палачей.

И снова неугомонному следователю подставили ножку. Однажды утром, придя на работу, он обнаружил, что все письма и документы исчезли. Металлический шкаф, в котором они хранились, не был взломан. Кто-то открыл его ключом. Тони убежден, что это сделали свои. Второй ключ существовал. Он лежал вместе с другими дубликатами ключей в сейфе у начальника.

Вскоре кто-то позвонил его жене. Вкрадчивый голос спросил:

— Фрида, ведь вы родились и выросли в Германии, не так ли? Если так, то почему вы позволяете своему мужу преследовать тех, кто в годы войны выполнял свой долг перед великой Германией? Разве вы не понимаете, что это может кончиться плохо для вашего мужа?

Тони уверен, что это звонили из бюро. Ведь, кроме родственников, только там знали, что жена родилась в Германии.

На восстановление похищенного дела Браунштейнер ушло больше года. Тони занимался этим в нерабочее время: начальство по горло загрузило его другими делами. И все-таки при поддержке конгрессмена Эйлберга он добился того, что прокуратура поставила вопрос о лишении Браунштейнер американского гражданства. Не за то, что она истязала и убивала узников в концлагерях, а за то, что не призналась в этом при въезде в США.

«Домохозяйка из пригорода» стала первой военной преступницей, лишенной американского гражданства. Ее, впрочем, это мало взволновало. Она продолжала жить в своем уютном доме, только теперь ей предписывалось раз в год испрашивать в бюро право на жительство в США. Вот и все наказание.

Тем бы дело и закончилось, если бы Польская Народная Республика не потребовала выдачи Браунштейнер для суда за ее преступления на территории Польши. Вопрос о выдаче тянулся два с лишним года.

Снова потребовались показания свидетелей, многие из которых живут сейчас за океаном. Тони разыскал всех, всем послал письма. Когда руководство бюро отказалось оплатить приехавшим свидетелям счета за гостиницы и выдать им (как предписывают правила) скромное денежное довольствие, Тони взял шляпу и обошел всех своих коллег по четырнадцатому этажу. Честные люди есть везде. Бросали в шляпу кто 25 центов, а кто и доллар. Набралось и на гостиницу свидетелям и на бутерброды.

А свидетелям было что рассказать. Пожилая женщина из Польши сама видела, как в Майданеке Браунштейнер швыряла детей в грузовик, который увозил их к газовым камерам. Один ребенок спрыгнул с грузовика и попытался скрыться. Надзирательница догнала его, сбила с ног и выстрелом в упор размозжила ему голову.

В 1974 году Браунштейнер была наконец депортирована... в ФРГ (вслед за Польшей выдачи ее потребовали судебные органы ФРГ). Это был первый и единственный случай, когда власти США выслали военного преступника с американской территории.

Вместе с тринадцатью другими преступниками ее судили в Дюссельдорфе. Вот что рассказывал об этом процессе американский журнал «Ньюсуик»: «Пресса не уделяет этому суду почти никакого внимания... Большинству немцев он уже надоел... День за днем защитники глумятся, высмеивают и пытаются запугать свидетелей. Однажды свидетельница заплакала: «Боже, да кого же здесь судят, меня или этих убийц?» Адвокат защиты 34-летний Людвиг Бокк сказал вашему корреспонденту: «Подобные процессы пора запретить. Кому приносит пользу копание в прошлом? Ведь мертвых не воскресишь. Я допускаю, что в Майданеке имели место жестокости, но утверждать, что там было убито 250 тысяч человек, простите, это абсурд».

Ну, а где же сейчас Тони Дэвито, этот «одинокий рыцарь», как назвала его одна из газет? Его прогнали с работы. По мнению его начальников, он уже представляет опасность для Америки. Оказывается, он собрал материалы на 144 военных преступников, спокойно проживающих в США. Он пытался пробудить интерес к этим документам у начальства бюро, но успеха не имел.

— На меня смотрели, как на идиота,— рассказывает Тони.—Начальник сказал мне: «Тони, какого черта тебе не сидится на месте? Ведь в основном это тихие старики.

Кому они мешают? Дай им счастливо пожить и умереть спокойно». И я понял,— продолжает Тони,— что если кого-нибудь из этих «тихих стариков» и вызовут в бюро, то только для проформы. А ведь среди них есть такие матерые палачи, по сравнению с которыми Браунштейнер — всего лишь школьница-первоклашка.

Тони не преувеличивает. У него есть, например, подлинник донесения Болеславса Майковскиса о расстреле советских патриотов недалеко от латвийского города Резекне. Этот преступник, осужденный советским судом, укрылся от правосудия на тихой улочке в городке Минеола под Нью-Йорком. Тони может показать досье на Карла Линнаса, палача из гитлеровского концлагеря под эстонским городом Тарту, проживающего ныне в городе Гринлоне. Много знает Тони и о Валериане Трифе, румынском фашисте, ныне получившем сан епископа и особняк из 25 комнат в городе Грасс-Лей (штат Мичиган). Между прочим, этот убийца, на руках которого кровь 10 тысяч человек, однажды был приглашен прочитать проповедь с трибуны сената США.

По сведениям корреспондента вашингтонской газеты «Стар-ньюс» М. Сатчелла, власти США укрывают до тысячи военных преступников. «Как могло получиться, что столько бывших гитлеровцев нашли для себя райский уголок в нашей стране?» — спрашивает газета, разыгрывая наивность. Журнал «Ньюсуик» в этом отношении прямее. Он рассказывает, что военный преступник Эдгарс Лапениекс «долго работал на Центральное разведывательное управление». Сам преступник открыто похваляется ныне, что ЦРУ выдало ему что-то вроде охранной грамоты «до самой смерти».

Ему ли одному? И не здесь ли ответ на вопрос, поставленный вашингтонской газетой «Стар ньюс»?

«КОРИЧНЕВЫЕ» С 33-Й СТРИТ

По тротуару топали фашисты. Человек двадцать. Колонной по четыре в ряд. Коричневые гимнастерки со свастикой на рукавах были перетянуты портупеями. Икры ног облегали блестящие кожаные краги.

Был жаркий летний день. Фашист в первой шеренге на ходу пил кока-колу из горлышка бутылки. Другой фашист жевал резинку. Третий тащил транзисторный приемник, из которого рвалась на простор лихая ковбойская песня.

Вы, наверное, уже догадались, читатель, что вся эта сцена происходила не в Германии, а в Соединенных Штатах Америки. А если еще точнее: в Вашингтоне, на Пенсильвания-авеню, недалеко от Белого дома. Время действия — наши дни.

На каждом углу от колонны отделялся один фашист, выбирал место в тени и принимался раздавать прохожим листовки. В этот жаркий полдень прохожих было мало. Некоторые брали листовки, другие равнодушно проходили мимо. Рядом с фашистом, тоже в тени, стоял разомлевший от духоты полицейский и лениво поглядывал сквозь темные очки то на фашиста, то на прохожих, то на меня, остановившегося неподалеку.

Потом нас стало четверо. Пожилая женщина молча подошла к фашисту и неожиданно плюнула в него. Думаю, что она метила в свастику, а попала в крагу на ноге. Полицейский укоризненно покачал головой и лениво произнес, обращаясь к даме:

— Нехорошо, мадам. Вы не имеете права плевать в людей.

— Я не плевала в людей,— ответила полицейскому женщина, выделяя слово «людей».— Не вижу перед собой никаких людей,— продолжала она с вызовом.— Этого нацистского подонка я не могу считать за человека...

— Проходите, мэм, здесь нельзя останавливаться.

— Если здесь нельзя останавливаться, то почему он здесь торчит? — кивнула женщина в сторону штурмовика, который, нагнувшись, вытирал крагу бумажной салфеткой.

— У него есть разрешение полицейского управления.

— А нет ли у него разрешения построить тут газовую камеру? — издевалась над полицейским женщина.— Такого разрешения ему еще не выдало полицейское управление?

Привлеченные перебранкой, стали останавливаться прохожие. Полицейский вышел из тени и решительно поправил ремень, на котором висели пистолет и наручники.

— Мэм, я прошу вас пройти и не устраивать здесь митинга.

— Вы что, собираетесь арестовать меня?

— Я вынужден буду сделать это,— потерял терпение полицейский.— Вы нарушаете порядок! Вы собираете толпу!

— Значит, меня вы арестуете, а его оставите здесь, этого болвана со свастикой? — кипятилась женщина.— А вы знаете, оффисэр, что у меня брат погиб в Германии в 1944 году?..

— Я очень сожалею, мэм, но это печальное обстоятельство не дает вам права...

— Нет, вы только послушайте,— обратилась женщина к зевакам, призывая их в свидетели.— У меня права нет, а у фашиста есть! Это как же называется, хотела бы я знать?!

— Это называется демократией, мадам,— съязвил какой-то парень с учебниками под мышкой.

Женщина горько усмехнулась и, покачав головой, пошла вдоль Пенсильвания-авеню. Разошлись и зеваки. Фашист взглянул на часы, подошел к полицейскому и сказал:

— Жарко. Я бы чего-нибудь сейчас выпил. Не подержите мои листовки, пока я в кафе схожу?

Полицейский оторопел от такой наглости. Он раскрыл рот, подыскивая, наверное, слова повыразительнее, но фашист опередил его.

— Ну, зачем так волноваться,— сказал он миролюбиво...— О'кэй, о'кэй!

Проходя мимо меня, он протянул мне листовку. В ней говорилось: «Национальный альянс молодежи — это растущая, активная организация молодых мужчин и женщин, озабоченных судьбой страны и решивших взять судьбу Америки в свои руки. Мы боремся за установление нового социального порядка в США для того, чтобы показать пример всему миру».

Ниже был адрес организации: дом 1653 по 33-й улице.

Далеко идти не пришлось. Через тридцать минут я был уже у дверей штаб-квартиры «Национального альянса молодежи». Обыкновенный двухэтажный домик из красного кирпича, каких немало в Джорджтауне — старинном районе американской столицы. Над стеклянной дверью — табличка: «Судьба Запада». Больше ничего. Я сверил адрес. Все правильно.

Вхожу. Небольшая комната вся заставлена книжными полками. На стенах портреты Гитлера, Муссолини, Франко. А вот и американская галерея: сенатор Голдуотер, губернатор штата Алабама Джордж Уоллес, конгрессмен

от штата Джорджия Лоуренс Макдональд и другие известные джентльмены.

Ну а что же на книжных полках? Ого! Серьезная библиотека! Чего только здесь нет! «Как покончить с коммунизмом», «Руководство для снайперов», «Ручные гранаты и как ими пользоваться», «Организация уличных боев». Здесь же толстенная книга «Последние дни Романовых». К обложке прикреплена краткая аннотация: «Этот труд по-новому освещает причины революции в России, деятельность русских царей и их трагическую гибель».

Только теперь замечаю за столом молодого человека в штатском костюме и белой рубашке с галстуком, украшенным свастикой. Он внимательно следит за мной, но вопросов не задает и сам разговора не начинает.

— Можно взять? — спрашиваю я, показывая на кипу газет. Молодой человек кивает головой, отчего челка черных волос почти закрывает его левый глаз. Ни дать, ни взять молодой фюрер. Только усиков не хватает.

Газета называется «В атаку».

— В атаку — на кого? — спрашиваю я.

Он мнется, не зная, говорить ли мне все или только часть правды.

— Мы атакуем наркотики,— начинает он нерешительно,— смутьянов в университетах...

— И все? — удивляюсь я.

Он смелеет.

— Нет, наша главная атака — на коммунизм, на либералов, на черных смутьянов,— чеканит он, поправляя челку. Он подробно рассказывает, что организация создана молодыми почитателями алабамского губернатора Уоллеса, который, как известно, был кандидатом в президенты США.

Молодой человек с челкой все еще, видимо, не знает, говорить ли мне всю правду. Мы ходим вокруг темы, вокруг да около главного, но так и не можем открыться друг другу. Он не спрашивает меня, кто я, а я не спрашиваю о том, о чем хочу спросить.

На мой вопрос, как сообщники губернатора Уоллеса собираются атаковать коммунизм, он неопределенно отвечает:

— Путем просвещения молодежи, путем рассылки книг о коммунизме, путем проведения митингов и демонстраций.

— И вы уверены в своей победе?

— Нет, конечно,— соглашается он,— так коммунизм не победишь. Мы знаем, что нам придется взять в руки оружие. И этот час когда-нибудь наступит. Мы готовимся к нему.

Ну что же, картина в общем ясна. Пора задавать главный вопрос. Я прошу моего собеседника назвать имена «фюреров».

— Если это не секрет,— добавляю я.

— Никакого секрета нет,— отвечает он.— Организацию возглавляют Роберт Ллойд и Уильямс Пирс.

Вот, наконец, и все встало на свои места. Я ведь лично знаком с обоими руководителями.

Было это в пригороде Вашингтона.

Когда я подходил к этому дому, мне вспомнилось, как бывалый старшина учил нас, еще не обстрелянных солдат. С силой бей по двери фашистского бункера ногой, наставлял нас старшина, и в распахнувшийся проем — ручную гранату. После взрыва — снова к двери. Веером из автомата. Длинной очередью от стены до стены. После этого, кто в живых останется, поднимут руки и будут гуськом выходить из бункера...

Домик и в самом деле чем-то напоминает бункер: приземистый, с плоской крышей, единственное окно глухо прикрыто жалюзи. В косяке стальной двери —светящийся электронный зрачок. Я поискал глазами кнопку звонка и не нашел. В голове снова мелькнуло: ногой по двери и резким махом гранату... Но ведь сейчас не январь сорок второго и я не под Мценском, а в штате Вирджиния, в городе Арлингтоне, у дома № 2507, на улице Норт Франклин Роад.

Таким образом, тактическая инициатива оставалась за ними: захотят — откроют дверь, захотят — не откроют. Они ведь здесь дома, а я чужой, война давно закончилась, и через плечо у меня не автомат, а портативный репортерский магнитофон.

Дверь открывается неожиданно. На пороге вырастает нацист. На рукаве — свастика. На ремне — пистолет. Значок со свастикой еще над нагрудным карманом. Высокий. Голубоглазый. Белокурый...

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга. Где я видел его? В Орловской области? Под Моздоком? Или

в Донбассе? Фу ты, наваждение! Конечно, я видел не его, он еще слишком молод. Я видел подобных ему.

Он обшаривает меня взглядом своих холодных глаз, поправляет кобуру пистолета на ремне и спрашивает:

— Чем могу быть полезным, сэр?

— Корреспондент «Правды» хотел бы поговорить с кем-нибудь из руководителей партии,— отвечаю я.

В глазах его я улавливаю растерянность. Он нерешительно пропускает меня в комнату. На стене огромный портрет Гитлера. По бокам —портреты поменьше: Джорджа Рокуэлла, бывшего местного «фюрера», убитого года два назад одним из своих же штурмовиков, и нынешнего «фюрера» Мэтта Келя. На другой стене — юбилейный отрывной календарь с портретом Гитлера. Под портретом подпись: «80-летие фюрера. 50-летие нашего движения. 10-летие национал-социалистской белой партии США».

На диване корчится какой-то парень в разорванной рубахе с пятнами крови. На лбу кровавая рана, глаз заплыл, нос распух. Двое эсэсовцев прикладывают к ране салфетки и кубики льда. Парень подвывает от боли.

— Так вы из «Правды»? — переспрашивает меня белокурый.

Он снимает трубку телефона, нажимает кнопку и, отвернувшись, вполголоса кому-то докладывает.

Появляется еще один, в штатском. Лет тридцати пяти. В роговых очках. Стрижен под ежик — излюбленный фасон американских военных. Представляется:

— Директор отдела информации и пропаганды доктор Уильям Пирс.

И снова молчаливый поединок. Наши взгляды перекрещиваются, как шпаги. За стеклами его очков я читаю: «Вместо интервью я бы с удовольствием поставил тебя к стенке».

«Ты боишься меня,— отвечаю я ему взглядом.— В конце концов мне наплевать на то, будешь ты со мной разговаривать или не будешь. Я не парламентарий с белым флагом. Но, откровенно говоря, я хотел бы получить интервью, чтобы рассказать об американских фашистах в «Правде».

— Есть политические деятели, которые пытаются уверить человечество, что фашизма будто бы больше нет, что фашизм мертв. К сожалению, находятся люди, которые наивно верят этому.

Последние две фразы я говорю вслух. И, кажется, я попадаю в точку. Доктор Геббельс (опять наваждение!) — не Геббельс, конечно, а доктор Пирс возмущен: это мы-то мертвы!

— Но о вас так редко пишут в американских газетах,— сыплю я соль на рану Пирса.

Он приглашает меня в свой кабинет. Он полон решимости убедить меня в том, что фашизм жив.

Маленькая комната. Окно закрыто тяжелыми зелеными занавесями. Стеллажи с книгами. В глазах рябит от свастик на корешках и обложках. На стене портрет генерала в ушанке и меховой шубе.

— Командир дивизии СС «Адольф Гитлер» генерал Дитрих,—поясняет Пирс.— Снимок сделан на Восточном фронте.

— В России?

— В России.

— Почему именно портрет Дитриха вы избрали для своего кабинета?

— О, у него нам, молодым, есть чему поучиться.

— Чему поучиться? Ведь в России его здорово побили.

Доктор Пирс делает вид, что не расслышал. Он усаживается за стол и начинает лекцию. У него явно профессорские интонации. И не случайно: еще несколько лет назад он читал лекции по физике студентам Орегонского университета.

Я прошу разрешения включить мой магнитофон.

— Пожалуйста,— неожиданно по-русски, хотя и с акцентом, говорит Пирс. И, заметив мое удивление, добавляет: — Простите, но я еще плохо говорю на русском языке.

Мне кажется, что теперь я окончательно понял, почему в его кабинете висит портрет Дитриха, сделанный на русском фронте.

— Мы прямые наследники Гитлера,— говорит Пирс,— хотя у нас есть свои, чисто американские, национальные цели. В фундаменте нашей философии и практики философия и практика Адольфа Гитлера.

Все это мне известно, но я терпеливо слушаю. И терпение мое вознаграждается.

— Несколько лет назад,—рассказывает Пирс,— на съезде в английском городе Котсуолде было создано всемирное объединение национал-социалистов. На учреди-

тельном съезде присутствовали нацисты из США, Англии, ФРГ, Австрии, Франции, Ирландии и Бельгии. Сейчас эта организация объединяет партии и группы фашистов уже из 25 стран. Штаб-квартира объединения — здесь, в штате Вирджиния, в Соединенных Штатах Америки. А доктор Пирс, ваш покорный слуга,— генеральный секретарь этой всемирной организации.

Он показывает мне деловую переписку с неофашистами из ФРГ. Письма на типографских бланках, вверху бланков два светлых круга.

— Это места для свастики,— объясняет Пирс.— Наши партийные коллеги из Западной Германии в отличие от нас, американцев, пока еще не рискуют официально употреблять свастику в качестве своего символа.

Он дает мне листовку-программу, принятую на съезде в Котсуолде. В третьем параграфе раздела «цели» записано: «Защищать частную собственность и частное предпринимательство от коммунистической классовой борьбы». В девятнадцатом параграфе раздела «идеи» сказано: «Идеи классовой борьбы и равноправия наций должны быть уничтожены».

Нет, все-таки они ничему не научились, сидя под портретом Дитриха!

Он достает с полки журнал «Мир национал-социалиста», который издается здесь же, в этом вот домике-бункере. Тычет пальцем в статью «Документы большевистской революции». Торопясь, читает мне фотокопии донесений американских дипломатов и агентов американской разведки из России, охваченной пролетарской революцией. Пирс сам, лично, разыскал эти документы в архивах государственного департамента США и снабдил соответствующими комментариями.

А вот некий дипломат сообщает в октябре 1918 года из Петрограда: «Я считаю, что немедленное подавление большевизма является сейчас самой главной задачей... Если большевизм не будет немедленно задушен в колыбели, он распространится в той или иной форме по всей Европе и даже, возможно, по всему миру».

А вот донесение представителя «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» Стивенса, побывавшего в России в 1918 году: «Единственное решение русской проблемы — международная интервенция военной силой». Вот она, идеологическая и политическая платформа, на которой объединились банкир

из Нью-Йорка, бесноватый «фюрер» из Мюнхена и бывший преподаватель физики из Орегонского университета.

— То, что не удалось сделать Гитлеру,— торжественно говорит Пирс,— должны сделать мы.

По мнению Пирса, Гитлер не до конца решил в числе прочих и еврейскую проблему. Не дошли у него руки и до негритянской проблемы. Как собираются решать эти проблемы современные нацисты? Разумеется, теми же методами, что и Гителр. Пусть на этот счет ни у кого не будет сомнения,— кипятился Пирс. Еще строже будет поступлено с коммунистами и всякими там либералами.

— Мы создаем и тренируем ударные отряды штурмовиков, которым надлежит спасти белую арийскую расу,— еще торжественнее говорит Пирс, и за стеклами его очков зажигаются хищные огоньки.

Пирс отказался сообщить мне количество членов американской нацистской партии. Посетовал, что партия относительно небольшая, хотя имеет отделения в Лос-Анджелесе, Чикаго и других городах. Объяснил, что многие члены «общества Джона Бэрча» и организации «минитменов» состоят в нацистской партии. Он сам является членом двух партий одновременно. Показал мне письмо солдата из Калифорнии: «Среди солдат растут настроения национал-социализма. Хайль Гитлер».

Партия издает свою газету «Белая сила». В пяти городах США по телефону можно прослушать пропагандистские лекции, записанные на пленку. В Вашингтоне — по телефону 528-43-6I. Пирс утверждает, что такие телефонные лекции слушают до 15 тысяч человек в неделю.

...Интервью окончено. Я возвращаюсь в комнату, где за столом сидит белокурый эсэсовец с пистолетом на боку. Только теперь замечаю, что пистолет у него не на солдатском ремне, а на широком ковбойском поясе. Эдакая дань американизму, что ли?

На диване корчится парень в разорванной рубашке. Грустно глядит на меня одним глазом — другой скрыт под повязкой.

— Где это тебя так? — спрашиваю.

— В школе имени Вашингтона,— стонет парень.

— За что?

— За Гитлера, нашего любимого фюрера...

— Дурачок ты,— говорю я ему как можно ласковее.— Жалко мне тебя.

Парень взвывает по-волчьи и елозит по полу ногами в белых кедах.

Между прочим, на днях в столичной газете «Пост» была опубликована заметка, которую я приведу здесь полностью:

«Арестованы семь антинацистов.

Из полиции нам сообщили, что семь человек, в том числе двое подростков, были арестованы вчера за то, что они пытались помешать группе людей, одетых в форму нацистов, распространять литературу по Висконсин-авеню. Эти семеро не подчинились приказу полиции разойтись и продолжали выкрикивать грубости в адрес дюжих мужчин в коричневых рубашках и с нацистской свастикой на рукавах».

Так что тому дурачку, побитому сверстниками в школе имени Вашингтона, просто не повезло. Будь рядом полицейские, они бы схватили за шиворот тех, кто не хотел слушать о «нашем любимом фюрере».

И вот еще что. В те дни, когда я беседовал с доктором Пирсом, я был как бы под домашним арестом: американские власти «на неопределенное время» запретили корреспонденту «Правды» выезжать из Вашингтона дальше 25 миль. Во избежание недоразумения мне пришлось довести до сведения государственного департамента и Федерального бюро расследований, что штаб-квартира «всемирного объединения национал-социалистов» расположена в 15 минутах езды от центра Вашингтона. Я начал отсчет от здания министерства юстиции, и спидометр в моей машине показал всего лишь четыре мили с небольшим. Так что запрета я не нарушил.

Фашисты — это только одна из разновидностей американских «ультра». Таких организаций более сотни, и объединяет их всех махровый антикоммунизм.

Джордж Ваннесс уже немолодой человек. В свое время он служил в морской пехоте, и уж кто-кто, а он-то знает, как стрелять из снайперской винтовки и метать гранаты. В отличие от обитателей кирпичного домика на 33-й улице он не собирается заманивать в свою организацию молодых людей обещанием борьбы против наркотиков. Подпольная штаб-квартира у него строго засекречена. Где она нахо-

дится, никто не знает. Когда он решил поговорить с репортерами, то пригласил их в загородный ресторан в штате Мэриленд, недалеко от столицы. Я узнал о предстоящей пресс-конференции от коллег из агентства ЮПИ.

Джордж Ваннесс, весьма упитанный мужчина с распахнутым воротом и типичным армейским ежиком на голове, не спеша попивал кока-колу и непринужденно рассказывал:

— Когда красные высадят десант, мы уйдем в горы, леса и болота. Мы будем вести партизанскую войну. Этому мы сейчас и обучаем членов нашей организации «Минитмен». Недавно мы провели маневры в горах под кодовым названием «Варфоломеевская ночь»...

Он подождал, пока мы запишем его слова. Журналистов, кроме меня, было еще трое. Точнее, считалось, что их шесть человек, но после пресс-конференции выяснилось, что двое из присутствовавших лишь прикидывались журналистами, а на самом деле были агентами Федерального бюро расследований (ФБР). Они сидели за отдельным столиком позади Ваннесса и изо всех сил вытягивали шеи, чтобы не пропустить мимо ушей чего-нибудь важного. Один из агентов потом сказал репортерам явную ложь:

— А мы в ФБР думали, что эта организация уже распалась.

Тем временем Ваннесс продолжал свой рассказ:

— Группа, что недавно проводила маневры в горах, имела два полевых передвижных госпиталя, четыре мобильные радиостанции и одно мобильное электронно-вычислительное устройство для нужд разведки и контрразведки.

— Сколько же человек принимало участие в маневрах? — спросил журналист.

— Это военная тайна,— мягко улыбнулся Ваннесс,— но могу сказать, что наша организация насчитывает 163 тысячи бойцов. 86 процентов из них — бывшие морские пехотинцы, бывшие солдаты и офицеры специальных войск «зеленые береты». Много членов ку-клукс-клана.

— Чем вы вооружены? — спросил другой репортер.

— Всем, чем надо, от пистолетов до пушек,— ответил Ваннесс и провел ладонью по своему армейскому ежику.

Бывший морской пехотинец разошелся. Отодвинув от себя стакан и тарелку, он постукивал волосатым кулаком

по столу и перечислял «внутренних врагов», которых «минитмены» держат на мушке. В этом списке были коммунисты, студенты, негры, сенаторы, выступающие за разрядку международной напряженности, либеральные журналисты. И чем больше, чем сердитее он говорил, тем яснее становилось, что не к отражению мифического десанта «красных» готовятся «минитмены», проводя свои маневры в горах и лесах, а к подлинной варфоломеевской ночи, во тьме которой они мечтают залить землю Америки кровью «внутренних врагов».

ЦЕСАРЕВИЧ ИЗ БРУКЛИНСКОЙ ПИВНОЙ

Каких только дискуссий не бывает на свете! О каких только материях не спорят! Каких только интереснейших проблем не затрагивают! В средние века, говорят, состоялся однажды колоссальный диспут на тему: сколько чертей могут одновременно уместиться на острие швейной иголки? Наверное, в те времена это была животрепещущая проблема и участникам дискуссии не терпелось добраться до истины. Рассказывают, что спорили до изнеможения. Но как ни бились, а ни к какому определенному выводу так и не пришли.

Читатель может сказать: так это же в средние века!

Однако не торопитесь со своим скептицизмом. Дайте руку, я поведу вас на такую дискуссию, которая средневековым схоластам и не снилась.

Итак, читатель, представьте себе, что вы в Нью-Йорке на 86-й улице. Видите тех престарелых господ, еле передвигающих ноги? Пойдемте за ними. Они приведут нас к небольшому кирпичному зданию, над крылечком которого написано: «Дом свободной России». Вы обратили внимание, с каким трудом взбираются престарелые господа на крутое крылечко? Пыхтят, постанывают, за сердце хватаются, но друг другу не помогают. Даже руки друг другу не подают. Даже не здороваются. А почему? Потому что идейные враги.

Что же их в таком случае свело вместе? Потребность высказаться. Развернуть, так сказать, свои программы, чтобы мир ахнул. Дискуссия сегодня! На самую актуальнейшую в наши дни тему «Будущее России. Вперед к монархии или назад к монархии?»

То, что будущее России — в монархии, в этом у спорщиков, как видим, расхождений нет. Это, так сказать, практический вопрос, который их объединяет. Но вот теоретический аспект проблемы: будет ли восстановление царского трона историческим скачком вперед или вынужденным шагом назад — об этом они спорят давно и страстно.

Ничего, что в нынешней дискуссии принимают участие всего четыре человека. Зато какие организации они представляют! Нет, вы только вслушайтесь! «Союз государевых людей под двуглавым орлом». «Комитет по сбору средств в казну великого князя». «Союз ревнителей памяти незабвенного государя Николая II». «Общероссийский монархический фронт». Это ничего, что во всем «фронте» осталось семь «штыков», а «Союз государевых людей» зиждется на трех долгожителях. Зато на какую проблему замахнулись: будущее 250-миллионной России!

Да, тают ряды русских монархистов. Время идет неумолимо. Подумать только: 60 лет, как без царя-батюшки! В каждом номере эмигрантской газетки «Новое русское слово» — по восемь — десять объявлений в траурных рамках: «Почил в бозе полковник лейб-гвардейского егерского полка И. В. Аксаков». «Преставился штабс-капитан конной батареи 2-го дроздовского полка В. А. Сенгюлье». «На 82 году тихо ушел из жизни б. курский, харьковский и ярославский губернатор князь Николай Леонидович Оболенский».

И в каждом номере той же газетки по две-три рекламы русских похоронных бюро. Умные люди, эти гробовщики! В политику не лезут. Вы, дескать, там дискутируйте, намечайте ваши программы, а все равно мимо нас вам на кладбище не попасть. Петр Ярема — тот давно понял, что господа монархисты — самый нищий народ в русском зарубежье. Поэтому в своей рекламке он обещает «лучшие похороны за самую дешевую плату во всех пяти районах Нью-Йорка. Часовни с охлад. системой». С некоторых пор, правда, появились у него конкуренты. Павел Александрович Карасик сулит «первоклассные похороны с многолетней гарантией». И даже американцы братья Маккори, почуяв запах мертвечины, нажимают в своих объявлениях на то, что у них-де «похороны по самым низким ценам, а для провожающих большое место для стоянки автомобилей».

Уходят, уходят из жизни «б. правители России», выкинутые из страны восставшим народом. И уже едва не как о динозаврах пишет о них нью-йоркская газета «Дейли ньюс»: «Вчера в Нью-Йорке скончался последний член профсоюза русских банщиков корнет нижегородского уланского полка Богдан Жеребцов. В последние годы жизни мистер Жеребцов страдал глухотой — профессиональным заболеванием банщиков, вызываемым долгим пребыванием в парильне. Покойный оставил незавершенным монументальный труд «Как покончить с коммунизмом раз и навсегда».

Но мы отвлеклись от диспута. А он в самом разгаре. Такое впечатление, что все четыре спорщика долго работали банщиками и теперь не слышат один другого. Вот бывший генерал от инфантерии, седенький и тощенький, закатил глаза, весь в воспоминаниях, картавит, грассирует «по-петербуржски»:

— И тогда государь инпегатог пгиказал: «Дгагуны пойдут пегвыми!»

Из зала ему возражает бывший тайный советник в пенсне. В горле у него словно горошина катается:

— Кер-ренский должен был оказать р-решительную помощь Кор-рнилову и беспощадно р-р-расстр-реливать р-революционер-ров!

А за столом президиума бывший предводитель дворянства, тряся головой, вслух читает составленную им декларацию:

— Мы будем приветствовать полное уничтожение всей России. Россия теперь заражена бациллами большевизма. Лечить Россию поздно. Нужно, следовательно, изолировать от остального мира любой ценой. Если 250 миллионов большевиков будут уничтожены, мы вздохнем с облегчением.

Так и шумят они одновременно, пока не иссякнут силы. Тут объявят перерыв. Подремлют прямо здесь же, в креслах. И снова за работу. Надо же что-то делать с Россией! Время бежит. Чего доброго самих не сегодня — завтра к Петру Яреме повезут.

На трибуну взбирается предводитель дворянства. Он читает «Обращение к чадам русской православной церкви»:

— Да укажет господь путь спасения, да вернет он на всероссийский престол помазанника, законного царя из дома Романовых.

Вот тут-то и начинается схватка не на жизнь, а на смерть. У каждой из четырех представленных на диспуте организаций свой Романов. Один другого лучше.

— Хотим царевича Михаила,— рокочет бывший тайный советник.

— Ваш цагевич — тгактигщик из Бгуклина,— запальчиво возражает генерал.

— Желаем великого князя Алексея! — кричит предводитель дворянства.

— Ваш Алексей — никакой не великий князь, а пр-реступник и мещанин Голеневский, самозванец и р-растлитель детей,— рокочет тайный советник.

Оказывается, нынче Романовых ну просто перепроизводство. Их значительно больше, чем детей лейтенанта Шмидта в бессмертном романе Ильфа и Петрова. Об одном из таких претендентов на царский престол газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Этот маленький, со щегольством одетый человек с тонкими усиками привлекал внимание американской публики и печати еще в 30-х годах, когда вдруг объявил себя великим князем Михаилом Романовым и, кроме того, почему-то Оболенским... Газетчик на Ист-Бродвее, актер оперетты, мелкий жулик и забулдыга, вдруг объявивший себя наследником русского престола, не раз бывал бит враждующими между собой монархистами. Большую часть жизни, за исключением кратких отсидок в тюрьме за мелкое мошенничество, «великий князь» провел в ресторанах и барах, небрежно подписывая фальшивые чеки словом «Романов».

А вот характеристика другого «наследника», тоже взятая нами из американской печати: «В воскресение в Чикаго будет отпраздновано 70-летие человека, именующего себя цесаревичем Алексеем Романовым. Праздник, как гласит афишка, украшенная двуглавым орлом, будет носить воистину грандиозный характер: все напитки бесплатно, выступление артистов и танцы. Плата за вход — 5 долларов. Чеки выписывать на имя Алексея Романова». В афишке также сказано, что празднество устраивается как «признание важных заслуг, оказанных великим князем Алексеем национальной безопасности США». То, что господин Голеневский, выдающий себя за наследника Алексея, «чудом избежавшего смерти», оказывал в свое время существенные услуги ЦРУ и ФБР, достаточно хорошо известно.

Но который же из цесаревичей лучше? Кто самый достойный претендент на русский престол? Этого монархисты не могут решить. Это, оказывается, еще труднее, чем подсчитать, сколько чертей умещается на острие иголки.

А вы говорите, средние века!

НА БЕРЕГУ ПОТОМАКА

Путешествие мы начинали от Вашингтона и закончили в Вашингтоне. Только уезжали на север, а возвращались с юга.

Был душный июньский вечер. По Федеральному шоссе, 95, ведущему от Ричмонда к столице США, мчались тысячи машин. Воскресенье было на исходе, и столичные чиновники спешили домой, чтобы утром, сменив пестрые рубашки-распашонки, джинсы и шорты на строгие костюмы и белые сорочки с галстуком, отправиться в офисы.

В этот день мы очень устали. Позади был Аппалачский хребет с его спусками и подъемами. Потом начались просторы Вирджинии. Но дымка живописных долин уже не радовала — устали...

И вот теперь у ворот Вашингтона мы неслись в тесном потоке, ощущая справа и слева бока машин, не видя перед собой ничего, кроме алых хвостовых огней, не в силах свернуть, притормозить, остановиться. Смутное чувство тревоги, подсознательную опасность ощущаешь на этой конвейерной ленте с летящими красными огоньками.

— Ну что, мистер Песков? Заскучал? Домой запросился?..

— Пожалуй, так...

Сразу же за приземистым зданием Пентагона поток машин сузился у моста, чтобы через минуту разлиться на несколько рукавов у впадения в город Вашингтон, или, как он называется официально, «дистрикт оф Коламбия» — округ Колумбия.

После того как увидишь страну, иными глазами видишь ее столицу. В столицах в тугие узлы сплетаются многие нити жизни каждого государства. Пульс каждой нации четче всего бьется в столице... Слияние всех нер-

вов. Сердце огромного организма. Главный очаг политики. Хранитель устоев жизни, сложившейся тут, за океаном, и истории. Штаб-квартира милитаристских сил. Город, претендующий на то, чтобы ничто важное в мире не происходило без его участия. И просто населенный пункт на Земле. Таков Вашингтон.

По сравнению со столицами стран Европы и Азии Вашингтон еще молод. Рим возник до нашей эры. Пятнадцать веков существует Париж. Отпраздновала свое 800-летие Москва. А Вашингтону еще нет и двухсот.

В 1790 году первый президент Соединенных Штатов Америки генерал Джордж Вашингтон лично выбрал место для столицы нового государства. Генерал начертил ромб в том месте своей видавшей виды военной карты, где река Потомак разделяла штаты Вирджинию и Мэриленд. Внутри ромба написал: «Округ Колумбия. Федеральный город». В 1791 году на левом берегу Потомака начали возводить первые правительственные здания. Город, задуманный столичным, строили по проекту французского архитектора Пьера Ланфана. Строили медленно. Только через девять лет конгресс и правительство переехали в округ Колумбия из Филадельфии. А еще через 14 лет войска английского короля захватили американскую столицу, уже носившую имя Вашингтона. Англичане подожгли здание конгресса, дворец президента, государственные здания. Почти тропический ливень, обрушившийся в этот день на Вашингтон, спас город от полного уничтожения.

Долгое время Вашингтон оставался сонным, провинциальным полугородом-полудеревней. В 1860 году издатель «Нью-Йорк трибюн» Гораций Грили, посетив столицу, писал в своей газете: «Это местечко, где дерут три шкуры за квартиру, где не найдешь приличной харчевни, где на улицах бывает столько пыли, что задыхаются собаки, и столько грязи, что тонут лошади». Лишь в конце прошлого века Вашингтон начали отстраивать заново. В 1874 году проложили трубы водопровода и канализационной системы, разбили первые парки и скверы.

Нынешний Вашингтон не похож ни на один американский город. Зато любой европеец найдет в нем что-то такое, что напомнит ему его родину. Некоторые французы называют его «маленьким Парижем». Немцы и англичане обнаруживают в Вашингтоне отдельные черты Бонна и

Ковентри. Даже японцы чувствуют себя как дома на берегу Потомака, обсаженного вишнями,— подарком жителей Токио.

Вашингтон не принадлежит к числу очень больших городов. По размерам он раз в десять меньше таких гигантов, как Нью-Йорк, Чикаго или Лос-Анджелес. В черте округа Колумбия живут около 800 тысяч человек. С пригородами и соседними городками, которые почти слились со столицей,— около двух с половиной миллионов. Здесь нет крупных промышленных предприятий. Нет ни одного небоскреба. (Закон запрещает строить здания выше купола здания конгресса — Капитолия.) Здесь множество парков, скверов, зеленых лужаек. Любопытное зрелище представляют скверы и лужайки в теплые дни, когда в час обеденного перерыва их оккупируют орды государственных чиновников, жующих бутерброды, тянущих через соломинку кока-колу или, прикрыв лицо газетой, дремлющих на траве.

Вашингтон — город чиновников, «белых воротничков», как их здесь называют. Они составляют 15 процентов всего населения Вашингтона, если брать его с пригородами, ибо, как правило, чиновники живут в уютных пригородах, населенных только белыми. Каждое утро с севера, юга, запада и востока в Вашингтон устремляются тысячи автомашин, создающих немыслимые пробки у мостов через Потомак и на улицах города. Это спешат на работу «белые воротнички». Многие, чтобы захватить место на автомобильных стоянках, приезжают в город за час до начала работы и «досыпают» этот час на заднем сиденье своего «кара».

Вашингтон — город туристов, «каучуковых шей». Каждый год их тут бывает до 15 миллионов человек.

Вашингтон — город юристов. Их около 20 тысяч — больше, чем в таком, скажем, штате, как Пенсильвания. В основном это лоббисты — «толкачи» промышленных фирм, обхаживающие сенаторов и конгрессменов.

Вашингтон — город «медных касок». «Медными касками» американцы называют военных. Однако не всех, только высших. Рядового зовут «джи ай» [1]. В Вашингтоне

---

[1] По начальным буквам двух слов Government issue, что можно перевести как «казенная собственность».

130 правительственных зданий принадлежат военному ведомству США, в том числе и знаменитый Пентагон, где работают 30 тысяч человек.

Все население Вашингтона можно поделить на две части: на тех, кто управляет страной, и на тех, кто обслуживает управителей.

Ну а кто не живет в Вашингтоне? Не живут художники, писатели, композиторы. Во всем городе нет ни одного мало-мальски известного представителя этих творческих цехов. Вашингтон скучноват. На нем лежит губительная для муз печать казенной официальности.

В Москве живут москвичи. В Париже — парижане. Но задайте вашингтонцу вопрос: откуда он? И услышите в ответ: из Калифорнии... Из Нью-Йорка... Из штата Джорджия. Президент Джон Кеннеди долгие годы провел в Вашингтоне, но в памяти американцев он остался бостонцем. Президент Линдон Джонсон жил в Вашингтоне 35 лет, но дом у него был в Техасе, и сам он был техасцем. Никсон был калифорнийцем. Таковы многие вашингтонцы. Для них Вашингтон как корабль. На этом корабле они живут и работают иногда долгие годы, но корабль остается кораблем, а где-то есть настоящий дом. Таковы президент США и вице-президент, девять членов Верховного суда, 100 сенаторов, 435 членов палаты представителей, министры и их заместители, сотрудники Белого дома, многочисленные помощники, консультанты и секретари конгрессменов, корреспонденты провинциальных газет, аккредитованные в столице.

Белый дом — капитанский мостик корабля. Здесь живет и работает президент Соединенных Штатов. Кеннеди как-то обмолвился: «Такое впечатление, что живешь в гостинице, из которой когда-то надо будет выезжать».

При Кеннеди большинство сотрудников Белого дома были из Бостона. При Джонсоне в Белый дом пришли техасцы. При Никсоне — калифорнийцы. При Картере здесь обосновались выходцы из Джорджии. Сменяется президент, и в пригородах начинается движение. Продаются коттеджи, на грузовики грузят мебель— уходит капитан, покидают корабль и матросы. Наступает время нового экипажа. Не меняются лишь хозяева корабля. Но они и не живут на корабле, то есть в Вашингтоне. Хозяева

живут в Бостоне, Нью-Йорке, Чикаго, Техасе, Калифорнии...

Белый дом действительно белый. Его белят каждые четыре года, после очередных президентских выборов. Через черные прутья ограды на это строение смотришь с чувством некоторого удивления: неужели из этого особнячка управляют огромной страной?

Дом стоит среди широких зеленых лужаек в тени столетних деревьев. Время от времени откуда-то сверху раздается клекот коршуна. Это магнитофонная запись. Звучит она из динамиков, спрятанных в кронах дубов. Осенью в парке собираются стаи скворцов. Они верещат, порхают и, конечно, роняют сверху отходы своей жизнедеятельности. А это угроза белизне резиденции президента. Крик хищника заставляет скворцов держаться подальше.

На верхнем этаже дома — жилые помещения президента. Второй этаж — рабочие кабинеты. Здесь знаменитый «Стратегический зал», где генералы из Пентагона и руководители Центрального разведывательного управления докладывают президенту о положении в мире. Нижний этаж — залы для приемов, для пресс-конференций, кухня, медпункт, помещения охраны президента, которая носит название «Сикрет сервис» — «Секретная служба» и по давней традиции подчиняется министерству... финансов.

За домом небольшой садик, кустики роз и снова зеленая лужайка, на которую приземляются президентские вертолеты.

Дом обнесен чугунной решеткой. Полицейские в белых рубашках и черных галстуках. На широком тротуаре — группки туристов. Здесь же бродит странный человек, буквально с головы до колен увешанный плакатами. Плакатики прикреплены к шляпе, к плечам, висят на груди, на спине и ниже спины. Без улыбки их не читают. «Мужья, объединяйтесь! Нам нужны послушные жены!», «Боритесь за освобождение мужей от гнета жен!». Человек с удовольствием соглашается сфотографироваться. В качестве платы за съемку предлагает купить листки все тех же призывов, размноженных на машинке. Вручая вам пару листков, блаженный шепчет: «Скажите ему (кивок в сторону Белого дома), пусть он со мной объединяется. Без президентской поддержки мне трудно...» Туристы смеются, а Гарри Бриттан (так зовут человека) вполне

серьезен. Делом «раскрепощения мужей» он занимается более пяти лет, с момента выхода из психиатрической больницы. В больницу Гарри попал после того, как стал безработным.

Охрана Белого дома не гонит блаженного, подтверждая терпимость древней пословицы: «В каждой деревне должен быть свой юродивый». К тому же Гарри спокойный, хлопот для охраны с ним никаких. Полицейские, переминаясь с ноги на ногу, посмеиваются вместе с туристами. А между тем у этих охранников были деньки горячие, особенно в годы войны во Вьетнаме.

Охранники помнят, конечно, майское утро 1971 года. Огромные транспортные вертолеты садились на зеленый луг между Белым домом и обелиском Вашингтона. Из вертолетов выскакивали морские пехотинцы с винтовками, готовыми к стрельбе. Как в боевой обстановке, они сперва занимали круговую оборону вокруг вертолетов, дожидаясь, пока на землю не ступит последний солдат. Затем колонны солдат бегом устремлялись на городские улицы.

А улицы были запружены демонстрантами. Обнявшись за плечи, люди садились на мостовые, останавливали потоки автомашин, блокировали мосты, закупоривали городские артерии. Со строительных площадок они несли доски, цементные блоки, мотки проволоки, возводили баррикады, швыряли под колеса полицейских автомашин металлические мусорные чаны.

Полицейские на мотоциклах врезались в гущу людей, стреляли в упор газовыми зарядами из окон автомашин, хватали демонстрантов за волосы, за воротники, за ноги и волокли к автофургонам с решетками.

Движение транспорта в городе было парализовано. Тысячи автомобилей не могли двинуться ни вперед, ни назад. Автомобилисты задыхались в сизых облаках слезоточивого газа, медленно плывших над мостовыми. В некоторых районах города облака газа поднимались до самых верхних этажей административных зданий. Служащие, не успевшие закрыть окна, в панике устремлялись на улицу, усугубляя хаос. У многих началась рвота. В облаках газа выли сирены полицейских автомашин, гудели застрявшие автомобили, кричали женщины, носились туда и сюда полицейские в противогазах. Солдаты в противогазах,

репортеры в противогазах. Прижимая к лицу носовые платки, спасались бегством прохожие.

В этом хаосе шел поединок между вооруженной механизированной силой и молодыми людьми, протестовавшими против войны во Вьетнаме. Полицейские машины гонялись за юношами и девушками по лужайкам парков, по тротуарам, вокруг памятников и деревьев. Мотоциклисты, настигнув убегающих, сбивали их с ног. Не удержав равновесия, полицейские тоже летели со своих мотоциклов на землю. Клубки человеческих тел катались по мостовой под колесами автомобилей.

Восемнадцать тысяч солдат и полицейских брали верх в этой схватке. Число арестованных росло с каждым часом... Пять тысяч... Семь тысяч... Двенадцать тысяч... Это был рекорд. Никогда еще в истории Вашингтона не было арестовано столько людей в течение одного дня. Все тюрьмы и полицейские участки были переполнены. Арестованных стали свозить на городской стадион, срочно окутанный колючей проволокой.

Хаос в центре столицы продолжался весь день. Троим конгрессменам пришлось пробираться к Капитолийскому холму по реке в спортивной лодке — каноэ, а затем на борту военного вертолета. Лишь к вечеру шеф городской полиции Уилсон смог отрапортовать: «Спокойствие восстановлено, движение налажено, правительственные учреждения функционируют нормально».

К вечеру стало известно, что в городских больницах лежат сотни избитых демонстрантов с переломами костей и другими увечьями. Досталось и полицейским.

А теперь все по той же Пенсильвания-авеню пройдемся еще к одному центру власти. Длинная улица соединяет Белый дом с Капитолием — зданием конгресса США.

Белый дом — власть исполнительная. Конгресс — власть законодательная. Отношения между ними издавна строились по принципу «совет да согласие».

Если Белый дом — капитанский мостик, конгресс — штурманская рубка. Капитан должен прислушиваться к совету штурманов. На практике не всегда так бывает. Возникают разногласия, даже ссоры. Но ссоры эти семейные. На капитанском мостике и в штурманской рубке люди одного класса. И служат они своему классу — классу капиталистов. Среди сенаторов и членов палаты представителей конгресса вы не найдете ни одного рабочего,

ни одного фермера. Чтобы стать в Америке президентом, сенатором или конгрессменом, нужны очень большие деньги. У кого их нет, тому нечего и мечтать о «вашингтонских коридорах власти». Здесь это понимают, как дважды два — четыре.

Исторический факт: в 1846 году сторонники Авраама Линкольна собрали 200 долларов, чтобы финансировать его избрание в конгресс. Став конгрессменом, Линкольн вернул 199 долларов 25 центов. Семьдесят пять центов он истратил на угощение нескольких лесорубов, принимавших участие в его избирательной кампании. Другой исторический факт: избирательная кампания 1964 года стоила свыше 200 миллионов долларов. Кампания 1968 года — около 400 миллионов. А во время избирательной кампании 1972 года было истрачено уже больше чем полмиллиарда.

Если у кандидата на выборную должность не хватает своих денег, его избирательную кампанию оплачивают богачи, или, как их здесь называют, «жирные коты». А, как известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Такова одна из особенностей американской демократии.

Здание конгресса в форме римского Капитолия стоит на Капитолийском холме. Когда начинали строить Вашингтон, здесь была индейская деревня. Сейчас отсюда открывается замечательный вид на город. От подножия холма на несколько миль тянется зеленая аллея, так называемый «молл». Прямая, как стрела, аллея упирается в берег Потомака, на другой стороне которого национальное Арлингтонское военное кладбище. Тысячи белых столбиков с именами и датами. Могила Неизвестного солдата. Трепетный язычок пламени Вечного огня над серой плитой с надписью «Джон Ф. Кеннеди» и рядом скромный маленький крест на могиле его брата Роберта Кеннеди. Тут больше всего толпится туристов, приезжающих в Вашингтон.

Между Потомаком и Капитолийским холмом на обширном травяном ковре воздвигнуты два самых известных в столице памятника: обелиск Вашингтона и мемориал Линкольна. Обелиск, выстроенный по древнеегипетским образцам, напоминает граненый отточенный карандаш. Высота 160 метров. Внутри работает лифт, поднимающий туристов к смотровым окнам. Если есть охота, можно

подняться и по ступенькам. Их 896. Памятник строили 50 лет и открыли в 1888 году.

Мемориал Линкольна построен по типу афинского Парфенона. Это прямоугольное сооружение из светлого мрамора. Широкие ступеньки ведут к 36 дорическим колоннам — по числу американских штатов тех дней, когда был убит Линкольн. За колоннами — шестиметровая фигура четырнадцатого по счету президента США, освободителя рабов-негров, победителя в Гражданской войне между Севером и Югом.

Весной 1619 года в порт Джеймстаун пришел голландский корабль. В трюме его был необычный груз. Корабль пришел из Африки и привез в Америку, тогдашнюю колонию английского короля, африканцев-рабов. В тот же день закованных в цепи невольников распродали местным плантаторам. Так в Северной Америке появились негры.

Джеймстаун расположен в штате Вирджиния, в двух часах автомобильной езды от Вашингтона. Неудивительно, что негры, живущие ныне в американской столице, считают себя прямыми потомками тех африканцев, которые ступили на американскую землю весной 1619 года.

Нынешний водоворот жизни заставляет американцев не держаться насиженных мест. В поисках лучшей жизни, а чаще от отчаяния негры тоже устремляются с Юга в крупные города Севера. И все же, проезжая Америку, чувствуешь некую «негритянскую зону».

Юг уроженцы Африки выбирали не сами. Именно тут на плантациях хлопка, сахарного тростника, риса и табака нужен был рабский труд, сюда и везли из Африки «черный товар».

Вашингтон лежит севернее этой зоны. Но он всегда был негритянским городом. Каждый государственный чиновник держал штат негритянской прислуги. Сейчас из каждых трех жителей Вашингтона двое — негры (70 процентов населения). Их прадеды и прабабушки были рабами, служили садовниками, поварами, горничными, огородниками, конюхами и прачками у сенаторов и конгрессменов. Нынешних свободных негров видишь примерно в тех же ролях. Только конюх стал бензозаправщиком, а горничная — официанткой. В уютных чистых пригородах Вашингтона, где живут только белые, черного видишь редко. Черные появляются там ненадолго — убрать мусор,

выстирать белье, подрезать кустики роз, вывести на прогулку собаку. Сделав свое дело, они снова отправляются на свои улицы, получившие название «черные коридоры». Когда едешь на машине по этим «коридорам», появляется такое ощущение, будто попал в Африку...

О положении негров у нас писалось довольно много. И вряд ли надо объяснять, почему Америку потрясают негритянские мятежи. Волнения, стрельба, пожары в последние годы бушевали почти в двухстах городах. Америка воевала с Америкой. Гнев угнетенных и обездоленных не миновал и столицу страны.

В 1968 году Вашингтон горел. Облака дыма плыли от негритянских кварталов к Белому дому, к памятнику Линкольну, к Капитолию, на ступеньках которого стояли пулеметы. Стрельба шла в пяти кварталах от Белого дома. В город было введено 15 тысяч авиадесантников. Армейские грузовики, бронетранспортеры и джипы стояли в городских парках и скверах. Днем усталые солдаты спали на траве у подножий памятников генералам Гражданской войны. Солдатские носки сушились на ветках знаменитых вашингтонских вишен.

Восстание началось утром и сразу же приняло угрожающие размеры. Власти распорядились закрыть правительственные учреждения и распустить служащих по домам. Десятки тысяч частных автомашин, сорвавшись с места почти разом, закупорили улицы, преградили дорогу военным грузовикам, спешившим в горящий город из штата Вирджиния. Машины, бампер к бамперу, стояли на улицах в четыре ряда. А стрельба слышалась ближе и ближе. Чиновники бросали свои «форды» и «шевроле» и пешком, испуганно оглядываясь, бежали из Вашингтона в свои уютные пригороды, уже оцепленные охраной— вооруженными до зубов парашютистами 82-й воздушнодесантной дивизии.

Две недели Вашингтон выглядел оккупированным городом. Долго еще дымились каменные коробки сожженных домов (их было 5501), под ногами долго хрустело стекло и пахло слезоточивым газом...

Президент США приказал создать комиссию, которая должна была ответить на вопрос: почему бунтуют негры? Семь месяцев комиссия искала ответ, изучая негритянскую проблему со всех сторон. Отвечать надо было серь-

езно. И комиссия ответила. Вот главный вывод: «Наша нация развивается в направлении двух обществ, белого и черного, разделенного и неравного». И далее на 1400 страницах своего доклада комиссия рассказывает о том, что давно известно неграм, но, как говорится в докладе, «абсолютно неизвестно многим белым»: негров последними берут на работу и первыми увольняют; безработица среди них в два раза выше, чем среди белых; дома, в которых они живут, перенаселены, кишат тараканами и крысами; белая полиция ведет себя в негритянских кварталах как на оккупированной территории; белые лавочники, держащие свои магазины в черных районах, завышают цены на продукты питания и товары первой необходимости. И так далее.

Для нейтрализации негритянских волнений были предложены разные средства. Главное из них: разобщить негров. Эта политика проводится. Вот нынешняя картина. Есть негритянская буржуазия (один процент в национальном масштабе). Есть тонкая прослойка негритянской интеллигенции: артисты, врачи, юристы, писатели, учителя, служащие и даже мэры городов (мэр Вашингтона — негр). И есть огромная масса негров, примерно 15 миллионов человек,— «граждан второго сорта», живущих попрежнему без надежды, отчаявшихся, ожесточенных.

Механизация сельского хозяйства гонит негров из южных штатов в промышленные города Севера. Но кому в век электронных машин нужны бывшие батраки, полуграмотные, не имеющие специальности? Они оседают в черных гетто, тесня белых, которые бегут в пригороды. «Рост негритянского населения,— пишет президентская комиссия,— в соединении с уходом белых в предместья скоро приведет к негритянскому большинству во многих крупнейших городах страны... Нищета в черных гетто фокусируется на молодежи, уничтожая для нее все возможности и обрекая ее на жизненную неудачу. Результатом является преступность, наркомания, зависимость от пособий, ожесточение против общества в целом и белого общества в частности. Будущее городов и их разбухающего негритянского населения мрачно».

Такова сегодня проблема «белые—черные». Столичному Вашингтону приходится думать над ней не только в масштабах самого города.

Ну, а теперь посетим Пентагон.

Миновав границы округа Колумбия, мы подъедем к этому самому большому в мире административному зданию со стороны Арлингтонского военного кладбища и поищем место для нашего автомобиля среди тысяч автомашин, табунящихся на трех пентагоновских автолужайках.

До второй мировой войны здесь были болото, свалка мусора, который свозили сюда из Вашингтона на кладбище старых автомобилей. Жители штата Вирджиния называли это место «чертовым дном». Чтобы засыпать его, строители сбросили сюда 5,5 миллиона кубических ярдов [1] земли и вбили 41 тысячу 492 железобетонные сваи. В январе 1943 года было завершено строительство гигантского пятигранника на правом берегу реки Потомак. На месте «чертова дна» возник Пентагон, здание министерства обороны США.

Открыв массивную дверь, мы увидим перед собой военного полицейского и рядом с ним строгую даму за столиком, выполняющую обязанности справочного бюро и заведующей приемной. Исполняя обе эти функции, дама скажет нам, что ни один из руководителей Пентагона не сможет принять нас в течение ближайших нескольких дней, а где находится кабинет министра — этого дама «просто не знает». Таким образом, нам остается одно — пуститься в длинный путь по лабиринту коридоров Пентагона, общая протяженность которых составляет около 28 километров, в надежде взять интервью у кого-нибудь из 30 тысяч военных и гражданских служащих, работающих здесь в шести тысячах комнат, звонящих по 87 тысячам телефонов, отправляющих и получающих ежедневно 129 тысяч писем и пакетов.

Тут совсем не ощущаешь жары, если даже на улице в этот день плавится асфальт. Особое электронное устройство бдительно следит за тем, чтобы летом в кабинетах и коридорах температура не поднималась выше 20,5 градуса по Цельсию, а влажность воздуха сохранялась на уровне 50 процентов по специальной шкале. Зимой электронный истопник постоянно поддерживает температуру в 24 градуса, а влажность воздуха — 30 процентов. Именно эти градусы и проценты, по мнению врачей, создают идеальные условия для работы сотрудников главного военного ведомства США.

---

[1] Кубический ярд = 0,76 кубического метра.

Коридоры, по которым может свободно проехать бронетранспортер, полны жизни. Куда-то спешат стриженные под ежик полковники. Кого-то разыскивает, читает таблички на дверях молодой священник с выправкой строевого офицера. Парочками прогуливаются штатские со лбами интеллектуалов-атомщиков или ракетчиков. Негры-курьеры на бесшумных электрических колясочках везут куда-то коричневые папки и свежие газеты. Моряк в белоснежной форме тащит к себе в комнату поднос с бутербродами. И у всех на груди бирки-пропуска с цветными фотокарточками; у некоторых целый набор бирок разных цветов.

На втором этаже в коридоре № 9 — кабинеты начальников штабов армии, флота, авиации и морской пехоты. Здесь же помещается и председатель Объединенного комитета начальников штабов. В этот коридор проникнуть можно только мимо сержанта военной полиции, на поясе у которого, кроме пистолетов, висят изящные никелированные наручники и дубинка длиной чуть поменьше метра. Над сержантом — целая система выпуклых зеркал, так что, в какую бы сторону сержант ни посмотрел, он все равно увидит, кто приближается к коридору № 9. Не увидев у нас на груди бирок пропусков, сержант выразительно звякнул наручниками и поправил на ремне дубинку.

Впрочем, знающие американские журналисты рассказывали мне, что сержант с зеркалами сидит здесь для видимости, так как охранять-то ему, в общем, в этом коридоре нечего. Настоящие помещения для работы начальников штабов — глубоко под землей, куда генералы опускаются на личных лифтах.

Подземные комнаты называются «национальным центром военного командования». Главное помещение подземного центра представляет собой большой зал с овальным столом посредине. Каждое место за столом оборудовано индивидуальным пунктом связи, телефонами разного цвета, микрофонами, кнопками, переключателями, телевизионными и записывающими устройствами. Каждый начальник штаба, сидящий за этим столом, может вызвать старшего военного начальника американских вооруженных сил, в каком бы уголке земного шара последний ни находился.

В 1969 году вступил в строй новый подземный командный центр, который подчиняется начальнику штаба ар-

мии. На этот центр возложена также задача организации и подавления негритянских выступлений в США. Электронно-счетные машины, которыми оборудован новый армейский командный центр, могут в мгновение ока дать информацию о 150 американских городах, считающихся наиболее «ненадежными» в расовом смысле.

..Ну, что же, время клонится к вечеру, а мы прошли только половину из 28 километров коридоров Пентагона. Придется нам возвратиться сюда завтра. А сейчас, чтобы нащупать основное звено связи между генералами и «большим бизнесом», оставим Пентагон и поспешим на Капитолийский холм в новое здание палаты представителей американского конгресса, которое носит имя умершего несколько лет назад спикера палаты Рейборна. Поспешим туда, пока не стемнело. Заглянем в зал, увенчанный боевыми штандартами и обветшалыми от времени вымпелами. Два яруса длинных столов террасами поднимаются у дальней стены зала, а над ними, как трон самодержца, возвышается кресло председателя комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей.

Несколько лет назад назначенный председателем комиссии конгрессмен Риверс сказал:

— Было время, когда военные сами выбирали себе оружие, сами заказывали его оружейникам, а конгресс лишь издали наблюдал за этим. Мы сидели, так сказать, за одним столом, но в пиршестве участия не принимали. Теперь все будет по-другому.

Так вот, этот зал как раз и является одним из тех банкетных залов, где режется на куски жирный пирог военных заказов и решается, кто какой кусочек получит. А пирог поистине привлекательный. Давно известно, что прибыли промышленных компаний, работающих на Пентагон, как правило, на 70 процентов выше доходов фирм, выпускающих невоенную продукцию. Тут создаются правила круговой поруки, которой связывают себя генералы, законодатели, промышленники, образуя так называемый военно-промышленный комплекс. Схема этого зловещего круга выглядит примерно так: конгрессмены поддерживают требования Пентагона; в благодарность за это хозяева военно-промышленных корпораций, получающих заказы на производство вооружения, поддерживают кон-

грессменов; Пентагон поддерживает политику военно-промышленных корпораций.

Много лет назад я был в городе Чарлстоне, откуда родом конгрессмен Риверс. Одна из улиц города называется Риверс-авеню. Главные ворота военно-воздушной базы, расположенной неподалеку от Чарлстона, называются «Ворота Риверса». При въезде в город висел огромный плакат: «Спасибо вам, Мендел Риверс». Это промышленники из Чарлстона благодарили своего конгрессмена. За что? Промышленники не делали из этого тайны. На плакате по левую сторону от портрета Риверса были перечислены предприятия, благодаря которым процветает бизнес портового города Чарлстона в штате Южная Каролина: военно-воздушная база, армейский склад, база подводных лодок «Поларис», военно-морские доки и склады, завод по производству морских мин, заводы авиастроительной компании «Локхид».

— Что хорошо для Пентагона, то хорошо и для бизнесменов,— сказал однажды Риверс, сам не подозревая, наверное, того, что раскрыл суть зловещего союза крупнейших монополий с военщиной.

— Рядовой Джон Уинтерс из города Кларк, штат Нью-Джерси, 18 лет.

— Рядовой Гарри Пауль из Винчестера, штат Кентукки, 19 лет.

— Сержант Дональд Смит из Денвера, штат Колорадо, 24 года...

В голосе человека скорбь и усталость. Ветер рвет из его рук строчки длинного похоронного списка. Скорбны лица мужчин и женщин, окруживших читающего.

Если посмотреть направо, увидишь, как тени от облаков скользят по белым крестам Арлингтонского военного кладбища. Налево матово поблескивают бока и крыши тысяч легковых автомашин, загнанных на одну из самых больших в мире стоянок. Прямо серая стена Пентагона.

— Рядовой Джеймс Джонсон из Бедфорда, штат Техас, 20 лет...

Человек продолжает читать список американских парней, убитых когда-то во Вьетнаме. Это «поминки». Это протест против милитаризма и гонки вооружений. Около

сга человек принесли этот протест сюда, прямо к стенам Пентагона. Среди них родители погибших. Но их никто не слушает, кроме десятка репортеров, примчавшихся сюда, чтобы написать, передать по радио и показать по телевидению, как полиция будет сбрасывать со ступенек Пентагона очередных «мирников».

У демонстрантов нет над головами плакатов, они не выкрикивают лозунгов, не поют песен. Молча они прислушиваются к именам и цифрам «20 лет...», «18 лет...», «19 лет...».

Только одна седая женщина с заплаканными глазами протягивает репортерам какой-то желтый листок бумаги. Я беру его. Это похоронная. Отпечатана на бланке телеграфной компании «Уэстерн юнион». Подписана командиром корпуса морской пехоты. «С глубоким сожалением подтверждаю, что ваш сын рядовой первого класса Уильям Смит... Останки вашего сына будут доставлены вам бесплатно... Вам будут оплачены расходы по организации похорон...» А дальше, как в прейскуранте торговой фирмы, идет деловое перечисление цен на похороны «на частном кладбище» «с услугами похоронного бюро» или на национальном военном кладбище в Арлингтоне. Слова «останки вашего сына» и «доллары» соседствуют так близко, что становится не по себе.

Нет, я не хочу смотреть, как этих пожилых одиноких и беспомощных мужчин и женщин, отцов и матерей, у которых погибли сыновья, будут сталкивать с высоких ступенек, валить на асфальт, а то, чего доброго, и бить деревянными дубинками по головам. За годы, проведенные в этой стране, я вдоволь насмотрелся на такие сцены. Кажется, что я могу написать целый трактат о звуке, с которым полицейская дубинка ходит по головам, по ключицам, по спинам, по рукам, которыми пытаются закрыть лицо.

Я спешу пройти в здание Пентагона, пока полиция не принялась за дело. Но я, наверное, перепутал дверь, потому что попадаю совсем не туда, куда хотел. На первом этаже Пентагона — огромный торговый центр для офицеров и вольнонаемных служащих министерства обороны: несколько магазинов и отделение банка под одной крышей. Сияют разноцветные неоновые рекламы, залиты светом витрины, звучит музыка. Подтянутые мужчины в синих, песочных, зеленых, белых мундирах прицениваются

к штатским костюмам, примеривают ботинки, подбирают галстуки, сдают в чистку плащи, перелистывают словари в книжном магазине, толпятся в лавке музыкальных пластинок, оформляют какие-то счета в банке и здесь же справляются о курсе акций финансовой биржи.

Легенда рассказывает о том, как Иисус Христос изгнал торгашей из храма. Из Пентагона торговцев и бизнесменов он не сумел бы изгнать, это уж точно. «На том стоим»,— могли бы сказать бизнесмены. «На том стоять будем»,— подтвердили бы генералы и адмиралы.

В самом деле, давайте посмотрим, откуда берутся руководители Пентагона. Если заглянуть в послужные списки бывших министров обороны США, то обнаружится такая картина:

Д. Форрестол пришел в Пентагон с поста главы банка «Диллон Рид энд компани». Его преемник Л. Джонсон — из железнодорожной корпорации «Пенсильвания рейлроуд».

Д. Маршалл был одно время директором авиационной компании «Пан-Америкэн».

Р. Ловетт руководил могущественным военным концерном «Браун бразерс, Гарриман энд компани».

Ч. Вилсон был президентом корпорации «Дженерал моторс».

Н. Маккелрой управлял огромной мыловаренной компанией.

Т. Гейтс был банкиром.

Р. Макнамара занимал пост президента компании «Форд».

Впрочем, бывают и исключения. Такими были преемники Макнамары К. Клиффорд и М. Лэйрд. Клиффорд не был промышленником сам, но его влиятельная юридическая фирма обслуживала и обслуживает крупнейшие промышленные корпорации США. Что касается Мелвина Лэйрда, то он пришел в Пентагон из конгресса США, где был членом подкомиссии палаты представителей по ассигнованиям на военные нужды.

Теперь давайте посмотрим, куда уходят руководители Пентагона и военачальники, когда наступает время проститься с военной формой. В крупный бизнес, конечно, куда же еще!

Влияние генералов и адмиралов, сменивших мундиры на пиджаки бизнесменов, становится, может быть, не

столь заметным, но не менее реальным. Примеров тому почти столько же, сколько генералов и адмиралов в отставке. Бывший командующий американскими войсками в Европе генерал Б. Кларк стал президентом банка в Техасе. Бывший начальник штаба военно-воздушных сил США генерал К. Лимэй переселился в кабинет председателя совета директоров фирмы «Нетуоркс электроник корпорейшн» в Калифорнии. Их задача — осуществление связей между банками и фирмами, которые платят им сегодня, и Пентагоном, который платил им вчера.

Сенатор Проксмайр как-то признался, что, по его сведениям, свыше двух тысяч полковников, генералов и адмиралов состоят на службе ста крупных монополий, поставляющих оружие, оборудование и снаряжение для американских вооруженных сил.

— Нужны ли еще доказательства существования союза между военными и промышленниками? — спросил сенатор.— Это весьма опасный союз, и, если дать ему возможность разрастаться и дальше, он подомнет под себя конгресс и все наши формы государственного управления.

Значительно раньше об этом задумался один из американских президентов...

Шли первые дни 1961 года. Президент Дуайт Эйзенхауэр готовился сдать полномочия новому хозяину Белого дома Джону Кеннеди и удалиться на свою ферму в штате Мериленд. Его помощники чувствовали, что генерала что-то беспокоит. Он был задумчив, рассеян. Время от времени требовал папки с материалами о Пентагоне и, закрывшись в кабинете, что-то выписывал из них. За три дня до приведения к присяге нового президента, Эйзенхауэр объявил, что хочет побеседовать с журналистами.

Старый солдат, прошедший высшую школу управления государством, удивил собравшихся журналистов своим волнением, с которым он начал пресс-конференцию. Удивление увеличилось, когда Эйзенхауэр зачитал свое заявление. Это было его завещание Америке, предупреждение соотечественникам.

Он говорил, не скрывая тревоги:

— Ежедневно мы расходуем на нашу военную безопасность сумму, превышающую чистый доход всех американских компаний. Этот сплав многочисленного военного

персонала и сильной промышленности, производящей вооружение, представляет собой новое явление в истории Америки. Его экономическое, политическое и даже духовное влияние сказывается во всех городах, во всех законодательных собраниях штатов, во всех учреждениях федерального правительства. Мы признаем настоятельную необходимость такого развития. Но мы не должны упускать из виду его тяжелых последствий, которые касаются нашей работы, наших доходов, нашего существования, то есть самой структуры нашего общества. Мы должны помешать этому военно-промышленному комплексу приобрести — намеренно или волей обстоятельств — чрезмерное влияние в правительственных органах. Существует и будет существовать возможность, что мощь его неоправданно возрастет в гибельных масштабах...

«Военно-промышленный комплекс»... Этот термин ввел в обиход генерал Эйзенхауэр на своей последней официальной пресс-конференции в Белом доме. Это было 17 января 1961 года. На следующее утро эти три слова в сочетании со словом «Пентагон» впервые замелькали в заголовках американских газет.

С тех пор прошло почти два десятилетия. Для Америки это были годы серьезных испытаний, самым тяжелым из которых стала агрессия против вьетнамского народа, подготовленная и осуществлявшаяся Пентагоном. Во имя продолжения агрессии, по требованию Пентагона, урезались и без того скудные ассигнования на внутренние нужды страны, на облегчение участи жителей негритянских гетто, на борьбу с нищетой, на образование и здравоохранение.

Военно-промышленный комплекс всегда выступал за напряженность в международных отношениях и старался провоцировать эту напряженность. Известна записка, которую послал своему управляющему промышленник-миллиардер Говард Хьюз: «Поезжай в Вашингтон к нашим новым друзьям и посмотри, что можно сделать, чтобы война во Вьетнаме продолжалась».

Известно, что пронизывающие ветры «холодной войны» рождались в недрах военно-промышленного комплекса. Именно Пентагон время от времени начинает раскручивать маховик антисоветской кампании, запугивая американцев «советской военной угрозой», чтобы заставить в

очередной раз раскошелиться налогоплательщиков на нужды гонки вооружений.

Я помню, как однажды в Вашингтоне три главные телевизионные компании отменили свои регулярные программы, чтобы показать на экранах телевизоров заседание сенатской комиссии по делам вооруженных сил. На другой день одна из вашингтонских газет назвала эту передачу «спектаклем ужасов».

В спектакле были заняты, помимо членов комиссии, тогдашний министр обороны США М. Лэйрд и тогдашний председатель комитета начальников штабов генерал Э. Уилер. В качестве аргумента для доказательства необходимости начать новый этап гонки вооружений руководители Пентагона избрали затасканный тезис «о советской угрозе». Сев на конька «холодной войны», они не знали удержу. То сам министр обороны США, то генерал Уилер, водя указкой по таблицам и диаграммам, вслух подсчитывали, сколько миллионов жизней унесет «первый ядерный удар», сколько душ погубит «ответный удар» и далее в том же духе. Даже видавший виды председатель комиссии сенатор Стеннис не мог удержаться от восклицания:

— Такого ужаса американский народ еще никогда не слышал!

Впрочем, предоставим слово рецензенту этого спектакля из вашингтонской газеты «Стар». «Домашние хозяйки,— писал обозреватель этой газеты,— любимые программы которых были отменены, с ужасом наблюдали, как высшие представители законодательной и исполнительной власти обсуждали результаты обмена термоядерными ударами. Они сыпали на слушателей цифры мегатонн и смертей с такой легкостью, как будто речь шла о результатах футбольной игры. Затем весь этот кошмар был тщательно повторен в вечерних телевизионных новостях для мужей и детей, которых не было дома днем».

Подводя итоги, рецензент отмечал, что «спектакль ужасов мало дал для понимания проблемы, но вызвал сильные эмоциональные отклики. В результате нервы нации оказались слегка натянутыми, а перспективы мира слегка уменьшенными».

Военно-промышленный комплекс и в наши дни выступает против разрядки международной напряженности, против достижения советско-американских соглашений, на-

правленных на обуздание гонки вооружений. Одно существование этого комплекса накладывает глубокий отпечаток на экономическую и политическую жизнь Соединенных Штатов Америки. Не случайно в политических кругах США и в широких слоях американского народа все чаще высказываются опасения, что огромные военные расходы и сокращение ассигнований на социальные нужды могут привести к серьезным осложнениям как внутри страны, так и в отношениях США с другими государствами.

Некоторые американские газеты утверждают, что Пентагону приходится обороняться от протестующей общественности. Но мы, пройдя много километров по коридорам этого самого большого в Америке административного здания, не заметили тут тревоги по поводу общественной критики. На лицах военных было написано отчетливо: «На том стояли, на том стоим, на том стоять будем!».

Когда мы выходили из Пентагона, демонстрантов, читавших списки убитых во Вьетнаме, уже не было. Трещал, гнал волны ветра вертолет, к открытому люку которого подходили трое офицеров. К запястью руки одного из них был прикован цепочкой тонкий портфель из коричневой кожи. Так здесь возят секретные документы.

А теперь несколько слов о здешней погоде. Вашингтон — город южный. Тут бывают почти тропические ливни, от которых повышается влажность, случаются сильные грозы, иногда проносятся разрушительные циклоны.

Весна в Вашингтоне до обидного коротка. Не успели осыпаться лепестки вишен, как уже подступила жара. 35—37 градусов — обычная летняя температура. И при этом постоянно высокая влажность воздуха.

Лучшее время года тут осень. В середине октября начинают менять окраску деревья. Стоят прозрачные, солнечные дни. Это время нашего «бабьего лета» американцы зовут «индейским летом». В городских парках — разливы красок. Из серо-зеленого Вашингтон в это время становится празднично-разноцветным. Дубы, вязы, граб, каштаны, кизил пылают всеми оттенками теплых тонов. И так почти до конца ноября, когда робко и нерешительно начинает заявлять о себе здешняя зима.

Зима эта южная. Самое отчаянное, на что она способна,— морозец градусов в шесть. Эти «жестокие холода» совпадают обычно с праздником рождества — три-четыре морозных дня. Снег тоже редкость — семь — десять дней, и то не каждую зиму. Для ребятишек снег — небесный подарок, для взрослых — бедствие. Если снег идет сутки, в городе останавливается весь транспорт, закрываются школы, магазины, кинотеатры, иногда даже правительственные учреждения. Если снег идет двое-трое суток, в городе объявляется чрезвычайное положение, и общественная жизнь практически прекращается. Кстати, не всегда вашингтонец сбросит с машины снег. Будет ездить с сугробом на крыше. Не потому, что лень, а потому, что снег в Вашингтоне — экзотика.

ПОЧЕМУ ЗАКОПАЛИ АВТОМОБИЛЬ[1]

Студенты университета в Калифорнии устроили показательные похороны... автомобиля. Сложились всем курсом, купили «форд», выкопали могилу, похоронили, а на могилу вместо креста водрузили осиновый кол, да еще и радостно поплясали.

Сам по себе зарытый «форд», конечно, ни в чем виноват не был. За свою короткую жизнь никого не задавил, никого не искалечил. Был он сильным, красивым, послушным, и, когда сходил с конвейера, глаза людей радовались. Ибо не могут не радоваться люди плодам труда своего, изделиям рук своих. Но те же люди, что восхищались им, проклинали его.

Как же все это произошло?

Опустим историю рождения самого первого автомобиля — об этом можно прочитать в энциклопедии. Упомянем только, что первые трехколесные «безлошадные самоходные коляски», появившиеся в Европе в конце XVII века, были паровыми, а потом, вплоть до изобретения двигателя внутреннего сгорания, электрическими. Еще сто лет назад автомобиль в Америке был такой редкостью, что в захолустье бродячие цирки показывали его потрясенным ковбоям наряду со слонами и бородатыми женщинами.

---

[1] Очерк написан в соавторстве с В. Песковым.

В 1908 году начинается эра массового производства автомобилей. На заводе Форда родилась «Модель Т»—«жестяная Лиззи», как вскоре назвали этот простой, по тем временам удобный, надежный и сравнительно недорогой автомобиль. Но самое главное было вот в чем: «Лиззи» сбегала с конвейера через каждые 93 минуты.

Генри Форд-I был талантливым механиком-самоучкой, предпринимателем с широким размахом и хорошим психологом. Английское слово «man» можно перевести как «человек» и как «мужчина». Одна из реклам Форда с прямолинейной жестокостью утверждала: «Ты не «man», если у тебя нет своей собственной «Лиззи». Уже тогда, по словам американского историка Генри Стилла, «обладание автомашиной стало всепоглощающей страстью, которая оказалась сильнее, чем любая религия, и которая не отпускает американца с отрочества до самой смерти».

Шли годы. Поголовье автомобилей росло быстрее, чем население Америки. В 1900 году в стране проживало 76 995 000 человек и было 4192 автомобиля. В 1970 году в Америке жило 204 765 000 человек и было около 110 миллионов автомобилей.

Расплодившиеся автомобили стали диктовать свою волю людям. Во-первых, они потребовали новых дорог. В 1921 году в США насчитывалось 387 тысяч миль шоссейных дорог. Через двадцать лет длина автострад достигла 1400 тысяч миль. Сегодня — около 4 миллионов миль.

Автомобиль потребовал бензина, резины, металла, запасных частей, обслуживания. Сейчас в США работает свыше 300 тысяч заправочных станций и ремонтных мастерских при них. Нефтяная промышленность скармливает автомобилям 75 миллиардов галлонов горючего ежегодно. На создание автомобилей расходуется четвертая часть всей стали, выплавляемой США, половина всего свинца, 75 процентов резины, 35 процентов цинка. Почти каждый шестой трудоспособный либо работает на автомобильных заводах, либо ремонтирует, заправляет бензином, рекламирует и продает машины. «Приостановите темпы рождаемости автомобилей,— писал в 1970 году журнал «Лайт»,— лишите их права мчаться по дорогам со скоростью 70 миль в час, и наше потребительское общество, которое мы так осуждаем и за которое мы тем не менее

всячески цепляемся, забуксует и затрещит, как «Апперсон-8» выпуска 1911 года с проткнутыми шинами и протекающим радиатором».

Автомашина сделала американцев мобильными. Она изменила облик американских городов и поселков. Она изменила и самого американца. Отнимите у него автомашину, и он уже не «man» и тем более не супермен. Он лишен престижа и обречен на осмеяние, он беспомощен и нелеп, как пеший в кавалерийском строю. Мы сами однажды ощутили эту нелепость, когда оставили свою машину у дверей мотеля, совершив пешую вылазку к видневшейся невдалеке закусочной. Автомобиль упразднил в этом маленьком городке тротуары, и мы шагали по обочине шоссе, мешая автомобилистам. Некоторые из них притормаживали и с изумлением разглядывали двух странных незнакомцев — невиданное дело! — идущих пешком к закусочной, где кофе и бутерброды подаются прямо к машине. Для людей в автомобилях мы были неожиданно возникшей загадкой, мы внушали им подозрение и какую-то подсознательную тревогу.

Тротуары, конечно, ликвидированы не везде. Но зачем они какому-нибудь Джону Смиту, который из машины не вылезает? На работу, в гости, на отдых и за покупками — только в автомобиле!

Частный автомобиль убил городской общественный транспорт. Исчезают с улиц автобусы, троллейбусов нет и в помине. Лишите Джона Смита автомобиля, и он с ужасом обнаружит, что отрезан не только от места работы, но и от магазинов, от друзей, от кинотеатров, от всего мира.

Но в последние годы и за рулем Джон Смит перестал ощущать себя победителем. Каждое утро, торопясь на работу в Нью-Йорк, он проклинает пробки на автострадах, мостах и в туннелях. В часы пик заторы на автомобильных дорогах достигают 10—15 миль в длину. Десятки тысяч машин, идущих бампер к бамперу, движутся со скоростью черепах.

Каждый год на шоссейных дорогах страны происходит примерно 16 миллионов несчастных случаев, в результате которых погибают 55—60 тысяч американцев. С 1900 года до наших дней автомобиль уже убил свыше полутора миллионов граждан США. Это больше, чем потеряла Америка

во всех войнах. Автомобильные катастрофы — причина номер один смерти молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет.

Вина автомобиля перед человеком не ограничивалась убийствами на дорогах. В Лос-Анджелесе, например, почти 4 миллиона автомобилей, сжигая за сутки 8 миллионов галлонов бензина (больше, чем во всей Франции), ежедневно выбрасывают из выхлопных труб свыше 12 тысяч тонн углеводорода, окиси азота и окиси углерода, чего вполне достаточно для образования постоянного удушливого тумана. И неудивительно: каждое утро в деловой центр Лос-Анджелеса устремляется больше чем 300 тысяч автомобилей, 90 процентов из них — частные автомашины, 79 процентов частных автомобилей везут лишь одного человека — владельца. Дело дошло до того, что власти Лос-Анджелеса объявили конкурс на лучший проект борьбы со смогом. По одному из проектов предполагалось прорыть в городе гигантские туннели, установить в них такие же гигантские вентиляторы и в буквальном смысле отсасывать смог из города и выбрасывать его в ближайшую пустыню. От проекта пришлось отказаться. Вентиляторы потребляли бы такое количество электроэнергии в день, какое десять электростанций производят в год. Другой проект предлагал установить гигантские зеркала, фокусировать в них солнечные лучи и нагревать воздух, чтобы он уносил химические примеси вверх. Но и этот проект не подошел: потребовалась бы такая площадь зеркал, какую занимает весь Лос-Анджелес. Да и тогда полученное тепло не смогло бы проветрить городской воздух.

Фантастические проекты, скажете вы. Но они свидетельствуют о том, насколько серьезно обстоит дело в Лос-Анджелесе. Да если бы только в Лос-Анджелесе! Особенно крепкая «настойка» образуется в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и других городах с большим населением. И дело к лучшему не идет.

Министерство транспорта США подсчитало, что в 1980 году в стране будет 138 миллионов автомашин, а к 1990 году — 162 миллиона. Сколько окиси углерода добавится в воздух, которым дышат американцы? В Лос-Анджелесе у тех, кто понимает, «чем дело пахнет», эти подсчеты вызывают настоящую панику. Здешний ученый-химик У. Брэй мрачно предсказывает: «Если мы уже сейчас не предпримем серьезных мер, мы обречены на само-

уничтожение». «Еще 15—20 лет,— говорит бывший губернатор Калифорнии Браун,— и нас всех угробит это чудовище на четырех колесах».

Как спасти Лос-Анджелес от удушения? Одна из мер, которые обсуждаются в Калифорнии, сформулирована, например, так: «...создать проблемы для людей, совершающих регулярные поездки по городу на собственном автомобиле». Видите, как интересно сказано! Уже создать проблему для тех, кто имеет собственный автомобиль! Предполагается, что будет запрещено даже на короткое время оставлять машины на центральных улицах города, а также запрещено строить новые коммерческие гаражи и площадки для временной стоянки автомобилей. Эта мера тоже не всем понравится, и в первую очередь компаниям по строительству и эксплуатации гаражей, которые сейчас принимают все усилия, чтобы провалить проект.

Подсчитано, что Лос-Анджелес мог бы в буквальном смысле этого слова вздохнуть с облегчением, если бы удалось сократить количество автомобилей в центральных районах города на 80 процентов. Но ведь для того, чтобы не нарушилась в этом случае жизнь города, нужен общественный транспорт, а его практически в Лос-Анджелесе не осталось. Последний троллейбус был отправлен на свалку еще десять лет назад. 57 процентов опрошенных жителей города говорят: «Я охотно оставлю свой автомобиль дома и поеду на работу автобусом, но где он, автобус?»

Нет, не случайно мэры американских городов с таким прилежанием изучают опыт работы общественного транспорта в Москве, Ленинграде, Киеве. Многие американцы, с которыми мы встречались в Америке, говорили: «Мы знаем: скоро и в вашей стране будет много автомобилей. Не повторяйте наших ошибок! Заранее думайте над проблемами, неизбежно идущими следом за автомобилем».

В Америке специалисты лихорадочно ищут сейчас возможность построить автомобиль с «чистым двигателем». Существует много проектов: паровой автомобиль, электрический, с водородным мотором. Однако у каждого из проектов свои недостатки. Решение властей уже в 1975 году запретить выпуск автомобилей с бензиновым мотором и перейти на «чистый двигатель» оказалось поспешным.

Энергетический кризис заставил повсюду утроить усилия в поисках нового вида горючего и новых двигателей. Однако искушенные люди говорят: те, кто торгует бензином, не спешат к переменам. Для них смог в Лос-Анджелесе — это 8 миллионов галлонов бензина, помноженные на 60 центов (средняя цена галлона бензина на заправочных станциях США), что дает 4800 тысяч долларов в сутки.

Такова причудливая судьба автомобиля в Америке, где из блага он превратился во зло. Такова диалектика общества, где прогресс в конце концов оборачивается против простого человека. Парни в Калифорнии, устроившие автомобилю показательные похороны, поняли это.

ГОРЬКАЯ СЛАВА

Когда приехала полиция, Дуайт Джонсон был уже мертв. Он лежал лицом вниз на полу у продуктовой кассы, неловко подвернув под себя руку и накрыв своим телом пистолет, из которого так ни разу и не выстрелил.

Хозяин лавочки рассказывал:

— Я уже собирался закрывать, когда он вошел. Я сразу почувствовал: что-то с этим негром неладно. «Вы не узнаете меня? — спросил он.— Я Джонсон. Тот самый. Вы меня, конечно, знаете». Я пожал плечами, а он все твердил: «Я же Джонсон. Должны же вы знать Джонсона!» Потом сказал, что хотел бы одолжить у меня немного денег. «Джонсону-то вы можете дать в долг?» Тут я испугался и выхватил пистолет. Он выхватил свой, но я успел всадить в него пять пуль... С ума можно сойти: я в него стреляю, а он не падает, не падает. Только шатается и твердит: «Я же Джонсон... Вы же должны знать меня...» Не понимаю, почему он не стрелял?

— А у него пистолет был без патронов,— равнодушно отозвался полицейский. Он уже перевернул убитого на спину и теперь кончиками пальцев, боясь запачкаться кровью, за уголок тащил из кармана пиджака потрепанный бумажник.

Денег в бумажнике не было. Зато там была небольшая белая карточка. На плотной глянцевой бумаге — золотое

тиснение букв. Полицейский пробежал глазами по буквам и свистнул от удивления.

— Этого-то Джонсона вы должны были знать,— пробормотал он, показывая карточку владельцу лавочки. На карточке золотом было оттиснуто: «Соединенные Штаты Америки. Настоящим удостоверяется, что Дуайт Джонсон является кавалером ордена Славы конгресса США».

Орден Славы — высший орден Америки. Награждают им от имени конгресса. Вручают его в Белом доме, и делает это сам президент.

В тот ноябрьский вечер 1968 года перед президентом Линдоном Джонсоном стоял его однофамилец сержант Дуайт Джонсон. Оба высокие, одинакового роста, только президент был белый, а сержант черный. Сияли «юпитеры», стрекотали кинокамеры, и на экранах цветных телевизоров миллионы американцев видели, как белый президент повесил голубую ленту с золотой медалью на шею черного сержанта.

— Наши сердца обращены к миру,— торжественно сказал президент,— но в этом зале мы снова слышим грохот отдаленной битвы...

В тот же вечер сержант Джонсон вылетел в свой родной Детройт. Грохот отдаленной битвы звучал в его ушах. Перед его глазами пылали хижины вьетнамских крестьян, в предсмертном крике захлебывались дети, рыдали женщины. Сержант пытался отогнать эти картины, вспоминал зал в Белом доме, президента, который так торжественно говорил о мире, но Вьетнам не отпускал его от себя. Пройдет всего лишь три года после этого вечера в Белом доме, и психиатр военного госпиталя напишет в учетной карточке сержанта: «После возвращения из Вьетнама Джонсона мучили кошмарные сновидения. Он не признавался в этом ни жене, ни матери. Тайно от всех он безжалостно судил себя за все, что произошло... Он даже задавал себе вопрос: «Имею ли я право жить?»

Он вернулся из Вьетнама молчаливым и каким-то отрешенным. Это заметили все его родственники и друзья. Кармен Бэрри, подруга его будущей жены, рассказывает:

— Они все оттуда возвращаются молчаливыми. Ничего не хотят рассказывать. Такое впечатление, что они устали и не могут понять, за что они убивали людей.

Его двоюродный брат Томми вспоминает:

— Он вернулся непохожим на себя. Больше всего меня поразили фотоснимки, которые он привез оттуда. Ну, вы догадываетесь, конечно... убитые вьетнамцы. Целая пачка цветных слайдов... Однажды он сказал мне, что сам он не застрелил ни одной женщины и ни одного ребенка.

Когда его призвали в армию, он был безработным. Он демобилизовался и снова стал безработным. Каждый день он обивал пороги контор по найму, но работы не было нигде. Таяли «заработанные» во Вьетнаме деньги. С витрин магазинов кричали плакаты, обращенные к бизнесменам: «Найми ветерана!» Но если и нанимали, то белых. До черного ни у кого дела не было.

В задумчивости он останавливался у плакатов, сулящих «интересную жизнь» в вооруженных силах. В армию — вот куда была гостеприимно распахнута дверь. Причем распахнута одинаково широко как для белых, так и для черных. В армию зазывали, заманивали, завлекали. Но он уже там был, и возвращаться ему не хотелось. Его пугала перспектива снова угодить во Вьетнам.

Однажды вечером в дверь его квартиры кто-то постучался. Стук был властным, требовательным. Мать открыла дверь и охнула, испугавшись. На пороге стяли трое военных полицейских в белых касках и с белыми ремнями через грудь.

— Ты чего-нибудь натворил, сынок? — спросила мать.

— Честное слово, мама, я не сделал ничего плохого,— поспешил он успокоить ее.

Полицейские, белые парни, сунув ладони за широкие белые пояса, угрюмо озирали убогое жилище негров. Офицер вынул блокнот и приступил к допросу. Не подвергался ли Джонсон арестам после демобилизации? Не участвовал ли в антивоенных демонстрациях? Не состоит ли членом партии «Черные пантеры»? Нет, не участвовал, не состою, отвечал Джонсон.

На следующий день он узнал, что награжден высшим орденом Соединенных Штатов Америки.

После церемонии в Белом доме жизнь Дуайта Джонсона потекла, покатилась, закружилась, как в самой фантастической, самой чудесной сказке. Все бизнесмены

Детройта, еще вчера отказывавшиеся взять на работу какого-то Д. Джонсона, наперебой стали приглашать на службу единственного в штате Мичиган кавалера ордена Славы Д. Джонсона. Каждому хотелось похвастаться тем, что у него работает герой. Но было поздно. Сержанта Джонсона вернули в армию. Он стал служить в управлении по вербовке молодых американцев в вооруженные силы.

Один из офицеров, служивших в том же управлении, говорил потом:

— Джонсона больше нет, и давайте больше не будем хитрить. Все было заранее продумано. Вся штука в том, что в Детройте много негров. Как заманить их в армию? Показав им живого негра с орденом Славы на шее. Вот, дескать, что вас ждет, ребята! Почет! Уважение! Обеспеченная жизнь! Не хуже, чем у белых. Короче говоря, из Джонсона сделали приманку...

Сам автомобильный король Форд устроил банкет в честь негра-орденоносца. Джонсона посадили за стол между Фордом и генералом Уэстморлендом, который ради этого банкета оставил дела в Пентагоне и примчался в Детройт. Здесь же сам Форд вручил сержанту ключи от нового автомобиля. Сержант отчаянно смущался, ничего не ел, не знал, какую вилку взять, как держать руки. Пот лил с него ручьем. А тут еще телекамеры, блицы фоторепортеров, «юпитеры». Прямо с банкета Джонсона повезли в самый роскошный городской отель. Здесь отныне он будет жить. Сколько стоит номер? Бесплатно, разумеется. Не брать же с героя деньги, черт подери!

И снова телекамеры, блицы фоторепортеров, «юпитеры».

Узнав, что Джонсон собирается жениться, известный в городе ювелир сам привез в отель обручальные кольца и золотую цепочку для невесты. «У меня нет таких денег»,— сказал Джонсон. «Что вы, что вы,— запротестовал ювелир.— Я же не тороплю вас. Когда-нибудь заплатите». А из-за спины ювелира стволы телекамер уже нацелились на Джонсона, на кольца, на золотую цепь...

Никто из бизнесменов не хотел брать деньги у Джонсона. Ни за дом, который он купил после рождения сына, ни за мебель, ни за бензин для дареной машины. «Когда-нибудь отдадите,— говорили ему.— Мы же вас знаем!»

Но его заставляли отрабатывать эти подарки. Он выступал в клубах, школах, на негритянских собраниях. Он звал негритянских юношей в армию.

А по ночам его мучили кошмары. Как и прежде, во сне к нему тянулись руки убитых вьетнамцев. Только теперь к нему тянулись руки и убитых американцев. Тех самых юношей, которых он завербовал в армию. В его ушах звучали презрительные голоса: «Ты, подсадная утка... электронный негр... робот Пентагона». Так говорили о нем наяву, за его спиной, и он уже не раз слышал это.

Однажды у матери заболел зуб, и он повез ее к врачу. В приемной дожидался своей очереди полицейский Рональд Торнер. Он узнал Джонсона. Коротая время, заговорил с ним, попросил рассказать, за что тот получил свой орден. И тут мать заметила, что с Дуайтом что-то произошло. Еле сдерживая себя, он сказал полицейскому:

— Не надо об этом, приятель. Если то, что я сделал во Вьетнаме, я сделал бы в Детройте, они схватили бы меня и посадили на электрический стул. Но там был Вьетнам, а не Детройт, и они дали мне орден. Они надели на меня золотую цепь и стали показывать людям, как ручного медведя...

На другое утро сержант не явился на службу. С тех пор он стал пропускать уже объявленные выступления в клубах и школах. Ему грозили разжалованием, арестом, трибуналом. На какое-то время он брал себя в руки, но потом снова запирался в своем доме и не отвечал на телефонные звонки. Один из офицеров-сослуживцев вспоминает:

— Дело доходило до того, что я приезжал к нему домой, вынимал из портфеля наручники, один браслет защелкивал на его руке, другой на своей и так вез его выступать. Только перед самым входом в зал я расковывал его.

Через несколько месяцев Джонсона положили в госпиталь на военно-воздушной базе Сэлфридж, под Детройтом. Солдат Герман Авери вспоминает:

— Он приехал к нам в сопровождении майора. Мы сразу подумали — большая шишка. Ему выдали халат и поместили в отдельную палату. Но не прошло и несколь-

ких часов, как сержанта снова одели в мундир и тот же майор повез его куда-то выступать. Вернулся он вечером усталый и поникший.

Вот тогда-то и написал госпитальный психиатр в больничной карточке Джонсона слова о безжалостном суде над самим собой и о сомнении: имеет ли он право жить?

В день окончания суда над лейтенантом Колли, известным своими преступлениями во Вьетнаме, он убежал из госпиталя и наотрез отказался являться на службу. Его хотели было судить, но в Пентагоне побоялись дурной огласки и приказали просто поставить на нем крест.

Дуайт Джонсон, кавалер ордена Славы, снова стал безработным негром. Бизнесмены Детройта, еще недавно позировавшие с ним перед телевизионными камерами, перестали его узнавать. Приехали люди от Форда и забрали машину. Потребовал уплаты за кольца и золотую цепь ювелир. Пришли счета и за дом, за мебель, за бензин и за сотни других покупок, которые Джонсон сделал в кредит. В семью Джонсона пришла беда.

Заболела его жена Катрин. Ей требовалась срочная операция. Он отвез ее в больницу. Она вспоминает, что он улыбался. И она силилась улыбаться, но оба они думали об одном и том же: чем они будут платить за койку в больнице, за операцию, за больничный уход?

— Поцелуй меня на прощание,—попросил он жену. Катрин поцеловала его в щеку. Он, как маленькую, погладил ее по голове.

— Принеси мне завтра халат и гребенку,— напомнила она. Он улыбнулся и помахал ей рукой.

Вернувшись домой, он позвонил своему приятелю Эдди Райту и попросил подвезти его на машине в одно место, где будто бы ему обещали дать в долг немного денег. Эдди заехал за ним вечером.

...Джонсон попросил остановить машину в белом районе.

— Это здесь, за углом,—сказал он.— Я пойду, а ты подожди меня.

Прошло около тридцати минут. Джонсон не возвращался. Эдди стал нервничать. Машина стояла в тени дерева, на плохо освещенной улице, и Эдди подумал: наверное, это должно выглядеть подозрительно — негр, притаившийся в машине на улице, где живут одни лишь белые.

Он решил, что будет лучше, если он поставит машину под уличный фонарь. Эдди включил мотор, но дорогу ему преградила полицейская машина, на огромной скорости вылетевшая из-за угла. Двое полицейских с пистолетами в руках распахнули дверцы и в несколько прыжков очутились около его машины.

— Что ты делаешь здесь?

— Жду приятеля.

— Как фамилия твоего приятеля?

— Дуйат Джонсон.

— Твой приятель лежит мертвый в продуктовой лавочке.

После того, как его допросили в полиции и отпустили, Эдди поехал к матери Джонсона. Она уже все знала.

— Он устал жить,— тихо говорила мать.—Он искал кого-нибудь, кто бы мог нажать на курок...

Его хоронили на Арлингтонском национальном кладбище в Вашингтоне. Был серый, туманный полдень. Гроб несли восемь солдат в синих шинелях. Лица их были усталые и безучастные: шестые похороны в этот день. Туристы, внимание которых привлекли камеры телехроники, спрашивали друг друга:

— Кого хоронят?

— Говорят, какого-то Джонсона.

— А кто он такой?

Печально пропел солдатский рожок. Сухо прогремел ружейный залп...

История опустила занавес над очередным эпизодом американской войны во Вьетнаме, войны без героев и без славы.

АТЛАНТА, 8 ЧАСОВ

Помните, был такой фильм «Рим, 11 часов»? Помните, как, не выдержав толпы безработных, рухнула лестница на римской бирже труда? Эти жуткие кадры мгновенно воскресли в памяти, когда я услышал о том, что произошло в Атланте — главном городе американского штата Джорджия.

Я звонил туда из Вашингтона. Вот что мне рассказали.

Все началось с заметки в местной газете. «Программа

борьбы с безработицей... Увеличивается число рабочих рук, занятых в городском хозяйстве... Требуется 225 уборщиков мусора... Предпочтение будет оказано ветеранам вьетнамской войны».

После полуночи в Атланте начался дождь. Полицейский, выглянувший из стеклянной двери биржи труда, увидел на тротуаре одинокую человеческую фигуру на костылях. Человек без ноги, подняв воротник плаща, пытался укрыться от дождя под козырьком подъезда. Это был первый в очереди.

К трем часам ночи в очереди стояло уже около двух тысяч безработных.

К восьми часам утра там было свыше четырех тысяч человек.

В очереди стояли не только ветераны. Их как раз было немного. Здесь были плотники, столяры, шоферы, токари, слесари. Здесь были пожилые опытные мастера, отцы семейств и деды. Здесь были юноши, лишь прошлой весной окончившие среднюю школу. Они всю ночь стояли под дождем, чтобы получить должность уборщика мусора.

Они знали, что требуется всего лишь 225 человек. Но они не уходили. Что их задерживало? Надежда на чудо? Отчаяние?

А дождь все лил и лил. Рассвет был зыбким, мокрым, туманным. Серое утро не сулило удачи.

В восемь часов утра полицейский приоткрыл дверь, чтобы впустить их в вестибюль. Свыше четырех тысяч человек заволновались, зашумели, задвигались. Первым протиснулся в дверь человек на костылях. И тут же упал, сбитый густым людским потоком, который ворвался вслед за ним, отбросив в сторону полицейского. Затрещали двери. Зазвенели разбитые стекла. Кто-то дико закричал, прижимая ладони к изрезанному осколками лицу. Кто-то стонал, задыхаясь под грудой упавших на него тел.

Свыше четырех тысяч человек, сбивая друг друга с ног, топча упавших, бежали по коридору, чтобы первыми достигнуть заветной двери, чтобы получить место уборщика мусора. Вот как передал об этом в вашингтонскую газету ее атлантский репортер Поль Уэст: «Двадцатичетырехлетний одноногий инвалид пострадал, кажется, больше всех. «Опомнитесь! — кричал он.— Пропустите меня. Я ветеран!» Толпа неслась мимо него. Оставляя за собой полосу крови,

он полз по полу и плакал навзрыд, пока его не оттащили в сторону полицейские».

Паника охватила служащих биржи. Боясь быть растоптанными, они заперлись в зале. Толпа бушевала у закрытой двери. На улице выли сирены полицейских машин. Приехал мэр Атланты. Он умолял толпу разойтись. Но люди еще долго не расходились. Чего-то ждали. Чего? Серое утро сменилось серым днем. Но чуда не произошло.

Примчавшиеся на биржу репортеры спешно брали интервью. Двадцатидвухлетний Уиллин Рид сказал, что он потерял работу полгода назад. Он пришел к бирже труда в три часа ночи. Думал, что будет одним из первых.

— Увидев очередь, я понял, что шансы мои равны нулю,— рассказывал он.— Но что мне оставалось делать, как не стоять в очереди? Вчера я побывал в десяти местах и везде получил отказ.

...Из Вашингтона я звонил в Атланту мэру Джексону, хотел расспросить его об уровне безработицы в Атланте, но его не оказалось на месте, и на мои вопросы ответил один из его сотрудников.

— То, что случилось в Атланте, случается сейчас и в других городах, только об этом не пишут,— с оттенком досады в голосе сказал мне мой собеседник.— Атланте просто не повезло. Какому-то городу предстояло попасть на страницы газет. По случайности попала Атланта.

По словам сотрудника мэрии, дела в Атланте обстоят не лучше и не хуже, чем в других городах США. Безработица здесь сейчас на уровне 7,5 процента. Среди молодых негров в Атланте работы не имеет каждый четвертый.

— Рядовые, обыкновенные цифры,— подытожил нашу беседу сотрудник мэрии.—В некоторых городах еще хуже. Например, в Детройте или в Буффало.

Газета «Вашингтон пост» опубликовала снимок, который занял чуть ли не четвертую часть первой страницы. Снимок был сделан в соседнем городе Балтимор с вертолета. Квадратное здание биржи труда и очередь безработных, растянувшаяся на несколько кварталов. Я видел, как рассматривали этот снимок люди на автобусной остановке в Вашингтоне. Пожилой мужчина покачивал головой и все повторял: «Боже мой! Вы только посмотрите! Боже мой!»

Что за этими восклицаниями? Я посмотрел в глаза этому человеку и увидел в них отчаяние. Такое отчаяние,

что у меня сжалось сердце. Я не знаю, кто он. Расспрашивать не решился. Возможно, у него большая семья. Может быть, дочь или сын учатся в колледже. На оплату колледжа уходят все сбережения. Он уже не молод. Знает: будут увольнения, его уволят первым. Тогда и колледж прощай. Горе безработного — это горе, помноженное на число близких людей. В его возрасте искать работу — безнадежное дело. Пособие по безработице? Зажгите свечку с двух концов и посмотрите, как быстро она будет таять. Вот так и сроки пособий.

В Вашингтоне, где нет другой промышленности, кроме промышленности обслуживания государственных чиновников, конгрессменов и туристов, процент безработицы, как говорят, не самый высокий, если сравнивать его с другими городами. Но и здесь биржи труда и конторы по выплате компенсаций по безработице переполнены. Я посетил одну такую контору в пригороде Вашингтона. Администратор, в кабинет которого меня направили, растерялся. Протирая платком очки и близоруко щурясь, признался, что чувствует замешательство оттого, что не знает, что можно, а что нельзя говорить советскому журналисту. Просил не называть его имени в газете.

— Побывайте в зале, посмотрите, как мы работаем,— вдруг нашел он выход из положения.— Нам пришлось потеснить другие учреждения. Не хватает, знаете ли, помещения. Кстати, там сейчас телевизионные репортеры берут интервью.

Я пошел в зал на второй этаж. Очередь начиналась на лестнице. Совсем как в фильме «Рим, 11 часов». Только лестница здесь солиднее и прочнее. Очередь медленно движется снизу вверх к дверям в зал. Здесь разбивается на пять ручейков, текущих к пяти окошечкам. В окошечках клерки заполняют какие-то анкеты, листают какие-то бумаги. Действительно, заняты до предела.

У одного из окошек рыдает молодая негритянка. Девочка лет двенадцати гладит ее по плечу и уговаривает: «Не надо, мама. Не надо». А у самой дрожат губы, вот-вот сама расплачется.

Телевизионщики, видимо, уже отсняли все, что им надо было отснять, погасили свои яркие лампы. Оператор с камерой на плече кивает на рыдающую женщину и на всякий случай спрашивает репортера:

— Может, ее снимем?

Репортер, совсем еще юная девица, устало машет рукой:

— Хватит. У нас уже есть плачущий мужчина.

Рыжий парень в зеленой нейлоновой куртке откуда-то из коридора несет в картонном стакане воду.

— Вот выпейте, пожалуйста,— протягивает он стакан негритянке.

— Это, наверное, надо снять,— восклицает девица-репортер.

Осветитель мгновенно включает лампу. Оператор в два прыжка подлетает к окошечку. Девица спешит за ним, протягивает парню микрофон.

— Сэр! Вы...— она не знает, что бы такое спросить у парня.— Вы ничего не хотели бы сказать нам?

Парень берет у нее микрофон. Оператор знаками показывает ему, что глядеть надо в объектив. Трещит телекамера.

— Меня зовут Питер Сноу,— говорит парень, поднося к губам микрофон.— По профессии я плотник. У нас все в роду плотники. Мой дед рассказывал про великую депрессию 30-х годов. Отец вспоминал экономический спад 50-х годов. Старший брат был без работы во время спада 60-х годов. Теперь, в 70-х, моя очередь хлебнуть из горькой чаши. Вот я и думаю: что-то здесь не так. Как-то не так устроена жизнь, если не проходит десятилетия, чтобы не было спада...

— Стоп! — командует девица.

Осветитель щелкает выключателем. Гаснет лампа. Оператор опускает камеру.

...Вечером в час последних известий мы сидели у телевизора. Хотелось посмотреть, как будет подан репортаж с биржи труда. Но его не показали. Его вытеснил репортаж из Нью-Йорка. Репортер стоял на людном перекрестке Бруклина и рассказывал, что накануне были уволены еще 598 рабочих коммунального хозяйства города. Среди них был Роберт Марильяно из бригады маляров, ремонтировавших здание местного суда. Возраст — 33 года. Национальность — итальянец. Недавний эмигрант.

Говорят, что отчаяние Марильяно было так глубоко, что он потерял рассудок. Вот на этом самом перекрестке он облил себя бензином, чиркнул зажигалкой и превратился в пылающий живой факел...

Между прочим, эпизод с рухнувшей лестницей в кинофильме «Рим, 11 часов» не выдуман. Так было в жизни. Роберт Марильяно был тогда еще ребенком. Может быть, на той лестнице стоял его отец. Теперь пришла очередь сына. Так вот устроена жизнь.

Репортер с микрофоном стоял на людном перекрестке. Мимо мчались автомобили. Куда-то спешили по своим делам люди. Некоторые останавливались и прислушивались к тому, о чем рассказывал репортер. Оператор медленно повел камеру, показывая лица. Ни одной улыбки. Скорбь. Печаль. Раздумья.

«ЕСЛИ Я ПОТЕРЯЮ РАБОТУ...»

Американцы умеют работать. Это факт, который не требует доказательств. Все, чем может гордиться деловая Америка в сфере материального производства, создано не взмахом волшебной палочки, а упорным, добросовестным трудом миллионов.

Как же распределяются результаты их труда? Предоставим слово профессору кафедры экономики и управления Массачусетского технологического института Лестеру Тароу. В одном из выпусков журнала «Ньюсуик» он пишет:

«Десять процентов богатейших американских семейств получают 26,1 процента всего денежного годового дохода США, в то время как на долю десяти процентов беднейших семейств остается лишь 1,7 процента... Доходы негров не поднимаются выше 69 процентов доходов белых. Женщина, выполняющая ту же самую работу, что и мужчина, получает лишь 56 процентов его зарплаты. Если же мы приглядимся к тому, как распределяются богатства, то увидим, что 20 процентов семейств, принадлежащих к высшему слою нашего общества, владеют 80 процентами всей частной собственности в США, в то время как 25 процентов семейств, находящихся внизу, не имеют во владении ничего, а долги многих значительно превышают их личное имущество...»

Я еще раз хочу обратить внимание читателей на то, что эти убийственные цифры приводит американский профессор, посвятивший свою жизнь изучению законов капиталистической экономики.

И еще один закон капитализма: постоянная массовая безработица.

Я спрашивал американцев:

— Боитесь ли вы потерять работу? Как изменится ваша жизнь и жизнь вашей семьи, если вы потеряете работу?

Вот что отвечали мои собеседники, с которыми я разговаривал в городах Атланта (штат Джорджия) и Миннеаполис (штат Миннесота).

— Ничего себе вопросики, черт побери! «Боюсь ли я потерять работу?» Да меня мороз по коже продрал, едва вы слова эти произнесли. Постучите пальцем по столу три раза! Тьфу-тьфу-тьфу... Спаси и помилуй!

(Мой собеседник — седой, плотный человек невысокого роста. Ему 46 лет. Он квалифицированный рабочий — сборщик моторов для холодильников.)

— Вы меня извините, но имя мое и фамилию прошу вас забыть. Не знаю, как вам, а мне мое имя в иностранной газете видеть ни к чему. Как раз из-за того, что я с вами здесь откровенничаю, меня и могут с работы попереть. Тогда приходите за интервью с безработным. Ха-ха! Не приведи господь, конечно.

Ну что же, давайте вообразим, что я потерял работу. Должен вам сознаться, что потерять ее я могу в любое время. Инфляция, как вы знаете, растет день ото дня, все становится дороже, и неизвестно, что будет через год и даже через месяц. Безработица тоже не уменьшается. В такое время люди не очень-то покупают новые вещи: берегут сбережения на черный день. Конечно, и наши холодильники не очень-то большим спросом сейчас пользуются. А мы пока что продолжаем их штамповать с прежним усердием. Так что, глядишь — вот-вот затоварим рынок. Были уже в прошлом такие моменты. Хозяева в этих случаях сокращают производство, а лишние рабочие руки — пожалуйте за расчетом! Если такое случится, одним из первых за ворота вылечу я... Возраст у меня такой. Сорок шесть лет — старая лошадь, надеяться не на что.

Мысль эта мне, признаться, не дает покоя, особенно по ночам. Поверите — без снотворных таблеток ночи не проходит. А утром проснуться не могу. Чтобы поднять меня, жена чуть не водой из ведра окатывает.

Зима у нас была в этом году необычная. Холода, снег, метели. Снова энергетический кризис. Топливо было на исходе. Из-за этого предприятия останавливались. Люди работу теряли. За один январь два миллиона рабочих расчет получили. Говорили: временно. Дескать, появится топливо, приходите снова. Ну, а если оно опять кончится? Ну, а если и нашу фирму эта горькая чаша не минует? Тогда я одним из первых по эту сторону проходной останусь.

Так вот, что же тогда со мной будет? Ну, начнем с того, что я не один, а нас пятеро. Жена, сын и две дочери. Жена сейчас не работает, у нее сильный ревматизм. Сын учится на юриста. Дочки еще в школе — они у нас поздние. Домик у меня. Машина. Не первой молодости авто, но еще бегает. Косилка ручная, чтобы лужайку перед домом подстригать. Вроде должен быть я счастлив. А вот нет его, счастья. Потому что покоя нет. Таблетки снотворные по ночам глотаю. И все из-за того, что боюсь работу потерять. Думаете, я один такой? Все мы неврастеники, по разным причинам. Хозяин боится в трубу вылететь, рабочий боится безработным стать.

Ну, судите сами. За парня своего около трех тысяч долларов в год за учебу я должен отдать? Должен. За дом и машину я еще рассрочку не выплатил? Не выплатил. Жена болеет. То лекарства нужны, то уколы, то электропроцедуры. За все это — больше тысячи долларов в год. Вынь да положь! А ведь еще питаться и одеваться надо. Как посчитаешь все вместе,— дурно делается. И все-таки как-то выкручиваемся. А если работу потеряю?..

— Пособие, говорите? Пособие, конечно, буду получать. Около года буду получать. А потом как жить? Есть у меня друзья, которые получают пособие. Не позавидуешь им. Это так, чтобы с голоду не умереть. На пособие сына не выучишь, жену не вылечишь. Пособия еле-еле на похороны хватит, если загнешься от переживаний.

Да ну вас совсем! Какого черта вы душу травите? Не хочу я об этом больше говорить. И без того тошно...

Вы суеверный человек? Я вот очень суеверным в последние годы стал. Давайте постучим по деревяшке три раза...

— Что касается меня, то в случае потери работы я, наверное, не буду получать пособия по социальному стра-

хованию. Дело в том, что я работаю в маленькой компании, где нет ни профсоюза, ни социального страхования. Кроме того, работаю я всего лишь год с небольшим. И вообще весь мой рабочий стаж — год с небольшим.

(Ему 23 года. Он преподаватель истории, но работу по профессии найти не мог и устроился рабочим на книжный склад. Его зовут Дэвид Андерсон).

— Я очень дорожу той работой, которую удалось найти. Чтобы быть на хорошем счету у хозяина, прихожу на склад за 15—20 минут до начала работы и не спешу уйти домой после работы. Разумеется, все стараюсь делать так, чтобы не получить ни одного замечания. Потеря работы была бы для меня катастрофой. Не знаю, поймете ли вы...

У меня есть два горячо любимых и дорогих человека. Мать и невеста. Мать уже старенькая и слабая. Она отдала мне всю свою жизнь. Я у нее единственный. Она меня вырастила без отца. Когда я стал работать, я прежде всего сделал вот что: сменил квартиру, чтобы маме было легче и удобнее жить. На оплату двух комнат уходит третья часть моей зарплаты, хотя это и не бог весть какая квартира.

Что вам сказать про мою девушку? Ну, разумеется, это самая красивая, самая нежная, самая добрая девушка в мире. Мы хотим пожениться. И очень хотим ребенка. Она — студентка. Значит, из нас троих зарабатываю пока что один я. И уже сейчас я коплю деньги на будущее, отказываю себе и матери во всем, беспощадно экономлю. Не хожу в кино. Даже курить бросил. Вы не улыбайтесь, пожалуйста. Вы знаете, к примеру, сколько нужно будет уплатить врачам за роды? Около двух тысяч долларов, если в хорошей больнице. А в плохой я не хочу: очень люблю мою будущую жену и будущего ребенка. Не знаю, поймете ли вы меня...

Так вот подумайте сами: смогу ли я платить за квартиру, если я потеряю работу? Смогу ли я жениться, если я потеряю работу? Смогу ли я иметь ребенка?

Безработица убивает в человеке его душу. Человек еще жив, а внутри он уже мертв. Я знаю таких людей. На них страшно смотреть. С ними страшно общаться. Это как общение с живыми мертвецами.

Потерять работу — это как стать прокаженным. Все тебя сторонятся. Потеря работы — это потеря места в нашем очень потребительском, очень жестоком и равнодуш-

ном обществе. Я знаю молодого инженера, который стал безработным: через два года он потерял любимую женщину, потерял друзей, потерял веру в самого себя.

Вот что страшнее всего: потерять веру в самого себя, потерять веру в жизнь, когда она, по сути дела, только начинается, стать живым мертвецом в 23 года.

— Я вам вот что скажу, мистер: кто-кто, а я-то знаю, что значит остаться без работы. О, да, сэр, можете мне поверить! Я это знаю из собственного опыта и могу вам кое-что рассказать.

(Ее зовут Джуди Хаббард. Ей 37 лет. Она негритянка. Работает уборщицей в отеле).

— Так вот, мистер, слушайте, если хотите. Я ожидала пятого ребенка, когда муж потерял работу. Помню даже, как все это было, хотя с того вечера прошло уже десять лет. Пришел мой Джон домой, сел на стул, смотрит на меня, что-то хочет сказать, а не может — губы трясутся...

Он был сборщиком хлопка, мой Джон. Один из тех, кто летом кочует вслед за солнцем с севера на юг. С двенадцати лет он собирал хлопок и другой профессии не имел. Сельскохозяйственный сезонный рабочий, вот кто он был с двенадцати лет. Таким, как он, даже пособий по безработице не дают.

Через месяц мы уже недоедали. Жили тем, что получали в церкви из благотворительного фонда. Занавешивали окна, чтобы маленькие думали, что еще ночь, и не просили есть...

Скоро совсем плохо стало. И тогда мой Джон сделал то, что делают многие негритянские мужчины, у которых нет больше сил смотреть, как голодают их дети. Он ушел из дому. Бросил нас. Скрылся. Да, сэр, бросил, хотя очень любил нас. И вот только тогда, лишившись главы семьи, я получила по закону право на пособие. Вот только такой ценой, ценой отказа от мужа, получила я право на помощь.

Знаю, что потом Джон уехал искать работу на север. Где-то в штате Иллинойс заболел и умер...

Давно это было, мистер... Подросли мои старшие, ушли из дома. Улица — теперь их дом. Недоучились, не определились в жизни. Не на кого им было опереться, не было рядом отцовского плеча...

Честно вам скажу, порой не хочется жить, но ведь младшие со мной. Может быть, их выведу в люди. Если не потеряю работы...

ВАШИНГТОН, ПАМЯТНИК ЛИНКОЛЬНУ...

Три репортажа из «Города воскрешения».

Весной 1968 года со всех концов Америки на Вашингтон двинулись бедняки. Шли батраки Алабамы и безработные шахтеры Аппалачей, индейцы Южной Дакоты и мексиканцы Техаса. Шли белые и негры. Голодные, усталые, гневные и непокорные. Они прошли по улицам столицы и в центре города принялись возводить «Город воскрешения».

18 мая 1968 г.

Он сидит усталый, задумавшийся, положив сильные жилистые руки на подлокотники мраморного кресла. Его взгляд устремлен вдаль. Мраморные ступеньки сбегают от его ног к Зеркальному пруду, узкой серой полоской протянувшемуся к монументу Вашингтону. Остроконечную верхушку монумента скрывает туман. В тумане купол здания конгресса.

Реактивный пассажирский самолет, идя на посадку, едва не касается крон деревьев, на которые задумчиво смотрит мраморный Линкольн. Ветер доносит запах свежераспиленных досок и сырой фанеры. Запах стройки. Человек всегда гордился созданием своих рук, радовался строительству. Этой же стройкой гордиться нельзя. У мраморных ступенек памятника строится городок бедных и голодных, которых привело сюда отчаяние.

Я смотрю на усталое и прекрасное лицо Линкольна, и мне кажется, я замечаю, как пробегает по нему тень гнева. Это он, бывший лесоруб из Штата Кентукки, создавал эту страну, вел ее через кровавые бои гражданской войны. К чему пришла эта страна через столетие после того, как он провозгласил отмену рабства? К городу бедных и голодных, который строится сейчас у его ног.

Фанерные шалаши выстроились в шесть рядов. На стенках надписи: Алабама, Джорджия, Миссисипи,

Луизиана... Город обнесен легкой изгородью. Молодые ребята с белыми повязками на рукавах охраняют его от провокаторов. Поодаль— полицейские на мотоциклах, дежурная пожарная машина, стайка чистеньких туристов с фотоаппаратами, кинокамерами.

У входа в город стоит автобус. Ночью приехали бедняки из штата Висконсин. Они спали в автобусе: в фанерном городе уже нет места. Кончаются строительные материалы, не из чего строить новые шалаши, а люди все прибывают и прибывают. Городские церкви, давшие приют тысячам бедняков, переполнены. Не хватает продовольствия, которое собирают добровольцы. А люди все прибывают и прибывают.

В Америке много добрых, отзывчивых людей, для которых чужое горе — их собственное горе. Это отчетливо понимаешь в эти дни, наблюдая за работой добровольцев, помогающих беднякам. Монашки в черных сутанах отчаянно крутят баранки автомобилей, пробиваясь по шоссе к городу бедняков с термосами горячего кофе. Вашингтонские домохозяйки забирают к себе детей бедняков для того, чтобы искупать их и постирать одежду. Студентки-медички бесплатно делают малышам прививки. Белые парни со значками, на которых изображен Мартин Лютер Кинг, помогают ставить палатки. Видит ли их Линкольн? Если видит, наверное, гордится ими. Они — тоже часть его страны.

Если вы не боитесь, что к горлу подкатит комок, если вы умеете скрывать свою душевную боль, попросите разрешения войти в город и поговорить с бедняками. Вот стоит негритянка с четырьмя детьми. Пятый на руках. Она из Луизианы. Мужа смертельно ранили выстрелом из машины в прошлом году, когда он шел ночью с митинга батраков. Он умер, оставшись должником хозяина. Она до сих пор отрабатывает долги. Не только она. Вот десятилетний Джимми, ее старший, который сейчас воображает себя звездой бейсбола, кидает и ловит воображаемый мяч,— он тоже работает с зари до зари. И восьмилетний Поль тоже работает. А шестилетняя Мэри— старшая из девочек — остается в доме за няньку. Почему плачет младшая на руках? Она хочет есть. Она все время хочет есть...

Или вот старик индеец из Южной Дакоты. Время усердно поработало своим резцом над его лицом. Никто

не знает, когда он родился. Когда-то это была его земля, земля его предков. Теперь ему оставили лишь бесплодную пустыню, где не услышишь даже птичьего свиста, безжизненную коричневую пустыню, морщинистую и печальную, как лицо старого индейца, потерявшего счет своим годам. Старик так и не научился говорить по-английски. За него рассказывает 15-летняя внучка. Старший сын старика умер от туберкулеза. Средний сын умер от туберкулеза. Младший сын, ее отец, тоже умер от туберкулеза. Неожиданно девочку сотрясает приступ кашля. Она отворачивается, закрывает лицо руками, и я не могу понять, кашляет она или рыдает.

А вот прихрамывающий молодой негр в поношенной военной форме с солдатской фляжкой на ремне.

— Это моя страна, это наша страна,— горячо говорит он,— потому что мой дед, мой отец и я строили в этой стране мосты и дороги, города и автомобили. Мой дед был рабом. Мой отец — полурабом. А я свободный человек. Свободный ночевать под мостами, которые я построил, свободный бродить в поисках работы по дорогам, которые я проложил, свободный плакать от отчаяния на улицах городов, которые я возвел. О, да! Мне одному из первых была предоставлена честь погибнуть во Вьетнаме. Но за что? Во имя чего? Во имя «свободы», в которую заковали меня и в которую хотели бы заковать вьетнамцев!

В другом месте негритянский юноша спорит с туристом, на груди которого висит кинокамера. Они стоят по разные стороны изгороди. Я слышу лишь конец спора:

— Нам нечего делить,— говорит турист,— мы граждане одной страны, мы братья.

— Конечно, брат, мы граждане одной страны,— насмешливо отвечает юноша.— Только ты, брат, сейчас поедешь к себе в загородный дом, в район для белых, а я, брат, останусь вот в этом городе бедных. Осенью твои дети, брат, пойдут в Йельский университет, а я — на хлопковые поля сенатора Истлэнда.

Обиженный турист отходит от изгороди.

— Они становятся невыносимыми,— говорит он своей подруге, прицелившейся фотоаппаратом в Джимми, который, забыв обо всем на свете, бросает и ловит воображаемый мяч, как настоящий бейсбольный игрок.

Накрапывает дождь. Здание конгресса вдали растаяло в тумане. Как раз в это время там идет допрос вашингтонского полицейского начальника Патрика Мэрфи. Конгрессмены хотят знать: не была ли столичная полиция «либеральна» по отношению к неграм. Мэрфи отрицает это. Он бормочет что-то относительно функций полиции...

— Вы должны усвоить единственную функцию,— гаркает на него один из государственных мужей,— хватать этих мерзавцев за шиворот, а если они сопротивляются — стрелять их!

Вынырнув из тумана, реактивный самолет с гулом проносится над фанерными шалашами, едва не задевая кроны деревьев. Старик индеец следит за ним слезящимися глазами. Монашки в черных пелеринках куда-то ведут девушку, вздрагивающую от кашля. Негритянка баюкает плачущую дочку. Джимми все кидает и ловит воображаемый мяч.

— Ты знаешь, кто это? — спрашиваю я его, показывая на памятник Линкольну.

Джимми отрицательно качает головой.

— Это президент, который защищал негров,— говорю я.

Джимми перестает кидать мяч и вопросительно смотрит на меня. Я вижу, что он мне не верит.

30 мая 1968 г.

Над Вашингтоном разверзлись хляби небесные. Дожди не прекращаются вторую неделю. Телевизионщики, дежурящие у здания конгресса в ожидании демонстрации бедняков, завернули свои камеры в целлофановые простыни. Полицейские, похожие в черных плащах и капюшонах на монахов, жмутся к стенам Капитолия. В руках у них включенные радиоаппараты двусторонней связи, так называемые «уоки-токи» («ходи-говори»). В аппаратах бьются и хрипят, трещат атмосферные разряды: где-то недалеко от Вашингтона бушует гроза.

Деревья скрывают от глаз лагерь бедняков, который расположен внизу, в пяти минутах езды от Капитолийского холма. В лагере — потоп. Очередная атака дождя длилась 47 часов подряд. Вода залила многие фанерные шалаши. Ночью рухнул брезентовый куполообразный тент, служивший крышей столовой. Утром грязь и лужи — целые маленькие озера — доходили до колен.

Холодно днем, но еще холоднее по ночам, когда ветер свистит в щелях фанерных шалашей. Плачут дети. Но это так привычно для обитателей городка! Плачут дети, которые хотят есть. Они ничего не просят, они не привыкли просить, они просто плачут в полусне, так же, как они плакали дома где-нибудь на Миссисипи или в Алабаме.

Руководство лагеря решило эвакуировать дрожащих от холода детей, женщин и стариков. Опасаются вспышки эпидемии гриппа и легочных заболеваний. Но куда «эвакуировать»? На сочувствие властей рассчитывать не приходится. Пришлось искать убежища в подвалах церквей. Дрогнули сердца у некоторых вашингтонских домохозяек — приютили у себя около полусотни женщин с детьми.

Но фанерный город продолжает жить. Пошатнулись от воды и дождей хрупкие шалаши, но не пошатнулась мораль их обитателей. Это отмечают здешние репортеры, которые, как гончие, охотятся за каким-нибудь уголовным событием в лагере. К их разочарованию, таких событий нет. Бедняки учредили в своем городе строгую дисциплину. Никто не видел ни одного из участников похода пьяным. В городской полиции не зарегистрировано ни одной жалобы на поведение жителей «Города воскрешения». Тем не менее власти добиваются закрытия его.

Здесь все как и должно быть в городе: улицы имеют свои названия, дома — свои номера, учреждена внешняя и внутренняя охрана, санитарная служба. Но это не обычный город. Здесь никто не родился, но уже зарегистрирована первая смерть. Упал стоявший в очереди в столовую истощенный юноша из Филадельфии и умер, не приходя в сознание.

Днем в перерыве между дождями шумно и людно у легкой изгороди, отделяющей город бедных от чиновничьего и туристского города Вашингтона. Город бедных стал чуть ли не главным туристским аттракционом столицы. Наверное, такое возможно только в Америке. Туристов возят полюбоваться на бедняков, на голодных ребятишек. Чистенькие и праздные дамы и господа щелкают затворами фотоаппаратов, стрекочут кинокамерами, тычут пальцами, как в зоологическом саду. Даже привычных ко всему здешних репортеров тошнит от этого цинизма, помноженного на коммерцию. Корреспондент газеты «Ивнинг стар» Мэри Макгрори не удержалась и напи-

сала: «Библейское предписание посещать бедняков исполняется в Вашингтоне, только окрашено это не тем чувством. Толпы туристов приезжают сюда не для того, чтобы утешить и посочувствовать, а для того, чтобы поглазеть».

Короткие визиты в лагерь бедняков нанесли вице-президент Хэмфри и три-четыре сенатора. Та же Макгрори заметила: «Перед телевизионными камерами официальные лица делают вид, что они приветствуют марш обездоленных, но в душе молятся о том, чтобы непрошеные гости как можно скорее покинули столицу».

Караваны участников похода продолжают прибывать в Вашингтон. Многие еще находятся в пути. Медленно движется по дорогам Юга караван фермерских фургонов, запряженных мулами. Его то и дело задерживают полицейские патрули под тем предлогом, что он мешает движению автотранспорта. Однажды ночью на одном из привалов полицейские разогнали распряженных мулов по окрестным полям. Понадобилось немало времени, чтобы разыскать животных.

В самом Вашингтоне перед участниками похода одна за другой возникают весьма трудные проблемы. Несмотря на все усилия добровольцев, в городе бедных не хватает продовольствия. Не хватает строительного материала для возведения новых фанерных шалашей у памятника Линкольну. Не хватает денег для оплаты автобусов, в которых прибывают бедняки.

Начинается новая фаза похода: массовые демонстрации бедняков у стен правительственных учреждений. Об этом заявил на пресс-конференции Ральф Абернети. Он еще раз подчеркнул, что это будут мирные демонстрации, однако более решительные и более требовательные, чем раньше. «Мы ждали слишком долго,— сказал Абернети,— и больше мы ждать не можем».

Судя по всему, конгресс не намерен прислушаться к голосу обездоленных американцев. Конгрессу не до них. Не хватает денег на войну во Вьетнаме.

Газета «Нью-Йорк таймс» не без сарказма писала на днях, что богатые и могущественные каждый день совершают «походы в Вашингтон» и список их требований, безоговорочно удовлетворяемых конгрессом, кажется нескончаемым.

Ничего удивительного в этом нет. Чтобы понять, на чьей стороне конгресс, достаточно вспомнить статистические данные, опубликованные агентством Ассошиэйтед Пресс: каждый пятый сенатор США является миллионером.

Неудивительно, что в стенах конгресса расценивают требования бедняков как «шантаж» и «угрозу». Журнал «Тайм» предсказывает, что «дело идет к столкновению». В столицу США готовятся войти войска. Об этом предупредил, выступая по телевидению, полицейский начальник Вашингтона Патрик Мэрфи. Здешние газеты вспоминают, что в 1932 году войска под командованием генерала Макартура потопили в крови поход на Вашингтон, предпринятый голодающими ветеранами первой мировой войны. Многие предсказывают, что нынешний поход бедняков ждет такая же судьба.

...Тихо и тревожно по ночам на площадке между памятником Линкольну и зданием конгресса. Тихо и тревожно, как бывает перед бурей. Только ветер хлопает брезентом, монотонно шумит дождь, да в фанерных шалашах чуть слышно плачут дети.

На прошлой неделе группы промокших до нитки бедняков почти ежедневно приходили на Капитолийский холм в попытках встретиться с законодателями и передать им свои требования. Чаще всего их встречали закрытые двери и заслоны полицейских. Законы на Капитолийском холме строгие: под страхом тюремного заключения и крупного денежного штрафа здесь запрещено устраивать демонстрации, произносить речи и даже петь песни. В прошлый четверг 18 участников похода попали в тюрьму за то, что пели знаменитую здесь песню «Мы преодолеем». Я был там и видел, что полицейские собирались арестовать не менее сотни человек, но были остановлены кем-то из сенаторов, оказавшимся поблизости. Не знаю, что внушал сенатор полицейскому капитану, кося глазами на толпу репортеров, но слышал от американского журналиста, что сенатор будто бы в сердцах сказал:

— Не ухудшайте ситуации, капитан. И без того на нас во всем мире пальцами показывают.

У стен Капитолия бедняки теряют одно, но обретают другое. Они теряют иллюзии относительно того, что хозяева Америки намерены что-то сделать для бедняков, а обретают — сплочение в борьбе за свои права и вы-

сокое чувство, которое называется пролетарской солидарностью.

Вот они идут сегодня к зданию Верховного суда США. Они идут заявить протест против решения суда, запрещающего индейцам ловить сетями рыбу в водоемах резервации. Они подходят все ближе, и мы видим, как, обнявшись за плечи, шагают индейцы в головных уборах с перьями, мексиканцы в национальных одеждах, белые в шахтерских спецовках, негры в фермерских комбинезонах. Они идут, чтобы защитить от голодной смерти своих братьев индейцев.

Двери Верховного суда — массивные бронзовые двери за мраморными колоннами, конечно, закрыты. (А когда они были открыты для индейцев?) Потомок индейского вождя Высоко Летающий Ворон стучит кулаком по тяжелой бронзе. Его отталкивают полицейские. С воем подкатывают автофургоны с решетками. Щелкают затворы фотоаппаратов. Полицейские делают снимки. Такое впечатление, что полицейские хотят запечатлеть на фотопленке каждого из 400 участников демонстрации.

Неожиданно звенит разбитое окно. За ним другое. Кто их разбил, невозможно понять. Полицейские хватают тех, кто под рукой, и волокут их в фургоны с решетками. Руководитель похода Ральф Абернети пытается успокоить демонстрантов. Когда ему это удается, он обращается к полицейскому начальнику:

— Сообщите судьям, что мы не уйдем отсюда, пока они не выслушают нас.

Проходит час. Проходит другой. Прекращается дождь, и почти сразу же на Вашингтон обрушивается (другого слова не подберешь) жара. 400 демонстрантов стоят перед мраморной лестницей здания Верховного суда. Почти столько же полицейских стоят перед бронзовой дверью. В толпе демонстрантов движение: кто-то потерял сознание. Не успевают его положить в тень деревьев — падает еще один. Наконец, делегации из 15 человек разрешают войти в бронзовую дверь.

Делегаты возвращаются через 30 минут. Они не нашли в здании ни одного члена суда. Их принимал простой клерк, рядовой чиновник канцелярии.

— Мы убеждали его в том, что, если индейцам запретить рыбную ловлю, они умрут с голода,— рассказывает

журналистам один из мексиканцев.— Но наши слова как будто падали в бездонное ущелье.

— Обрекая индейцев на голодную смерть,— говорит Ральф Абернети,— Верховный суд узаконивает геноцид.

— Все приносится на алтарь монополиям, даже здоровье и жизни детей,— говорит белый шахтер из Аппалачей.

Из толпы репортеров летит вопрос:

— Кто разбил окна?

— Провокаторы,— отвечает Абернети.— Те, кто жаждет всех нас видеть за решеткой. Но мы не спешим в тюрьмы, мы собираемся еще не раз постучать в эту бронзовую дверь.

Над Капитолийским холмом снова появляются дождевые облака. Бьются, хрипят разряды в полицейских радиоаппаратах. Где-то близко снова бушует гроза.

25 июня 1968 г.

Городку бедных у памятника Линкольну была отмерена короткая жизнь. Вчера он был атакован и захвачен полицией. Операция по его захвату продолжалась 80 минут. В плен были взяты около сотни жителей города, в том числе женщины и дети. Не удивляйтесь тому, что я прибегаю к языку военных сводок: другими словами об этом не расскажешь. Да и не я первый употребил военный язык. Еще на дальних подступах к городку полицейский офицер, проверявший мои документы, сказал:

— На вражескую территорию нельзя. Пойдете в третьем эшелоне.

Все это напоминало усмирение какой-нибудь деревни в Южном Вьетнаме. Свыше тысячи полицейских в боевых шлемах и пуленепробиваемых жилетах по сигналу офицера цепью двинулись к фанерному городку. Они шли, пригнувшись, готовые к бою. Карабины наизготовку. На поясах — противогазы, гранаты, дубинки, наручники. Затрещала под сапогами поваленная изгородь: полицейские вступили «на вражескую территорию». Застучали дубинки по стенам фанерных шалашей. Это была настоящая атака.

Город бедных пал без сопротивления. Вместо выстрелов он встретил атакующие цепи песней. Она звучала над фанерным шалашом, усиленная радиодинамиком. Один из полицейских влез на столб и оборвал провода. Песня

смолкла. Остался лишь рев самолетов, идущих на посадку на городской аэродром, расположенный поблизости, да треск фанеры, сокрушаемой ударами дубинок.

Полицейские раздирали стенки шалашей и обыскивали пустые жилища. Пусто под тентом школы имени Коретты Кинг. Пусто под тентом, который служил столовой. Неожиданно пламя лизнуло шалаш, на стене которого написано: «Пусть воссияет огонь братства!» Загорелся второй шалаш, хлопнула, взорвалась газовая граната. Полицейские отпрянули, натянули противогазы и снова двинулись цепью. Телевизионщики в шлемах и противогазах опасливо шагали во втором эшелоне. Третий эшелон представляли чихающие и кашляющие от газа репортеры.

Но где жители города? Только через пятнадцать минут, пройдя несколько «улиц», полицейские обнаружили тех, против кого была предпринята эта атака. Они стояли у тента, над входом в который висела вывеска: «Культурный центр всех этнических групп». Они стояли и пели. Их было не больше сотни человек.

Все, как в Южном Вьетнаме. До чего же похоже! Под дулами карабинов их повели к автомобилям с решетками. Первой пошла женщина с ребенком на руках. Мужчинам перед тем, как их втолкнуть в полицейский фургон, приказывали поднять руки вверх. Их обыскивали.

Высокий негр в фермерском комбинезоне, указывая на пылающий шалаш, говорил чиновнику из министерства юстиции:

— Послушай, брат. Слушай меня внимательно. Вон горит мой дом. Другого у меня нет. Мне некуда больше идти, кроме тюрьмы. Я не принадлежу больше Америке. Америка отреклась от меня, и я отрекаюсь от Америки.

Уехали фургоны со взятыми в плен. Уехали не понадобившиеся, к счастью, санитарные машины. Пожарная команда потушила пожар. К полицейскому начальнику подошел офицер и доложил:

— Территория очищена!

Так, «Город воскрешения» закончил свое существование. Закончилась и игра властей в демократию, которой был отмерен недолгий срок.

Теперь телевизионщики и репортеры ринулись к Капитолийскому холму, куда после митинга у министерства

земледелия повел колонну демонстрантов Ральф Абернети. Пробившись сквозь цепи полицейских, мы увидели Абернети и полицейского офицера. Офицер смотрел на свои наручные часы.

— Осталось три минуты,— сказал офицер.

— Прошу вас,— говорил ему Абернети,— пропустите, пожалуйста, нас к конгрессу. Ведь речь идет о голодающих детях.

— Осталось две минуты,— сказал офицер, не отрывая глаз от часов.

— Мы хотим встретиться с сенаторами,— говорил Абернети.— Мы избирали их. Мы платим налоги. Мы граждане Америки. Почему вы не пропускаете нас? Только потому, что мы бедняки?

— Начать аресты! — приказал офицер.

Первым повели к автофургону с решетками Ральфа Абернети. Он отправлялся в тюрьму девятнадцатый раз. Вместе с ним были арестованы свыше двухсот человек.

Эта картина останется в памяти навсегда. У самых стен американского конгресса стоял стол, за которым сидели полицейские, зажав карабины между колен. Одного за другим арестованных подводили к столу, брали отпечатки пальцев и фотографировали. Во славу американской демократии...

К вечеру в негритянских районах столицы стало неспокойно. Вашингтонские негры вышли на улицу. Разгоняя их, полиция применила гранаты со слезоточивым газом. Зазвенели разбитые витрины. Прозвучали выстрелы. Радио объявило приказ национальным гвардейцам срочно явиться на сборные пункты.

С наступлением темноты положение в негритянских районах осложнилось. Мэр Вашингтона объявил в городе чрезвычайное положение и ввел комендантский час с девяти вечера до пяти тридцати утра. В город вступили первые отряды регулярных войск.

...Тихо и тревожно этой ночью у памятника Линкольну. Ветер свистит в опустевших шалашах. Снова собирается гроза. Молнии отражаются в Зеркальном пруду. «Город воскрешения» похож на город-призрак.

В прошлую субботу один из сенаторов сказал:

— Город бедняков — это язва на лице Америки. Он должен быть разрушен!

Завтра бульдозеры соскребут шалаши с поляны у подножия памятника Линкольну. Но язва на лице Америки станет еще безобразнее.

У НИХ СОВЕТСКИЕ ОРДЕНА

Я позвонил ему из Вашингтона в Калифорнию, назвал себя и сказал:

— Доктор, я должен встретиться с вами. Но я хочу написать не об известном ныне нейрохирурге, а об офицере разведки из 1-го батальона 273-го полка 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии.

— Откуда вы меня знаете? — удивился доктор.— Кто вам рассказал обо мне? Неужели лейтенант Сильвашко? Он жив? Вы видели его? Или майор Ларионов? Капитан Неда? Сержант Андреев?..

И вот мы сидим с ним за столом в его доме. Под холмом зажигает вечерние огни огромный Лос-Анджелес. Видно, как один за другим идут на посадку самолеты в аэропорту.

Хозяин снимает со стены рамку. Под стеклом удостоверение:

«Младший лейтенант Уильям Д. Робертсон приказом войскам 1-го Украинского фронта № 060 от 13 мая 1945 года награждается орденом Александра Невского. Орден № 27357. Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. Конев».

— Кто вручал вам орден? — спрашиваю я.

— Командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Русаков,— отвечает мой собеседник.

А до этого было вот что.

Поздно ночью 25 апреля 1945 года корреспондент агентства Юнайтед Пресс Дон Уайтхэд передал из штаба 69-й пехотной американской дивизии следующее экстренное сообщение: «Американский пехотный офицер и советский солдат карабкались навстречу друг другу по фермам искореженного взрывом моста, встретились на самой середине реки, дружеским объятием скрепили историческое соединение союзных войск — 1-й американской армии генерала Ходжеса и 1-го Украинского фронта маршала Конева. «Давай руку, дружище!» — так сказал второй лей-

тенант Уильям Робертсон из Лос-Анджелеса улыбающемуся русскому... В этот день на берегу Эльбы в разных местах встретились по крайней мере три группы американских и советских разведчиков... Возможно, что самым первым, кто установил контакт с русскими, был Альберт Коцебу из Хьюстона (штат Техас)».

Как же это было?

Прохладным весенним утром 25 апреля на восток по направлению к Эльбе продвигались два отряда американских разведчиков: Робертсона и Коцебу.

Робертсон с тремя солдатами вел свой джип на Торгау.

Коцебу, у которого было 36 человек в семи джипах, держал курс на город Риза.

Оба отряда то и дело встречали колонны вражеских солдат с белыми флагами, идущих сдаваться в плен. Лишь кое-где разведчики вступали в короткие перестрелки с группами фашистов. Коцебу обратил внимание на то, что гитлеровцы очень спешат как можно дальше уйти от Эльбы. «Русские уже там»,— решил Коцебу и приказал прибавить газу, хотя его отряд уже продвинулся дальше линии, которая была указана ему командиром.

Солдат из группы Робертсона Пол Стауб (награжден советским боевым орденом Славы третьей степени) — я разыскал его под Нью-Йорком, он работает управляющим магазина мужской одежды — рассказывал мне:

— Мы тоже нарушили приказ не удаляться дальше 10 километров от позиций нашей дивизии. Мы чувствовали: русские близко. Уже несколько дней наши радисты слышали в эфире голоса советских радистов, переговаривавшихся друг с другом. Временами ветер доносил гул советской артиллерии. Еще 23 апреля наши разведчики доложили, что будто бы видят русский танк с белой горизонтальной полосой на башне. Увы, это оказался белый гамак, растянутый в дверях сарая.

Командир 273-го полка 69-й дивизии полковник Адамс рассказывал:

— Мы не разделяли оптимизма солдат. По нашим предположениям, русские еще только подходили к Эльбе. Поэтому, когда в 11 часов 30 минут Коцебу доложил по радио: «Встретил русского разведчика в районе Лок-

виц»,— мы в штабе только улыбнулись: «Еще один гамак!»

И вдруг в 13.30 новое радиодонесение от Коцебу: «Задание выполнил. Потерь нет. Встретил советских союзников. Район 8717. Договариваюсь о встрече между старшими командирами». Полковник Адамс с большой неохотой доложил об этом командиру дивизии генералу Э. Рейнхардту. Как он и ожидал, генерал рассердился: «Какого черта он голову морочит? Русские еще в 20 километрах от Эльбы». Тем не менее командир дивизии приказал послать в район 8717 самолет-разведчик. Подполковник Р. Конрад с переводчиком вылетели в указанный район, но ничего там не обнаружили.

Все это выглядело странным. Не давал о себе знать второй лейтенант Робертсон. Коцебу хоть и передавал о себе, но принять новых распоряжений не мог: в его рации вышел из строя приемник, и связь была односторонней.

А тут новое донесение Коцебу: «Продолжаю переговоры с русскими. О результатах доложу позднее». Полковник Адамс вызвал майора Ф. Крейга и приказал во что бы то ни стало разыскать Коцебу и лично доложить, «что там, черт возьми, происходит». Колонна джипов Крейга с 50 бойцами немедленно ушла на восток.

В 16.45 радист полковой радиостанции принял первое донесение майора Крейга: «Встретил два джипа из отряда Коцебу. Солдаты утверждают, что контакт с русскими установлен. Сам Коцебу находится в расположении советских войск». Не прошло и получаса — новое донесение Крейга, которое лишь добавило таинственности вокруг событий к западу от Эльбы: «Встретил русских кавалеристов. Подробности доложу лично».

Полковник Адамс лишь развел в недоумении руками и тут же позвонил командиру дивизии. Генерал больше не ругался. Немедленно, в свою очередь, доложил командующему армией генералу К. Ходжесу. Оттуда пришло распоряжение: дожидаться возвращения разведчиков и подробно расспросить. До этого никакой инициативы не проявлять.

И вдруг в 21 час как гром среди ясного неба — звонок от командира первого батальона капитана В. Конли: «У меня на командном пункте второй лейтенант Робертсон, возвратившийся из разведки, а с ним четверо рус-

ских: майор Ларионов, капитан Неда, лейтенант Сильвашко и сержант Андреев».

Полковник растерялся. Крикнул в телефон первое, что пришло в голову: «Посадите Робертсона под арест за нарушение приказа».

Не успел бросить трубку, как принесли радиограмму от майора Крейга: «Установил контакт с генералом Русаковым. Тосты за союзные армии и за близкую победу над фашизмом».

А теперь предоставим слово самим разведчикам.

Примерно в 10 часов утра в одной из деревень к первому лейтенанту Коцебу подошел старик немец и через переводчика рассказал, что он видел советских разведчиков в районе Локвиц. Вызвался проводить туда. Скоро вдали показалась одинокая ферма. Американцы заметили двух всадников и пешего. Один из всадников пустил коня в галоп и ускакал на восток. Коцебу, остановив джипы, в бинокль разглядывал оставшихся. Те спрятались за деревьями. Коцебу приказал выстрелить из ракетницы зеленой ракетой. Это был установленный недавно между союзниками сигнал: «Я американец». Через минуту из-за деревьев взвилась красная ракета. «Русские!» — в один голос выдохнули солдаты в джипах.

Встреча была суматошной, волнующей, но короткой. Впопыхах забыли спросить фамилию советского разведчика. Тот представил первому лейтенанту своего товарища — польского партизана, накануне бежавшего из плена. Сказал, что тот доведет их до Эльбы, а ему самому, извините, некогда: он должен выполнять задание.

Сперва поляк ехал впереди колонны на велосипеде, а потом пересел в джип к Коцебу. Через полчаса показалась серая гладь Эльбы. На том берегу — остатки взорванного немецкого понтонного моста, разбитая немецкая техника, какие-то люди. Коцебу в бинокль различил на людях советскую форму. На груди поблескивали медали и ордена. Люди на том берегу не таились: сознавали свою силу.

На этом берегу — две баржи и лодки, скованные толстой стальной цепью. Коцебу положил на цепь ручную гранату, выдернул чеку и нырнул в канаву за баржу. Взрыв разорвал цепь. В лодку с собой первый лейтенант

взял Эдварда Раффа, Джона Уиллера, Ларри Хамлина, говорящего по-русски медика Стефана Ковельского, Джозефа Половского и польского партизана.

На середине реки оказалось сильное течение, и лодку отнесло далеко в сторону. На берегу их ждали советские солдаты, офицеры и военный фотокорреспондент. И наши, и американцы сперва руку под козырек, а потом началось такое! Обнимались, целовались, по рукам пошла фляжка с коньяком.

Прибыл командир 175-го стрелкового полка гвардии подполковник А. Гордеев. Коцебу скомандовал своим: «Смирно!»,— взял под козырек и отдал подполковнику рапорт по всей форме. Подполковник сказал, что его полк стоит на восточном берегу Эльбы, ждет, как условились, подхода союзников с запада.

Через час Коцебу на той же лодке поплыл к своим джипам, чтобы радировать полковнику Адамсу. На этот раз лодку отнесло еще дальше, и Коцебу со своими солдатами... попал в плен к советским разведчикам, возвращавшимся с задания. Наши конногвардейцы решили, что это бегущие с того берега немцы, и насторожились. К счастью, недоразумение быстро выяснилось.

Коцебу беспокоило то, что связь с его полком была односторонней. Как реагирует начальство на его донесения? Что его ждет за нарушение приказа? Он решил отправить два джипа в штаб. Их-то и встретил отряд майора Крейга, посланный на поиски Коцебу. Сверили карты, и майор догадался, что первый лейтенант от волнения сообщил неверные координаты. Оттого и самолет-разведчик вернулся ни с чем.

Вдруг солдаты в джипах закричали: «Русские, русские!» Крейг взглянул направо и увидел, что к ним мчатся конники в кубанках и мотоциклисты. Сержант Эдвард Ланг вспоминает: «Я был так возбужден, что все происходящее воспринимал, как в замедленном кино. Я не спускал глаз с мотоциклиста. Он увеличивался в размере. Но, казалось, двигался все медленнее и медленнее. Наконец, он остановился около нашего джипа. Русский парень заглушил мотор, взял под козырек, улыбнулся и протянул мне руку. Только тут я пришел в себя». Как вспоминает Крейг, это был отряд первого гвардейского Житомирского кавалерийского корпуса, шедший на Дрезден.

Майор Крейг повел свой отряд дальше к Эльбе по следам Коцебу. А в это время в Торгау второй лейтенант Робертсон...

Второму лейтенанту Робертсону было тогда 20 лет. В то утро 25 апреля он получил приказ произвести разведку дорог, идущих на восток от немецкого города Вурцен. Он взял с собой трех солдат — Джеймса Макдональда, Пола Стаубе и Фрэнка Хаффа. За рулем джипа сидел сам Робертсон. К 10 часам утра они закончили разведку трех дорог. Шоссе было пустынным. Осталось проверить дорогу, ведущую к городу Торгау на реке Эльбе. Здесь, в пяти километрах от позиций, которые занимала 69-я американская дивизия, они встретили колонну немцев. Передние размахивали белыми флагами — шли сдаваться. Разведчики понимали: с востока на фашистов безудержно наваливались советские войска.

— Советские войска были близко,— вспоминает Робертсон,— и мы понимали, что война близится к концу, мы были возбуждены и, наверное, поэтому увлеклись и нарушили приказ начальства не удаляться дальше чем на 10 километров от основных сил дивизии. Да к тому же еще здесь натолкнулись на группу эсэсовцев. Эти не хотели сдаваться. Одного мы поймали, связали ему ноги, посадили на капот джипа и так поехали дальше. Расчет оказался правильным: боясь попасть в своего, немцы перестали стрелять.

Так с пленным эсэсовцем на капоте они и вкатили в город Торгау. И тут попали под обстрел засевших в домах немецких снайперов. Эсэсовец скатился с капота, то ли убитый, то ли раненный немецкой пулей. Уходя из-под огня, джип на бешеной скорости колесил по пустынным улицам Торгау. Неожиданно влетели на территорию лагеря военнопленных. Охрана разбежалась.

И вдруг стрельба снайперов прекратилась. Еще не понимая, что случилось, Робертсон каким-то чутьем угадал: что-то грозное и неотвратимое наполнило души немцев ужасом и заставило их прекратить огонь. Недалеко разорвался противотанковый снаряд. «Русские!» — услышал Робертсон возглас из толпы военнопленных. И сразу толпа зашумела:

— Советские! Красная Армия! — кричали военнопленные, показывая руками на Эльбу. Многие плакали.

Из-за реки била советская артиллерия.

Сорвав с веревки сушившуюся простыню, Робертсон ударом ноги вышиб дверь аптеки и ринулся к полке с лекарствами. Зазвенели, посыпались на пол бутылки и склянки. Наконец младший лейтенант нашел то, что искал: коробки с порошками красного и синего цвета. В каких-то чашках Робертсон развел порошки и стал изображать на простыне что-то похожее на американский флаг.

— Это было не бог весть какое произведение искусства,—улыбаясь, вспоминает сейчас Робертсон.— Но ведь надо было сообщить русским, что в Торгау не только немцы.

Он забрался на башню городского замка и вывесил свой «флаг». Стрельба из-за реки прекратилась. Оттуда взвилась красная ракета.

— Я едва не заплакал от досады,— вспоминает Робертсон.— По уговору между союзниками я должен был ответить зеленой ракетой, но у меня ее не было. Ведь, отправляясь в разведку, не думали мы, что встретим передовые советские части. По нашим расчетам, они еще не должны были выйти к Эльбе.

Он начал кричать: «Америка! Россия!» Вспомнил единственное русское слово: «Товарищ!» Тот берег настороженно молчал. На том берегу не спешили принять на веру звезды и полосы, нарисованные на белой простыне. Уже были случаи, когда эсэсовцы размахивали американским флагом, а потом стреляли по нашим бойцам в упор.

Тот берег требовал доказательства. Оттуда взвилась уже не одна красная ракета, обозначающая: «Я советский». А у Робертсона не было с собой зеленых ракет, чтобы ответить: «Я американец».

Волнуясь, Робертсон перешел на немецкий язык. Тот берег ответил огнем.

— Я в изнеможении опустился на пол,— рассказывает Робертсон,— тоска сдавила мое сердце. Так все нелепо получилось! Вдруг на лестнице внизу я услышал русскую речь. Оказывается, мои солдаты разыскали в лагере военнопленных русского солдата. Через минуту он уже стоял рядом со мной и что-то кричал своим.

На том берегу ему поверили. Из-за леса появились советские солдаты. Они бежали к мосту, накануне взорванному немцами. Скрюченные взрывом пролеты висели над самой водой. Не помня себя от радости, Робертсон тоже побежал к мосту.

— Этот снимок нигде не публиковался,— говорит Робертсон, протягивая мне фотографию.— Его сделал с башни замка один из моих разведчиков.

На снимке река. Лес на том берегу. Исковерканные фермы моста. С восточного берега на западный плывут на лодках, на плотах, на досках советские воины 58-й гвардейской дивизии. А на самой середине моста две человеческие фигуры: американского младшего лейтенанта и советского солдата, имени которого, увы, Робертсон не помнит.

— В тот момент мы не думали, что творим историю,— вспоминает Робертсон,— не говорили возвышенных слов. Мы просто протянули друг другу руки, обнялись, похлопали друг друга по спине. Радость была необыкновенная. Потом я узнал, что в это же самое время километрах в шестидесяти южнее Торгау с наступающими советскими войсками встретился американский патруль, которым командовал лейтенант Коцебу из Техаса.

Вот так оно было. Так оно запомнилось Уильяму Робертсону. Произошло это, как ему помнится, около половины четвертого дня. А в 9 часов вечера американские разведчики и четыре представителя Советской Армии: майор Ларионов, капитан Петров, лейтенант Сильвашко, сержант Андреев — были уже в расположении 273-го американского полка.

Оказывается, разведчиков уже считали пропавшими без вести. Робертсон признался полковому начальству в нарушении приказа и тут же угодил под арест. Дисциплина есть дисциплина. Правда, в опале он был не больше двух часов: из штаба армии лично ему передали поздравление от генерала Ходжеса. Уже доложили выше, вплоть до генерала Эйзенхауэра. Примчались представители прессы. Здесь и был сделан снимок, обошедший потом всю прессу антифашистской коалиции. Обнявшись, стоят лейтенант Александр Сильвашко и второй лейтенант Уильям Робертсон. Американец в стальной каске, обвитой маскировочной сеткой, в видавшем виды комбинезоне, небритый. Наш в полевой гимнастерке, медаль «За от-

вагу» на груди. Оба сильные, красивые. Обоим по двадцать лет.

— Жив ли он? — спрашивает Робертсон о Сильвашко.— Для нас, американцев, война в Европе тогда практически окончилась. А он, наверное, брал еще штурмом Берлин, освобождал Прагу.

Робертсон листает свой старый офицерский блокнот. На пожелтевших страницах автографы наших офицеров: генерал-майор Русаков... Майор Рогов... Полковник Гребенников... Майор Голиков... Лейтенант Иванов.

— Напишите, что я их всех помню,— говорит мне Робертсон.— Такое не забывается.

Узкая горная дорога привела меня в маленький поселок с единственной улицей, расположенный в отрогах Аппалачей. Здесь живет фермер и автомеханик Фрэнк Хафф, бывший разведчик из группы второго лейтенанта Робертсона, кавалер советского боевого ордена Славы. В его доме на видном месте висит в рамке огромная, увеличенная в несколько раз фотография: он, молодой, счастливый, пожимает руку советскому солдату. Стоят они на берегу Эльбы.

— Это самая дорогая вещь в моем доме,— сказал мне Хафф.— Эта фотография со мной всегда. Я не снимал ее со стены никогда, даже в самые худшие годы «холодной войны». Я верил и верю: дружба, скрепленная кровью, вечна.

Я просил его рассказать о встрече на Эльбе, а он засыпал меня вопросами. Как поживает сержант Николай Андреев? Вот он на другой карточке. В кожаной куртке, пистолет на животе, как носили разведчики. Голова обмотана бинтами через подбородок. Как фамилия того солдата, который обнял на мосту Робертсона? Я обещал узнать. Надеюсь, что ветераны 58-й гвардейской дивизии помогут мне.

Из трех разведгрупп в тот вечер лишь группа Робертсона вернулась в расположение своей части, да еще в сопровождении представителей Советской Армии. А через несколько дней четверо разведчиков были уже в ставке у генерала Д. Эйзенхауэра в Реймсе.

— Мы рассказали ему, как было дело,— вспоминает Хафф.— А генерал вдруг встал из-за стола, прошелся

молча по кабинету, остановился около нас и как-то по-особому сказал: «Знаете, ребята, всякое у меня бывало, а вот такого, как у вас, не было. Завидую я вам, хотел бы я быть с вами в тот день на Эльбе».

Потом Эйзенхауэр вызвал адъютанта и продиктовал письмо командиру 69-й дивизии. В архивах дивизии я нашел копию этого письма. «Сейчас,— писал Эйзенхауэр,— в моей ставке я беседую с молодым лейтенантом из вашей дивизии, которого сопровождают солдаты. Они подарили мне самодельный американский флаг, с которым они встретили русских на Эльбе. Я был так тронут их энтузиазмом и их общим боевым подъемом, что тут же повысил каждого из них на одну ступеньку в воинском звании».

А еще через несколько дней на торжественной церемонии в Лейпциге командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор В. Русаков вручил советские ордена Робертсону и трем его разведчикам, а также Коцебу, Крейгу и многим солдатам из их отрядов.

...Вот так все это было к западу от Эльбы.

...Лос-Анджелес разлился под холмом, как огненное море. В темном небе над аэродромом мигают бортовые огни самолетов. Мы поднимаем бокалы с калифорнийским вином в память советских и американских парней, павших в боях за общее дело.

— А теперь за сотрудничество во имя мира,— предлагает хозяин дома.— За дружбу между нашими народами!

Неожиданно в комнате звонит телефон. Доктора Робертсона спрашивают, не может ли он приехать в больницу, нужна его консультация.

— Я завезу вас в гостиницу,— предлагает он мне.— Это по пути.

Он ведет машину уверенно, но осторожно. Говорит, что в последние годы стал ездить медленнее. Вздыхает: «Старею, видно». Я смотрю на него и сравниваю с тем молодым разведчиком, который почти три десятилетия назад, нарушив приказ, гнал свой джип все дальше и дальше на восток, полностью подчинившись охватившему его ощущению, что он поступает правильно. Конечно, время оставило свой след и на нем. Нет больше младшего лейтенанта Робертсона, есть профессор Робертсон. И все-

таки что-то осталось в нем от тех лет. Что? Наверное, умение ценить дружбу и всегда стремиться к проявлению ее. И, как будто угадав мои мысли, он говорит:

— Спроси меня сейчас всевышний: «Уильям, какой день из своей жизни ты хотел бы пережить снова?», я бы ответил: «Тот, когда я обнял русского солдата на середине взорванного моста через Эльбу...»

«ВЭРИ ХОРОШО!»

Ковбой был уже не молод, но выглядел еще браво. Огромная техасская шляпа. Полинялые джинсы. Сапоги на высоком каблуке. Ноги подковой, как у прирожденного кавалериста. А оказалось, что он — таксист. Подхватив мой чемоданчик, предупредил: дорога будет длинная — от аэропорта Хьюстона до космического центра около пятидесяти миль.

В пути развлекал меня разговором. Сам он фермер. В свободное время подрабатывает за баранкой такси. Потом спросил:

— Вы, я вижу, не американец. Не из России будете? Сейчас ваши космонавты здесь тренируются, вот я и подумал...

На мой вопрос, что говорят в народе об американо-советском сотрудничестве в космосе, ответил так:

— Помните, с «Аполлоном-13» случилось в космосе несчастье? Тогда и простые люди, и ученые говорили: надо наладить с русскими сотрудничество, чтобы ваши и наши космонавты могли приходить на помощь друг другу.

Вспомнил техасец и вторую мировую войну. Закончил он ее в нескольких километрах от Эльбы.

— Если бы не ранение, тогда встретился бы и я с вашими ребятами. У нас в полку все с нетерпением ждали этой «стыковки». Наши радисты уже слышали в эфире ваши полевые радиостанции.

У мотеля «Шератон Кинг» остановил машину.

— Вот тут живут ваши ребята. Скажите им, что техасский фермер Пол Сеймур желает успеха.

В 7 часов утра из окна я увидел: по асфальтовой дорожке через лужайку бегут четверо в синих тренировоч-

ных костюмах. Пригляделся — наши: Алексей Леонов, Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Николай Рукавишников. Я бросился к ним. Остановились под пальмами у бассейна, начали зарядку. Леонов попутно рассказывал содержание американского фильма, который смотрел вчера вечером по телевидению. Я когда-то видел этот фильм. И хотя знал, что космонавты изучают английский язык, но, признаться, подивился тому, как точно Леонов передавал содержание запутанного сюжета кинокартины.

В 8 утра к мотелю подкатывает серый автобус. Наша группа уже в сборе. Здесь руководитель подготовки советских космонавтов генерал-майор авиации В. А. Шаталов, четыре экипажа корабля «Союз», методисты, другие специалисты, переводчики.

Несколько минут езды, и мы уже на территории Центра пилотируемых космических кораблей имени Джонсона. Здесь в степи раскинулось свыше ста светлых новых зданий. Между ними зеленые поляны, пересеченные дорогами и дорожками. Полтора десятка лет назад здесь было ранчо да болото с дикими утками. Любопытно, что утки остались. Стали совсем ручными. В обеденный час подходят к стеклянным дверям кафетерия и поднимают невероятный шум — требуют угощения.

Здание № 4 официально называется «домом экипажей». На третьем этаже комнаты советских и американских космонавтов. Стены коридора оклеены плакатами. Портреты членов экипажей «Аполлона» и «Союза». Советские и американские космонавты как бы обращаются к сотрудникам центра: «Успех полета зависит и от тебя!», «Мы стыкуемся в космосе, уверенные в том, что ты все сделал на «отлично»!».

А вот плакат-шутка. Верхом на корабле «Аполлон» сидит смешная собачка Снупи — героиня популярных в США комиксов. На корабле «Союз» удобно разместился медвежонок. «Давай!» — по-английски восклицает Снупи. «Поехали!» — по-русски отвечает медвежонок.

На дверях комнат американских экипажей наклейки: «У моряков самая интересная жизнь!» Рядом: «Пилот-испытатель во всем первый!» Соперничество между летчиками морской авиации испытателями не забыто и в космическом центре.

Каждый человек — свой характер, своя индивидуальность. И тем не менее замечено, что советские космонав-

ты и американские астронавты во многом похожи друг на друга. Чем? Я задал этот вопрос известному американскому ученому, доктору Г. Ланни.

— Прежде всего ответственным отношением к своему делу,— подумав, ответил ученый.— И, конечно, простотой, душевностью, чувством юмора. Когда я устаю — иду в помещение, где тренируются советский и американский экипажи: отдыхаю в их обществе. Они и усталые умеют пошутить.

На столе у каждого американского космонавта стоит табличка с написанным по-русски призывом: «Думай!» Вэнс Бранд (с легкой руки Леонова его теперь все в космическом центре звали Ванечкой) пощелкивает по табличке пальцем и довольно бегло говорит по-русски:

— Надо думать. Одна голова — хорошо. Два голова — американский и советский — вэри (очень) хорошо.

Одетый в желтый космический костюм, он листает инструкцию, в которой не менее тысячи страниц. Смотрит на ручные часы и снова говорит по-русски:

— Пора на работу. Пойдем к Алексею и Валерию.

Мы идем с ним по коридору, заглядываем в открытые двери. В одной из комнат внимание привлекает грифельная доска на стене. На доске мелом изображен смешной человечек, погружающийся в волны. Голова и ноги в воде, а ягодицы над водой. Рядом слова: «Нырять... Погружаться...». Оказывается, это Леонов графически пояснял американским друзьям разницу между двумя русскими словами.

А вот и комната Алексея Леонова и Валерия Кубасова. Они тоже уже переоделись в космические костюмы. Только у них они светло-зеленого цвета. На столе груды конвертов. Это письма американцев. Их по утрам приносят сюда чуть ли не мешками. Такая же школьная доска, как и в комнате рядом. На ней мелом написано расписание тренировок на сегодня.

— Тренируемся по 8—10 часов в сутки,— объясняет Кубасов.

Спустя минуту из окна видно: по асфальтовой дорожке к зданию, где размещены макеты моделей кораблей «Союз» и «Аполлон», идут пятеро космонавтов — трое в желтых костюмах, двое в светло-зеленых. О чем-то оживленно говорят, жестикулируют. Потом начинают хохотать.

Хохочут так заразительно, что мы у окна тоже не можем сдержать улыбки.

— Это Леонов опять что-то «отколол»,— убежденно говорит генерал Шаталов.

Спустя четыре месяца американские корреспонденты сообщили из Москвы, что жена Леонова, провожая его в полет, будто бы сказала: «Ты хоть перед телевизионными камерами постарайся быть серьезным». В США это вызвало бурю восторга.

После того, как корабли стыковались, командир «Аполлона» Томас Стаффорд открыл люк и, сдерживая улыбку, спросил человека, который протягивал ему руку из советского корабля «Союз»:

— Полковник Леонов, если не ошибаюсь?

— Заходи, заходи,— ответил Леонов.— Через порог не здороваются.

А ведь были в США люди, которые утверждали, что все это окончится неудачей. Директор Хьюстонского космического центра Христофор Крафт рассказывал мне уже после полета, что были сомневающиеся и среди американских специалистов. Многое вызывало сомнения, многое было «разным»: разные конструкции космических кораблей, разный состав их атмосферы, разные языки для взаимодействия и связи с Землей. Как все это совместить в полете? Действительно, было над чем подумать, было над чем поработать.

«Но чего только не сделают люди, если захотят!» — воскликнул журналист из бостонской газеты «Крисчен сайенс монитор», изумляясь совместному советско-американскому триумфу в день стыковки «Союза» и «Аполлона».

«Это было великолепным и запоминающимся достижением, свидетельствующим о технических возможностях обеих стран,— писала газета «Нью-Йорк таймс».— Совместная миссия подчеркнула, что две большие страны могут направить свою мощь по пути сотрудничества, а не по пути конфронтации. Встреча и стыковка советского и американского космических кораблей стали историческими еще до того, как состоялись. Они явились символом разрядки напряженности».

А вот мнение газеты «Вашингтон пост»: «Несколько последних дней принесли замечательный расцвет добрых чувств между гражданами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Телевизионное изображение советских и американских космонавтов, совместно работающих в атмосфере дружбы и доверия на высоте 140 миль над Землей, неизбежно породило вопрос: почему такое сотрудничество не может стать более частым на твердой Земле?»

Подсчитано, что около миллиарда жителей Земли видели и слышали пресс-конференцию из космоса, которая началась заявлением командира «Аполлона» Т. Стаффорда:

— Вчера, когда я в первый раз открыл люк и сказал «хеллоу» Алексею и Валерию, я подумал, что, открывая люки в космосе, мы открываем новую эру в истории человечества... Я уверен, что у этой эры хорошее будущее.

Алексей Леонов добавил:

— Полет стал возможным в климате разрядки международной напряженности и развивающегося сотрудничества между нашими странами.

После этой пресс-конференции я разговаривал на территории космического центра в Хьюстоне с несколькими американцами. Один из моих собеседников, шофер Аллан Керк, сказал:

— Они из космоса еще раз напомнили нам о том, что планета наша достаточно велика, чтобы жить на ней в мире, и слишком мала, чтобы подвергать ее опасности ядерной войны.

ДВЕ ВСТРЕЧИ В ПРИНСТОНЕ

Старинные кирпичные здания знаменитого университета, в котором когда-то работал великий Альберт Эйнштейн. Узкие улочки с белыми домиками, до сих пор хранящие колорит XVIII века. Это — Принстон. Маленький, тихий американский городок среди холмов штата Нью-Джерси.

На одной из извилистых улочек, где не разойтись двум машинам, старый трехэтажный особняк со скрипучими деревянными ступенями. Здесь — одна из главных достопримечательностей Принстона: Американский институт

общественного мнения, которым вот уже свыше сорока лет руководит доктор психологии Джордж Гэллап. Он этот институт и основал. По его словам, произошло это случайно. Будто бы теща, выдвинувшая свою кандидатуру в местные органы самоуправления, попросила Гэллапа, тогда молодого учителя психологии, выяснить настроения избирателей. Первый опыт опроса населения показался интересным. За ним последовал еще один. Так родилось бюро, из которого вырос институт.

Сейчас вряд ли найдется в Америке человек, который бы не знал, кто такой Джордж Гэллап. Здесь говорят: хочешь знать, чем дышит страна,— поезжай к Гэллапу. Результаты опросов, регулярно проводимых сотрудниками его института среди населения, внимательно изучаются американскими политиками и бизнесменами, общественными и государственными деятелями, кандидатами на высшие государственные посты. Два раза в неделю (по средам и воскресеньям) результаты опросов института Гэллапа публикуются в 125 газетах страны. Спросите американца, кто такой доктор Гэллап, и вы услышите в ответ: «Рука на пульсе нации», «Ухо, приложенное к земле», «Человек, который знает настроения народа». В Принстоне я услышал еще и такую характеристику: «Глядя на сегодняшний закат, он может предсказать, каким будет завтра рассвет».

Самого Гэллапа все эти определения явно смущают.

— Чепуха,— говорит он насчет заката и рассвета.— Наш институт как раз не занимается прогнозами и предсказаниями. Наше дело — взять точную социологическую пробу сегодняшнего дня.

Как это делается?

Доктор Гэллап рассказывает, что в самом Принстоне работает около 70 человек. Это — социологи, статистики, операторы вычислительной техники. Еще около 1000 сотрудников института разбросаны по всей стране. Это «опросчики». Они выполняют задания, которые получают из Принстона. Платят им сдельно.

Во время очередного опроса интервьюируются ровно 1500 человек. К этой работе привлекаются 300 «опросчиков». По почте из Принстона они получают темы опроса и сами вопросы, изложенные на специальных листах плотной бумаги, которые уже закодированы и запуншированы для электронно-счетных машин.

Составление, формулировка вопросов — дело социологов, работающих в Принстоне. Дело статистиков — выбрать для каждого очередного опроса 300 «выборочных мест» в стране, причем так, чтобы «плотность» опроса соответствовала данным последней переписи населения. Если, к примеру, установлено, что на Атлантическом побережье США проживает 30 процентов всего населения, то в этом районе будет 30 процентов «выборочных мест» из 300.

Вечером, когда обычно все семьи в сборе, «опросчики» начинают свою работу. Каждому из них предстоит опросить пять человек. В одной квартире это может быть глава семьи, в другой — жена, в третьей — взрослый сын и т. д. Каждое интервью занимает 30—40 минут. «Опросчик» задает вопрос и просто ставит галочку в том квадратике опросного листка, который соответствует ответу опрашиваемого.

Каждому опрашиваемому задается ровно 100 вопросов. Сперва (20 вопросов) это основные данные о самом опрашиваемом: пол, возраст, профессия, образование, партийная принадлежность, доходы и т. д. Следующие 30 вопросов посвящены политической теме опроса: что думает опрашиваемый о том или ином событии внутри страны, о политике США за рубежом и т. п. И еще 50 вопросов посвящаются «коммерческой» теме: мнение о новом продукте, о новой модели автомобиля, о новом сорте мыла и т. д.

Итак, каждый «опросчик», опросив 5 человек в городе, который был ему указан из Принстона, и на улице, которая была ему также указана из Принстона, посылает в Принстон результаты опроса. Наутро на столах у сотрудников института Гэллапа 1500 мнений американцев по тому или иному вопросу со всех концов страны.

— Можно ли по мнению 1500 человек судить о настроении всего народа? — спрашиваю я доктора Гэллапа.

— Можно,— отвечает мой собеседник.—Наш метод зиждется на теории вероятности Эйнштейна. Мы называем этот метод «методом чистой вероятности», поскольку он основан на точных данных переписи населения.

Доктору Гэллапу уже давно за семьдесят, но стройности и подтянутости его может позавидовать юноша. У него крупные черты лица, внимательные серые глаза, добрая улыбка. В руководстве институтом ему помогает сын,

который сперва хотел стать священником, но потом увлекся социологией и пошел по стопам отца.

Гэллап-старший действительно может увлечь кого угодно. Рассказывать о своем институте, о социологической науке, об опросах «простого человека с улицы» он может часами. Но в нашей беседе мы ограничили тему: что думают простые люди о советско-американских отношениях?

— Наш институт был создан вскоре после того, как Америка, с опозданием на много лет, признала наконец существование Советской России,— рассказывал Гэллап.— Один из первых опросов, который провел наш институт, показал, что большинство американцев приветствует установление дипломатических отношений между СССР и США. А затем началась вторая мировая война. Когда пришло известие, что Гитлер напал на Советский Союз, многие в Америке подумали, что Москва падет, как пали многие столицы европейских государств. Первые успехи гитлеровской армии ошеломили, внушили растерянность, пессимизм и страх. Это было видно из наших тогдашних опросов населения.

Но вскоре что-то новое зазвучало в сообщениях американских корреспондентов из России,— продолжал мой собеседник.— «Русские отчаянно сопротивляются»; «Русские куют победу»; «Русские громят фашистов у стен Москвы». Вскоре после победы Красной Армии под Москвой мы провели опрос, который показал: американцы отдают отчет в том, что судьба человечества решается на бескрайних просторах России.

Гэллап помнит многолюдные митинги солидарности с советским народом, которые состоялись в годы войны в крупнейших городах США.

— Даже в нашем маленьком Принстоне,— рассказывает он,— мы устроили что-то вроде пикника, на котором собирали денежные пожертвования в фонд помощи Красной Армии. Всех, кто вносил деньги, мы угощали кусочком сырой рыбы а-ля рюсс. Почему-то мы тогда думали, что русские предпочитают рыбу в сыром виде.

Я уверен, что наш боевой союз в дни второй мировой войны является примером и доказательством того, что американский и советский народы могут и должны сотрудничать в строительстве прочного мира,— убежденно говорит доктор Гэллап.— С какой бы стороны мы ни подхо-

дили в наших опросах к теме разрядки международной напряженности, сегодня примерно 7—8 из каждых 10 опрошенных высказываются за нормализацию отношений между СССР и США, за договоренность с Советским Союзом по главным проблемам, от которых зависят мир и безопасность на всей земле. Процесс этот, конечно, нелегкий. У разрядки есть немало противников в Соединенных Штатах. Это люди подчас весьма влиятельные. Огромные усилия нужны, чтобы растопить лед взаимного недоверия, нагромоздившийся за четверть века, когда стояли трескучие морозы «холодной войны».

Некоторые американские политики напоминают мне пенсильванских сурков, которые боятся собственной тени в солнечный день,— смеется Гэллап.— Дело в том, что в Америке существует давняя народная примета: если второго февраля пенсильванский сурок высунется из норы, испугается своей тени и юркнет обратно — быть стуже и ветрам еще шесть недель. Но ведь весна все равно наступит, как бы ни вели себя сурки. То, что уже достигнуто в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами, одобряют большинство американцев. Это подтверждают наши опросы. Люди за то, чтобы продолжались деловые контакты между советскими и американскими врачами, учеными, экологами, инженерами. Совместное наступление на раковые заболевания, на болезни сердца — кто может выступить против этой благородной цели? Общая борьба за сохранение природы, за чистоту воздуха, которым мы все дышим, за чистоту воды, которую мы пьем,— кто может возражать против такого сотрудничества?

Прощаясь, провожая меня к двери, он говорит:

— Можете написать, что в вопросе советско-американских отношений я оптимист. Уверен, что политика разрядки напряженности победит, какие бы трудности и препятствия ни нагромождались на ее пути.

— Значит, все-таки вы беретесь предсказывать завтрашние рассветы, доктор Гэллап?

— Чепуха! — машет он рукой.— Дело не во мне. Так думает большинство народа.

Мистер Квикл ждал меня в дверях книжного магазина. Здесь он служит управляющим. Магазин принадлежит Принстонскому университету. Это понятно с первого взгля-

да: среди покупателей нет ни одного старше двадцати пяти лет.

— Наш друг из России,— представляет он меня продавцам и покупателям. В голосе его слышится искренняя радость и гордость оттого, что он имеет право так говорить.

Да, Лоар Квикл действительно имеет на это право: он подружился с советскими людьми на Эльбе в апреле 1945 года. Тогда ему было двадцать пять лет, и на рукаве гимнастерки он носил сержантские нашивки. Он сопровождал своего командира дивизии генерала Э. Рейнхардта в штаб генерала В. Русакова. Было это через день после того, как в Торгау обнимали друг друга советский и американский разведчики — лейтенант 58-й гвардейской стрелковой дивизии Александр Сильвашко и второй лейтенант 69-й американской пехотной дивизии Уильям Робертсон.

Я прошу рассказать его о встрече советских и американских генералов.

— Помню, что Эльбу мы переплыли на лодке,— рассказывает он.— Вслед за нами солдаты плыли кто на чем: на лодках, на плоту, на бревнах, автомобильных шинах. Всем не терпелось повидать русских. Прибыли в штаб. Сперва все было по протоколу. А потом генерал Русаков пригласил всех к столу.

Он остался верен боевой дружбе и той клятве, которую дали советские и американские солдаты, встретившиеся на Эльбе: не жалеть сил для укрепления мира.

— Это был один из самых светлых дней в моей жизни,— вспоминает сейчас Квикл.— Наша дружба была скреплена кровью. И радость близкой победы была нашей общей радостью.

С гордостью показывает он пожелтевшие фотографии тех дней. Вот он обнимается с советскими солдатами на берегу немецкой реки. Вот он и американский капитан беседуют с нашими девушками в расположении 58-й гвардейской дивизии. У одной из девушек на гимнастерке медаль, на рукаве круг с буквой «Р», в руках флажок военной регулировщицы. Вот он у советского танка с цифрой «900» на башне.

Он достает из портфеля все новые и новые фотографии. Это уже мирные дни. Осень 1964 года. В его доме гостит делегация советских ветеранов войны. На одной из

фотографий я узнаю Героев Советского Союза правдиста Сергея Борзенко и писательницу Ирину Левченко. Вернувшись из поездки в США, С. Борзенко опубликовал в «Огоньке» очерк о встрече ветеранов двух стран. Квикл попросил фотографа увеличить первую страницу очерка, и теперь эта фотография размером в полстены украшает зал, в котором проходят ежегодные встречи бывших солдат и офицеров 69-й американской пехотной дивизии, соединившейся с советскими войсками на Эльбе.

И еще одна фотография на стене зала: 1965 год. Бывший второй лейтенант 69-й дивизии Уильям Робертсон и бывший сержант Лоар Квикл возлагают венок к постаменту памятника советским воинам в городе Торгау.

— Мы помним советских ветеранов войны,— говорит Квикл.— Мы вместе выиграли тогда войну. Теперь нам вместе нужно выиграть мир.

— Я весь день общаюсь со студентами,— продолжает он,— и, мне кажется, знаю, как относится учащаяся молодежь к политике разрядки международной напряженности. Большинство — за продолжение и развитие этой политики. Однако нельзя не учитывать и того, что выступления противников разрядки влияют и на какую-то часть молодежи. Борьба идет сложная и упорная. Как в каждой битве, временные неудачи могут быть и у тех, кто отстаивает разрядку. Но победа будет за теми, кто проявит трезвость и разум, кто прислушается к воле народа.

Битва, о которой говорил Лоар Квикл, продолжается. И цель противников разрядки ясна: зародить у американцев подозрения относительно намерений Советского Союза, подорвать процесс нормализации отношений между нашими странами. Сторонники такого курса прибегают к демагогии, утверждая, будто «американский народ не доверяет политике разрядки».

Народ?.. Нет, мысли большинства американского народа совсем иные.

Опросы показывают, что 75 процентов американцев выступают за продолжение советско-американских переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений и за достижение новых соглашений в этой области.

ПИСЬМА, НАЙДЕННЫЕ В ПОДВАЛЕ

Торжественная закладка фундамента состоялась в первый день нового года. Впрочем, это была чистейшая символика, формальность, поскольку строители, огородившие котлован деревянным забором с прорезанными в нем окошечками для любопытных, уже возвели не только фундамент, но и стены подвальных помещений. Строительная площадка занимала чуть ли не целый квартал в самом сердце Нью-Йорка на Пятой авеню у 51-й улицы. Именно здесь, по соседству с Рокфеллер-центром и собором Святого Патрика, предстояло воздвигнуть 19 этажей штаб-квартиры издательства «Кроуэлл-Колльер».

Уже сам выбор места для нового здания должен был подчеркнуть вес и место издательства в американском обществе. И в самом деле, это была весьма преуспевающая корпорация. Ее журналы «Американ уикли», «Вуменс хоум компэнион» и «Колльерс» выходили миллионными тиражами. «Колльерс» соперничал с «Лайфом». Его редакторы то и дело заглядывали в будущее не только Америки, но и всего мира. И, разумеется, в туманной дымке грядущего им виделась процветающая Америка, могучая, строгая, как капрал военной полиции, лениво жующий резинку на нью-йоркской площади Таймс-сквер. Что же касается других стран, то «Колльерс» великодушно предлагал им выбор: либо мрак и запустение, либо на колени перед США! Люди старшего поколения помнят, как 27 октября 1951 года «Колльерс» вышел с обложкой, на которой был изображен американский военный полицейский с винтовкой наперевес на фоне географической карты СССР. «Оккупировано» — было размашисто начертано поперек карты. «Поражение России и ее оккупация. 1952—1960 гг.» — гласил заголовок. Вот какими категориями мыслили издатели «Колльерса».

Однако мы чуть-чуть забежали вперед... Вернемся к торжеству по поводу закладки фундамента нового издательского здания в центре Нью-Йорка. Первый день нового года выдался солнечным и ясным. Гремели оркестры, звучали речи, щелкали на ветру звездно-полосатые флаги. Сама «Мисс Америка» — самая красивая девушка года под грохот оваций разбила бутылку шампанского о бетонную балку, и сам мэр Нью-Йорка, слегка запачкав це-

ментом полу пальто, положил один из кирпичей будущего здания. И, наконец, на носилках, обитых бархатом, из какого-то автомобиля принесли цинковый ящик и под гул одобрительных возгласов замуровали его в стену подвального помещения.

В цинковом ящике лежали письма самых именитых, самых преуспевающих граждан США. Это были письма-пожелания новым поколениям американцев. Письма-предсказания. Они были написаны по просьбе журнала «Кольерс». Здесь были письма нефтяника-миллиардера Поля Гетти и комического актера Джека Бенни, директора ФБР Эдгара Гувера, президентов корпораций и писателей, политических деятелей и ученых.

...С того дня минуло больше четверти века. Срок немалый, и большинства авторов писем уже нет в живых, как нет больше и издательства «Кроуэлл-Колльер»,— его поглотило издательство «Макмиллан». Дом на Пятой авеню давно уже принадлежит другим хозяевам, и вряд ли кто из них помнит торжественную церемонию на строительной площадке, в тот далекий новогодний день. Что поделаешь! Другие времена, другие люди, другие заботы.

Цинковый ящик случайно нашли во время ремонта. Распечатали конверты. Прочитали пожелания и предсказания. Над одними посмеялись, над другими поиронизировали, над третьими грустно покачали головами. Решили не публиковать их. Курьезы, дескать. Наивные мечты. Несбывшиеся надежды. Утраченные иллюзии.

Конечно, есть и курьезы. Конечно, были и наивные мечты. Но они отразили тогдашнее время и тогдашнюю «американскую мечту», о которой, кстати, так возвышенно писал и которую так настойчиво навязывал всему миру журнал «Колльерс».

Что же предсказывали Америке ее именитые граждане на исходе сороковых годов нашего века? Обратимся к письмам.

Томас Бекк, председатель правления издательства «Кроуэлл-Колльер»: «Я надеюсь и жду, что мы освободимся от коммунизма во всем мире к марту 1954 года. Эта цель будет достигнута вооруженными силами США и их союзников».

Айвар Хеннингс, председатель правления компании «Саут бэнд бейт», выпускающей рыболовные принадлеж-

ности: «Улучшение качества оснастки приведет к развитию любительского рыболовства, а оно, в свою очередь, прочистит мозги, укрепит тело и не оставит времени для искушения коммунизмом».

Писательница Перл Бак: «Я искренне надеюсь, что народ моей страны доживет до дня, когда войны и милитаризм станут анахронизмом, а экономическое и культурное сотрудничество станет практическим путем, ведущим к всеобщему миру и благоденствию всех людей на земле».

Дж. Кармайкл, президент авиакомпании «Кэпитэл»: «Наши самолеты будут брать на борт от 30 до 40 пассажиров и летать со скоростью 300 миль в час».

Дороти Шейвер, владелица фешенебельного магазина «Лорд энд Тэйлор»: «Длинные юбки, как бы элегантно они ни выглядели, будут упразднены. В них неудобно садиться в автомобиль — обязательно наступишь на подол».

В других письмах излагались пожелания и надежды найти средство против рака, разогнать профсоюзы, покончить с гангстеризмом, наладить цветное телевидение, достигнуть новых рекордных доходов, победить в конкурентной борьбе. «Автомобили «Кайзер-Фрейзер» переживут автомобили Форда, Крайслера и «Дженерал моторс»,— храбрился президент автомобильной компании Джозеф Фрейзер. Увы, не сбылось. Спустя шесть лет его компания с треском обанкротилась.

У молодых американцев, которым, собственно, и были адресованы эти письма, они могут вызвать либо грустную, либо горькую усмешку. Наверное, с таким чувством читают выросшие дети найденные в подвале старые письма не преуспевших в делах родителей. Нынешние американцы обнаружат в этих письмах упоминания всех социальных и экономических болезней, которыми крупнейшая капиталистическая страна была тяжело больна и более четверти века тому назад и которые она передала в наследство следующему поколению. Безработица. Преступность. Коррупция. Загрязнение среды. Падение нравов. Все это уже было, было, было... Ну, что из того, что наладили цветное телевидение и построили гигантские самолеты? Стало ли качество жизни лучше — вот в чем вопрос.

«Предки наши ели кислый виноград, а на зубах наших оскомина» — эту библейскую фразу любят повторять сегодня в США. Письма, найденные в подвале, были заму-

рованы в нем в новогодний день 1949 года — четвертого года «послевоенной американской эры», по определению того же «Колльерса». Казалось, ничто не могло омрачить будущего Америки. И люди, собравшиеся в тот день на углу Пятой авеню и 51-й улицы, были преисполнены надежд и веры в американскую исключительность. Ну, а самом деле, кому тогда могли прийти в голову такие слова и понятия, как «Вьетнам», «жаркое лето негритянских мятежей», «проигранная война с бедностью», «кризис доверия», «Уотергейт»? Все это было еще впереди, как и многие другие потрясения и несчастья Америки, уготованные ей жизнью, которая надсмеялась над всеми прогнозами «Колльерса». Да и где сам «Колльерс»? Умер и предан забвению, как всем надоевший шарлатан и наглец. Помню, как в январе 1957 года, начав работу корреспондентом «Правды» в США, я держал в руках самый последний номер обанкротившегося «Колльерса». «Принцесса Монако ожидает ребенка. Это будет мальчик»,— писал журнал. Это было, кажется, единственное предсказание «Колльерса», которое сбылось, да и то частично: родилась девочка Каролина.

Как относились к подобного рода изданиям мыслящие американцы, видно из письма писателя Эрнеста Хемингуэя, найденного в том же цинковом ящике: «Надеюсь, что не будет войн, что все мои дети будут о'кей, а Уильям Ченери (главный редактор «Колльерса».— **Б. С.**) обанкротится и повесится».

Уже в те дни в Америке кипели страсти вокруг вопросов войны и мира, вокруг идей коммунизма и пороков капитализма. Но тогда воинственный мистер Бекк еще мог искренне верить, что американская армия сможет покончить с коммунизмом во всем мире к марту 1954 года, а хитроумный мистер Феннингс столь же искренне мог уповать на то, что рыбная ловля отвлечет американцев от размышлений о язвах капитализма. Читая их письма, невольно думаешь: как же сильно изменился мир с 1 января 1949 года!

Правда, примитивно мыслящих антикоммунистов и сейчас в Америке предостаточно. Некоторых я знал лично.

В моем журналистском блокноте хранится запись беседы с чикагским промышленником Клаусом, который признался мне, что чуть не сошел с ума, когда обнару-

жил, что модернистские скульптуры, заказанные для украшения его особняка и сада, были выкрашены в красные и розовые цвета.

Но сегодня перед мысленным взором выстраиваются не эти «пещерные люди», а другие мои знакомые. Молодые и пожилые, мужчины и женщины. Докер из Сан-Франциско и ковбой из Техаса, журналист из Орегона и фермер из Миннесоты, столяр из Нью-Йорка и врач из Вашингтона. Их много, очень много. Это про них я прочитал у одного наблюдательного современного писателя: «Умная, думающая Америка все интенсивнее записывает своих детей в первые классы великой школы взаимопонимания».

Это нелегкая учеба. Это переучивание, отрешение от всего, что десятилетиями вдалбливали в людские головы «Колльерс» и его хозяева. «Трудно начать думать по-новому,— пишет американский публицист Сидней Лэнс,— трудно преодолеть комплексы страха перед коммунизмом, которые держались почти шесть десятилетий, трудно подавить во имя служения человечеству свою националистическую гордость, укоренявшуюся в течение двух веков, трудно расстаться с оглупляющим нас клише вроде «лучше быть мертвым, чем красным»... Однако ядерный век не дает нам другой альтернативы».

Обучение мыслить по-новому, учитывая реальности современного мира, нужно и некоторым политическим деятелям США, особенно тем, кто ныне уповает на нейтронную бомбу, как когда-то мистер Бекк уповал на атомную. Письма, найденные в подвале, могут в некотором смысле служить одним из учебных пособий для этих людей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ БУДЕТ ОПАСНЫМ

Борис Георгиевич Стрельников

ТЫСЯЧА МИЛЬ В ПОИСКАХ ДУШИ

Редактор
Н. Н. Ермолаева

Оформление художника
Г. А. Раковского

Художественный редактор
Ю. В. Львов

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 31 01 79.
А07872 Подписано к печати 15 06.79.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 1.
Гарнитура «Правда» Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,10. Уч.-изд. л. 22,07.
Тираж 100 000 (1—40 000) экз Цена 1р. 60к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865 Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Курская правда»
г Курск, ул. Энгельса, 109 Заказ № 1233.

1 р. 60 к.